ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ

АТЛАНТИДА УНЕСЁННАЯ ВРЕМЕНЕМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«И вот Зевс… помыслив о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, решил наложить на него кару…» – так заканчивается повествование Платона об Атлантиде – цивилизации, тайна которой притягательна своей ускользающей неразгаданностью… Когда и где она процветала? Как погибла? Возможно, ее существование – лишь плод воображения античного философа? Как толковать свидетельства древних? Задавшись этими вопросами, автор вместе с единомышленниками отправился в морскую экспедицию. Путешествие, начавшееся в крымском Судаке и завершившееся вблизи берегов Санторина и Крита, увенчалось рядом удивительных открытий, о которых и рассказывается в этой книге.

- Анатолий Максимов
  -
  - От автора
  - Цена риска – жизнь
    - Опасный свидетель
    - Дела неветеранские…
    - Побег в неизвестность
    - В открытом море
  - «Случайная семерка»
    - У камня русской славе
    - София, Шипка, Габрово…
    - Встреча с другом детства
    - Сердца пятерых
  - Первые шаги к цели
    - «Бумажный поиск» Атлантиды
    - Курс – на Босфор
    - Троя и… Русь?
    - Едва ли это Атлантида…
  - «Русское» Средиземноморье
    - Двести лет памяти
    - Под флагом России
    - По следам «птенцов гнезда Петрова»
    - Потомки атлантов – русские этруски
    - Прыжок в Альпы
    - Равенна – часть Венеции
  - До, во время и после Атлантиды
    - Нет непознаваемого – есть непознанное…
    - Знания «ниоткуда»?

- «Неблагодарная память потомков»
- Два реальных претендента
  - Хроника «известных» катастроф
  - Парадокс двух Атлантид
  - Санторинская «Помпея»
  - «Бунт» по поводу трех «альтернатив»
  - Когда непохожее – похоже…
- Время расстановки акцентов
  - Триада «доказательств»…
  - Последние заседания клуба
  - На перепутье личных дорог…
  - В жизни раз бывает?.
- Послесловие

Анатолий Максимов
Атлантида, унесенная временем

© Максимов А.Б., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Описанные события случились в тревожные для нашего Отечества девяностые годы. Тогда в судьбу семерых людей вмешался господин Великий Случай.

Случай помог троим из них избежать смертельной опасности и сподвигнул их на удивительные личные открытия в области, где все уже давно, казалось бы, открыто на «вспаханном поле» феномена, возникшего то ли 12 000 лет назад, то ли только 3 500. И вот по следам этого феномена – полулегенды-полуправды – прошли люди разного возраста и разного профессионального опыта, но объединенные одной навязчивой идеей.

Автор описал попытку выдвинуть и обосновать еще одну гипотезу в адрес … Но лучше вы, дорогой читатель, разберетесь в этом сами, прочитав об этих необычных событиях в жизни «Случайной семерки».

Одно хотелось бы сказать: этому повествованию предшествовало многолетнее увлечение автора другим феноменом (1908 года) с собственной нетрадиционной гипотезой его происхождения. Речь идет о Тунгусской катастрофе в авторском научно-популярном издании «Никола Тесла и загадка Тунгусского метеорита». Опасаясь быть нескромным, все же скажу: книга о «Тунгусе» выдержала четыре тиража общим объемом в 20 000 экземпляров.

И вот теперь предлагается рассмотреть нетрадиционный взгляд на платоновскую Атлантиду и возможное описание древнегреческим философом ее аналога в центре Средиземноморья…

И поможет в этом читателю коллективное расследование в результате 70-дневного посещения «атлантидных мест» экипажем шлюпа «Аквариус» на маршруте в 10 000 километров – под парусом, немного в микроавтобусе и совсем чуть-чуть на самолете.

Цена риска – жизнь

Опасный свидетель

Голос ревущего моря доносился во все уголки дома. Дребезжали стекла окон, порывы ветра проникали под кровлю и шуршали там засохшими листьями. Струи дождя хлестали по окнам деревянной террасы, на которой мы трое лежали, и даже полудремота не могла заглушить наши тревожные мысли.

– Решайтесь, ребята! – шепотом промолвил я, старший из нас по возрасту. – Или сегодня, или…

Двое других, молодой человек и девушка, поняли меня с полуслова. Второе «или» означало для всех нас вопрос жизни и смерти. Ведь уже дважды ослушались они приказа Рыжебородого. Дважды оставили в живых меня – единственного свидетеля расправы главы доморощенной мафии в крымском Судаке над удачливым коммерсантом-перекупщиком…

…Несколько лет назад, в феврале, я побывал в Судаке и договорился с местной мэрией о моем переезде в этот древний город на постоянное жительство. А это означало, что я должен был уйти на пенсию. В Москве я подал рапорт на увольнение со службы, назначив дату – 23 августа.

Но это был не простой август, а август 1991 года! В тот день, когда ГКЧП объявило о чрезвычайном положении в Союзе, мой рапорт был подписан.

Стремительный развал Советского Союза превратил Крым в вотчину Украины, а сама эта бывшая республика стала для меня ближним зарубежьем. Украинские националисты начали травлю всего русского, намереваясь на этой волне объединить свой народ на основе «самостийности» – якобы истинной самостоятельности и независимости. Их просчет в конфронтации с Россией дорого обошелся украинцам – страна обнищала.

Теперь возможности поселиться в Судаке у меня уже не оказалось, ибо мэрию возглавили ярые националисты. Русскому человеку стало трудно найти место в этом городе, а тем более работу.

Судьба свела меня в Крыму с моим старым товарищем по военной контрразведке, с которым мы, морской набор, вместе учились в тбилисской спецшколе. Он рано ушел в отставку и поселился в Судаке, а до того работал военпредом на судостроительном заводе в Феодосии. Его мечтой было поселиться в Крыму, построить яхту и избороздить Черное море. Удалось ему исполнить только два желания: жить на крымской земле и иметь яхту. Завод пошел ему навстречу, выделив материалы, а строителей он нанимал сам. Потеряв в двадцать

восемь лет жену, мой друг жил одиноко.

Третье желание исполнить не удалось: по приезде в Судак у друга обострилась застарелая болезнь сердца, и через полгода он скоропостижно скончался. Это случилось в очередном феврале, когда я наездами бывал в Судаке.

До последней минуты я был с другом. Его родные жили на другом краю страны – во Владивостоке, и старым людям трудно было выехать в столь далекий Крым. Дом в Судаке друг снимал, и в нем я останавливался, а яхта, в ожидании дальних путешествий, стояла у причала клуба подводного плавания «Дельфин» под охраной местного сторожа.

Друг понимал, что яхта останется бесхозной, и, зная мою страсть к морю, настоял на том, чтобы она оказалась в моих руках.

– Друг Максим, я подписал у нотариуса все необходимые бумаги – владей яхтой «Кафа» и исполни мою мечту… Борозди море… А «Кафой» я назвал ее в честь нашего любимого с тобой древнего города Феодосия, известного тысячи лет назад под именем Кафа…

Слышать это было больно, и мои попытки вселить в него надежду на возвращение к жизни заставляли друга только тихо улыбаться. Обычно в момент таких разговоров он погружался мыслями в свой мир. Мир человека, приблизившегося к последней черте.

Я обещал выполнить волю умирающего и внутренне поклялся самому себе, что поставлю другу достойный памятник. И выполняя это обещание, я познакомился с личностью, которая скрывала свою натуру – мафиозное лицо.

Рыжебородый охотно помогал мне найти в горах и перевезти на местное кладбище камень-валун редкой серо-голубой окраски. Он же нашел резчика, который выбил на камне надпись. Так уж случилось, что Рыжебородый много времени был рядом со мной, участливый и полезный. Что-то меня в нем беспокоило: какая-то нерусская сдержанность, более похожая на затаенную угодливость ради возможной выгоды. Но какой?

* * *

Чтобы понять, почему я, капитан первого ранга в отставке и сотрудник разведки госбезопасности, решился покинуть Москву и оказаться именно в Судаке, нужно заглянуть в мое детское прошлое, начав с лета сорок пятого года.

В то лето моя семья – мама и папа, младший брат и я –

пересекли страну от Полярного Урала до Черного моря. Мы приехали в Феодосию в дом моего дедушки, с сорокового года проживавшего в этом городе. Здесь я увидел впервые море, проникся к нему всей душой. Познакомился с картинами великого певца моря Ивана Айвазовского и чуть не стал учиться на художника, вовремя поняв, что это не мое призвание. Но тяга к рисунку и особенно к акварели осталась на всю жизнь.

Город был закрытым для свободного посещения, ибо был военно-морской базой флота. На пляже я познакомился с местным пацаном моего возраста, отец которого командовал военным тральщиком. Это его постукивание двигателя слышали жители во всех уголках города, когда он разминировал от фашистских мин феодосийскую бухту. Ведь немцы покинули Феодосию лишь год назад, в апреле сорок четвертого.

Пацан с интересом слушал мои рассказы о Крайнем Севере, его тайге и снежных зимах. Вот о чем я не рассказывал ему, так это о заключенных, которые в великом множестве находились в лагерной зоне нашего городка Ухта. Как-то я рассказал ему о моей поездке с отцом в партию по гелогоразведке нефти и газа. Тогда мой новый товарищ заметил, что на днях отец берет его с собой на тральщик, идущий в базу под Севастополем.

– Слушай, Максим, – возбужденно сказал он, – я упрошу отца взять и тебя… Может, удастся уговорить?

Как ни странно, удалось. И вот мы с ним стоим на подрагивающей от работы двигателей палубе боевого корабля, резво огибающего высокий мыс Святого Ильи. Курс наш был вдоль берега от мыса к мысу на запад.

Где-то часа через полтора тральщик вышел на траверз мыса Меганом в виде конуса потухшего вулкана, что в пяти километрах от Судака. Когда мы проходили мимо древнего города, я увидел на высокой скале средневековый замок. Это была знаменитая генуэзская крепость, одна из самых больших в Европе, о чем, конечно, я узнал позднее.

И вид этой крепости так запал мне в душу, что много лет, даже десятилетий, я мечтал побывать у ее стен. Однако жизнь сложилась так, что это случилось лишь в семидесятых годах.

Когда срок моей службы приближался к сорока годам, я все чаще подумывал о переселении в Крым. Семья, жена и взрослая дочь с внучкой меня в этом поддерживали. Сделал даже попытку перевестись в Севастополь, написав рапорт на имя начальника разведки.

Начальник возможность работы для меня, к тому времени опытного сотрудника, с позиции океанографического института в славном городе моряков поддержал. Но воспротивился местный,

крымский начальник госбезопасности. Он заявил, что ему «для такой работы капитан первого ранга ни к чему» – он предпочитает лейтенантов.

И вот – Судак. Мне здесь все нравилось: море, горы, плавная изогнутая береговая линия, рядом Новый Свет с его тремя бухтами, крохотный городок… и генуэзская крепость на высокой скале надо всем этим благолепием. Как и в Феодосии, и везде, где есть море, все просилось на бумагу: от рисунка к кисти…

Дела неветеранские…

В восьмидесятые годы в армию и во флот шли девушки. Чаще всего во вспомогательные службы.

Ольга с детства мечтала о море, флоте, морской форме… Слишком многое в ней было от парня, ибо она была настоящая крымская пацанка. Я таких девчушек знал еще с одиннадцати лет, когда приезжал на целое лето к деду в Феодосию. И девчонки с нашей улицы, и любая пацанка с любого конца нашего древнего города не уступала в сноровке ребятам.

Мечта Ольги сбылась – ее взяли во флот, а ее старший брат, офицер флота, помог ей оказаться в дельфинарии, расположенном в закрытой зоне Казацкой бухты Севастополя. Правда, она была лишь вольнонаемной с правом ношения морской формы.

Ольга была младшей в семье военного моряка с фронтовой биографией. От отца и брата Виктора ей досталась тяга к морской службе. Брата она обожала, уважала и по-детски любила, а со временем привязалась к нему всей душой.

И хотя бывал ее брат, капитан третьего ранга и командир подводной лодки, временами весьма строг к ней, Ольга на него долго не обижалась. Всегда признавала, правда, задним числом, его правоту. И сколько раз она была ему благодарна за то, что, даже в резкой форме, он удерживал ее от «вздорных поступков», как говорил он!

И ничего не могла Ольга с собой поделать, когда шла к нему за советом или просто «поплакаться в плечо». Получалось так и в пятнадцать, и восемнадцать, и даже в двадцать пять лет – брат был в курсе фактически всех ее «девчачьих дел», и не только их.

Она обожала его маленькую дочурку Ладу, которой о время поступления Ольги на службу во флот в восемьдесят восьмом году было всего семь лет. В общем, брат был занят на подлодке дни и ночи, а его супруга с удовольствием доверяла еще со школьных лет малышку Ольге. Раньше этого делать не получалось, так как до флота Ольга была вдалеке, в Судаке, где она училась в школе, и жили ее родители-пенсионеры.

И случилось так, что Ольга во многом повторила в себе черты характера отца и брата. Причем не только открытость в общении, но и решительность. Все это ей пригодилось во время службы в дельфинарии. Там тренировали этих смышленых морских красавцев для военных целей. Она была абсолютно уверена, что дельфины чутко понимали ее настроение и всегда старались выделить ее среди остальных. Видимо, думала Ольга, они

сердцем воспринимали ее чувства и доброе внимание к ним.

Дельфинарий дал ей многое: Ольга стала отменной пловчихой, чемпионом своей войсковой части, а затем и города.

Столь полная радужных надежд жизнь Ольги, ее брата и родителей расстроилась в одно мгновение. Беловежское предательство Бориса Непредсказуемого и его подручных «коммунистических» лидеров Украины и Белоруссии в одночасье развалило великое российское государство в лице Советской России на «удельные княжества» из числа бывших союзных республик.

На Украине русские оказались иностранцами на своей собственной родине. Снова из-за недомыслия Бориса Непредсказуемого, Крым не стал частью России, его даже не попытались оставить в русской земле. А русские были отнесены к людям «второго сорта».

Россия и Украина начали делить Краснознаменный Черноморский флот – величайшую гордость мощи государства российского еще со времен Екатерины Великой, Потемкина, плеяды адмиралов, в числе которых первым «черноморцем» достойно признан и по сей день Федор Ушаков…

Переговоры русских и украинских военных по разделу флота предусматривали пропорциональное деление. Причем одну подлодку русская сторона в список не занесла. Это была засекреченная экспериментальная подлодка особого назначения.

Естественно, украинская сторона понимала, почему эту подлодку русские хотят оставить у себя. Последнее время подлодка «маневрировала»: ее видели в бухтах Севастополя, но чаще всего – на рейде Феодосии и у Судака, точнее, вблизи Нового Света, в одной из трех заповедных бухт – Синей, Зеленой или Голубой.

Характерными особенностями этой дизельной среднего тоннажа подлодки была ее специфическая конструкция и необычное назначение. Она имела открывающуюся носовую часть по всему диаметру корпуса для запуска всего одной ракеты, зато баллистической. Фактически подлодка представляла собой стартовую «шахту» с подвижным прицепом в виде подводной лодки.

И тогда у украинских адмиралов, вчера еще ходивших под присягой и флагом советских военно-морских сил, вызрел замысел: русскую подлодку тайно захватить. Причем расчет строился на том факте, что русская сторона не сможет поднять шум – ведь такая подлодка в списках раздела флота просто не значится.

Особый отдел безпеки – украинской госбезопасности –

работал над планом похищения подлодки, ключевой фигурой которого должен был стать флотский аквалангист из числа фрогменов – подводных диверсантов. Это был выходец из Карпат, ярый националист.

* * *

В силу обстоятельств, о которых будет сказано дальше, я проживал в Судаке. И находился в «свободном плавании», не отягощенный никакой официальной должностью отставника госбезопасности. Последнее мое место работы было связано с многолетней подготовкой кадров разведки в ближнем Подмосковье.

И вот неожиданно в доме моего умершего друга появился мой бывший слушатель, а ныне сотрудник разведгруппы особого отдела украинского флота. Трагедия развала Советского Союза и ярый национализм на Украине глубоко потрясли его душу. Он понимал, что «украинский флот» не может существовать в реальности в отрыве от российского.

Он был убежден, что образец новой подлодки не должен попасть в руки Запада, в объятия которого стремились вооруженные силы Украины, надеясь быть принятыми в НАТО. Бывший слушатель пришел ко мне за советом и помощью по срыву планов похищения подлодки у русской стороны.

Вот так случилось, что «свободное плавание» привело меня снова к делам разведки, ибо информация «по делу о подлодке» немедленно была доведена до Москвы. В столице, после разгона госбезопасности, разведка была преобразована в самостоятельное федеральное ведомство с прежним названием, точнее – в службу внешней разведки.

И вот я, ветеран флота, военной контрразведки, разведки, внешней торговли и специального учебного заведения, снова вышел на тех своих коллег, с которыми работал два десятка лет в нескольких странах по разведзаданиям научно-технического характера и проникал в агентурную сеть западных спецслужб под личиной предателя родины.

Кроме того, с начала шестидесятых годов я входил в особое подразделение, глубоко засекреченное даже внутри самой разведки, – ГРАД. В Группу разведчиков активного действия меня привлек идеолог, организатор и глава НТР в предвоенное, военное и послевоенное время, посмертно ставший Героем России. О мой работе в составе ГРАДа знали только два руководящих сотрудника разведки: ее глава и мой начальник по

линии НТР.

Спецификой работы в этой группе была особая привилегия, состоявшая в самостоятельной оценке оперативной обстановки, самостоятельном принятии решений и самостоятельных действиях на грани риска.

Научно-техническая разведка от «демократической перестройки» органов госбезопасности пострадала менее других. Требование американских советников, засевших в московском Белом доме в компании Бориса Непредсказуемого, о ликвидации НТР не было выполнено. И потому в «деле с подлодкой» мне было к кому обратиться.

Правда, я не собирался раскрываться перед нынешним начальником НТР как «секретный сотрудник ГРАДа». В вопросе с ГРАДом инициатива выхода на меня происходила «сверху», и только так. Тем более после событий девяносто первого года.

В Москве мы оговорили план действий под кодовым названием «Шхуна». В «деле с подлодкой» время – фактор решающий. И я уезжал в Крым с конкретным заданием по срыву угона подлодки в украинских водах.

Мне был даны условия связи в Севастополе с вызовом на встречу агентессы «Лады», брат которой – командир именно той подводной лодки. Я получил описание «Карпа» – Богдана Брода, того самого подводного диверсанта-националиста, но не видел фото. Придется искать и фото, и его самого.

Замысел нашей разведки заключался в следующем: установив контакт с агентессой, нацелить ее на вероятное появление Карпа в окружении ее брата, войти в доверие к Карпу и попытаться уговорить его отойти от участия в угоне подлодки или… Об «или» агентесса узнает в нужный момент: это особое задание – действие по обстановке.

* * *

Поселился я в гостинице «Украина» на площади Восстания, названной так еще в честь событий девятьсот пятого года. На нее выходила 6-я бастионная улочка. Она была во время обороны Севастополя в Крымскую войну одной из самых знаменитых. На этой улице мне дали явку в домике, который содержал старый боцман, участник обороны Севастополя уже в эту войну.

Агентесса жила вблизи площади в домах послевоенной постройки. И из окна моей комнаты в гостинице я мог наблюдать через площадь подъезд ее дома. Оставалось только опознать ее по фото.

Для наблюдения за подъездом мне нужна была «техника» – бинокль либо подзорная труба. Последнюю, причем весьма старую, я приобрел у летнего сада на барахолке, столь распространившейся по всей России и на Украине – время было трудное, и жители сводили концы с концами, распродавая нажитое в советское время.

В Севастополе почти все рядом – город не такой уж большой. Чаще всего в центре его люди ходят пешком, особенно утром по прохладе в тени каштанов и платанов. По моим расчетам агентесса, могла выходить из дома часов в восемь. Но… наблюдение за полчаса до и после восьми результатов не дало.

Не мог же я знать, что «завтрак» в дельфинарии, который был заботой агентессы, – в семь утра. Ей приходилось садиться в троллейбус сразу после шести, чтобы оказаться на месте минут за пятнадцать до «завтрака». Именно ее работа в дельфинарии, где готовили «боевых дельфинов», привела агентессу к контактам с советской госбезопасностью.

Вот так, методом проб и ошибок, я все же отловил агентессу и увидел ее садящейся в троллейбус прямо перед входом в гостиницу.

Итак, летним утром я ехал в троллейбусе, в котором агентесса направлялась на работу. В это раннее время народу в салоне было мало, и мне с «предметом моего обожания» удалось сесть рядом. Наступил самый сложный момент: нужно было назвать пароль и получить от агентессы отзыв. А чтобы еще более убедить ее в том, что я не случайный человек, – показать ей план музея-заповедника Херсонеса, развернув его из трубочки.

Начал я с плана. Несколько раз сворачивал его в трубочку и наконец развернул перед агентессой с вопросом:

– Здесь не говорится о времени работы музея. Вы не подскажете, когда он открыт?

– Кажется, ежедневно, с девяти до семи вечера…

Контакт был установлен, но не оперативный – такой вопрос мог задать любой человек. Но далее шли уже слова пароля:

– Вы не скажете, во Владимирском храме похоронены четыре или пять флотоводцев?

Агентесса с небольшой паузой спокойно ответила:

– Похоронено четыре адмирала…

Но и такой ответ мог дать любой житель города, ибо так оно и было. А вот второй вопрос – это уже только для нас. И все же я опасался быть непонятым – она ничем не показала, что поняла первую часть моего пароля. И я спросил:

– Вы имеете в виду собор в Херсонесе?

– О нет, на Городской горке… Храме-усыпальнице

адмиралов…

И чуть повернув ко мне голову, она улыбнулась мне одними краями губ. Теперь все сошлось: ключевые слова пароля звучали так: мои «четыре или пять флотоводцев» против ее «четырех адмиралов» и мой «собор в Херсонесе» против ее «на Городской горке».

Я положил руку на план музея Херсонес и мягко постучал пальцем по рисунку храма Владимира, а затем раскрыл ладонь и пошевелил всеми пятью пальцами, давая понять: встреча в пять вечера. А большой палец вниз – это день, то есть сегодня. И снова короткая полуулыбка на губах – в знак согласия.

На месте встречи я оказался, естественно, заранее. Обходя музей почти что по периметру, издалека осмотрел подходы к храму. И был обрадован, что перед входом в него стоял стенд с обширным описанием обстоятельств появления этого храма в Херсонесе. Это давало нам обоим естественную возможность задержаться в этом месте, разговориться и затем пройтись среди развалин древнего города.

Издалека я заметил стройную фигурку агентессы Лады, и ровно в пять мы встретились у стенда. Два-три слова, и мы оговорили причину появления нас здесь, у стенда, и случайного места и времени знакомства – ранее друг друга не знали, но я попросил ее показать мне древний город. Причем если потребуется, то сослаться на случайное знакомство в троллейбусе (было все же опасение, что или за ней, или за мной могло быть скрытое наблюдение местной безпеки).

– Звать меня Максим Алексеевич Бодров, – представился я. – Скажите, Лада, – назвал я ее псевдонимом, чтобы еще раз развеять ее последние сомнения обо мне как о «человеке из Москвы». – Вы в контакте с местной безпекой, ее особым отделом? Они после девяносто первого года к вам не подходили?

– Нет. И зовите меня просто Ольгой… Дело в том, что мои знакомые офицеры из особого отдела бывшего советского флота покинули Севастополь и уехали в Россию…

– А как они объяснили вам дальнейшие отношения с русской спецслужбой?

– Сказали, что изъяли мое досье и все сведения обо мне из архива, – спокойно пояснила Ольга.

– А как вы думаете, почему безпека оставила вас в покое? Вы ведь продолжаете работать в дельфинарии? Не так ли? И тема та же – дельфины-диверсанты?

– Но, во-первых, тема уже не та – просто дельфины, нет средств на содержание штата для специальных тренировок… Ну, а что касается контактов с офицерами из Желтого дома, – так по-

прежнему называют Особый отдел флота на Городской горке – то это из-за моей специфической работы с сохранившимися дельфинами-диверсантам…

Я со стороны посматривал на эту двадцатипятилетнюю молодую женщину, типичную крымчанку – загорелую, с шапкой коротких волос темно-каштанового цвета и крепкой фигуркой спортсменки. Все в ней дышало энергией – от взгляда и речи до твердой походки уверенного в себе человека. И моя тревога о главном исполнителе по срыву угона украинцами нашей подлодки стихала. Доверие вызывали сила ее характера, столь четко проявившегося в этой короткой встрече с ней, и, конечно, подробные отзывы в ее досье.

Ранее в Москве я встречался с ее куратором по Севастополю:

– Ты найдешь в ней отличного помощника, – говорил мне коллега.

И действительно, так оно и есть. Долго мы не могли быть вместе, и я спросил:

– Вы не знакомы с Богданом Бродом?

Ольга резко повернула ко мне голову и воскликнула:

– Что он еще натворил?

– Пока еще – ничего, но…

– Так и есть, – в сердцах сказала Ольга, – он же «жовто-блакитник» и еще со школы гордился этим… Имел неприятности с комсомолом и учителями…

А я радостно подумал – Ольга хорошо знает Богдана, а это уже шаг в подходе к нему.

– Да. Мне это известно – он ярый националист… Имеет редкую морскую профессию: подводный диверсант… Вы это знаете? – спросил я Ольгу.

– И ваш сегодняшний интерес к нему связан как-то с его профессией? – уточнила Ольга.

– Да.

– Я знакома с ним давно. Он, как и я, из Судака. В детстве, в школе, я слыла «боевой пацанкой» и в делах ребят не уступала ни в чем… И он «ухаживал» за мной – проходу не давал… И после, когда мы встретились с ним здесь, в Севастополе…

– А сейчас?

– Кажется, успокоился. Жена, ребенок… Но у меня есть чувство, что семейная жизнь у него не удалась… Он откровенно радуется нашим случайным встречам… До недавнего времени продолжал встречать меня при въезде в дельфинарий… Точнее, перед входом в запретную зону в Казачьей бухте…

– Это где вы вышли сегодня из троллейбуса? – уточнил я.

– Нет, тогда, до событий девяносто первого года, зона

начиналась ближе к центру города…

Помолчав, Ольга добавила:

– Он, как и я, увлекается плаванием. Мы часто встречаемся на тренировках и соревнованиях в Корабельной бухте…

– Значит ли это, что вы сможете общаться ним?

– Думаю, да. Однако я чувствую, что у него есть серьезный интерес ко мне…

– Почему? – спросил я, догадываясь, почему.

– Просто он чаще, чем ранее, попадается мне на глаза. И не просто здоровается, а ищет предлог, как он говорит, «пощебетать» о школьных и прочих пустяках…

Я попросил Ольгу тщательно разобраться, что за чувство у Богдана к ней. Ведь я вынужден был предполагать, что Богдан, имея задание по нашей подлодке, может втереться через Ольгу в доверие к ее брату, командиру этой лодки.

* * *

Оценка обстановки показывала, что в цепочке подхода к одному из исполнителей по угону подлодки, Богдану, имеется наш человек – агентесса Лада-Ольга. Она должна найти способ привлечь внимание Богдана к себе с тем, чтобы он доверился ей, возможно, проговорился или сообщил о некоторых деталях плана захвата лодки.

Предполагалось, что имея задание со стороны украинских спецслужб по выходу на окружение командира подлодки, Богдан может рассчитывать на личную взаимность Ольги. И может решиться втянуть ее в «дело с подлодкой». Хотя ему, вернее всего, не хотелось причинить ей неприятность, но…

Случилось так, что Богдан стал настойчиво искать пути чуть ли не ежедневных контактов с Ольгой. Сделать это было не сложно. Прошло немного времени, и они стали встречаться по вечерам. Обе стороны, хотя и не зная об этом, решали каждый свою задачу: Богдан обрабатывал Ольгу, а она – его.

Мне Ольга рассказывала, что общение с Богданом ее не тяготило. Он был ей приятен и как школьный товарищ, и как умный собеседник, и как внимательный спутник с претензией на нескрываемую симпатию к своей «школьной любви».

Однажды, после неоднократных пыток Богдана «выпить чашку чая из рук Ольги», она пригласила его к себе домой. Ее комнатка была весьма уютной. В квартире проживали еще трое – украинская пара, с добрым чувством к молодой незамужней женщине, и одинокий флотский офицер.

В ее комнате Богдан был поражен двумя моментами: эркерной площадкой, делающей комнату много объемнее и светлее, и видом из окон эркера на колонну-памятник кораблям, погибшим еще в Крымскую войну, и на Хрустальный мыс со стелой памяти защитников. Окна захватывали даже кусочек Графской пристани.

Все это выглядело издалека хотя и уменьшенным, но весьма живописным. Особенно когда море отражало в себе разные часы дня – от рассвета до заката и ночного сияния огней кораблей на рейде.

Пока Ольга готовила чай, Богдан начал просматривать книги – их было очень много для одной комнаты и одной хозяйки. Они по три-пять вклинивались разноцветными обложками в обстановку комнаты: стоялив шкафу, на подвесных полках, у письменного столика, возле диван-кровати, между вазами различных форм и размеров… Книги были в основном общеобразовательные, а не многотомные подписные издания, – о море, путешествиях, приключенческие, о войне. Последних было особенно много.

Чего-то не хватало… Журналов мод! Но были журналы специальные – «Вокруг света», «Наука и жизнь», альманахи о событиях в мире, но все довольно старые. Эти журналы остались в России, и выписывать их было дело не очень-то дешевое. А из книжных киосков и магазинов подобный «товар» исчез. На стенах в хороших рамках – отличные копии картин Айвазовского с парусными кораблями и хорошей выделки фото маяка в окружении чаек. И еще портрет улыбающегося морского офицера – брата Ольги.

Уют явно убаюкивал Богдана – и он, почему-то с тоской, подумал, что из этого «уголка счастья» придется уходить.

– Ольга, – сказал он, любуясь ее ловкими движениями – чашки, блюдца и вазочки с ложками для варенья стремительно перекочевывали из серванта на стол, – в твоем лице пропадает отличная хозяйка… Для двоих… Нас с тобой?

– Может быть, может быть, – задумчиво кивала Ольга. – Но двое – эту уже не свобода… Это лишь часть свободы… И ее нужно отдать с глубокой уверенностью, что потеря этой части стоит того…

– Это именно обо мне, Ольга, – подхватил игру слов Богдан. – Готов подарить кому-либо свободу и взамен не брать ничьей… Это тебя устроит, Ольга?

Зная коварный замысел украинцев, Ольга искала в отношениях с Богданом следы не личного, а служебного интереса. И не находила – пока. Он был только увлеченный ею

молодой человек. Его искренность Ольгу успокаивала, но временами тревожила. Богдан также не мог не чувствовать крепнущую взаимную привязанность. Но, как выяснилось весьма скоро, не забывал и о «деле».

Однажды Ольга передала ему ключи от квартиры и попросила подождать ее дома. Это было сделано по моему совету – требовалось проверить искренность Богдана. После ухода Богдана Ольга проверила три контрольные точки – места, по которым можно было понять, грубо говоря, шарил ли кто-либо в ее вещах.

Уловка была предельно проста – расческа как масштабная линейка. Ее зубцы – это «свидетели»: смещалось ли что-то в вещах. К досаде Ольги, все три места оказались смещенными. Письменный стол тщательно исследовался – ящики, бумаги, документы… Богдан в вещах копался!

Мне стало понятным, что с этого момента Ольгу не стала мучить совесть за то, что она «работает» против своего «школьного товарища». И хотя она знала, что он из разведслужбы, но, как она сама сказала, «наивно надеялась», что он с ней честен. Я предупредил ее, что сейчас нужно делать так, чтобы он не почувствовал изменения в их отношениях.

Ближе к осени, как-то неожиданно, Богдан стал частенько приглашать Ольгу на Золотой пляж, который простирался в открытом море за пределами бонных заграждений у Константиновского равелина. Фактически пляж начинался от равелина и затем шел вправо вдоль берега за пределами «ворот» в бухту.

Вскоре Ольгу насторожил один факт из жизни брата. Будучи у него дома, она узнала, что его подлодка стоит на бочке вблизи равелина. Однажды Ольга даже помахала рукой брату, зная, что он в бинокль следит за катером, на котором она плыла на пляж. Этот легкий взмах рукой заметил Богдан и спросил, с кем это она «перемахивается». И Ольга ответила, что с братом, и что он командир подлодки.

Но делала она это сознательно, подталкивая Богдана на следующий шаг: попытку его выйти на брата-подводника. Теперь она узнала, что Богдан на катере не отдыхает, а «работает» – следит за обстановкой вокруг равелина и лодки.

О том, что Богдан интересуется подлодкой, Ольга узнала, когда провела незатейливую «акцию». В сильный ветер ушла на подветренный борт вместе с Богданом. Но вблизи лодки брата Богдан ее оставил и перешел на ветер. Будучи там, Ольга могла его наблюдать со стороны – он буквально «ел глазами» лодку.

На пляже Богдан стремился располагаться рядом с моряками,

и, как поняла Ольга, кое с кем он был знаком. Среди них были моряки и с подлодки. По отдельным репликам ей стало понятно: он встречается с ними в городе. И это особенно настораживало.

И вот, по нашей задумке, однажды к Ольге на пляже присоединился брат. Знакомство состоялось, и Богдан был в ударе, стремясь понравиться брату его девушки. Конечно, его интересовал выход на саму подлодку.

На встрече со мной Ольга высказала опасение, что Богдан может найти выход на лодку помимо нее. Она готова была ускорить процесс вербовки ее Богданом, но как? И сама призналась – через постель.

– Ты хорошо взвесила свои чувства и деловую сторону с нашей общей точки зрения? – спросил я Ольгу. – Уверена ли ты, что он поверит твоей искренности после… этого?

– Его особый интерес подтвердился фактами поведения Богдана, связанного с лодкой, братом и экипажем… Нужно рисковать, Максим Алексеевич…

– Разве я об этом риске говорю, девочка ты моя… Как быть с твоей душой после этого?

– Но я говорила, что Богдан мне не так уж безразличен… Должна же я хотя бы ненадолго почувствовать себя женщиной?! – печально завершила Ольга разговор о личном.

Мое доверие к этой молодой женщине после такого признания не убавилось. Она – из флотской семьи, из хорошей советской школы в глубинке, разумная в делах нашей службы, а главное – умеющая действовать без потери самоконтроля.

Она – свидетель разрушения истории: на ее глазах высшая власть совершила предательство по отношению к стране и всему народу – эту душевную травму она носила в душе. И, как она отмечала, в беседах со мной искала слабое утешение в том, что совсем плохо стране не должно быть. Ольга хотела быть участником «вытаскивания страны из трясины разгула демократии и дикого капитализма». Теперь нужно было принимать решение.

– Ольга, последнее слово за тобой – действуй! Но при одном условии: при первой же угрозе тебе лично или делу ты должна исчезнуть… Для начала – в Судак, а затем мы поможем тебе перебраться в Россию…

Наступило многодневное трудное время – ожидание вестей от Ольги. Правда, скрадывал вынужденное безделье тот факт, что стала поступать информация о «деле с подлодкой» из Москвы.

Время от времени подлодка выходила за бонное заграждение, уходила в море и затем вставала на якорь на внешнем рейде, километрах в полутора-двух от берега. Это было необходимо

делать регулярно, как говорят на флоте, для «проворачивания механизмов» – иначе застой в их работе ведет к мелким поломкам либо отказу каких-либо деталей.

Москва сообщала, что именно в один из таких выходов украинские спецслужбы готовят ее захват. Их план действий представлял собой следующее: еще до рассвета поближе к нашей лодке подойдет под перископом украинская подводная лодка. Высадит вблизи нашей подлодки подводных диверсантов, которые постараются захватить вахтенного в рубке нашей лодки и бросить в открытый люк усыпляющего действия бомбу. Затем их лодка возьмет нашу лодку на буксир и отведет ее в одну из бухт за пределами Севастополя, где ранее в тоннелях скрывались подводные лодки советского флота…

И больше ничего – все остальное мы должны были сделать сами. Мы – это я, мои коллеги и Ольга. Стало понятным, почему Богдан стремился установить контакт с моряками с подлодки. Ему нужно было знать время выхода в море и, что особенно важно, место, где лодка встанет на якорь после похода: на внешнем рейде или войдет в бухту?

И мы с Ольгой разработали свой план. В основе его лежали наши активные действия: навязать Богдану и его сообщникам «удобную» для них дату и время «атаки» нашей подлодки.

На последней встрече Ольга призналась, что ее близость с Богданом состоялась. Она обратила внимание на тот факт, что он чувствовал себя не в своей тарелке – что-то его угнетало. Причем он проговорился, что на несколько дней ему придется покинуть Ольгу. И это в тот момент, когда их первая близость состоялась?!

– Странно это все, Максим Алексеевич. Он искренен со мной в наших близких отношениях… Но вот – нервничает…

Последнее и меня озадачило: если угон состоится с участием Богдана, то он освободится от службы буквально в тот же день. А тут – «на время»… На сколько и почему?

Богдан фактически переселился к Ольге. Это нас устраивало – был повседневный контроль за ним, его поведением и настроением. Беспокойство Богдана нарастало, и время от времени Ольга ловила на себе его тревожные взгляды.

Мы предполагали, что он испытывает тяжелейшее раздумье: замешивать или нет Ольгу в это подлое дело? Ему нужно было перейти Рубикон… Наш план ускорила Ольга: она «проговорилась», что ее брат уходит в море на несколько дней. При этом она высказала досаду, которую заметил Богдан. И естественно, поинтересовался, в чем дело?

– Ольга, ты чем-то обеспокоена?

– Понимаешь, Богдан, хотела занять у брата деньги на

покупку нужной мне вещицы… Вот этой, – указала она на старенькую и потрепанную временем люстру. – А он отбыл на лодку и уходит завтра в море, причем дней на пять… А люстра-то ждать в комиссионке не будет… – А я на что? Где эта люстра? И сколько надо?

Ольга как ножом отрезала:

– У тебя не возьму – мы не муж и жена, и я у тебя не на содержании…

Богдан знал эту непримиримую щепетильность Ольги в вопросе с деньгами и только развел руками. Но когда до него дошла новость о выходе лодки в море, тут уже ему было не до люстры.

В этой ключевой беседе мы рассчитывали на два момента: Богдан должен немедленно довести до сведения «заговорщиков» эту ценнейшую информацию – достоверную и актуальную. И в связи с появлением этих сведений он должен был немедленно покинуть Ольгу. Последнее должно было подтвердить тот факт, что Богдан не только возможный участник операции с захватом подлодки, но и информатор о ситуации вокруг нее – о точном времени выхода в море и сроке пребывания в нем!

А длительное пребывание в море говорило о том, что лодка будет стоять на якоре на внешнем рейде. Точнее – не на якоре, а на бочке, фиксированной якорной цепью и балластом на дне морском.

Через два дня, когда подготовка нашей стороны закончилась, встреча с «захватчиками» приобрела конкретные формы: наш спецназ, химзащита (если все же…), способ локализации налетчиков и последующие официальные действия в адрес украинской стороны.

В день передачи Богдану «ценной» для него информации он так и поступил: почти что бегом исчез из дома Ольги. В окно она видела, как он стремительно помчался вдоль ее улицы в сторону штаба украинского флота.

Только на третий день узнал я подробности операции «Шхуна». Так что произошло на борту лодки? Попытка убрать вахтенного в рубке нашей лодки «удалась», ибо руководивший операцией адмирал в перископ увидел долгожданный сигнал: «все в порядке». Украинская подлодка всплыла, подошла к борту нашей лодки, и группа из трех моряков во главе с адмиралом-украинцем вошла в рубку, где… и была повязана.

В рубке уже сидело с кляпом во рту четверо пловцов-диверсантов. И среди них – Богдан. Когда командир подлодки, брат Ольги, подошел к знакомому диверсанту-неудачнику и с презрением посмотрел ему в глаза, то заметил, что тот хочет ему

что-то сказать. И командир принял решение: здесь, на борту лодки, допросить поочередно всех.

На допросе Богдан поведал трудно воспринимаемую новость:

– Они хотели угнать лодку в Турцию… И деньги за это получили…

Захват был предотвращен и сопровождался появлением взрывного содержания информации: адмиралы готовились угнать и продать нашу лодку в Турцию, точнее, спецслужбам НАТО.

После захвата должны были вывести ее в море, где уже ждал ее натовский сторожевик с командой для подлодки. И самое страшное было в том, что скрытность нахождения подлодки в российских руках и тайная акция по ее угону в Турцию предусматривала… ликвидацию русского экипажа, всех до одного!

Наши меры по разоблачению попытки захвата лодки были весьма ограниченными. В ситуации, когда лодка «не существует», мы могли указать на факт такого «вандализма» только руководству морского штаба Украины в Севастополе. И не более!

Как показали дальнейшие действия украинской стороны, «большие верхи» такого провала своим подчиненным не простили. На кратковременном допросе Богдан сказал брату Ольги, что не мог стать предателем и Украины, и России. Ольгу он увидел через день и поведал ей, что находится под колпаком безпеки – его «пасли» люди из наружного наблюдения.

И мы понимали, что все подозрения лягут на него: он дал точную дату выхода лодки в море, и он мог проболтаться Ольге о сделке адмиралов с турецкой стороной. Значит…

– Богдан, – говорила ему Ольга, – тебе нужно скрыться. Они тебе этого не простят…

– Заботься о себе, Ольга. Я понял, что ты была в среде тех, кто помешал этой затее. Но как ты вычислила, что я участник в этом трижды проклятом деле?

– Лучше сейчас думай о себе… Но почему ты не пошел на этот шаг и не взял деньги для жизни за рубежом?

– А как бы я жил с этими грязными деньгами и замаранной совестью? Ты-то меня знаешь – я националист, но… но не предатель Святой Родины… В ее едином лице: Украины и России… Жаль только, что я поздно понял это единение…

Он страдал, и Ольга видела это, особенно когда он стремился понять ее место в этом «деле».

– Все же, Ольга, почему ты пошла против меня?

– Спасайся, Богдан. Я буду действительно рада тебя видеть. А об этом – после, это долгий разговор…

«Долгий разговор» не получился: через день Богдан был

«случайно» сбит машиной. И в тот же день она сама чуть было «случайно» не попала под машину. Ольга о гибели Богдана не узнала – к этому времени она уже была в Судаке. Впрочем, о судьбе Богдана я ей рассказал, но в совершенно не обычной для нее обстановке – далеко в море и далеко от нашей родины…

Побег в неизвестность

…Грохот бури становился все сильнее, и все сильнее зрело желание воспользоваться отвратительной погодой, чтобы ускользнуть от следящих за нами дюжих молодцев Рыжебородого. Они открыто уже не один день преследовали меня.

К власти обращаться было безнадежное дело – русский для них был человеком второго сорта, и они палец о палец не ударили бы ради его защиты. Более того, они просто не поверили бы мне. Да и моих друзей, Влада и Ольгу, я бросить не мог. Им также грозила опасность. А Ольге даже дважды – от украинской безпеки и Рыжебородого.

Рыжебородый был в чести у местной власти. Он был не только вхож в кабинеты местной администрации, но его нередко можно было видеть в их компании на берегу в фешенебельном кафе, которое он контролировал. Все бы ничего, но однажды, в апреле, я поднялся на гору Алчак, скалу, выдававшуюся в море. Как обычно, бродил по пустынным ее склонам, ибо в это время на Алчак мог забраться только такой чудак как я, а не местные и даже отдыхающие. А меня тянуло сюда из-за ветра – любимого мной сильного упругого ветра, как тот, что гулял в этот день на покатых склонах горы.

Гора имела своеобразную форму: она как бы окаймляла судакскую бухту слева и нависала над ней массой высотой в сотню метров. Со стороны бухты склоны ее были пологими, а с другой, невидимой, – резко и вертикально обрывались земным разломом.

И как обычно, заглянул я с ее вершины на берег, который лежал под горой. То, что я увидел на полоске берега из нагромождения камней и гальки, и послужило впоследствии причиной возможной моей ликвидации. На берегу – с расстояния метров сто внизу – я увидел Рыжебородого, ведущего по камням человека со связанными руками. Сомнений не было: в этом глухом углу готовилось преступление. Мысль лихорадочно искала разрешение проблемы спасения человека. И я решился, громко окликнув Рыжебородого.

Нервы у Рыжебородого были отменными – он даже не обернулся, но сделал какой-то знак рукой, высоко подняв ее над головой и указав в мою сторону. Видеть он меня не мог, но по звуку определил место точно. Рыжебородый и пленник скрылись за выступом скалы, преграждающей дорогу в маленький заливчик.

Смеркалось, и я быстро стал спускаться по каменистой тропе

в сторону города. Когда я вышел на набережную, меня догнали два парня, которых я ранее видел в окружении Рыжебородого. Они внимательно осмотрели меня, видимо, составляя описание для своего мафиозного шефа. Вычислить, что именно я мог быть на Алчаке, им не представляло особого труда – в это время редко кто бродил вблизи него.

Дня через два я сопоставил слухи об исчезновении коммерсанта-перекупщика, которые поползли по городку, с событием, свидетелем которого я был на Алчаке. А еще через несколько дней ко мне обратились мои молодые друзья, один из которых достался мне в наследство от ушедшего из жизни друга. Это был знакомый Ольги Влад. И вот Влад открыто рассказал мне, что им дано задание устроить мое исчезновение из города.

– Максим Алексеевич, Рыжебородый требует вашего отъезда из Судака, более того, он угрожает…

– А что конкретно он имеет против меня? – спросил я, надеясь понять тактику Рыжебородого.

– Он не объясняет, а лишь говорит, что есть «высокие люди», заинтересованные причинить вам большой вред… Как я понял, эти люди командуют Рыжебородым из Севастополя… Почему-то эти люди интересуются и Ольгой.

И вот этим вечером, перед самой бурей на море, Влад рассказал мне, что под угрозой покалечить его и Ольгу Рыжебородый приказал ему убрать меня. Но Влад уже второй раз не выполнил его приказ. Теперь мы были в ловушке – люди Рыжебородого стерегли нас на улице. Правда, была еще надежда – это воспользоваться штормом и из-под носа улизнуть от них. Вопрос заключался только в двух моментах: как и куда?

– Ребята, шторм разгулялся не на шутку, – опять стал шепотом рассуждать я, – нужно что-то предпринять и выбраться из этой западни еще до рассвета… Иначе нам крышка… Давайте искать этот шанс…

– А что, если попробовать укрыться в клубе «Дельфин»? – высказал предположение Влад. – Там яхта… Дождемся утра, когда шторм утихнет, и уйдем из Судака…

– Уйти? А куда? – спросила молчавшая пока Ольга.

– Главное – выбраться из Судака, и по возможности незаметно, – согласился я с Владом, – но лучше сделать это именно в шторм, когда нас будет трудно перехватить… Даже если это произойдет на глазах людей Рыжебородого…

Мы еще помолчали, и я спросил Влада:

– Где документы на яхту?

– У меня, с собой… Я их ношу при себе с того момента, как Рыжебородый поручил мне…

Влад замялся, деликатно намекая на мое убийство.

– А паспорта – твой и Ольги?

– Мой – со мной, а у Ольги, видимо, нет… Не так ли, Ольга? Я не надеюсь на чудо…

– И напрасно, Влад, он – при мне. Я сегодня им воспользовалась, когда получала заказное письмо для отца… Вы ведь знаете, что сам он на почту не может ходить… И свои рукописные дела доверяет мне… Эти воспоминания на бумаге держат его, как он говорит, на плоаву…

– Тогда все отлично, – весело воскликнул я и добавил, – есть кое-какая идея, как исчезнуть из города…

Влад и Ольга, внимательно слушая, прильнули ко мне:

– Во-первых, нужно скрытно исчезнуть из дома, затем пробраться на причал клуба «Дельфин» и попытаться незаметно для сторожа увести яхту в море…

– В шторм? – угрюмо спросил Влад.

– Именно в шторм… Это шанс спастись и навести Рыжебородого на неверный след… Выйди мы просто из города, Рыжебородый с большой легкостью нас найдет…

– А на яхте мы сможем уйти на восток или запад… Причем морем, где, как известно, следов нет, – радостно возразила Владу Ольга.

– Конечно, едва ли Рыжебородый станет искать нас в море, – повеселел Влад.

Мы еще помолчали.

– Но как отойти в такую погоду, точнее, волну, от причала? – сам себя спросил Влад.

– Ну, это уже твоя забота, – молвил я, – ты у нас штурман…

Именно это нравилось моему умершему другу во Владе, а еще – отличный его характер и то, что он был мастер на все руки.

– Влад не всемогущ, – несколько грустно заметил Влад.

– Но пока у нас сплошные чудеса – со штормом, с моим паспортом, с яхтой на причале, – оптимистично заметила Ольга, – если уже повезет, то надолго…

– Ну что, согласны бежать? – подвел я итог дискуссии.

И получил молчаливую поддержку моей идеи. А чтобы усилить настрой на хороший результат, напомнил о мнении великого воина:

– Наполеон говорил, что главное – втянуться в сражение, а там посмотрим… Так что, моряки, действуем?

Даже по сверкнувшим глазам было видно, что ребята оживились, увидев, казалось, свет в конце туннеля.

И я стал командовать:

– Сейчас нужно приготовить и взять с собой весь запас еды,

деньги и вещи – штормовки моего друга, его рабочую форму моряка, плащи, обувь…Лучше взять кеды… Свитера… На каждого что-то из теплых вещей… Белье…

Про себя я решил, что возьму с собой только то, что мне особенно дорого – марки, которые собирал всю жизнь. Их и документы следовало завернуть в пластиковые пакеты, добавив к ним деньги.

Мы ползали по комнатам и наощупь собирали вещи, запихивали их в рюкзаки и вещмешок. Деньги я имел в достатке – перед отъездом сюда, еще в Москве, кое-что снял со сберкнижки. Взяли мы с собой фонарик, топорик и большие ножи, рассчитывая использовать их в случае нападения парней Рыжебородого.

Из дома имелось два выхода – на улицу через парадный вход и через террасу во двор с виноградником, который соприкасался с виноградником соседнего двора. Это был путь на улицу, уходящую вниз под гору, но главное – в сторону причала.

– Выходить будем по-одиночке, – сказал я. – Первым пойду сам и подам сигнал вам, подняв руку вертикально. Следите за моим силуэтом… Придется ползти на коленях, а лучше по-пластунски…

И спросил Ольгу:

– Ты хорошо подогнала одежду? Брюки-то чужие и, верно, велики… Пояс пригнала по своей осиной талии?

Ольга согласно кивала. Мы надели рюкзаки и сосредоточились.

Я подполз к двери и стал ее медленно открывать, крепко удерживая рукой из опасения, что она от ветра может хлопнуть. Это было нам ни к чему – насторожило бы наших караульщиков. Дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы выпустить меня, и я передал ее из рук в руки Владу, который, поняв меня без слов, крепко схватил ее створку.

Шум шторма ворвался на террасу и меня порадовал. Струи дождя мгновенно вымочили мое лицо, пытаясь проникнуть за воротник. Отполз я метров на пять и прислушался: ветер ревел, стучали ветви по крыше, где-то вдалеке слышался рев бушующего моря и больше – ни звука.

Я поднял руку и через несколько секунд рядом оказались Влад и Ольга. Мы гуськом проползли по тропинке вглубь сада и затем выползли в виноградник. Там мы уже смогли идти на четвереньках и таким манером прошли весь ряд виноградника, ведущего в сторону моря. И поднялись во весь рост только тогда, когда оказались вне видимости дома.

Однако идти по улице мы все же не решились и двинулись к причалу напрямик, через виноградники. Вскоре он показался

вдалеке показался. А пока мы падали, скользили по склонам холмов и уже не замечали, что мокры и грязны, а белесая крымская глина сделала нас весьма похожими, как заметил Влад, на мумий.

Вот мы и у цели. Возле причала из железобетона на волнах плясала наша яхта. Равномерно взлетая выше причала и опускаясь глубоко вниз, яхта оказывалась то на свету, то в тени. Свет падал от единственного фонаря на столбе рядом со сторожкой. Конечно, сторожа не было видно – он, думается, не дремал, а дрыхнул – в такую бурю. Встреча с ним нам была ни к чему, ибо я не исключал, что ребята Рыжебородого уже могли предупредить его о возможном нашем появлении возле яхты.

Клуб выглядел бетонным кораблем, носом уходящим в море. Его скошенные балконы-палубы напоминали силуэт океанского лайнера. Яхта стояла с наветренной стороны, и я заметил, что ветер был нужный нам, прижимной. Это радовало – при таком ветре яхту унесет в море, стоит ей только выйти за края причала. Если бы ветер был с другой стороны, то яхту могло бросить на камни.

Мы решили обогнуть здание яхтклуба с затененной стороны. Это был путь хотя и более длинный, но менее заметный. Правда, наш вид позволял ползти по причалу, ибо мы были серы от глины и сливались бы с серым бетоном мокрого причала.

Десять минут коллективного пыхтения, и мы сосредоточились у края причала и с нескрываемым опасением смотрели, как вокруг нашей яхты беснуется море. Привыкнув к периодичности ее взлетов и падений, хотели сбросить на нее свои рюкзаки, но не решились – море могло их смыть. Пришлось попросить еще раз тщательно заправить одежду и надеть рюкзаки за спину. Этого нельзя было делать, когда дело имеешь с водой, с лодкой и сильной волной, но… У нас выбора не было. И мы рискнули. Первым прыгнул Влад – он должен был принять Ольгу и меня. Прыгнул удачно, сразу за уходящей волной. За ним, точно повторив его прыжок, последовала Ольга. Теперь должен был прыгнуть я.

Но если Влад и Ольга отличались худощавостью, то за годы службы я на государственных хлебах отъелся, и моя «морская грудь» начиналась прямо от подбородка. Да и весил я столько же, сколько они оба, если не больше. В общем, пытаясь удержать меня, я сшиб их с ног и здорово помял.

Все! Кажется, все. Мы оказались на борту. Ползком добрались до кокпита, нырнули под укрывавший его брезент и, немного придя в себя, освободились от рюкзаков, прислушались. Чуть приподняв брезент, осмотрелись – все спокойно. Взглянули на

друг друга – это было зрелище! Грязные, растрепанные, мокрые до нитки, но бодрые, даже повеселевшие. Ибо мы были на борту яхты – открывался путь к спасению, вернее, уже открылся. Но опять «но»…

Шепотом стали обсуждать следующие наши действия. Влад уже продумал уход от причала, но для этого маневра кто-то должен был снова выйти на причал и удерживать яхту, пока она выйдет за край его, хотя бы на полкорпуса. Сам Влад нужен у румпеля и на парусе, который все же придется ставить.

Правда, потом решили, что лучше поставить кливер, с помощью которого в такой ветер яхту мгновенно вынесет в море. Значит, за кливер отвечать будет Ольга, которой было не впервой управляться с парусами.

Итак, на причал должен был вылезать я. Но если на яхте было за что ухватиться, то причал был гладок, мокр и, следовательно, скользок. Одна была надежда, что мой вес поможет мне удержаться на его поверхности. Так оно и случилось.

Влад перебросил мне трос, и я крепко намотал его на руку, оставив небольшую слабину, чтобы он не увлек меня за собой, когда яхта уйдет вниз. Освободив концы на носу и у кормы, я пошел, вернее, пополз вдоль причала к его оконечности. Отливная волна подхватила яхту и понесла ее в нужном нам направлении. Я лихорадочно искал момент, когда мне удастся успеть вскочить на палубу. А момент – это доли секунды.

Вот она уже носом поравнялась с краем причала, и я прыгнул, не думая о том, где в это время палуба. А она, оказывается, поднималась и меня ударила. Хорошо, что я сразу же подогнул ноги и упал на бок, а то бы мне несдобровать.

Влад оказался на высоте: как только яхта вышла за причал, он приказал Ольге поднять наполовину кливер. Ветер упруго изогнул парус, яхта стремглав вылетела на отрытую воду и стала удаляться от берега. Пока Влад работал на румпеле, а Ольга с парусом, им не было дела до меня. А я спокойно лежал, прижавшись к мачте. Ольга помогла мне спуститься в кокпит, и только тогда я почувствовал, что все-таки ушибся.

Яхту бросало как щепку, но с каждым мгновением мы удалялись в кромешную тьму бушующего моря. А там было наше спасение. Душа ликовала – от грозящей нам опасности мы ушли.

Теперь нарастала другая тревога: куда идти? Потеряв во тьме береговую линию, кливер мы убрали, ведь яхту и так несло по ветру. Судя по всему, мы двигались вдоль берега на запад.

В открытом море

… Очнулся я от слабых ударов головой о внутренний борт яхты. Сознание медленно входило в меня, припоминались детали событий прошедшей ночи. Голова болела от спертого влажного воздуха в помещении форпика яхты. Рядом трудно дышали мои спутники, распростертые на старых парусах.

Вчера, после удачного побега, у нас не хватило сил взломать замок, крепкий амбарный, на створках дверей каюты, и мы забились в крохотный форпик для хранения парусов. Сон нас вырубил, как оказалось на целых пять часов.

Ощупью нашел я запор крышки форпика и открыл ее. Солнце брызнуло на меня с такой силой, что я еле удержался, чтобы не свалиться на своих друзей. А они, сбившись в комочки, спали друг к другу носами у моих ног.

Чуть высунув голову, я сделал несколько глубоких глотков свежего воздуха, который бывает только у моря и в горах или в чистом поле и лесу. Море сверкало тысячами брызг солнца. Больших волн с белой гривой не было.

Шторм утихал, яхту плавно качало, и она, не торопясь, двигалась, оставляя солнце слева. Все говорило том, что нас несло на запад. Берега видно не было, но там, где должен был быть горизонт, кучковались облака – это был верный признак, что берег где-то там, за горизонтом. И это нас устраивало, ибо, значит, мы были вне видимости с берега и, более того, в нейтральных водах.

Ребят пока будить не стал – пусть на свежем воздухе поспят еще часок. Мучительно хотелось освободиться от тяжелой и все еще мокрой местами одежды. И придать любимому мне ветру тело, еще с детства привыкшее к его тихим и резким порывам. Снял с себя все, кроме трусов. И хотя всего на несколько минут, но продрог мгновенно.

Я сидел в кокпите, углублении для управляющего яхтой. Румпель был закреплен прочно, направляя яхту по неведомому пока нам курсу. А мной обволакивала тихая радость за все, что удалось сделать за последние дни, за вчерашний удачный побег, да и просто за то, что я снова в море. О заботах впереди не хотелось думать…

Но тревожные думы в голову лезли сами. Во-первых, нужно было вскрыть каюту и найти инструмент для морской прокладки движения яхты. О том, что такой инструмент имеется на ее борту, говорил Влад. Правда, только он знал, где находится тайник с этим самым инструментом. Во-вторых, следовало бы перенести

все три рюкзака в каюту и разобраться в их содержимом, особенно с едой и водой. В-третьих, развесить мои промокшие вещи на вантах для просушки.

Собственно, с третьего я хотел начать. Но любимый мной ветер в этот раз меня подвел – все же это было не лето, а ранняя весна, и еще в открытом море, и я мгновенно продрог. Тем более, что солнце прочно ушло за тучи. И потому взялся за рюкзаки и, не вытряхивая их содержимого, чуть-чуть порывшись, вытащил на свет грубой вязки свитер, столь мне знакомый, – это была одна из любимых вещей моего ушедшего из жизни друга. Комплекцией он был даже крупнее меня, и свитер окутал меня до колен. И хотя он был чуть подмокшим, я знал, что на ветру он быстро высохнет. Через несколько минут мои мокрые вещи развевались на ветру, придавая яхте пиратский вид.

Теперь очередь дошла до каюты. Чуть укрывшись от ветра в кокпите, я еще немного покопался в рюкзаках и среди мокрых вещей обнаружил топорик и ножи. Один из ножей фактически был острой финкой. Это и решило судьбу замка – его я не тронул (он был мне не по зубам), а набросился на петли для него. Они были врезными и, аккуратно работая финкой, я вырезал одну из них и проник в каюту.

Там было тепло и уютно – три спальных места буквой «П», столик и встроенные в стены шкафчики. Где-то здесь находился тайник с навигационными инструментами и, возможно, с картами Черного моря. Пора было будить моих друзей, невольных пленников моря. Но прежде мне хотелось «принять душ». Эта мысль ко мне пришла, когда в шкафчике под трапом в каюту я нашел парусиновое ведерко литров на пять с привязанным к нему концом – длинным пеньковым тросом (по-морскому – шкертом).

Пройдя на корму, я начал черпать за бортом воду, которая была не очень – то теплая. И лил на себя, правда, не больше двух ведерок, большего вытерпеть не смог. Очнулся от этой добровольной экзекуции от возгласа:

– Ну, вы даете, Максим Алексеевич! – удивленно взирал на шестидесятилетнего «моржа» Влад.

– Эх, молодежь! Вы, верно, не знаете секрета купания холодной водой? А мне это знакомо по Балтике и Северу… Когда корабль в море, то душ бывал только из забортной воды… А прием прост: намылься, и тогда уже деваться некуда…

А за Владом, прикрыв рот ладошкой, как это делают в русской деревне бабки, хихикала над старым человеком Ольга.

– Посмотрите на себя, мумии несчастные, – по-доброму огрызнулся на них я.

Глядя на моих друзей, нельзя было сказать, что это были те

самые напуганные событиями вчерашней ночи молодые люди. Хотя теперь их одежду украшали лишь белесые полосы глины. И я спокойно предложил сделать то же самое – для бодрости.

– Влад, с тобой все ясно – ты морского племени, а вот Ольга?

– А что – Ольга? – начала заводиться наша спутница. – Я-то в севастопольском дельфинарии с дельфинами резвилась до самого ноября… Могу и сейчас опрокинуть на себя несколько ведер…

И я скомандовал, что первой примет «душ» Ольга, но только два ведра. Затем она переоденется в сухое и займется едой. В общем, минут через двадцать к моим шмоткам на вантах добавились мокрые вещи Влада и Ольги. За стол мы сели в кают-компании, где не традиционном «блюде»-газете высились три хороших куска хлеба, три кружка колбасы и три бело-розовых шмата сала.

– Большего и не надо, – заметил я, похвалив Ольгу за бережливость.

– Только сегодня так богато, – решительно заявила Ольга, – это плата за вчерашний страх…

– А ведь план-то удался?! – не мог удержаться я. – Наша взяла…

И видя бодрость и воодушевление на лицах моих друзей, я решительно сказал:

– Нужно думать о следующем нашем шаге! Что скажете, друзья? Тревожно спросила Ольга, почему-то шепотом:

– А если нас станут искать?

Я молча обратился взглядом к Владу.

– В море шторм не столь заметен, у берега волны более высокие и шумные… Значит, можно вполне считать, что по береговой оценке там еще штормит…

Мы согласно кивали.

– Качка стала плавной, но в открытом море – это обычно явление. Главное – нет пенистых волн, а это говорит о том, что дело идет к спокойной воде, – не торопясь, Влад пояснил, что нужно уходить южнее, в открытое море…

Естественно, берега не было видно. Косматых туч становилось все меньше, вот-вот должно было снова проглянуть солнце. Мы сгрудились в кокпите перед каютой и стали определяться, где мы есть, и куда нас несет. – Судя по вчерашнему ветру, мы продвинулись к западу километров на 50–70. Если учесть, что побег начался ближе к двенадцати часам вечера. А сейчас – семь утра, – показал Влад на свои штурманские часы.

– Значит, мы прошли траверз Алушты и выходим на мыс Сарыч, – предположил я, – но берега не видно. Это означает, что нас сносит не к берегу, а на юго-запад…

Мы переглянулись и согласились с Владом, что нужно уходить южнее и тем избавиться от погони. Конечно, если ее все же устроят. А чтобы не расстраивать ребят, добавил:

– У Рыжебородого забот и так много, и наше исчезновение ему на руку… А погоня – это очень дорогостоящее дело, тем более сейчас, в дни разрухи… Да и как он объяснит столь большой интерес к нашим персонам? Яхта-то моя, все документы на нее связаны с моим именем…

– А пограничники? – спросила Ольга.

– Их из тридцати человек в Судаке осталось всего пятеро, а это уже не отряд – группа, – успокоил я ребят.

Максимум, что могли они сообщить, так это о яхте, которая в шторм оторвалась от причала и унесена в море, думалось мне. И если о ней никто не заявит, то ни пограничники, ни власти палец о палец не ударят, чтобы ее найти. Тем более, что все говорит – людей на ней не было. А пока мы, поставив кливер и смягчив этим бортовую качку, пошли по компасу к юго-западу, поочередно сменяя друг друга на руле.

В каюте нашлась старенькая сухая одежда. Каждому досталось что-то теплое. Я вообще совсем просох и щеголял в своем шерстяном свитере толстой шерстяной вязки. Попытка передать его Ольге или Владу, хотя бы на время, не вызвала у них желания принять такой прямо-таки царский подарок.

Ольга еще ранее вынула из рюкзаков все и развесила на вантах для просушки множество вещей. Мы находились в спокойной нирване и не торопили события. Неожиданно Влад сорвался с места и заорал:

– Солнце… Выглянет солнце… Быстрее сектант, – и с этими словами он исчез в каюте, где уже вскрыл тайник и приготовил навигационные инструменты к работе.

Действительно, слева от нас на небе что-то светлело. Но и этого светлого пятна оказалось достаточным, чтобы определить наше положение в море. Между тучами светлело все больше, луч солнца к нам не прорвался, но Влад успел замерить высоту светила. Теперь речь шла о работе с таблицами и картами, которые мы нашли в каюте в клеенчатом портфеле.

Ольга сидела на румпеле, а мы с Владом колдовали над справочниками. Несколько минут поиска нужных данных, совмещение со временем, угол солнцестояния и…

Широта с долготой оказались у нас в руках. Мы были в пятидесяти километрах юго-западнее мыса Сарыч, что рядом с Балаклавой, и вблизи Севастополя. А это означало, что ближайший берег, кроме крымского, – румынский и болгарский. Узнав, что нас несет к Румынии, Ольга воскликнула:

– Нет, только не туда… У нашей семьи к румынам свои счеты… Еще с войны… Они здесь такое вытворяли… Только не туда…

– Успокойся, Ольга, мне так же не хотелось бы оказаться в Румынии по двум причинам: мой дядя-танкист погиб там, и я был в этой стране в конце семидесятых с «щепетильными делами»… Мог остаться след…

И чуть ли не хором мы воскликнули:

– Даешь Болгарию!

* * *

Вот так случилось, что мы даже не стали обсуждать вопрос из вопросов: что делать дальше, после побега? И если возвращаться в Россию, то не через Крым или даже Украину, а через заграницу.

Болгария… Русские сердца всегда связывали с болгарами самые лучшие чувства. Еще со времен конца восемнадцатого века, затем русско-турецкой войны семидесятых годов позапрошлого века и времени борьбы с фашизмом. Наконец, православные болгары – наши братья по разрушенному соцлагерю…

Итак, жребий был брошен – Болгария. Тогда я не сказал, но подумал о том, что в Болгарии я, возможно, смог бы разыскать моего знакомого по делам службы – коллегу по профессии. Мы встречались с ним в Москве.

Я знал, что разорение социалистических начал коснулось и Болгарии, но «мой» болгарин не мог исчезнуть бесследно. Последний раз я его видел незадолго до нынешних событий в Москве. Он тогда работал на одном из каналов болгарского телевидения, имея свою программу…

К полудню небо прояснилось окончательно и брызги солнечных лучей слепили глаза, не вызывая недовольства с нашей стороны. Окончательно просохла и наша одежда, которую мы в свое время не догадались простирнуть в воде.

А так как воды вокруг было полно, мы решились испробовать старый матросский способ стирки еще со времен парусных кораблей. С этой целью наиболее загрязненную глиной часть одежды мы насадили на длинный шкертик и выбросили… за борт. И через час-другой, прополоскавшись в волнах, выстиранная одежда и белье стали чистыми до неузнаваемости.

Окончательно, кажется, мы привели в порядок и свои мысли о будущем. И даже наметили конкретные шаги. Во-первых, мы находились в километрах трехстах от болгарского порта Варна. Имея ход в двенадцать-пятнадцать, а то и двадцать километров,

мы могли преодолеть это расстояние за сутки. Яхта такой ход могла держать, если, правда, погода будет благоприятствовать, волна станет более спокойной, и мы сможем поднять все паруса.

Во-вторых, мы были в состоянии управлять яхтой по очереди, ибо каждый владел в разной степени навыками работы с парусом.

Наконец, в-третьих, захваченные из дома продукты вполне могли составить наш рацион на два-три дня: хлеб, колбаса, сыр, сало, картошка, лук… и огурцы.

И все же было одно «но». Вода! Обыскав все уголки яхты, мы нашли два анкерка с остатками воды – не более 5–6 литров. Чуть затхлая, но все же вода. И это на троих?! Поэтому оговорили, что часть воды мы будем получать для утоления жажды из… огурцов, благо, что они чуть ли на девяносто процентов состоят из воды, а их у нас было с десяток. Мы благодарили нашу Ольгу за то, что она, в темноте и наощупь, выбрала самые большие из них.

Конечно, еще вчера можно было бы собрать воду штормовую, но время было упущено. Сегодня же погода все более радовала нас, как и море, которое час от часа успокаивалось. Однако меры к приему «небесной влаги» мы все же предприняли: на случай дождя держали наготове парус.

Прокладку курса доверили, естественно, Владу и по очереди стояли на руле. В кокпите каждый из нас с удовольствием сидел – это было приятное место. Над бортом торчала только голова, а по телу разливалось тепло, даримое мартовским, но все же южным солнцем.

Курс мы держали на мыс Калиакрия, чуть-чуть севернее порта Варна. Этот мыс привлек нас по двум причинам: мы не хотели идти прямо в большой порт, к местным властям, а еще нас интересовал этот мыс своим легендарным прошлым. Здесь была одержана одна из первых блистательных побед русского парусного флота над турками, еще при адмирале Ушакове. После сражения при Калиакрии северная часть Черного моря стало безраздельно принадлежать русским.

Тревога, естественно, не покидала нас. Нужно было думать о встрече с болгарами – пограничниками, таможенниками, властью. Нам следовало бы подготовить убедительную легенду нашего побега и «биографию» каждого из нас.

Конечно, и легенда, и биографии лишь частично стали бы носить элементы блефа – лучше всего кое о чем умалчивать. Но впереди мы имели двадцать, а может быть, тридцать часов хода, и за это время надеялись подготовить достаточно убедительные причины нашего побега и просьбу к местным властям в чем-то помочь нам.

Итак, на борту небольшой пятиместной яхты «Кафа»

собрались без преувеличения смелые люди, хотя и волею судьбы оказавшиеся таковыми. Теперь каждый должен был рассказать о себе поподробнее, но в рамках того, что позволило бы выдержать перекрестный допрос на суше.

В этой ситуации одно могло радовать: бегство наших сограждан из отчизны по разным причинам, вернее всего, становилось нормой. И конечно, Болгария принимала у себя русских братьев, тем более единоверцев, и всех, кто хотел следовать дальше в Европу или за океан.

– Ну, начинай первым, Влад, – предложил я. – Пусть Ольга пока подумает о грехах своей непорочной жизни…

Мы сидели в кокпите, укрытые от ветра и укутанные в просохшие куртки, надетые на свитера грубой вязки. На руле сидела Ольга, и ее молодость и крепкая спортивная фигура вполне увязывалась с боевой операцией прошедшей ночи.

Я выбрал Влада первым для самоотчета, потому что Ольга была более опытной на жизненном пути.

– Максим Алексеевич, я здешний, феодосийский… С Карантина, – начал Влад. – Вам это место хорошо знакомо… Но школу кончал в Судаке…Мне двадцать пять. За плечами – морской техникум по классу судоводителей малых судов, имею диплом штурмана четвертого класса… С морем дружу с двенадцати лет – морские классы с походами под парусом по всему Крымскому побережью…

Меня несколько озадачило поведение моих новых молодых друзей. Что они друзья, я не сомневался – Влад подарил мне жизнь, рискуя своей. А озадачивал тот факт, что им как-то была чужда молодецкая бравада и, что особенно странно, чувство тревоги за произошедшее. Видимо, мое знакомство с новым поколением все еще не состоялось.

– Влад, ты послан нам Богом для нашего дела! Твои штурманские навыки – это то, что нас сейчас больше всего устраивает… А дальше? Твои планы? В Болгарии?

– Меня давно тянуло в Европу… Ходил я на судах пока вдоль берега, в каботаже… Даже загранпаспорта не имел… Да и никто загранку не предлагал, особенно после девяносто первого года… Ходил вдоль берегов турецких, румынских, болгарских, а в их портах так ни разу не побывал… А ведь интересно!

Увидев мой изучающий взгляд, Влад поправился:

– Да вы не думайте, что я сбегу… Нет, пересижу где-нибудь в Болгарии и опять в Крым, к себе… Только вот как добираться домой?

Я прервал исповедь моего товарища вопросом: все ли документы у него при себе – паспорт, удостоверение штурмана и

водителя судов, трудовая книжка, профбилет, метрики? Как оказалось, и это вполне естественно, трудовая книжка осталась в кадрах порта Судака, где он последний раз работал на близких перевозках. Но для Болгарии документов было предостаточно.

Влад принял управление яхтой, и передо мной оказалась Ольга. Она внимательно слушала наш разговор и начала свой рассказ с возраста.

– Мне идет также двадцать пятый год… Закончила школу в Судаке, курсы библиотечные, машинописи и работы на компьютере… Была машинисткой в маленькой фирме и подрабатывала в библиотеке… Дочь моряка и сама в душе и наяву морячка… Для вашего, личного сведения, – весела закончила Ольга, – не замужем…

И ничего – про Севастополь.

Ольга так выплеснула нам свою «биографию», что я не успел даже удивиться – в ней не было ни слова о службе во флоте. Разве что дельфинарий, упомянутый ранее. Она – молодец!

Упоминание о замужестве нас особенно обрадовало и развеселило, ибо эту особенность ее биографии мы знали давным-давно, как и всех ее поклонников. Правда, по линии школы, в которой они с Владом какое-то время учились вместе. А у меня в ответ на это ее признание дрогнуло сердце: не обращалась ли она с этим возгласом к сердцу Влада?

Мне было интересно знать об их отношении к событиям последних дней, так стремительно ворвавшихся в их жизнь.

– Оля, ты вчера здорово испугалась?

– Еще как, – немедленно ответила она. – Но… рядом были вы с Владом. А когда мы поползли, уже бояться было некогда… Мне говорил отец: трясись, пока думаешь, но не трусь, когда приняла решение…

Вот она, нынешняя молодежь, умеет выделить в жизни человека главное – не трусь… Это ее среда, где чуть ли не ежедневно приходится чего-то бояться и защищаться.

– Кто был твой отец? – спросил я, понимая, что это нужно знать не столько Владу, сколько там, в Болгарии.

– Отец был хорошим для нашей семьи и меня… Но он ушел от нас с мамой и братом… Брат сейчас уже очень взрослый и живет в Севастополе… У него семья… А отца мне здорово не хватало, с десяти лет… Вот почему я говорю «был»… Сейчас он снова один, я ведь его покинула… ради «путешествия на яхте», – искренне печально улыбнулась Ольга.

Позднее Ольга рассказывала, что отец ходил на сухогрузах по всем портам Черного моря. Отовсюду привозил подарки, был жизнерадостным и веселым человеком, с удовольствием отдыхал

дома, возился с детьми с утра до вечера.

– Папа нас баловал и очень гордился нами, разбойниками, как назвал он нас… Ушел из семьи в одночасье, узнав об интересе мамы к его другу, работавшему на берегу… Маму я не осуждаю, ведь папа отбил ее у того самого друга чуть ли не в день их свадьбы…

Исчезновение из ее жизни отца Ольга переносила тяжело и искала утешение в общении с мужчинами, но они чаще всего, как она говорила, видели в ней только куклу для развлечения.

– А Влад? – спросил я.

– Влад – это другое. Он мой друг и, наверное, теперь брат, которого я потеряла в Севастополе. Он рос без отца и без матери… Рано встал на ноги, причем сам, и начал помогать деду и бабушке, которые его воспитывали… И вообще, он искренен к людям и добр…

Любопытно отношение друг к другу этих столь быстро завоевавших мое сердце молодых людей. Пара отлично дополняла один другого. Из большого жизненного опыта я чувствовал, что именно так вырастает затем любовь, чаще всего до гробовой доски. Особенно, когда они вместе делали нужное обоим дело – вроде нынешней эпопеи, трагической по содержанию, но укрепляющей в них общее.

– Неважно, к кому – ко всем, – упрямо говорила Ольга, отведя ото лба мешавшую ей прядь волос. – Вот и сейчас он делает вид, что не слушает вас и меня… А сам…

И Ольга рассмеялась от души, радуясь тому, что раскусила своего друга:

– Он… Он не только добрый… Он надежный!

И, действительно, Влад смотрел вроде бы в сторону, но его выдавали уши, горевшие пунцовым огнем. И еще на его лице появлялась улыбка, временами почти дурашливая, – от счастья, наверное.

Этот крепкий и ладный парень, с опытом личной жизни, не баловавшей его, и с морской закалкой, нечасто слышал добрые слова. А мнение Ольги для него – это как бальзам на душу.

И при близком и длительном общении с этой симпатичной мне парой я все более убеждался, что они становились и друзьями, и парочкой, и братом с сестрой…

* * *

… Солнце уже не покидало небосвод. Лишь иногда на него набегали облака, не предвещавшие ни сильного ветра, ни бурного

моря или дождя. И когда облака все же немного закрывали его, то мощные потоки его лучей прожектором ложились на море, высвечивая катящиеся к горизонту валы. Такое зрелище можно наблюдать только в открытом море. Оно завораживало меня в бытность на службе на кораблях Северного и Балтийского флота, когда в силу моих дел за океаном пришлось возвращаться в Союз через Атлантику.

Пока ветер дул нам в корму или, как говорят моряки, был «фордевинд». Он лучше всего способствовал нашему движению к берегам Румынии, вернее всего, к южной части ее. Однако часа через два следовало ложиться на строгий «вест» – западный курс. Скорость при этом несколько уменьшится, но яхта будет нести нас в заветное место – к мысу Калиакрия.

К кливеру мы уже добавили грот, подняв его до половины. Больше было нельзя – яхта и так неслась по волнам со значительным креном. Спасибо моему другу, ибо ее остойчивость была отличной, и мы могли не вылезать из кокпита для удерживания яхты от сильного крена собственными телами. Оттуда мы время от времени видели, как наша спасительница касалась краем борта волны.

Настала моя очередь поведать о себе. Конечно, в ожидании встречи с болгарской властью моим коллегам по побегу знать обо мне слишком много не было необходимости.

– Ребята, – обратился я к Владу, сидящему на руле, и к Ольге. – Несколько слов о себе… Военный моряк – в отставке с выслугой в сорок лет. Хотел остаться на постоянное жительство в Судаке, но после «украинской самостоятельности» меня здесь не захотели принять. Вот ты, Влад, знал моего флотского друга… Он доверял тебе и вверил в твои руки яхту, хотя документы оформил на мое имя…

Я сделал ударение на слове «флотский», чтобы Влад и Ольга, которые наверняка могли знать, что мой друг служил до болезни в госбезопасности, не акцентировали внимание болгарских властей на этой детали из моей жизни и жизни моего друга. Вернее всего, они, как весьма понятливые ребята, просто забудут этот факт его биографии, если все же очередь дойдет до разговоров о его персоне. А то, что может быть такой разговор, вероятность большая – яхта-то записана на мое имя, и с его подачи…

Но затронув тему яхты, я начал реализовать идею с продажей яхты в Болгарии, ибо на что-то нужно было жить, хотя бы в первое время.

– И вам, Влад и Ольга, и мне нужно будет устраиваться на болгарской земле, если, конечно, нас там примут… И дома меня

ждут, но когда еще удастся там оказаться? А вы нужны друг другу и следует вам думать о будущем…

Я говорил, что, судя по всему, Влада не очень-то ждут в Судаке или другом месте… Да и Ольге нужна опора в трудное время после августа девяносто первого…

Меня не мучила совесть, что я толкаю ребят к уходу на запад. Их на родине ничего хорошего не ждало. И они, кроме отчаяния, в круговерти развала страны, ничего хорошего не получат. Они были детьми советского века матушки-России, когда доверие друг к другу было мерилом честности и совестливости.

…Влад сверил курс, выводя его на строгий «вест». Чуть добавил парусности. На карте ровной линией определилось направление движения к мысу Калиакрия. Согласно карте, там стоял маяк и лежало небольшое селение того же названия.

– Максим Алексеевич, а чем знаменит этот мыс Калиакрия? Вы с такой загадочной гордостью говорили об этом месте, – спросила Ольга.

– Гордиться есть чем! Вы знаете фильм «Адмирал Ушаков»?

Я был обрадован, услышав, что оба смотрели эту замечательную ленту, и не раз. Именно Влад привел Ольгу на этот фильм, который запал ему в душу после просмотра еще в техникуме.

– Я, ребята, смотрел этот фильм впервые еще в пятидесятые. Был в то время курсантом военно-морского училища… Он всех нас тогда потряс… Ведь это был взгляд на нашу историю с выходом на Черное море… Это – победы над турками, которые не одно столетие на наших южных границах безобразничали…

Влад радостно прервал меня:

– Петр Первый говорил, что без флота не быть России великой, и он, и Екатерина Вторая, вывели страну на берега двух морей – Балтийского и Черного…

Мне было радостно, что ребята знают нашу историю шире, чем это давалось в учебниках. И я рассказал, как адмирал Ушаков нашел турецкий флот, сходу врезался в него тремя колоннами и расстрелял береговую батарею турок и их суда.

– У нас было менее сорока судов, а у турок – около восьмидесяти… И пушек в соотношении один к двум в их пользу… У нас тысяча, а у них – почти две тысячи, – пояснил я.

– Но почему мы победили? – спросила Ольга, глядя в раздумье на сидящего Влада.

– Есть такое понятие – тактика морского боя. Это – как в шахматах. Так вот, Суворов как-то сказал: побеждать нужно не числом, а умением, – пояснил я. – Вот и они, парни

Рыжебородого, были сильнее нас, но мы взяли верх…

И я с удовольствием рассказал, что эта победа на море привела к концу русско-турецкой войны и заключению Ясского мира в том же 1791 году.

И все же меня тревожил один и тот же вопрос – судьба молодых ребят там, на чужбине. Выходит, ведь я стал виновником того, что они лишились родины… А потому – я ответственен за их дальнейшую судьбу, пока они там, за рубежом, не устроятся или не возвратятся в нашу страну. О себе я думал мало – как-нибудь выкручусь…

А пока я предложил:

– Вот что, ребята. Чрезвычайные события объединили нас, сблизили, и еще не ясно, что нас ждет вместе и в одиночку. Помните притчу о стрелах?

– Это, кажется, из Древней Греции, – перебил меня Влад. – Тогда отец предложил сыновьям сломать пучок стрел, и те не смогли, а каждую он легко сломал… Так и мы… Вместе – чего-то стоим…

А я продолжал:

– …человек познается в трудной ситуации – это проверка на прочность, надежность… Опасность сближает и открывает новые черты в человеке, ему самому и окружающим неведомые…

Мы смотрели в глаза друг другу и чувствовали торжество момента, когда люди дают клятву, пусть и неписаную, пусть и не громкими словами, пусть и не высказанную до конца.

– Дайте ваши руки, – протянул я им свою для крепкого рукопожатия, – бороться и искать, найти и не сдаваться!

Неожиданно Ольга воскликнула:

– Это же девиз из повести Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки»… Я нашла эту книгу у деда среди старых книг довоенной и военной поры… Она о моряках-мальчишках… О юнгах и войне… И там был этот девиз…

– А ты, Влад, эту повесть читал? – обратился я к нашему рулевому.

– Я слышал о ней, но не читал… Но раз Оле она понравилась, то прочту обязательно, – несколько задумчиво сказал Влад. – При удобном случае, если…

– Но этот девиз – «Бороться и искать, найти и не сдаваться» – принадлежит великому исследователю Арктики и Антарктики Амундсену, – пояснил я.

Мы все вместе поняли, что имел в виду Влад – наше неясное будущее. Разговор о дружбе я начал не случайно. Мои новые друзья мало что знали о западе, а я, не открываясь пока, не мог их предупредить о трудностях жизни в том мире, точнее, жизни

на чужбине. И Болгария не была здесь исключением, хотя на этой земле и жил добрый славянский народ.

– Вот вы говорите, ребята, о нашем общем деле – пока это спасение от Рыжебородого. Вы сегодня прошли проверку перед своей совестью и сделали это на «отлично»…

Ребята радостно заулыбались, а с Влада сошла его задумчивость.

– … но испытание было весьма щепетильным – спасение моей жизни. А это повод выпить на брудершафт – мы же теперь братья! – и неожиданно для ребят я достал из-под себя початую бутылку легкого вина из массандровских подвалов Крыма.

Ребята ахнули, а Ольга просто завизжала, выражая высшей степени восторг. И оба выдохнули в меня:

– От-ку-да-а-а-а?

Паузу я держал минуты две, и когда терпение ребят оказалось на пределе, просто молвил:

– Мы спали на этой бутылке после бурной ночи побега… Форпик – это не только место для парусов, но и два спальных… А так как Оля не принцесса на горошине, то не почувствовала этот кусочек солнечного Крыма в бутылке… Не до того было…

– Но все же? Как нашли? – допытывались ребята.

– Перебирал паруса и обнаружил… Под спальным местом, в рундучке обнаружил это… Терпел и не попробовал… Тащи, Оля, стаканы из каюты…

Ольга принесла три стакана, сполоснула их забортной водой, и они оба подставили свои емкости мне под нос.

– Сегодня на брудершафт – это вино, – торжественно произнес я. – А завтра, в будущем, будет шампанское…

Звон сдвинутых стаканов заглушил шум набегавшей на нос яхты волны. По моему загадочному виду ребята понимали, что будет еще что-то сказано. И они не ошиблись. После поцелуев я скомандовал:

– Прошу обращаться ко мне на «ты» и просто «Максим»… Это приказ… За нарушение – губа… позднее… в Болгарии…

Ребята подхватили игру и спросили:

– Сколько дается срока на… привыкание?

– Нисколько… Иначе штрафных очков не будет…

Ольгу опередил Влад:

– Значит, я буду сидеть на губе все время пребывания в Болгарии… За себя и за Олю…

Но возмутилась Ольга:

– А я вот – и ни разу не ошибусь…

Оба этих милых моему сердцу ребят часа три не обращались ко мне никак, но… всему свое время. Вот так мы закрепили наши

отношения, и, как случилось, на значительно более долгое время, чем это плавание.

* * *

Солнце вышло в зенит, когда мы закончили выработку наших биографий. Мне удалось убедить ребят взять на вооружение их подлинные этапы жизни, включая причину побега за рубеж. Обо мне они могут говорить все, что знают, но в уважительном и доброжелательном тоне. Остальное о себе я расскажу сам.

Попросил исключить упоминание в жизни Ольги факта службы в российском военно-морском флоте в Севастополе. И в целом пояснил, что рассказывать о себе нужно не все сразу, а частями. Например: окончил морской техникум, и ни слова пока о специальности – пусть сами расспрашивают. Те есть вопрос – ответ, и только затем – конкретно…

Наконец, мы вышли на морскую трассу движения судов из Одессы в западные порты, из Керчи и Новороссийска к проливам Босфор и Дарданелла. Время от времени мы видели в бинокль сухогрузы, но близко к нам никто не подходил, а сигнала бедствия мы не поднимали. Мы считали, что едва ли из-за нас в эфире начнется переполох. Даже если Рыжебородый что-то узнал о появившейся у берегов Болгарии яхте, то в его ситуации ему лучше всего было помалкивать. Да и кому мы кроме него нужны. Тем более, яхта без истинного владельца.

К ночи от аккумулятора зажгли бортовые и кормовые огни – теперь они были нужны, ибо мы находились на активно работающей трассе. Грот выбрали полностью, так как море стихло до большой волны, полого вздымающейся под днищем судна.

По нашим расчетам, с рассветом мы могли уже подойти к болгарским берегам. Впереди было еще 6–8 часов пути, которые мы поделили на вахты, но только для ночного, темного времени. Уходить в каюту не хотелось, и мы с Владом остались в кокпите у ног Ольги. Ей лучше было помучиться первой, зато часть ночи и «собачью» вахту с четырех утра мы поделили с Владом.

Яхта плавно влезала на волну и столь же плавно опускалась с нее – это убаюкивало. Раза два Ольга будила одного из нас, когда к нам приближалось судно. Она – молодец, не надеялась на свой крохотный опыт вождения яхты. Но все обошлось, и к восходу солнца в восточной части моря сидел на руле я, а в каюте уютно посапывали во сне Ольга и Влад.

Красноватый восход быстро сменился золотым разливом, распространившимся за кормой по небу и морю, разрушив линию

горизонта. Впереди маячила еще не ушедшая с неба фиолетовая темень, а сзади – жидкое золото и множество бликов на воде.

Яхта бодро бежала точно на запад к желанной, но пока еще неведомой точке берега…

Разбудил я ребят, когда по моим подсчетам до встречи с землей осталось часа три. Влад сделал точную прокладку, снова сверившись с солнцем. Стало ясным, что мы уклонились к югу от мыса Калиакрия. Впереди было километров 50 пути, вернее всего, извилистого, ибо придется ловить ветер для удачных галсов. Курс был выправлен из расчета подхода к мысу с северо-востока…

Мы приближались к богатому историей краю Земли, воспетому греками и упомянутому еще тысячи лет назад древнейшими историками тех времен.

В разные эпохи этот благодатный край влек к себе людей. Здесь проходили торговые пути из Приазовья к Средиземному морю, из Европы в Африку и на Ближний Восток. Здесь процветали мощные цивилизации: фракийская, древнегреческая, римская, византийская, славянская, и каждая оставляла свой след, а на языке археологов – культурный слой.

И не только в земле, но и в обычаях народов до сих пор населяющих этот край. Уделом жителей были частые войны, восстания, набеги воинствующих племен, а во времена османского ига – бесчинства турецких разбойных чиновников и армии.

Грабились и предавались огню города и села, делая жизнь ненадежной. Конец османскому владычеству положила русская армия, когда она в семидесятых годах девятнадцатого столетия изгнала с болгарской земли турок, правивших этим краем пятьсот лет.

…Подойти с севера нам необходимо было, как нам представлялось, потому что вход бухта имела с северо-востока. Нам не хотелось идти вдоль побережья и потом войти в нее, обогнув маяк. Хотелось прийти туда с моря, чтобы издалека жители городка видели, что к ним идет парусник. Хотелось не спеша пройти в центр бухты и встать на якорь точно посредине ее, причем на виду властей и жителей.

Теперь каждый из нас все чаще и чаще брался за бинокль, пока им безраздельно не завладела Ольга. Ее детская непосредственность вместе с жгучим любопытством, столь характерном задубевшим от соленого моря капитанам, сквозила в издревле свойственном всем, кто на борту судна: желании – увидеть землю первым. Мы, мужчины, видели это и молчаливо согласились отдать «право первооткрывателя земель» Ольге.

Она нас не разочаровала.

– Зем-ля-я-я-я! – пронеслось над волнами.

Мы замерли и почему-то посмотрели на Ольгу, а не в сторону столь желанной нами земли. Она стояла на ветру, вся подавшись в сторону берега и, обращаясь к нам, счастливо кричала:

– Максим, – замешкалась она с моим отчеством, – Максим, Влад… Там – земля!

И она передала нам бинокль. Земля узкой береговой черточкой вставала от края до края по всему горизонту. Концы ее терялись в дымке там, где море встречалось с небом.

Я взглянул на моих спутников. На их лицах отражалось волнение, даже смятение. Нас всех объединяла чувство: что ждет нас впереди? Будет ли «добрая Болгария» добра к нам? Найдем ли мы выход из нашего странного положения беглецов не по своей воле? Чужая земля тревожила нас своей неопределенностью.

– Ребята, по коням, – большая уборка. Все привести в порядок и еще раз проверить всякие уголки – не дай Бог, если кто-либо избрал нашу яхту для хранения непотребного товара!

Главной по визуальному контакту с берегом мы назначили Ольгу. И занимаясь уборкой, время от времени она поглядывала в сторону земли через бинокль.

И вот долгожданное:

– Влад, Максим… Вижу маяк… Такая тоненькая спичка на горизонте…

И мы один за другим посмотрели на эту «спичку», пока еще беловатую, без традиционных цветных колец по всей его высоте. И через минуту Влад уже кричал из-за навигационного столика в каюте:

– Вот лоцманские характеристики маяка: высота – 22 метра, бело-желтый, тут еще о проблесках в ночное время и цвете их… А главное – точное местоположение в градусах, минутах и секундах…

Вскоре маяк стал уже виден невооруженным глазом. Мы еще раз подправили курс, и яхта стала огибать берег дугой. Море стихло совсем, по морским понятиям, конечно. Волны стали плавными, и провалы между валами – покатыми.

И вот мы у входа в бухту. Створы двух мысов – толстый с маяком и тонкий северный. С этой линии мы и начали двигаться к центру бухты. Место будущей стоянки было идеальным – открытая вода, никаких судов на якоре. Они все оказались сосредоточенными вдоль небольшой причальной линии: в основном рыболовецкие барки и несколько сейнеров, несколько деревянных суденышек с парусами, видимо, вывешенными для просушки.

За всем этим – красота черепичных крыш традиционного красного цвета на белоснежных домах, взбирающихся по пологому склону кольца окружавших городок гор.

Издалека это поселение городом назвать было трудновато – его улицы от центра взбирались круто вверх, и окраины его хорошо просматривались. Городок утопал в цветущих садах и окружавших его ровными рядах виноградниками. А дальше, на склонах пологих гор – типичный скромный пейзаж блекло-зеленых холмов, сходных с нашими феодосийскими или судакскими.

Чуть выше причала возвышалась белоснежная церковь с чуть выпуклым куполом из той же красной черепицы. Видимо, там была главная площадь городка, и от нее во все стороны расходились улочки.

Встав на якорь, мы затаили дыхание… Здесь двести лет назад решалась судьба выхода России к Черному морю. Здесь погибали наши моряки и, возможно, их могилы можно будет найти на берегу. Нам очень хотелось встретить здесь следы памяти о делах болгар и русских – это потаенно проявлялось у каждого из нас без слов в надежде, что толика добра ко всему русскому достанется и нам, беглецам из России.

На яхте мы имели четыре флага: советский, военно-морской советского времени, Андреевский и российский – трехцветный. И еще загодя решили идти под российским флагом – все же это был знак принадлежности к сегодняшней стране, нашей Родине. Мы перенесли флаг с кормового флагштока на верх мачты, под самый топ.

Входили под одним кливером – так было легче маневрировать. Когда вышли на траверз обоих мысов, кливер приспустили наполовину. Ветра хватало, и нас по спокойной волне плавно понесло к середине бухты.

Влад – он, естественно, был на руле, – классически построил треугольник, в центре которого оказалось наше суденышко в момент отдачи якоря. Без лишних вопросов мне стал понятен его замысел: треугольник – это маяк на толстом мысу, тонкий мыс и белоснежная церковь на берегу…

Еще проходя в «ворота» между двух мысов, мы обратили внимание на людей у маяка, махавших нам, вернее всего, с приветствием. В бинокль за два километра от них было видна троица – двое детей лет десяти– двенадцати и старый человек с копной седых волос. Мы ответили тем же и видели, как девчушка сбегала в помещение маяка и принесла… подзорную трубу. Теперь мы как бы сблизились: они видели наши лица, а мы – их.

На тонком мысу никого не было. Там видны был развалины

крепостных стен. Видимо, в давние времена именно здесь стояла турецкая береговая батарея, обстреливавшая наши корабли в том судьбоносном для России морском бою. Стояла тишина, нарушаемая лишь плеском волны у режущего гладь воды носа яхты.

Неожиданно мы услышали колокольный звон, доносимый до нас с берега мягкими порывами ветра. Не тревожный, а радостный, приглушенный расстоянием звон переливался тонкими голосами малых колоколов. На часах было еще далеко до полудня! Что бы это означало?

– Ребята, а ведь это нас встречают! – пронзенный неожиданной догадкой, воскликнул я. – Пусть меня проглотит кит, если это не так… Последними словами я здорово озадачил моих спутников, но и догадка озадачила меня. Во мне заговорил голос жизненного опыта общения с сотнями людей, причем разных национальностей и сословий в десятках стран мира – от коммерсанта до миллионера, от учителя до историка, от рабочего до фермера… И среди них были и болгары.

…Когда я работал в Монреале, живущие в Канаде болгарские сотрудники целыми семьями приходили к нам в генконсульство на просмотры фильмов и детские утренники. Они посещали нашу библиотеку, а иногда просто заходили посидеть у нас в фойе.

Их доброе отношение к нам, русским, носило искренний характер. Наш завхоз и его жена, мастер поварского искусства, ибо она была бывшим директором кулинарного техникума, всегда угощали гостей чаем с испеченными ею домашними булочками. Другие представители соцстран так не поступали, а некоторые даже сторонились общения с нашим генконсульством, не посещая приемы в традиционные праздники. В последующем московские встречи с «моим» телевизионщиком только усилило доброе чувство к болгарам…

Яхта уже стояла на якоре и разворачивалась носом к дувшему с берега ветерку. Трос от якоря хорошо просматривался в глубине сине-лазурной воды – так чиста и прозрачна она была.

Было видно, что к центру пристани у приземистого здания с государственным сине-бело-зеленым флагом неторопливо сходились люди. От причала отошла моторка с тремя людьми.

В бинокль я напряженно всматривался, с тревогой пытаясь определить по лицам и одежде, – что за люди направлялись к нам? Постукивая подвесным мотором средней мощности, катерок близко подошел к яхте. Мы стояли у мачты, одетые опрятно и по-морскому – в свитерах, куртках, простых брюках и кедах. Радость на наших лицах от чувства прихода к берегу скрывала наше тревожное ожидание. А в моторке все были обращены к нам с

открытой, широкой и радушной улыбкой.

Чуть покачиваясь, моторка и яхта сближались. Перед нами стояли в полный рост три продубленных солеными ветрами и жарким солнцем явных моряка, вернее всего, рыбаки. Возраст – от 25 до 50–60. Эти крепко скроенные люди вызывали симпатию своим видом, и мы не ошиблись – они оказались чрезмерно добры к нам и нашим трудностям.

– Привет вам, добрые люди, – протягивая к нам руки, воскликнул старший из них.

Ему вторили двое других.

– Братья наши, – говорил среднего возраста болгарин, и ему вслед – другой, из молодых, – гости наши…

В этот момент никто из нас не обратил внимания, что они говорили только по-русски. Позднее я про себя отметил, что весьма чистая русская речь, столь иногда трудная для наших республиканских лидеров, вообще была свойственна болгарам.

Старший представился, протянув руку через борт моторки и яхты:

– Дино Денев, председатель рыбной артели, учился в Союзе… Бывал у вас не раз… Это мои друзья – Христо Попов и Коля Златев… Бывали в России…

Понимая, что все имена запомнить вот так сразу трудновато, он поправился и весло назвал:

– Я – Дино-рыбак, Христо – глава управы, а Коля– капитан… Назвали и мы себя: отставной военный моряк Максим Бодров, Влад Костров, начинающий капитан, и Ольга Самарова, библиотекарь. В это время мы уже были в моторке.

Дино похлопывал меня по спине, явно поощряя к разговору и стремясь помочь нам всем преодолеть смущение первых минут знакомства. Начал он первым:

– Давно в море?

– Вторые сутки на исходе… Вышли от Крыма, из Судака… В ночь… Бежали, – коротко произнес я.

Дино перестал улыбаться и переспросил:

– Бежали? Два дня назад? Но тогда был сильнейший шторм?!

– Дино, – похлопал я его по руке, – нужно было… Убили бы нас… Выбора не было: или отдать концы на берегу, или рискнуть и уйти морем…

И немного помолчав, видя, что к разговору прислушиваются все сидящие в моторке, закончил, кивнув на Ольгу:

– Нужно было спасать жизни этих молодых ребят… И свою…

Вот так, думая каждый свою думу, мы молча подходили к пристани. И только несколько нервное учащенное похлопывание Дино по моей спине говорило о его волнении в связи с

услышанным.

Мы – у причала, и десятки рук бережно перенесли нас на его твердь. Но когда мы распрямились, десятки рук снова потянулись к нам – земля под нами качнулась, как палуба нашей яхты. Несколько шагов, и мы уже твердо стоим на своих ногах, правда, широко расставив их. И глядя на нашу неуклюжесть после стольких часов пребывания на волнах, все весело рассмеялись – они нас приветствовали, они нам были рады, они нас приняли.

А уже как были рады мы!

«Случайная семерка»

У камня русской славе

Нам показалось, что на пристани собрался весь народ городка. На лицах – открытая приветливость и добрый интерес. Вернее всего, и как к путешественникам, и как к людям «оттуда», из тревожной России.

Дино коротко представил нас, называя имена без фамилий. Мы объяснили, что попали во вчерашний шторм и зашли в бухту отдохнуть и поправить такелаж яхты. Жители оказались понятливыми и оставили нас в покое, выразив надежду встретиться снова.

Вместе с тремя новыми друзьями мы вошли в здание мэрии и оказались в обширном кабинете главы городка Христо. Присели у низкого резного столика, чем-то напомнившего мне тот, что я видел в семье советского послевоенного эмигранта из Молдавии в Канаде. И в том, и в этом столике проглядывались турецкие рисунки бытового орнамента. Через минуту появился медный, кованый поднос с набором крохотных чашечек и каждому – по кофеварке с густым духом напитка, столь традиционного для южан Причерноморья.

– Друг Максим, – тронув мою руку, обратился Дино ко мне, – как я понял, разговор будет не быстрый… Вам нужно прийти в себя… Отдохнуть… Может быть, начнем с доброй русской традиции – бани? Но нашей – болгарской?

Мы согласно закивали, а Дино обратился к Коле и попросил его подготовить баню и две комнаты для нас.

– Ты, Коля, скажи людям в гостином дворе, чтобы самые лучшие приготовили – одну для девушки, и одну для Максима и Влада…

А пока мы с удовольствием отпили кофе, который оказался столь густым, что наш русского размаха глоток чуть не опустошил чашечку до дна. Ольга и Влад поперхнулись густотой, а я, имея опыт употребления кофе, приготовленного восточным способом, лишь пригубил его.

Дело в том, что настоящий, как говорят у нас, турецкий кофе, – это всего граммов 25–30 жидкости, а остальное в чашке – густота. Конечно, можно слить всю жидкую часть, как это делается в кофеварке эспрессо. Но это уже не кофе, по крайней мере, для знатоков. Улыбки наших гостеприимных хозяев не смутили нас. И мы вкусили кофе до конца, подливая себе по 10–15 граммов из кофейников.

Христо сказал, что сейчас будет только кофе, а все остальное – потом, после бани.

Нас провели во двор, который выглядел подворьем – мощеный крупными грубыми плитами по периметру, он представлял собой ряд навесов с коновязями и кормушками для лошадей (и как позднее мы узнали – и для ослов). А сопровождавший нас Коля пояснил, что в городе традиционная рабочая сила – гужевая.

– На наших узких улочках и виноградном пригороде лошадь – незаменимая вещь… Если с рыбой – все ясно – она на причале, рыбзавод рядом и до него на автокаре рукой подать, тоо с виноградом сложнее… По склонам ни на авто, ни на колесном тракторе не пройдешь… А нужно добираться до дальних горных углов. Вот и держим лошадей. И не только для этих целей… Привычка! Как велосипед – для домашних дел, так лошади – для рабочих…

У коновязи стояло несколько лошадей, которые с удовольствием жевали сено и свежую траву, заботливо подброшенную им. Мы пересекли двор и нырнули под низкую бревенчатую арку. Пригляделись в полумраке, увидели приоткрытую дверь, из которой чувствовался теплый дух.

– Ольга, Влад, – спросил я, – вы париться любите? Нас, видимо, встречают крепким кофе и крепким паром…

И мы вошли в предбанник. В отличие от русской бани, здесь все было каменное: усыпанный сухими виноградными листьями пол, каменные лавки, покрытые домашней вязки ковриками, медные банные атрибуты – деревянные шайки и ковшики с ручками. Сквозь соседнюю распахнутую настежь дверь убранства следующего помещения не было видно – все заволокло паром.

Коля достал из кладовки ширмочку и оградил для Ольги угол.

– Вы, Оля, – назвал он нашу Ольгу чисто по-русски и доверительно, – в этом уголке сложите всю вашу одежду и оставьте на скамье…

Обращаясь уже к нам и выходя из предбанника, добавил:

– И ты, Максим, и ты, Влад, оставьте вашу одежду на скамье…

Мы присели на скамьи, Ольга – на свою, и теперь выглядывала из-за ширмы. Несколько озадаченные, смотрели мы друг на друга: кто пойдет первым? Спас положение Коля, заглянувший к нам снова:

– Вы отвернитесь, и Оля пройдет в баню, где есть загородка, как раз для такого случая…

– А одежда? – спросил я.

– Одежду вам приготовят, пока вы будете в бане… Берите шайки, ковшики, мочалки – и туда, в баню… Мыло – там же…

Мы все же были в затруднении – Коля одет, и мы при нем будем раздеваться? Он это понял и напоследок заметил:

– Вообще-то у нас семьи ходят в свои бани… Только для своих… И все вместе – взрослые и дети, мальчики и девочки… Стыд, как говорят у нас, не в глазах, а в голове…

Наконец, наш наставник Коля оставил нас одних, мы с Владом отвернулись, и Ольга проскользнула в дверь, успев прихватить шайку и ковшик. И тут же раздался ее вскрик. Естественно, мы обернулись на него, а она выскочила из «парной двери», прикрывшись… ковшиком.

– Там… очень… жарко… – говорила она нам в спины.

Пришлось мне взять руководство «банным делом» в свои руки:

– Оля, марш за ширму… Влад, следуй за мной, только до конца разденься…

И мы вошли в белую массу пара. Действительно, парило хорошо. Даже дрожь пробирала. Присмотревшись, увидели под потолком в одной из стен светлое пятно – там было окошко. Его-то мы и распахнули. Пар стал более прозрачным. Через несколько минут, почувствовав холодок с улицы, окно закрыли. Дышать стало легче, и мы позвали Ольгу. И вот оно, «чудное мгновение» – парилка наполнилась нашим бодрым фырканьем и довольным смехом Ольги. Свое удовольствие мы выражали целой обоймой хороших слов.

Первым сдался Влад, выскочив из парилки. За ним попросила пропустить ее Ольга. Я держал марку, ибо по-настоящему не парился с Канады. Там, в большом доме на склоне монреальской горы, был бассейн и сауна. Но однажды после «оперативного бодуна» я в ней потерял сознание и стал очень осторожным с парилкой, точнее – просто ее избегал.

Влад уже оделся во все местное: светлые широченные полотняные портки, просторную белую рубаху с нехитрым узором и кисточками вместо пуговиц. Такое же одеяние ожидало меня, только размером побольше.

Наша одежда исчезла, как и обувь. Вместо наших кедов у лавки стояли кожаные тапочки – что-то с загнутыми носами. Туфли походили на те, что в книжке о старике Хоттабыче.

Поразила Ольга. Пока мы разбирались с одеждой, она привела себя в порядок первая и выкрикнула из-за ширмы:

– Вы готовы, мальчики?

И вот к нам вышла наша Ольга: румяная, с еще непросохшей копной волос, в простом чуть приталенном платье с вышивкой. И, как и мы, в туфлях на босу ногу.

От удивления мы сели на скамью. Она пристроилась рядом.

Нам было так уютно, что не хотелось ни о чем говорить. Минуту, две, три – молчание. Поймал я себя на том, что давно уже не испытывал состояния, когда в голове не ютилось ни одной мысли. Пустота заполнялась благодатным ощущением слияния души и тела.

И мы, все трое, одновременно выдохнули:

– Хо-ро-шо-оо-о!

В дверь постучали, и ее приоткрыл наш благодетель Коля.

– С легким паром, – приветствовал он нас. Но, увидев за дверьми парилки редкие клочья пара, рассмеялся, – испугались нашего пара-жара? Да мы и сами не нагоняем столько, сколько вам… Молодцы, догадались, как говорят механики, стравить пар… через форточку…

На фоне Коли, правда, приодевшегося в белую рубашку с кисточками, мы выглядели инопланетянами. А он командовал:

– Сейчас перекусим и в горницу спать… Придавите, как говорят на флоте, минут триста и более… А вечером увидимся снова. Прошу сюда, – указал он на крохотную низкую дверцу, которую можно был принять за вход в кладовку.

Мы очутились в небольшой светлой на два окна беленой горнице со столом, накрытым на большее число человек, чем составляли мы вместе с хозяевами. Значит, ожидался кое-кто еще, подумал я.

Конечно, мы готовились к серьезному разговору, ибо гостеприимство – гостеприимством, а порядок есть порядок! Все же мы прибыли из-за рубежа. О том, что разговор будет деловой, говорил и такой факт: мы оставили наши документы в одежде, ее забрали, и теперь стопка их лежала на столике в углу, дожидаясь своего часа.

По привычке моей профессии я выбрал место с затененной стороны, лицом к дверям и ко всем. Ребята сели рядом. Коля приоткрыл другую дверь, и к нам вошли Дино, Христо и еще двое. Причем один – в форме, совсем как наша милиция, и женщина (тут следует заметить, что все приоделись, заменив теплую одежду на белые рубашки).

– Знакомьтесь, – представил новых людей Дино, – Славко Петков, наш страж из милиции…

Мы пожали ему руку.

– Миляна Илиева, – обратил наше внимание он на женщину лет сорока. – Юрисконсульт, знаток зарубежных дел. Оба бывали в Москве, учились там на курсах…

Смущение прошло после первой рюмки, точнее, бокала из хорошей поливной керамики, и вина из таких же глиняных плоских кубышек с затейливым узором. Как ни сдерживали мы

себя, но голод – не тетка, и мы дружно заработали ножами и вилками. Тем более, что было, мягко говоря, чем «перекусить»: жареное, вареное, вяленое мясо, розовое сало, острая капуста с перцем, душистые помидоры, вареные бобы, ломти еще теплого хлеба… В крынках – сок и что-то напоминающее квас.

Среди емкостей с вином одиноко стояла обычная бутылка темного стекла. На яркой этикетке – названия на двух языках: болгарском и латинскими буквами.

Увидев наш взгляд на эту таинственную бутылку, Христо торжественно сказал:

– Это вино «Калиакрия» – наше золото. Всего пять тысяч бутылок готовим мы его… И все – за рубеж… Особая марка из особого винограда, растущего на особой земле…

Так мы узнали, что белое вино «Калиакрия» шло в Европу на уровне лучших французских вин. И получалось это чудо здесь потому, что его виноградная лоза имела тысячелетнюю историю и произрастала на стыке трех сред – особой земли, моря и смеси горного и степного воздуха.

Деловая часть беседы началась с моего рассказа. Я вкратце поведал о событиях с Рыжебородым, обосновал необходимость побега и желание добраться до России, минуя Украину. Естественно, обратился с вопросом о легализации нашего пребывания в Болгарии. На последний вопрос ответил милиционер Славко.

– Я еще не видел ваши документы, но если это паспорта, то у нас действуют еще старые законы, когда советские приезжали в Болгарию без особых виз…

Дино протянул ему пачку наших документов и сказал:

– Я также не заглядывал в них. Посмотри, Славко…

И произнес он это таким тоном, что, если и были у нас сомнения в этом щепетильном вопросе, то они немедленно отпали. Бумаги оказались в порядке, и страж порядка сообщил, что он сегодня же составит рапорт для своего руководства, сделает копии с нужных документов и отправит их в Варну. Такую же общую справку он попросил подготовить за подписью троих – Дино, Христо, Коли, которые первыми встретили нас. Те согласно замотали головой.

Миляна-юрист пока молчала, но так же просмотрела документы и сказала:

– За въезд нужно платить пошлину. Это, я думаю мы сделаем все вместе… Но, – переглянулась она с присутствующими.

Я понял это так: проживание, передвижение по стране, отъезд в Россию требует средств.

– А можно обменять русские рубли на местные? – спросил я.

Наши новые друзья переглянулись и согласно замотали головой из стороны в сторону, что по-болгарски означает «да». Правда, Миляна заметила, что ранее удобная для них валюта – рубли, сейчас стремительно теряет в весе. Быстро нашелся Славко, который предложил сдать рубли в банк, уже завтра (так оно и случилось, и за свои кровные я получил полугодовую зарплату Славко).

– Дино, друзья, помогите продать нашу яхту? Документы вы, Славко и Миляна, видели – они в порядке?

Дино задумался и обратился к Коле:

– Может быть, кто-то из твоих молодых моряков выбился в богатенькие… После, – замялся Дино, – роспуска социалистических хозяйств?

Так случилось, но часа через два многие проблемы по нашим делам были или решены, или могли быть решенными в ближайшие дни. И вот мы все трое оказались в чистых беленых, как у моего деда в Феодосии, комнатах – с постелями, прибранными цветными одеялами и расшитыми подушками, груботкаными дорожками на полу.

В углу стояли табуретки с медными тазиками и кувшинами, а на столике – глиняные кувшинчики с чистой водой для питья, тщательно укрытые вышитым рушником. В комнатах – ничего больше: ни портрета, ни картинки, разве что глиняная вазочка с розочкой – этим символом Болгарской земли, где в изобилии изготовляется розовое масло для женской красоты, распространяемое в Европе и по всему миру.

Через минуту мы оказались во власти сна – глубокого, дающего силы и поднимающего настроение. Мы не слышали, как к нам зашли и оставили на лавке нашу одежду, выстиранную и выглаженную. И обувь с толстыми шерстяными носками местной цветной вязки.

* * *

Но сон, сделав свое доброе дело, вернул меня к заботам. Когда проснулся, подумалось о том, что нужно не только надеяться на доброе отношение к нам Дино и его друзей, но и на свои силы. Ведь тогда я еще не знал – могу ли обменять деньги? Обмен денег, продажа яхты – это могло затянуться на месяцы…

Конечно, сон пропал, уступив место заботам о будущем. Решил ребят не будить, умылся, переоделся в свое, вышел во двор и пошел искать Христо. Надеялся увидеть его в кабинете. Он оказался на месте, нещадно дымя трубкой на изогнутом чубуке.

Правда, табак был хорош – душист, чем, собственно, и понравился мне, некурящему, но охотно терпящему «хороший» дым. Об этой своей особенности натуры я и поведал Христо, призывая его к разговору.

Христо меня встретил радостно, пошел навстречу, обнял, прижал к себе, потерся щекой о мою с небритой щетиной щекой.

– Садись, друже, вот чай… Говори, если хочешь, а то помолчим вместе… Сейчас крикну Дино – он рядом, в другом крыле управы…

Через минуты две появился Дино и, как и Христо, по-братски снова обнял меня.

– Дино, Христо, друзья, спасибо вам. Давно такого тепла не принимала моя шестидесятилетняя душа… Спасибо…

Так и стояли мы, трое, похлопывая по спине друг друга. И не скрывали скупых мужских слез – не от горя, но от радости: новые болгарские друзья давали ее мне, а я ее принимал.

– Дино и Христо, хотел бы я разыскать одного моего знакомого по Москве. Несколько раз виделись у общих друзей… Он здесь, в Софии, на телевидении… Говорил, что ведет программу…

– Имя, Максим, помнишь? – спросил Христо. – Ведь ваш побег в шторм был неожиданным… Есть ли у тебя его имя в записной книжке?

– Да я и так помню… Имя Стоян, яркое и запоминающееся имя. Ваши имена, попав однажды в голову, остаются там и звучат, как стихи…

– А фамилия? – уточнил Дино.

– Это еще проще: она одна с вашим вождем, Георгием Димитровым… Стоян Димитров!

– Ну если на телевидении Димитровых меньше ста, то мы его найдем… Ведь это имя не только хорошо известное у нас, но и самое популярное… Как у вас – Иванов…

Они весело засмеялись и окончательно заявили:

– Найдем, из-под земли достанем… Правда, это может быть наш Юрий Синкевич?! – обратился Христо к Дино.

Меня как током ударило: ведь что-то Стоян говорил мне о путешествиях? И я спросил:

– Как называется ваша программа?

– «По дорогам мира», – ответил Христо. – Мои ребятишки любят эту программу… А как твои внуки, Дино?

Дино изо всех сил замотал головой, в знак согласия, конечно:

– Завтра же разыщем его, Максим…

В таком приподнятом состоянии я разбудил ребят, но про Стояна ничего не стал им говорить, боясь разочаровать, – ведь его

могло и не быть в Софии в эти дни.

Часа через два мы вместе, стоя на причале, увидели последние проблески дня, и черная южная ночь погрузила все в темень. Чуть угадывались на воде контуры нашей яхты, да по городку расползлись слабые огни фонарей на перекрестках улочек, поблескивая пятнами света на булыжных мостовых. Затихли птицы, затих городок… Еще с вечера мы попросили наших добрых хозяев не беспокоиться об ужине и завтраке и оставить еду в комнатах. Потому утром, опять не разбудив ребят, вышел часов в пять – не смог спать из-за забот и интереса ко всему новому.

Море снова горело золотом, и яхта на этом фоне плыла в невесомости. Блики резали глаза. Но на причале уже кипела работа, суетились моряки, готовя суденышки к выходу в море. Одна шхуна подняла паруса, но в этом безветрии отходила от стенки пристани на моторе. И звук его работы задавал такт всему вокруг. Незнакомые люди кивали и здоровались со мной. Некоторые снимали шляпы и кепки – это кто постарше – таков был знак уважения к новому для них человеку.

Первые шаги мои были к площади с церковью. Меня еще с детства тянуло к любым архитектурным проявлениям в деревне и городках, где я жил с отцом-геологом. И естественно, я не мог проходить мимо церквей. И что любопытно, этот интерес к церкви и церковной службе не раз играл за рубежом важную роль в моей тревожной профессии.

Прошел я к площади по узким улочкам с весьма характерной особенностью строения их домов. Дома прямо-таки нависали над головой – второй этаж выделялся над первым, но не балконом, что было бы естественным. Это были полноценные комнаты с оконцами либо застекленные терраски. Выдающийся над улочкой потолок-пол подпирали изогнутые грубой выделки толстые брусья, от чего в домах и по горизонтали, и по вертикали создавалось чувство определенного ритма. Уже позднее в других болгарских городах и больших деревнях я видел дома такой конструкции не только в два этажа, но и в три.

Все вокруг было чистым, промытым последним штормовым дождем и продутым свежим ветерком с моря. Людей видно не было – они или уже были при деле, или еще не встали. Их я встретил через час с небольшим. Они шли по булыжнику своего древнего городка, не торопясь, причем не было видно ни одного угрюмого лица. Позднее с гомоном пронеслись дети, которые перекали площадь и втягивались в улочку, в конце которой виднелась школа. Из-под распахнутых курточек выглядывали белые рубашки и концы трехцветных галстуков – уж не пионеры

ли они, думалось мне.

Взрослые одеты по современному: плащи, пальто, приталенные куртки у женщин. Мужское население, особенно из рабочего люда, – в комбинезонах.

Но чем старше были люди, тем чаще в их одежде проявлялся национальный колорит: хоть какая-нибудь деталь, но что-то родное, из прошлого. Особенно у женщин: вышитый платок, отороченная узором безрукавка, грубого узора юбка…

Площадь пересек и покатил вниз к причалам трехколесный велосипед – впереди два колеса с площадкой для груза, на которой громоздился чуть ли не десяток картонных ящиков. И потому сидящий сзади водитель высовывал из-за ящиков голову, ища глазами дорогу.

Уже при выходе на площадь размером с наш школьный двор увидел телегу на «пневматиках» – так называли у нас в Феодосии сразу после войны тележные колеса-шины от авто. Эту моду на «пневники» принесли в дни двухлетней оккупации города немцы – их основной транспорт в горах был конный.

На телеге – гора тюков чего-то хорошо упакованного. Когда телега прошла мимо, меня обдал двойной запах, хорошо знакомый мне с детских лет – лошадиного пота и табака. Память немедленно подсказала: купание коней в море и летний кинотеатр при табачной фабрике «Дукат» – там мы, феодосийские пацаны, повиснув на акациях, смотрели фильмы. Рядом с телегой шел с хворостиной в руке возчик, средних лет, в тулупе до пят, ладных туфлях, в которых виднелись цветные шерстяные чулки. Стрижен он был «под горшок», как это делалось в русских, украинских и белорусских деревнях десятки лет назад. Во рту – небольшая трубка с прямым чубуком.

Лошадь ушла далеко вперед, видимо, хорошо зная привычную ей дорогу, а возчик шагал и шагал, глядя себе под ноги, и думал только ему ведомую думу.

Из одной из пяти улочек, сходящихся на площади, послышался цокот о булыжную мостовую подков. Показалась двуколка – двухколесная повозка. Ладная, также на «пневматиках», она имела сзади рогами изогнутые крепкие брусья, на которых размещалась большая бочка. Возница, почему-то был закутан в плащ, даже голова под капюшоном, из-под которого высовывался длинный хлыст, и слышались слова поощрения бегущей лошади. Вот что это были за слова, мне понять не удалось…

Церковь своей передней стеной притягивала взор своим нежно золотистым цветом от лучей восходящего солнца. Стена – это ансамбль строений: основной корпус башенкой, вход с

крохотным крылечком, слева – звонница с пятью мал-мала колоколами. Все это благолепие отделано черепичным узором – чуть выпуклый черепичный купол под крестом, крыша звонницы и ее горизонтальные проемы, подоконники и изогнутый дугой козырек над входом в храм.

Под козырьком – икона Николы Угодника, покровителя моряков и трудового люда. Как и в России, Николай Чудотворец, самый почитаемый у всех православных, в Болгарии тоже был в почете. И Калиакрия не была исключением – рыбацкий, торговый, трудовой городок.

С этого момента пройдет менее пяти лет, и в трехстах километрах к юго-западу от Москвы, вблизи родины моего отца, у нашей семьи появится деревенский дом и несколько соток земли. Здесь в память о погибшем сыне, военном моряке, наша семья возведет часовню, и 22 мая 2001 года, в день Святого Николая, епископ Тульский и Белёвский освятит ее, но уже с трагическим добавлением: Часовня Святителя Николая в память о 119 погибших моряках! 118 – это моряки атомной подводной лодки «Курск», погибшей в водах Баренцева моря 12 августа 2000 года.

…Я постоял у входа в церковь, потянул за ручку небольшую дверь из тяжелых досок, и она легко подалась. Полумрак внушал желание подойти и рассмотреть убранство церкви поближе. И я подошел к алтарю. Иконостас – резной, с признаками былой позолоты. Он, как и у нас, посредине имел икону Святой Троицы, слева – Богородицы и справа – Спаса. Внутри не было яркой картинности, столь обычной в наших церквях. Все скромнее, тона приглушенные, иконы темные от своей старины.

Вблизи алтаря стояли два подсвечника: как и у нас, перед образом Богородицы – круглый и во здравие, а перед Спасом – квадратный и за упокой. Здесь же лежали свечи. Дав себе слово возместить, как положено в храмах, деньгами, пару свечей я взял и зажег их от лампадки: моему сыну за упокой его души и душ ушедших от нас в иной мир родных, близких и друзей.

Когда зажигал свечу за здравие, дверь скрипнула, и краем глаза я заметил вошедшего священника. Пока я творил здравницу, меня священник не беспокоил, стоял у входа. Подошел ко мне после моего скромного общения с Всевышним (я не был никогда воинствующим атеистом, интерес к церкви, службе и ее обычаям имел с детства; ближе к ней стал после гибели сына и рокового события в моей профессиональной жизни…).

– Здравствуй, друг Максим, – произнес из-за спины священник, – давай вместе помолимся за спасение ваших душ в бурном море и от смертельной беды, грозившей вам…

Священник, весь в черном, с клобуком на голове, с тонкой работы крестом на груди, короткой седой бородкой, встал рядом со мной, и только по еле слышным из его уст звукам я понимал: он читал молитву за нас, за наши души. Углубился в мысли о прошедшем и я, и вдруг осознал, что вся эта обстановка – божья обитель, полумрак, свечи, тихое моление – ввергла меня в ранее незнакомое мне чувство, которое чаще всего возникает в таком месте у глубоко верующих людей.

Когда очнулся от забытья, почувствовал влагу на глазах и щеках. Мне и ранее была знакома чувствительная слеза, но здесь, в храме и вдали от Отечества?! А почему бы и нет – ведь спаслись и приняты добрыми людьми!

Не зная, как поблагодарить старого священника, я крепко пожал ему руку и сказал несколько теплых слов ото всех нас троих. Мы вышли на залитую солнцем маленькую площадь, и я обратился к священнику с вопросом:

– Батюшка, вчера мы входили в бухту и услышали перезвон ваших колоколов – это что за праздник у вас был?

– Праздник? Конечно, праздник – вас встречали, сын мой!

И он деликатно оставил меня одного, перекрестив перед уходом широким крестом – всего, с ног до головы.

* * *

К вечеру в городке объявился Славко-милиционер и сообщил, что вопрос о нашем пребывании в Болгарии улажен. Нужно будет, при случае и с оказией, навестить в Варне местную власть и сделать в паспортах отметку о въезде в страну. В отношении яхты пока вестей не было – Коля рыбачил в море.

Днем мне хотелось как можно быстрее связаться со Стояном Димитровым – телевизионщиком, а для меня еще и коллегой. После распада соцлагеря ему пришлось покинуть пост главы болгарской разведки и заделаться журналистом, коим он стал после окончания нашего МГУ. Чуть позднее по профессиональной линии он учился в нашем институте разведки в Подмосковье.

Пришлось идти за помощью к Христо.

– Друже, как все же разыскать мне Стояна Димитрова? – начал разговор я.

И тут же услышал короткое:

– Уже готово…

И пока я закрывал рот от удивления, Христо продолжал:

– Твой знакомый – действительно тот самый телеведущий, «наш» Сенкевич… Мои друзья в Софии еще вчера, правда, поздно

вечером, сообщили мне о нем… Вот его телефоны: рабочий и домашний, – торжественно закончил Христо. – Будешь звонить?

Сразу связаться не удалось – Стояна не было ни дома, ни в студии. Но, видимо, жена или дочь сказали, что он будет дома вечером. В ходе обоих разговоров я торопился положить трубку, опасаясь втянуться в пространные объяснения. Ведь встречался-то я в Москве по линии Ассоциации ветеранов разведки!

После ужина в местной харчевне, где жаркое превзошло все ожидания, и больше ничего не хотелось, мы смогли рассчитаться за ужин сами – деньги, как и обещал, Славко привез.

Побывали мы все вместе в церкви, и кое-какую сумму я оставил в копилке «на ремонт храма». Ребята во все глаза рассматривали убранство «чужой» церкви. И я кое-что рассказал им об особенностях русской православной церкви за рубежом.

Бывая в разных странах, я подметил, что они, церкви, немного разные, правда, только по убранству. В Канаде, например, все светлое, как и у нас, но значительно скромнее. В Багдаде православная церковь больше похожа на болгарскую: и внешним видом (плоский купол), и внутренне. А вот в Румынии стены храма не белые, а черные – оттого возникает чувство придавленности и ущербности человека перед небесами.

Пройдя до конца одной из улочек в сторону гор, мы оказались у большого цельного камня. Надпись на полированной поверхности на двух языках – русском и болгарском – гласила:

> «Здесь, у мыса Калиакрия, года 1791, месяца июля, дня 31 Ее Императорского Величества Российского флота эскадра под водительством адмирала Ушакова в 18 кораблей, 1000 орудий, 9 000 матросов внезапно атаковала и полностью разбила флот Османской империи в 35 кораблей, 2000 пушек, 20000 матросов.
>
> Слава русским морякам.
>
> К столетию битвы – благодарные потомки, года 1891, месяца июля, дня 31».

С пригорка хорошо просматривалась бухта, ее два мыса, развалины крепости на тонком мысу и еще какие-то крепостные остатки по периметру бухты. Где-то там, за этими мысами стояли на якоре турецкие корабли, которые неожиданно атаковал адмирал Ушаков.

К нам, тяжело опираясь на палку, подошел седой крестьянин, что видно было по одежде. И, не совсем хорошо говоря по-русски, спросил: не мы ли вчера пришли на том судне – он указал на нашу яхту, крохотулей выглядевшей на водной глади бухты. И потом он несколько раз переводил взгляд то на нас, то на камень-

памятник.

Двухметровый камень из темно-красного гранита с голубой искрой ограничивался четырьмя корабельными пушками времен парусного флота, врытыми дулами вниз. Справа стоял полутораметровый адмиральский якорь, от которого отходила и с трех сторон обрамляла тесаного камня площадку якорная цепь.

– Так это вы пришли вечера из шторма, – снова, но уже утвердительно, сказал старик.

– Да, отец, это мы… Нашли убежище у вас…

И тогда старик оперся на якорь и начал свой рассказ, пересыпая речь некоторыми русскими словами – но мы все поняли: здесь был камень еще со времен, как он говорил, «вашей царицы Екатерины». Но когда вернулись снова на три четверти столетия турки, этот камень они уничтожили.

– Тот камень видел много крови – на нем рубили янычары головы непокорным…

Старый крестьянин присел на корточки и продолжал:

– Рассказывал мой отец, как после победы над янычарами на Шипке к нам пришел большой военный корабль. Он-то и привез этот камень с надписью…

Мы молча внимали прошлому этой земли.

– Я родился после вашей революции… А в годы оккупации германцами мы, и я тоже, спрятали этот камень, пушки, якорь и цепи в землю… И после победы снова поставили на место…

Четверо стояли у памятника русской доблести. Во мне зрело чувство гордости и безысходности – уже заметно было, что нашу славу едва ли удастся возвратить на прежние высоты. Эту славу растило наше Отечество тысячу лет и особенно – в последние триста. Разрушать начали ее уже в восьмидесятых годах…

…Я еле дождался вечера и из кабинета Христо – он оставил мне свои ключи – наконец-то связался со Стояном.

– Стоян, здравствуй, беспокоит тебя знакомый по Москве… Максим Бодров, – сделал я паузу, давая ему осмыслить услышанное.

В ответ:

– Вы звоните из Москвы?

– Нет, из Калиакрии… Вам привет от Владилена, – чуть ли не по слогам назвал я имя хорошо ему известного председателя правления нашей ветеранской ассоциации. – Мы встречались у него…

Короткое молчание и взрывающийся голос:

– От Владилена Николаевича?!

Теперь все встало на место: мы «узнали» друг друга, особенно когда я услышал:

– Я же снимал тебя для нашего телевидения!

И тут же удивленный вопрос:

– А почему из Калиакрии звонишь? Что случилось?

– Стоян, это длинный разговор – нужно увидеться? Как у тебя со временем? Будешь в Софии? Я подъеду? Куда и когда?

– Нет уж – лучше я к тебе… А то еще потеряешься… Да и давно я не был в тех краях, – решительно заявил Стоян. – Жди завтра к обеду… Обнимаю…

Я подошел к карте Болгарии, которая висела по соседству с портретом великого болгарского революционера Димитра Благоева. Других портретов в кабинете не было. В углу стояло, видимо, еще с «социалистических» времен, переходящее красное знамя и национальный трехцветный флаг.

Болгария – страна между Румынией с севера, Югославией с запада, Грецией и чуть-чуть Турцией с юга, а с востока – только Черное море, много моря. И вся-то она компактная, насыщенная шоссейными и редкими железными дорогами, и не так уж много рек. Главная магистраль – югославский Белград – София – Стамбул, и в нашу сторону – София – Варна. А Варна-порт – это совсем рядом с Калиакрией, километров пятьдесят.

От Софии Стояну придется добираться километров четыреста. В общем, все мы ждали его приезда с нетерпением, ибо кое-что про этого моего «московского знакомца» я ребятам рассказал. Естественно, только об официальной стороне дела. Мне был шестьдесят, Стояну – под сорок пять. То самое интервью он брал у меня с подачи Владилена Николаевича, фронтовика и большой души человека, моего коллеги по профессии, работавшего в советском посольстве в Софии советником. Стоян знал его и в Софии, и в Москве.

… Короткое интервью для болгарского телевидения было связано с очередным юбилеем нашей службы. И Стоян сделал ролик об операции, в которой с целью проникновения в спецслужбу Запада мне пришлось выступать в роли… предателя родины.

В момент записи состоялся любопытный разговор:

– Может, перепишем кое-что, Стоян? – попросил я его, тогда еще робея перед телекамерой.

– Зачем? – разъяснил он. – Чтобы ты ни говорил по-русски, я переведу на болгарский и… как нужно.

И он засмеялся, видимо удивляясь моей наивности делам телевидения. Человек он был веселого склада и в тот день нашего первого знакомства не просто был принят в компанию ветеранов, но был с нами абсолютно на равных, своим человеком.

Вот такую личность мы ждали к обеду.

* * *

Ближе к часу дня по склону дальнего холма на вьющейся там дороге показалась точка. Она быстро превратилась в приземистую автомашину типа «стейшнвагон», по-нашему – фургон. В том, что это мог быть только Стоян, не сомневался Христо, вместе с нами ожидавший гостя у городской думы, как называл ее местный голова.

…И это было не преувеличение – городок жил колхозно-артельно. Все его богатство было здесь, на этой веками политой потом и кровью земле – виноградники с винзаводом, рыбзавод с рыбным хозяйством по всему черноморскому побережью, рыбокоптильня и рыбконсервный завод, фабрика по переработке фруктов и овощей, в том числе знаменитого на всю Россию болгарского перца. И как я понял, славился городок каким-то особым табаком. Мал городок, но богат людьми, о которых Христо говорил только в восторженном тоне.

– Минут через десять ваш гость будет здесь, – молвил Христо. – Такого авто мы в нашем городке не видывали… Это точно он…

– А найдет ли он нас сразу? – засомневалась Ольга.

Она за три дня отдыха еще более расцвела. Ее темные глаза лукаво излучали икорки вечных смешинок – ее душа жила в мире спокойствия. И, видимо, думать о плохом будущем ей не хотелось. Меня же наше будущее тревожило, и очень.

Влад, как всегда, был молчалив, но нет-нет, да я ловил его быстрые взгляды в сторону Ольги. И это меня радовало: если быть на чужбине, даже накоротке, лучше иметь рядом такого друга, каким был этот крепкий телом и душой, не избалованный «модной жизнью» парень.

На горке, в конце улочки показалась автомашина и, чуть не заполнив ее всю своим массивным кузовом иноземной постройки, подкатила к нам, лихо затормозив в метре от нашей четверки.

Не закрывая дверцу, из авто выскочил Стоян и бегом бросился к нам. Выше среднего роста, спортивно скроенный, с копной полуседых волос и с широкой улыбкой на лице, он был весьма приятен, видимо, в своей уверенности, что его ждут с нетерпением. В последнем он не ошибался.

– Заждались, друзья, – успел выкрикнуть извиняющимся тоном Стоян, прежде чем сгрести меня в крепких объятьях.

И вот так, что-то бормоча, он сгребал каждого из нас, начав с Христо, – в знак уважения к местной власти. По внешнему виду нас он выделил сразу – это русские. Обнимая нас, он тискал наши плечи сильными руками и тормошил, встряхивая все наше тело.

Последней в его объятья попала Ольга. Перед ней он сделал мгновенную паузу, видимо, решая, можно ли «тискать» молодую женщину без ее согласия. Но все же рискнул, и Ольга утонула в его объятиях. Затем он отступил на шаг и, смеясь, попросил за свою вольность прощения:

– Извини меня, прекрасная незнакомка, но больше этого не повторится – только с вашего разрешения! – поклонился Стоян.

Ольга игру приняла и весело молвила:

– Рада вас видеть, темпераментный незнакомец, – и протянула руку. – Ольга!

От пожатия Ольгой его руки Стоян даже поморщился – рука у нее была крепкая, закаленная морем и дельфинарием. Но Ольга еще и лукаво сказала:

– Это вам за мои кости, которые трещали в ваших дру-жеских объятиях…

Краем глаза я заметил, как в момент этой короткой перепалки Ольги и Стояна напрягся Влад, но виду не подал.

И вот мы в знакомом кабинете Христо, к нам присоединился Дино, успевший немедленно побывать в объятиях Стояна. Я подметил, что это такая манера – обниматься при встречах болгарина с болгарином, временам по нескольку раз в день. Хорошая манера! Добрая привычка – братская!

За знакомым резным столиком нас шестерых ждал традиционный кофе. Разговор начал Христо:

– Стоян, моя семья мгновенно затихает, – говорил он по-русски из уважения к нам, – когда идут позывные твоей программы «По дорогам мира»… Младший двухлетний внук кричит: «Сенкевич на экране…», а внучка поправляет: «Это наш Стоян, а не Сенкевич…». Вот так они, да и каждая семья в нашем городе, уважают тебя, Стоян… И нашего русского брата – Юрия Сенкевича…

Дино обратился к Стояну с ракией – национальной виноградной водкой:

– Здоровье твое, Стоян… Здоровье Максима, Влада и Ольги… Всем – здравие…

Стоян внимательно поглядывал на меня – ведь мы не перебросились и парой слов, чтобы оговорить наше прежнее знакомство на профессиональной основе.

– Стоян, друг, спасибо за столь быстрое участие в нашей судьбе… Чтобы не утомлять наших болгарских друзей – они уже знают эту одиссею – скажу коротко: для нас была угроза быть убитыми мафиозными парнями… Мы проникли в их тайну… Это случилось в Судаке: я – военный моряк-отставник, оказался невольным свидетелем расправы над местным коммерсантом…

Через Влада мне передали, чтобы я убирался из города, а потом стали угрожать и Владу, и Ольге, вплоть до убийства… Мы бежали в шторм пять дней назад на яхте моего умершего друга… Яхту ты уже заметил там, в бухте… Вот и все – подробности потом…

Главное, что он должен был понять в моих отношениях с болгарами, – я простой отставник флота, и только. Затем мы снова оказались в светлой застольной горнице, что рядом с баней. И снова те же люди – наша троица, Славко и Миляна, а во главе стола – Дино. Не было Коли, он все еще рыбачил, стремясь урвать у природы кусочек хорошей погоды.

Застолье длилось не столь долго, как в момент нашего прибытия. В центре внимания, естественно, оказался Стоян. Он быстро отвлек интерес к его персоне, переводя на воспоминание о жизни в Союзе, Москве. Каждый из болгар с радостью воспринимал беседу на эту тему. Каждому было что вспомнить о тех днях. И, как мне показалось, в их мыслях, не высказанных вслух, сквозила горечь – Союза больше нет: ни Советской России, ни соцстран, ни той самой, искренней, братской дружбы народов. И еще тревога: что будет с их страной – Болгарией? Если капитализация, то в какой форме? Не так же, как это началось в России?

Когда все разошлись, мы вернулись в свои горницы в подворье. Ребята пошли пройтись по городку – они уже облюбовали на холме толстого мыса местечко: там их фигуры можно было увидеть в разное время дня и вечера. А мы со Стояном остались в горнице.

– Ну что, Максим, – тронул меня Стоян за руку, – рассказывай?

И я подробнее поведал о событиях, заставивших меня и Ольгу бежать из Севастополя и затем вместе с Владом – из Судака. Конечно, я не имел права упоминать об операции «Шхуна».

– Мои коллеги из штаб-квартиры в Ясенево попросили кое-что сделать в Севастополе… По линии научно-технической… Но после завершения дела украинская безпека, видимо, вычислила меня. Срочно пришлось уйти в тень… Вначале в Судаке…

– А Ольга, какая ей необходимость была бежать на яхте? – спросил Стоян.

– Она приехала домой, где кончала школу, причем вместе с Владом… К больному отцу, с которым давно они с матерью не жили… А тут Влад и я, с «моим» Рыжебородым…

Я рассказал подробно о моем умершем друге-контрразведчике, его подарке-яхте, о помогавшем мне Рыжебородом и его «встрече» со мной на Алчаке, его угрозах ко

мне, Владу и Ольге.

– Понимаешь, Стоян, Рыжебородый проговорился, что «высокие люди» из Севастополя затевают что-то против меня. Сложив все вместе – их положение и мое, мы решили не испытывать судьбу – бежать… И в шторм нам это удалось… И мы оказались здесь, чуть севернее Варны… Причем это место выбрали специально – оно маленькое и менее заметное для прихода «без паспорта»…

Коротко рассказал о том, что удалось сделать с легализацией пребывания в Болгарии, полученных деньгах, попытке продать яхту и планах на будущее. Особенно меня беспокоила судьба ребят – ведь они из-за меня оказались вовлечены в события, которые привели к их побегу за рубеж.

– Деньги пока есть, на месяц хватит. И за яхту надеюсь получить кое-что, – оптимистично заявил я.

Стоян перебил меня:

– Я ведь теперь полумиллионер – все же ведущий программы на центральном телевидении. Попал я туда после развала болгарской госбезопасности…

– Ты ведь журналист? – спросил я. – Так тебе и карты в руки… Стоян насмешливо посмотрел на меня.

– Не это, а старые связи в нынешней власти. Понимаешь, по нашей линии… Особенно те, кто помогал в нашей профессии и работал с нашей службой от души или не без пользы для себя… Там, за рубежом… Вот они меня и прикрыли, опасаясь за свои шкуры, – жестко закончил Стоян. – А ты говоришь, журналистика! Хотя ты прав, и «моя» журналистика… Ведь за рубежом она была моим прикрытием…

Мне было интересно такое откровение Стояна. Я не хлебнул этих забот после августа девяносто первого года – продолжал работать по линии подготовки кадров для нашей службы.

– Значит, Стоян, ты стоишь на ногах твердо? И твое прошлое тебя не подкосит?

– А что, у вас, Максим, – не так? Как я понял, особого наката на госбезопасность не было, если не считать ее дробления на «княжества» – ФСБ – контрразведчиков, СВР – вас, разведчиков, ФАПСИ – техников и пограничников…

– Ты прав, Стоян, «запрета на профессию» не было… Все осталось на своих местах, точнее – все люди… Я преподаю в нашем, и твоем, институте разведки… Ты окончил курсы на спецфакультете? Полный курс в три года?

– Точно, Максим, время было отличное. И жена была при мне, но не в пригороде, а в самой Москве. Причем училась там с русским языком, занималась филологией…

– Как у тебя с детьми, Стоян?

– Трое – дочь, это она отвечала тебе по телефону. Еще два сына – 12 и 10… А как у тебя?

– Было трое…

Стоян вздрогнул и напрягся.

– …дочь с внучкой, сын старший, морской курсант, погиб, но есть еще второй сын с внуком…

Посерьезнев Стоян, крепко сжал мою руку у предплечья и в знак скорби сжал зубы и мужественно поджал нижнюю губу.

– Что будем делать дальше, Стоян? Что посоветуешь?

Стоян молча взглянул на меня и сказал:

– От моих старых коллег по службе я знаю, что дела в России идут, мягко говоря, не лучшим образом… В вашем Белом доме засели американские советники, и ваш президент под их полным влиянием, – решительно скороговоркой высказался Стоян.

И продолжил:

– От наших источников в Европе известно, что цель американцев не соцлагерь, и не просто Советская Россия… Они хотят развалить вашу страну до такой степени, чтобы и мысли не было о былом величии России… Прости меня, Максим, их цель – «окончательное решение русского вопроса»…

– Ты прав, Стоян, они набросились в первую очередь на нашу инфраструктуру с целью лишить нас экономической силы… Но кроме американцев, в окружении президента действуют силы «пятой колонны» с их массой перевертышей из партноменклатуры советского образца…

Мне было горько, что маленькая Болгария наверняка войдет в капитализм весьма безболезненно, а мы, Великая Россия, будем мечтать через десятилетие о том, чтобы не исчезла российская государственность как таковая. И что чудовищное ограбление народа, начатое еще при Герострате Горбачеве, закончится раздроблением страны и превращением народа из бедного в нищего. И что по уровню коррупции в первое десятилетие нового века страна окажется на 182 месте из 183, на равных среди стран Латинской Америки и Африки!

…Стоян предлагал следующее:

– Может быть, вывезти вас всех в Софию и уже там решать все дела? – Нет, Стоян, в Софию я хотел бы уехать один… Есть один вопрос, который мне нужно решить в интересах Влада и Ольги… Речь идет об их будущем, если уж они оказались за рубежом…

Стоян внимательно слушал, перебирая ключи от автомашины. Вернее, не сами ключи, а четки с разноцветными камушками. Мой взгляд перехватил Стоян.

– Это мой сувенир и талисман: каждый камушек означает

место, где я побывал… Начал с камней побольше: это означало континент – их пять. И висели они просто на нитке. Причем первым был один камушек – «европеец»… Затем нить приросла «африканцем» и другими камнями-«континентами»…

– А потом – страны? – подхватил я.

– И да, и нет. Их слишком много. Камушки означают страны или города, где я побывал, но обратил внимание на эти, особенные…

– И что, Стоян, ты помнишь каждый из них? Откуда он? И чем знаменит?

– Максим, – передал мне Стоян четки, – смотри сам: видишь эти, крупные? Их шесть…

Я нашел шесть камней, чуть крупнее остальных. А Стоян продолжал пояснение, указывая на тот или иной камень:

– … вот тот – «континент», даже цвет подобрал, «европеец»… Чуть темнее – «индеец» из Северной Америки. Еще темнее – Южная Америка, черный – «африканец» и желтый – Азия. Все камни найдены или приобретены на местах пребывания…

– А Австралия?

– Это мой будущий визит – будет зеленый камень. И будет два белых – один прозрачный, а другой белесый, как молоко… Догадайся – почему?

Я поднапрягся и вдруг прозрел:

– Лед, снег, север?!

– Точно! – поддержал меня Стоян.

– Ну с Южным Полюсом – все ясно. Там земля имеется? – догадливо заметил я. – А вот как с Северным?

– Побываю на Новой Земле – вот и появится белый…

– Не появишься еще долго – там наши ядерные испытания, полигон…

– Ничего, Максим, я терпелив, подожду, – с улыбкой заявил Стоян. Он стал указывать на камешки в четках:

– Этот – «парижанин», а этот – «лондонец», вот из Москвы – красный, из Багдада, из Перу – «перуанец», от пирамиды столицы народности майя… Мой любимый, голубой – «софийский»…

Так мы с удовольствием прервали деловую часть беседы и отвели душу в разговоре о прошлом.

– Друже, Максим, я рад, что ты повеселел…

И Стоян потрепал меня по щеке, что означало доверие ко мне и причисление к кругу близких друзей. Чисто восточное проявление нежности к близкому человеку!

– Стоян, ты был в Перу и, видимо, побывал на плато Нески с его таинственными фигурами?

– Конечно, причем потом сделал передачу, сняв все эти

фигуры с воздуха… Это загадка из загадок, не правда ли, Максим?

А мне не терпелось похвастаться моим «богатством» – собранием НЯП, необъяснимых явлений природы.

– Только не подумай, что пятнадцать лет разницы в нашем возрасте дает тебе право посчитать, что шестидесятилетний профи-в-отставке сошел с ума! Я старый поклонник всех этих «загадок»… И не один десяток лет, – с нескрываемой гордостью заявил я. – И закрой рот – ворона влетит!

Стоян выглядел здорово озадаченным. И не давая ему опомниться, я коротко рассказал о моем многолетнем хобби из области НЯП. Скороговоркой перечислил: Тунгусский метеорит, бермудский треугольник, Атлантида, НЛО и другие, более мелкие «няпы».

Когда я упомянул о том, что все это мое «няповое богатство» собиралось с сороковых годов и сосредоточено в тысячах страницах, Стоян заволновался.

– Не пущу! – деланно заорал он. – Не пущу тебя в Россию…

А для убедительности своих намерений схватил за одежду, демонстрируя готовность прямо сейчас задержать меня в Болгарии.

– Максим, друже, пока ты здесь в Болгарии, давай сделаем передачу. Ну, например, под рубрикой «По дорогам НЯП»?!

– А работа в институте? – как-то буднично спросил я. – Отпуск у меня тридцать дней, но он уже наполовину пройден. Правда, мне добавили наши из Ясенево на командировку для «севастопольских дел»… – Это все не проблема… Продлишь за свой счет, а мы оплатим, – торопил решение Стоян.

– Но у меня же нет здесь материала – того, «няповского»?

– Ну, это вообще не проблема: твой звонок в Москву, жене – и наш курьер все привезет. Первым же самолетом! Ну как?

В отличие от болгар, я замотал головой, забыв, что у них это означает согласие.

– Вот и ладненько, – чисто по-русски обрадовался Стоян.

Но я его остановил жестом и всем своим видом показал, что все это нельзя пороть сгоряча.

– Давай успокоимся, и все по порядку… Мы оба с тобой – мечтатели и строители воздушных замков! – решительно возразил я. – Нужно думать – и работа, и семья, и ребята… Их надо устраивать… А НЯП от нас не убежит…

Стоян все понял, согласно замотал головой и с видом рыбака, у которого сорвалась с крючка очень большая рыба, развел руками. А мне представилось, какой переполох произведет в семье мое появление в Болгарии. Да и в штаб-квартире в Ясенево!

Для всех я – в Крыму!

Кто мог подумать, что этот разговор о моих НЯП сорвет с мест и приведет в движение несколько человек из разных стран, объединит их для решения единой задачи и вовлечет их в серьезную круговерть не на один день.

Впрочем, все по порядку…

Закончили мы разговор со Стояном возле памятника русскому флоту. Мне хотелось показать его Стояну, подталкивая тем самым к возможной теме его телепередач. В стороне от памятника, в нескольких метрах от него, уютно пристроилась каменная скамья. Мы присели на теплую от лучей солнца лежащую на скамье дубовую плаху.

Перед нами до самого горизонта простиралось спокойное море, по глади которого в сторону бухты маленькой букашкой полз кораблик. Это, вернее всего, Коля вел свой сейнер – его прихода мы ожидали.

– Стоян, хочу просить тебя помочь мне устроить моих молодых друзей… Пусть они побудут в это тревожное для моей родины время за рубежом… Коли уж так случилось оказаться им вдали от родной земли… – Чем смогу – помогу! – коротко ответил Стоян. – Что предлагаешь? Я помолчал, все еще колеблясь в принятии решения о поиске моего давнего «друга-врага» из школьной и профессиональной жизни. Коротко о нем не скажешь, да и нельзя – это по линии спецгруппы ГРАД. Но где его искать, я и сам не знал. Даже под каким именем он живет? Но именно он, если его найти, мог бы обустроить судьбу моих друзей. И я решился.

– Стоян, есть три момента, которые решат судьбу моих ребят: одно – это розыск нужного мне человека. Его я знаю еще со школьной скамьи и работал с ним в шестидесятые и семидесятые годы за рубежом. Это – во-первых. Во-вторых, нужно на два-три дня место с телефоном, где он меня разыщет сам. И в-третьих…

– Не много ли, Максим? – прервал меня весело Стоян. – Дай-то Бог разобраться с этими двумя, как ты говоришь, «моментами».

Веселился Стоян неспроста – это он таким образом давал мне понять, что согласен помочь мне.

– Слушай, друг мой – торопыга, точнее, дослушай до конца, – сделал я вид, что «готовности» его не понял. – Третий пункт – это ты сам, со своим согласием помочь нам…

Мы хлопнули друг друга по рукам, затем по плечам и встали со скамьи.

Вечером мы, все четверо, собрались за ужином в харчевне на площади. Думается, что это место существовало в городке еще со времен турецкого ига – все говорило здесь о глубокой старине:

огромный грубого камня камин с настоящим огнем в нем, массивные столешницы столов и под стать им табуреты, утварь на стенах из меди и чугуна, бронзовые подсвечники наподобие факелов…

И если обедом угощали Стояна мы, то ужин он взял на себя, категорически заявив:

– Чтоб мне вовек не пить вин из местной лозы, если хотя бы один сотник ляжет на этот стол не из моего кошелька! – и он обратился к входящим в харчевню Дино, Христо и Коле, ища у них защиты от нашего агрессивного стремления отобрать его право оплаты ужина из наших скудных средств.

Мы встали, приветствуя наших друзей, и познакомили Стояна с Колей-капитаном.

В конце ужина, когда тосты за все, что можно, включая внуков, были подняты, я объявил свое решение моим ребятам:

– Завтра еду со Стояном в Софию. Будем устраивать вашу дальнейшую жизнь – то ли дорогу домой, то ли здесь, в Болгарии или в Европе…

Конечно, для них мое заявление не было неожиданным. Мы говорили на эту тему ранее. Но сейчас нужно было убедить их пожить еще немного в Калиакрии, где так радушно мы приняты.

– Ребята, думаю, дня на три вы не будете в тягость нашим добрым друзьям? – обратился я не столько к ним, сколько к Дино и Христо.

Те согласно замотали головами, а Коля добавил:

– Я им устрою такую рыбалку, что ты, Максим, и ты, Стоян, пожалеете о бегстве от нас…

То, что Коля-капитан обещал ребятам «грандиозную рыбалку» – это хорошо. Но у нас была еще одна забота – яхта. Ведь после прибытия в Калиакрию мы на ней так и не побывали. А ее следовало привести в порядок после трудного похода в штормовом море: обтянуть ванты, осмотреть помещения и высушить там воду, а еще – паруса. Их нужно не просто проветрить, а хорошо просушить на солнце.

– Ребята, кроме чистоты снаружи и внутри, нужно проверить помещение для двигателя, которого, как вы знаете, там нет… Вернее всего, там скопилась вода. И еще – там лежат чугунные чушки – балласт. Проверьте их крепление…

Ребята с веселым видом замотали головами. И я спросил:

– Что-то вас не устраивает?

В ответ они еще энергичнее закивали головами и рассмеялись.

– Максим, это мы с тобой разговариваем на языке жестов… По-болгарски… Конечно, согласны! И паруса просушим, и

уложим их в форпик, и проветрим все помещения, – говорили наперебой ребята.

– А заодно и позагораем, – предложила Ольга, тепло взглянув на Влада.

Но пришлось ее предупредить:

– Оля и Влад, на воде тепло кажущееся… Я однажды в Бахчисарае от такого тепла простудился до потери сознания… Напомните? Я расскажу…

Рано утром меня разбудил Стоян, спавший в соседней комнате. Выпив крынку молока с куском душистого и почти горячего хлеба, видимо, кем-то доставленным в мою комнату буквально несколько минут назад, мы со Стояном выехали в сторону Софии.

Дорога была разная – и горная, и среди полей и виноградников, вдоль речушек. Стоян с увлечением говорил о красотах своей земли – так мог рассказывать только комментатор, наделенный даром любить и свою, и чужую страну. И делал он это в сравнении с местами, посещенными им за рубежом.

В деловой части беседы мы оговорили мое проживание в частной гостинице, причем за его счет:

– И не проси, Максим, только так… Это «гостиница» только по названию, а вообще-то наша квартира у добрых хозяев для наших гостей по линии телевидения… И моих личных…

Так я оказался на окраине Софии – этого чудесного города с историей не в одно тысячелетие. Хозяева белокаменного домика с тремя нависающими друг над другом этажами отвели мне комнату на самом верху с большой застекленной террасой.

С высоты пологого склона и моей террасы я любовался панорамой города – днем щедро освещенного солнцем, при закате – в проблесках розовых теней в густой молодой зелени парков, аллей и улиц, а утром – в голубой дымке наступающего дня…

Естественно, к моим услугам был телефон и… завтрак. Обедал я в кампании со Стояном, который возил меня по окрестностям с историческим прошлым. Ужинал я сам, предпочитая после этого прогулки наедине с собой. В семь часов обязательно возвращался домой и ждал звонка от моего «врага-друга».

И он раздался на третий день. Это было закономерно: так не раз разыскивал меня мой школьный товарищ, чуть не убивший меня в Ленинграде еще в далеком пятьдесят шестом году. Он возникал передо мной в Подмосковье, Тбилиси, на Севере и преследовал меня в Токио, а затем сотрудничал с моей службой в той же Японии, Канаде, Германии и Греции.

Он нашел меня после моего звонка в Гонконг на его старый адрес, который мы многократно использовали вплоть до его окончательного исчезновения в семьдесят восьмом году после операции «Пегас». Я пошел на этот риск потому, что за месяцы пребывания его в Союзе мы о многом переговорили.

Когда он, навсегда распрощавшись с нашими щепетильными делами, уезжал в свободное плавание за рубеж, состоялся доверительный разговор:

– Максим, именно ты мог бы знать мое новое имя… Но оно появится позднее, когда я растворюсь в одной из стран… Вернее всего, где-то в Европе…

Я с пониманием кивал его пояснениям о будущем. А он продолжал:

– Мое имя, настоящее, … никто знать не будет… Контакт – только через близких мне люди, обязанных мне многим. Эти люди остались в Гонконге…

– Значит, я могу тебя найти там, за рубежом?

– Конечно, телефон ты знаешь…И если вдруг случится оказаться за рубежом, и тем более, если нужна будет моя помощь – звони… Обязательно звони!

Вот почему мой звонок в Гонконг на его турфирму-прикрытие при его работе по линии ЦРУ и Массад помог мне разыскать Бориса.

…Итак, на третий день ожидаемый Борис объявился. И как истинный профессионал, он хотел убедиться, что говорит именно со мной, Максимом Бодровым, который при разговоре с Гонконгом представился Тургаем. Только мои коллеги в штаб-квартире в Ясенево знали мой оперативный псевдоним и еще… Борис.

Услышав мой голос, а говорил я не просто «да, слушаю», а назвался своим полным именем – Максим Бодров, Борис обрадовано воскликнул:

– Где ты шляешься, чертов сын… Ждал твоего звонка еще месяц назад!

Так Борис давал понять, что это именно он. Сам же он еще не знал: действительно ли я – Бодров?!

И тут он ввел в разговор эпизод, известный только нам двоим:

– Максим, жаль, что я не могу показать тебе моих слонов.

Я понял сразу: Борис говорит о школьной проделке, когда на уроках в залитом солнцем классе он смешил нас показом теней на стене в виде слонов из пальцев. Никак не называя его и давая понять, что я убедился в его личности, я спросил:

– Не покажешь ли ты слонов здесь, как это делал в школе?

Приезжай и покажи!

Я-то думал, что этим вопросом только дам ему понять, кто я, а он:

– Конечно, приеду. Ты где сейчас? В Софии? Или еще где-то?

– Мы в Калиакрии, севернее Варны… Оказались здесь в связи с трагической случайностью… В общем, приплыли из Крыма на яхте… Борис все понял. И, помолчав, предложил:

– Хочу тебя видеть, и очень… Обещаю прибыть к тебе морем через шесть суток, на своей яхте… Жди меня…

И тут он представился своим новым именем:

– Не будь я Брисом Глезосом, если прибуду хотя бы на день или час позднее… Яхта-то у меня быстрая, крейсерская…

Профессионально короткий разговор уведомил обе стороны о главном: опознали друг друга и назначили встречу – ее место и время. А для меня стало ясным: Борис Гузкин теперь – Брис Глезос.

Он сохранил свои инициалы, а фамилию выбрал героическую: юный греческий патриот Манолис Глезос в годы оккупации Греции фашистами водрузил над Акрополем национальный флаг.

Оставалось ждать. В моей профессии нет ничего утомительнее, чем ждать. Это тревожное состояние поселилось во мне навсегда. Правда, теперь ожидание было близкое к радостному. Хотя и удивило такое неожиданное желание приплыть на встречу со мной. То, что на яхте – это означало, что мой «друг-враг» состоятельный человек? А то, что вот так вдруг: видимо, что времени у него хоть отбавляй?!

Я рассказал Стояну о будущем визите моего друга в Болгарию, не говоря о его богатом событиями прошлом. Конечно, Стояна удивил не столь визит, сколько то, на чем «друг» прибудет. Но я и сам не мог дать внятных пояснений по этому вопросу.

– Я знал его еще со средней школы в Подмосковье, а потом были встречи в Токио, Монреале, Западном Берлине… И все – по нашей линии…

Об Афинах я промолчал, ибо слишком дерзкой была операция там – тот самый «Пегас»! Тогда с его помощью наша научно-техническая служба угнала в Союз новейший истребитель с американского авианосца. После этой операции «школьный друг» исчез.

Стоян понятливо помотал головой, и больше мы к этому вопросу не возвращались. А пока «друг» плывет в Болгарию, он предложил собрать нас всех вместе и повозить по историческим местам. Причем в первую очередь, – на Шипку, столь хорошо

известную в России как символ доблести русских солдат в войне за окончательное освобождение болгарского народа от турецкого пятисотлетнего ига. Случилось это в семидесятые годы девятнадцатого века.

…О Шипке кое-что я знал еще лет с пяти, когда мой дед по линии отца подарил мне десять томов дореволюционного издания «Детской энциклопедии». Там я увидел копии картин полюбившегося мне позднее художника-баталиста Верещагина. Это были его знаменитые полотна на тему русско-турецкой войны. Читать я еще не умел, но мне зачитывали подписи под картинами и текст со страниц энциклопедии. Имя «Шипка» врезалось в память, и позднее меня интересовало все, что было связано со сражением за эту гору и с турецкой войной.

– Побываем в Габрово, самом веселом городе не только Болгарии, но и Европы… А может быть, и мира! Почему бы и нет? Я бывал в чужих странах – ничего подобного не встречал, – настаивал Стоян.

Я не возражал, ибо об этом «городе анекдотов и всего веселого» что-то слышал. Но не более того, что этот городок был серьезным соперником нашей Одессе. Об этих своих неглубоких знаниях о знаменитом Габрово я поведал Стояну. И с удовольствием принял предложение.

София, Шипка, Габрово…

Утро вечера мудренее – это о Стояне. Ранним утром он разбудил меня и сказал, что мы едем в… Варну. И первым вопросом было: почему, зачем, мы ждем ребят в Софии? И это через день после разговора с «другом», когда мы со Стояном готовились встречать в болгарской столице ребят, прибывающих их Калиакрии автобусом?

Для них уже выделили комнаты в моих «апартаментах» на третьем этаже приветливого домика старых болгар. Ольге отвели крохотную комнатку два на два с половиной метра, с маленьким оконцем, но с огромной тахтой, покрытой длинношерстным узорной выделки ковром. И вид из оконца был отличный: горы синели за массивом зелени – то ли садов, то ли лесов. Влад будет со мной на спальном месте на тахте, правда, более скромных размеров.

Все заботы по питанию мы возьмем на себя. Я решительно отстоял это право перед Стояном, стремившимся продолжить финансирование нашей троицы.

Первое знакомство со столицей происходило, конечно, в сопровождении Стояна… Но ребят мы не дождались, а сами поехали к ним… в Варну.

Предложение Стояна было весьма привлекательным – морской музей. В общем, рандеву с ребятами было назначено в двенадцать дня возле музея. Их туда должны были подбросить из Калиактрии. Так и случилось: в полдень мы были у музея и воссоединились с Владом и Ольгой.

Нас встретил друг Стояна – подводный археолог Катюша: она и по паспорту именно Катюша (а не Екатерина), так ее нарек отец-партизан в честь песни «Катюша». Эта песня в годы войны стала боевым гимном антифашистов в Болгарии и других странах Европы.

В музее мы увидели каменные якоря в возрасте двадцати пяти веков, амфоры с характерным славянским орнаментом и другие вещи обихода. Катюша рассказала о крепости, ушедшей под воду… День мы закончили в мотеле на берегу моря, куда нас привела подводный археолог.

О чем был разговор с Катюшей, лучше всего может быть понято из записи, сделанной Стояном по свежим впечатлениям о визите в Варну.

Историческая справка. Среди болгарских археологов бытует твердое мнение – в прибрежных водах страны сокрыто столько

реликвий, что их хватит на добрую сотню исторических музеев.

Ученые, приобретя дополнительную профессию аквалангистов, уже извлекли со дна Черного моря значительное количество уникальных предметов. К ним относятся каменные якоря с кривитских судов, доказывающие торговые связи этого района со Средиземноморьем еще в XV веке до новой эры.

В краеведческом музее города Ропотамо можно видеть и другую редкость – амфоры, явно принадлежавшие южным славянам. Ученые отнесли их к VI веку. Сосуды свидетельствуют, что первые славянские племена, переселившиеся сюда из причерноморских степей, охотно перенимали опыт греков и других народов Балкан по перевозу своих продуктов моря.

Каждый год большие археологические работы проводят члены клуба «Морское общество» из Бургаса. Их открытие середины восьмидесятых годов – находка средневекового порта Ранули. В текстах IX века называется крепость с таким названием, принадлежавшая болгарскому правителю Круму.

Однако в более поздних документах название Ранули уже не упоминается. Ученые разобрались: почему? Берег Бургасского залива с XII века испытывает ряд опусканий. И крепость ушла на дно моря. Археологи установили, что около нее находился крупный морской порт, игравший важную роль для этих мест именно в X веке.

А на следующий день мы двинулись на Шипку. Появились мы там часа через два, преодолев несколько не очень крутых перевалов. Еще издалека увидели на вершине горы этот всемирно известный памятник. И потом еще более часа преодолевали путь к нему по дороге-серпантину.

О Шипке, конечно, мы знали, но… вот о войне того времени, конечно, почти ничего. Разве по картинам художника-баталиста Верещагина.

… Пока мы добирались до вершины, Стоян о событиях вокруг Шипки не распространялся – его «звездный час» будет там, на самой вершине горы! Рассказывал я: о визите в родной дом художника.

Вот это воспоминание.

Георгиевский кавалер Верещагин. Дом стоял у кромки волжской воды в городе металлургов Череповце. Туда осенним днем мы прибыли на теплоходе с шестидневным визитом в ряд старинных городов, среди которых Углич (место убийства царевича Дмитрия), Кирилло-Белозерский монастырь (обитель и крепость на северо-восточной Руси).

Мы чуть было не опечалились – дом-музей братьев Верещагиных оказался закрытым на осенний профилактический

ремонт. Но удалось попасть внутрь дома и уговорить заведующую, милую женщину-энтузиаста, рассказав ей о моем «личном знакомстве» с Верещагиным в глубоком детстве с помощью «Детской энциклопедии», изданной еще в начале века.

В доме были репродукции картин художника – «Апофеоз войны» с пирамидой черепов, а из «болгарской серии» – трагического звучания «На Шипке все спокойно!». В общем, из «гнезда Верещагиных» ушли мы, получив на память о доме-музее буклеты и купив отличного качества альбом.

А почему музей «братьев»? Художниками стали два брата, а где-то за синими далями в то время приютился, еще в древние времена скрываясь от набегов, городок Елабуга. Один из братьев знаменитого художника поселился там и наладил производство вологодского сливочного масла. Начав с России, фирменное масло высшего качества на многие годы завоевало европейский рынок. Об этом свидетельствует тот факт, как рассказывали мне знакомые французы, что под маркой «верещагинское масло» до сих пор можно найти его собрата в их стране.

Не могу я в своем рассказе обойти трагическую гибель художника. Это случилось в военно-морской базе Порт-Артур в первый день Русско-японской войны. В канун ее художник приехал для работы над зарисовками батальных сцен в ожидаемой войне. В богатой острыми событиями истории нашей Отчизны художник был вместе с ее участниками, причем уже в который раз.

Так он делал в годы войны в Туркестане и на болгарской земле… За непосредственное участие в военных действиях в Средней Азии художник-баталист, единственный из всех русских художников того времени, был удостоен почетной награды – офицерского боевого георгиевского креста.

…Без объявления войны японцы напали на русский флот, атаковали торпедами флагманский броненосец. Во время боя с ними он оказался на минном поле, взорвался и затонул в считанные минуты.

В тот трагический день Россия лишилась дух своих великих сыновей, талантливых людей, гордости Земли Русской: в мартовские холодные воды ушли художник Василий Васильевич Верещагин и флотский стратег и кораблестроитель адмирал Степан Осипович Макаров…

…Мы медленно приближались к Шипке. Величие памятника героям Шипки – доблести русских воинов – было не так заметно из-за дальности. Он казался не более спичечного коробка, поставленного на узкий торец. Но с каждым поворотом шоссе памятник вырастал в размерах и вблизи закрывал уже полнеба,

нависая каменной громадой над собравшимися у его подножья людьми.

Вид с высоты горы открывался изумительный – дали на десятки километров. На это в первую очередь обратил наше внимание Стоян, естественно, взявший в свои руки рассказ об этом знаменитом месте.

Это была не размеренная и хорошо заученная речь заштатного экскурсовода. Мы стали свидетелями пылкого рассказа человека, влюбленного в свою родину и ее историю. И мы внимали каждому его слову, жадно поглощая даты, количество войск и славные эпизоды подвигов армии и солдат-одиночек.

Стоян говорил, что благодарная память его сограждан сохранила детали тех зимних дней и ночей. По заснеженному крутому склону русские солдаты под огнем с хорошо укрепленных турками позиций ворвались на вершину и повергли врага в бегство…

Мы перешли к другому барьеру, от которого с высоты горы просматривался еще один знак уважения русскому солдату из истории последней мировой войны. У подножья горы, но с другой стороны, возвышался многометровый светлого камня памятник советским воинам и освободителю, нареченному болгарским народом Алешей.

К нему и был наш следующий путь. Еще во время посещения небольшого музея, размещенного в основании памятника героям Шипки, мы отбратили внимание на фотопортрет женщины с Георгиевским крестом. Тогда что-то нас отвлекло. И вот теперь, спускаясь к памятнику советскому солдату по ступенькам, коих было более ста, мы напомнили об этой фотографии-экспонате.

– Стоян, почему эта дама награждена, и у нее между колен стоит гусарская сабля? – спросил я Стояна.

– Ты обратил внимание на саблю? Но почему гусарская?

– А темляк? Кисточка особая – из мелких «косичек»… Потому и гусарская…

– На этом фото – наша героиня, подобно той, что в фильме «Гусарская баллада». Тогда русские воевали против Наполеона… И та героиня имела реальный прототип… А наша – фрейлина императрицы и еще кавалер боевой награды – офицерского Георгиевского креста, болгарского и румынского орденов, – начал свой рассказ Стоян.

Девица-гусар. Оказывается, ее род фон Штоф ведет свое служение России с Петровских времен. Ее прапра… участвовали во всех войнах России – петровских, с турками, на Кавказе…

Бежать на фронт Александре помог ее брат. И она, прямо из

Смольного института благородных девиц, прибыла в действующую армию, где доказала, что может быть кавалеристом: прекрасно ездила в седле, владела саблей, стреляла из ружья…

«Зеленый корнет», она начала воевать, командуя сотней донских казаков. Год провела она в боевых действиях. И когда обман раскрылся, казаки не могли поверить: «Неужели нами командовала баба?!». С войсками она прошла боевой путь от Шипки до Плевны.

А затем – санитарка в госпитале; не получив согласия от императрицы, вышла замуж за студента-медика, там же, на фронте. Брак с простым человеком стоил ей баронского титула – царский двор ее не принял. Но императрица все же оставила ее при себе – для «диковинки», в звании статс-дамы, возвратив ей титул фрейлины.

Взамен светской жизни ее семья выбрала работу под Саратовом: он – врач, она – фельдшер. У них было шесть детей, но они до революции не дожили.

– В 1925 году Александры-гусара не стало. Ей было 66 лет. В Болгарии, месте ее боевой молодости, Александре Штоф-Соколовой так и не пришлось побывать, – завершил рассказ Стоян.

Любопытен уникальный факт из истории советско-болгарских отношений. Он приводится в коротком рассказе из опубликованной в 2010 году моей книги «Разведка Великой Отечественной». В разделе «Болгарский эпилог» говорится о работе разведки советской госбезопасности в условиях фактической оккупации Болгарии гитлеровцами.

Уникальность заключается в том, что царская Болгария была союзницей Германии и имела договор о ненападении с Советской Россией. Это был единственный случай в годы войны, когда обе воюющие стороны – Германия и Советский Союз – имели одновременно посольства в одной столице.

Чтобы лучше представить ситуацию с Болгарией в этой войне, привожу отрывки из книги («Болгарский эпилог»):

«… После успехов Красной армии у Сталинграда и на Курской дуге в Болгарии резко активизировалось партизанское движение.

Еще в начале войны в Болгарию были заброшены разведывательно-диверсионные группы, состоявшие из болгарских эмигрантов-антифашистов. Организатором Движения сопротивления – подполья и партизан – стало Загранбюро болгарской компартии. Через это бюро разведка советской госбезопасности наладила связь с Сопротивлением.

Осуществил это опытный подпольщик и партизан еще времен

Гражданской войны в нашей стране, сотрудник органов госбезопасности с 20-х годов Дмитрий Георгиевич Федичкин.

(Справка. Советскому руководству было известно о том, что большой интерес к Болгарии проявляет премьер-министр Британии Черчилль. Он проводил политику, направленную на объявление Болгарии военным преступником с тем, чтобы можно было ввести в эту страну англо-американские войска.

Балканы постоянно являлись зоной повышенного интереса Британии, и Черчилль в переговорах со Сталиным многократно возвращался к этой теме, вплоть до обсуждения предложения открыть „второй фронт“ как раз на Балканах. Однако это не входило в планы Москвы.)

…Кроме источников в окружении царя Бориса, сотрудники резидентуры, возглавляемой Федичкиным, сумели приобрести источники в болгарском правительстве, в министерстве иностранных дел, армии, в политических партиях. Ее работе способствовал успех Красной Армии на советско-германском фронте. И, конечно, глубинные симпатии болгарского народа к России и Советскому Союзу.

Была вскрыта попытка болгарского правительства в обход СССР договориться с англо-американской стороной о сохранении антисоветского режима в стране и недопущении Красной Армии в ее пределы. И советская разведка пристально следила за секретными переговорами между Болгарией, США и Англией с целью сохранить угодный Западу режим…

5 сентября 1944 года СССР объявил Болгарии войну, отверг предложения о перемирии и ввел в эту страну свои войска, рассчитывая на поддержку болгарского народа. И вновь созданная болгарская армия воевала против Германии до конца войны.

Характерен такой факт: „окопным“ орденом Отечественной войны разведчики, работавшие в зарубежных разведточках в годы войны, были награждены специальным решением лишь в 1980 году. Но Дмитрий Федичкин получил эти два ордена еще в годы Великой Отечественной войны.

Работа разведки в этой стране позволила фактически без военной конфронтации привлечь на сторону антигитлеровской коалиции и в интересах советской стороны целое государство – союзника Германии. А еще ранее – не дать этой стране открыть фронт военных действий против СССР силами царской болгарской армии.

„Ценный агент стоит целой армии“ – это высказывание Ронге, германского разведчика Первой мировой войны. Но советские разведчики во главе с Федичкиным пошли дальше – они с группой агентов из числа болгар предотвратили вступление в

войну против СССР целого государства!».

…От Шипки до Габрово – рукой подать, и все под горку. Этот древний город стал известен русским людям еще с войны 1877–1878 годов, когда здесь проходили главные сражения с турецкими войсками за Шипкинский перевал. Турки стремились не пустить русские войска в южную часть Болгарии. Расположен город вблизи этого стратегически важного для войны перевала на берегах быстрой горной реки Янтры.

При подъезде к городу с высоты очередного поворота дороги Стоян остановил машину и указал на хорошо видную церковь Успения Святой Богородицы:

– Мы подъедем в первую очередь к этому месту. Это для города и всех болгар почитаемое место…

И действительно, когда мы оказались вблизи церкви, то поняли, что имел в виду Стоян.

– Здесь чтут память русских воинов, – говорил Стоян. – В этой братской могиле лежат 16 офицеров и 465 нижних чинов 14-й пехотной дивизии, погибших в боях и умерших от ран в госпиталях…

Мы пошли к другой могиле-памятнику – прапорщикам Краховецкому и Николаеву…

– И таких мест в Габрово десятки, – пояснял Стоян. – А город стал таковым лет за пятнадцать до знаменитой битвы за Шипку. Его жителями стали бежавшие от турок из Софии и других крепостей. После освобождения Болгарии от турок Габрово стремительно стало развиваться и даже получило прозвище «болгарский Манчестер»…

– А сейчас? – спросил Влад.

– Сейчас – в основном легкая промышленность…

Мы вышли к центру города, насыщенного стариной до предела – стены древних зданий, мосты, колокольни церквей, просто дома с красивыми узорами на стенах. И мало прохожих. Видимо, был рабочий день…

– Обратите внимание на мосты города, – говорил Стоян. – Это старинные шедевры… Их отреставрировали как памятники славной истории города и страны…

– И что они носят собственные имена, как, например, в Москве или Ленинграде – там даже есть Поцелуев мост, – воскликнула Ольга.

– Конечно, и здесь также: «мост рабов», «мост львов», «артистов», «основателей города»…

– Сколько жителей в Габрово сейчас? – спросила Ольга.

Стоян помедлил и ответил:

– За двадцать лет город потерял четверть своего населения, и

виной тому стал развал соцлагеря… Люди покидают и город, и страну… Сейчас здесь проживает около 60 тысяч человек…

– То, что Габрово получил мировую известность за его юмор, это понятно, но… – заявил Влад.

Но его перебила Ольга:

– …но правда ли, что город стал обладателем чего-то на небе?

– Правда, – пояснил Стоян. – Действительно, в честь Габрово назван астероид, отрытый в день юмора… 1 апреля…

Много интересного еще и еще поведал нам Стоян об этом любопытном городе. Вот его рассказ.

Габрово – город юмора и не только. Возник город в эпоху раннего Средневековья, ибо стоял он на перевале горной Болгарской цепи. Здесь была открыта первая болгарская школа (1835). Город в этот период переживал свою эпоху Возрождения. И этому времени посвящен музей на открытом воздухе, километрах в восьми от города.

И конечно, Дом сатиры и юмора, в основе которого оказалась якобы скупость жителей, а на самом деле – их остроумие. Мы были поражены обилием экспонатов со всего света.

– Здесь собраны в 10 залах на площади 8 000 квадратных метров экспонаты из 153 стран мира, – пояснял Стоян. – И все – о юморе и сатире… А вот и советский экспонат…

И Стоян показал нам вполне серьезный документ: копию Почетного свидетельства, выданного Институтом теоретической астрономии АН СССР, о присвоении названия «Габрово» астероиду 2206, открытому именно 1 апреля…

Почти в черте города – крепость, в давние времена защищавшая перевал. На самом перевале мы видели памятник Свободе, и рядом с ним – памятник советскому солдату Алеше.

Габрово – побратим городам одиннадцати стран. Из России – только Мытищи, а на Украине – Чернигов.

Город считается болгарской столицей юмора, наподобие Одессы, и ежегодно в нем проходят фестивали юмора. Сами габровцы часто выступают персонажами анекдотов и даже имеют свой статус юмора – габровского. Этот юмор – гимн скупым людям, более того, – чрезмерно жадным, стремящимся сэкономить на всем.

В Габрово находится единственный в своем роде Дом юмора и сатиры (по-болгарски – Дом на хумору и сатирата). Дом проводит регулярно различные юмористические конкурсы с вручением званий лауреатов, причем и художникам-карикатуристам.

Стоян передал нам распечатку из интернета о Габрово,

которую ему любезно предоставил знакомый ему сотрудник музея. Вот как представлен в Интернете раздел «Анекдоты про габровцев»:

«Для тех, кто не знает, кто такие габровцы – жители Габрово, района Болгарии. Судя по анекдотам, некоторые из них – большие жмоты. Сверхэкономность и жадность – основные темы анекдотов про габровцев».

А начинается серия анекдотов в Интернете с семи характеристик габровцев под общим заголовком: «Про габровцев говорят…»:

…все габровские мужчины записались в общество охраны животных, чтобы иметь возможность отказывать женам, когда они захотят иметь кожаное пальто;

…чтобы не платить трубочисту, они запускают в трубу кошку, подпалив газету, привязанную к хвосту;

…кошкам они отрезают хвосты, чтобы можно было быстрее закрывать двери и не впускать холод;

…они солят рыбу так, чтобы одну рыбину можно было съесть не меньше чем за неделю;

…покупают они не гладкие дрова, а с сучками: от них больше тепла, потому что пока их порубишь, то хорошо согреешься;

…угощая чаем, они нагревают ножи, чтобы ими нельзя было взять масло;

…покупая пудру для жены, они досыпают в коробку муку, чтобы надолго хватало…

Как-то так вышло, что экскурсия по Софии у нас все не получалась. Стоян нас «таскал» вдали от нее. За два дня до прихода в Калиактрию судна «друга детства» Стоян вывез нашу троицу на знакомство с древним городом. Оноправдывался:

– Это я специально вас томил, чтобы вы еще острее почувствовали древность моего города…

И хотя Стоян был путеводителем хоть куда, все же он решил иметь дело с профессионалами – архитектором и археологом.

Свой путь мы начли с окраины, где старина от греков и римлян если и не просматривалась, но все же незримо присутствовала. Стоян позвонил некой Свободе, которая оказалась архитектором-хранителем старины. И вот первые шаги по окраинным улочкам. Свобода поясняет:

– Здесь почти все – памятники… И во всех домах жизнь продолжается. Тридцать зданий – совсем старички, им по сто пятьдесят лет. Они сфотографированы и документированы. В основном это – деревянные дома…

– Строили их народные мастера? – спросила Ольга.

– Просто строившие их были талантливыми людьми, – как бы

протестуя, что ее перебивают, довольно резко молвила Свобода.

– Значит, самоучки! – удовлетворенно буркнула Ольга.

А Свобода продолжала.

– Эта скала – часть местного ландшафта, а для города – целый район. И здесь прохладно, так как мы находимся на высоте более тысячи метров. Но, – указала Свобода на площадь в конце улицы, – лучше это почувствовать там.

Мы оказались в кофейне на крохотной площади с древними зданиями и признаками заботы о них.

Указав на крайний столик, Свобода сказала, что эта кофейня – ее постоянное место, и отсюда она открывает приезжим свой город. Мы молча крутили головами: справа от нас лепились разноцветные деревянные домики с высокими открытыми верандами. Эти веранды словно парили в воздухе над нижними этажами. Дальние дома утопали в молодой зелени – виднелись лишь красные черепичные крыши, да за ними вставали далекие горы. Слева журчала река, за рекой – тоже горы с густым хвойным лесом.

И умиротворяющая тишина…

Мы повернули головы на звук цокота копыт. На площадь въезжала повозка, высоко груженая хворостом. Паренек в ярко красной рубашке, ведя под уздцы низкорослую лошадку, сделал небольшой круг и остановился у кофейни. Видимо, его здесь хорошо знали – через минуту девчушка лет двенадцати вынесла ему глиняную кружку с ледяной водой, настолько она была запотевшей.

Свобода пояснила, что леса вокруг города чистые от бурелома. Зима суровая, а лес на дрова рубить нельзя, и потому сухостой собирают летом, но этот паренек начал заготовку дров с ранней весны.

– А кофе мы будем пить у меня дома, – решительно заявила Свобода. Выходя из кофейни, она потрепала парнишку по черным вихрам и, назвав его по имени, поблагодарила за раннюю очистку леса от хвороста. А тот, на секунду прильнув щекой к ее руке, видимо, за знак внимания к нему, как-то не по-детски, тихо произнес:

– Радость моему сердцу слова твои, Архитектор…

Свобода заметила, что возраст в Болгарии – святоуважаемое время для живущих людей. А этот парнишка Заслав – из очень древней и верной традициям семьи.

Несколько шагов от площади, и мы очутились в тесном лабиринте дворов. Прошли по зигзагообразной улочке шириной шага в три между каменными глухими заборами. Но и здесь она продолжила лекцию о старине города.

– Вот фасад, сохранился целиком, решетки деревянные. Каждый квартал – на холме. Речка журчит. И часто вот так здесь из века в век живет один род. А предметы, заборы, стены улиц, дома сделаны руками старого мастера. И все это и сегодня на месте, не потерявшее своего смысла в пользе людям…

Мы крутили головами, еле поспевая за пояснениями нашего влюбленного в свой отчий край гида. И вдруг ее окрик: «Стойте!».

– Эти стены двух соседей тянутся друг к другу, и в каждой стене с краю – по окошку. Как вы думаете – почему? Окошки для сплетен: соседка общается с соседкой…

Дом Свободы оказался весьма старым. Пересекая маленький дворик, утопавший в цветах, хозяйка повела нас на второй этаж. Под самой крышей – веранда с четырьмя дверьми: дом построен в виде креста. Такая конструкция сохранилась в самых старых здешних особняках. Внизу живут зимой, там и печка. На втором этаже – летние помещения. В главной комнате – сундук, старинный, с многовековой историей. В нем собраны вещи многих поколений предков – ковры-килимы, покрывала, разноцветные подушки из яркой парчи…

С гор повеяло мокрым снегом. И Влад, глубоко вздохнув запахи дома, с добрым чувством молвил:

– Пахнет старым деревом…

Уже потом, в Москве, готовя эти записки, я нашел заметки о визите в дом Свободы-Архитектора. Здесь были мысли, навеянные этим «случайным» визитом, с обобщениями, второпях набросанными на борту «Аквариуса».

Заметки автора. Прохлада древности… Мастер в этом доме отразил стиль своей жизни, психологию и экономику своего времени. И почему-то так случилось, что именно на дружеской болгарской земле вдруг прозреваешь: строя дом, человек оставляет на улице пред порогом кусочек свободной земли, места для «вежливости», чтобы можно было посторониться, пропустить телегу или соседа, горожанина, странника. И наконец, осознаешь: на окраине этого древнего города всему оставлено свое место – и чтобы на брусчатке после дождя грязи не было, и чтобы улицы стали ручейками в пору вешних вод, и чтобы порог твоего дома располагал к знакомству…

Уже приспособив эти заметки в текст рукописи, я вспомнил свое босоногое детство в Феодосии, куда на лето мы приезжали к деду. Там нас, пацанов, к морю выводила улочка у дома «певца моря» – великого художника Ивана Айвазовского. Улочка с брусчаткой имела небольшой уклон в сторону моря. Брусчатка?! Не потому ли она всегда была чистой и после дождя, и при ветре с гор или с моря?

В конце шестидесятых на улочку выходили три главных достопримечательности древнего города: дом-галерея-музей Айвазовского, краеведческий музей и музей-квартира Александра Грина, создателя романтической новеллы «Алые паруса» и целой страны ГринЛандии.

Редко бывал я в Феодосии после ухода деда из жизни, а он прожил девяносто два года и был однажды самым старым человеком в городе с двадцатью пятью веками истории. Где-то в конце семидесятых годов я «мою» улочку не узнал. И если овальные, полированные временем булыжники в прошлом жгли наши пятки, то теперь под ногами через подошвы обуви ноги чувствовали жар размягченного асфальта. И – мусор, который вместе с пылью ветер поднимал выше человеческого роста.

Так прелесть векового булыжника канула в вечность вместе с чистым горно-степным и морским воздухом.

…Стоян все чаще интриговал нас. Однажды он привел нас к бывшей площади Ленина, и мы спустились в подземный переход. Мы остановились в удивлении, словно попали в другие измерение: прекрасно сохранившаяся старинная кирпичная кладка, амфоры, статуи… Надписи поясняли, что при строительстве перехода найдены остатки древнего города Сердина, заложенного в XI веке до новой эры.

Как это было чудно, что слова были обращены непосредственно к пешеходам: мол, вы стоите на том уровне, на котором жил город тысячу пятьсот лет назад. А вот здесь предлагалось пройти через главные восточные ворота и идти мимо двух башен и крепостной стены, охранявших город до XIV века.

И еще! При выходе современную плитку перехода сменили огромные плоские камни. Мы чуть было не прошли мимо, но замерли, когда Ольга воскликнула:

– Они стерты ногами тех самых древних горожан, римлян…

Уже наверху мы шли между внушительными административными зданиями и вдруг – котлован: раскопанная церковь Святого Георгия и вокруг фундаменты строений, следы улочек…

Из молчаливого созерцания нас вывел Стоян:

– Только археологи способны «расслоить эпохи» и показать, как, что и когда человеком было сделано. Не правда ли?

И он продолжил:

– Это снят еще один культурный слой… Но что важно, и это факт – София никогда не смещала своего центра. Ну, как в Москве – Кремль…

В центре Софии высится церковь все того же Святого Георгия.

Ее базилика построена в IV веке в качестве римского общественного здания, а внутри – великолепная средневековая живопись, относящаяся уже к периоду Болгарского государства.

У нас на языке вертелся вопрос: как соседствует новое строительство с археологией? И вот мы снова в пригороде и не подозреваем, что под ногами лежит десятиметровый культурный слой.

Стоян указывает, что самые первые пласты, кажется, относятся к времени фракийцев – они первыми поселились здесь.

– Возможно, причиной для этого был местный горячий источник. Здесь на поверхности можно видеть, как в их трубах в стене старой турецкой бани и сейчас течет теплая вода, и люди приходят сюда с посудой.

Фыркнула Ольга, наша любимая торопыга:

– Из-за теплой воды построить город? Всего-то?

Не выдержал я, вспомнив Тбилиси:

– А знаешь ли ты, Ольга, что славный город с историей в тысячу пятьсот лет именно так и появился? Мы с моей женой Ниной провели там «медовый месяц» и целый год…

– Ну и что? – стала уже дразнить Ольга.

– А то! Название города состоит из двух слов: «тби» – тепло и «лиси» – вода.

– Одно верно, – вклинился в разговор Стоян, – главное – здесь тысячелетиями пересекались самые важные дороги. Не только внутри Балкан, но и пути из Европы в Азию, северных народов с южными…

Историческая справка. В разные эпохи этот благодатный край привлекал к себе людей, здесь проходили торговые пути из Приазовья к Средиземному морю и из Европы – на Ближний Восток, в Африку.

Здесь расцветали мощные цивилизации: фракийская, древнегреческая, римская, византийская, славянская, и каждая оставляла свой след. На языке археологов – культурный слой. Частые войны, восстания, набеги воинствующих кочевников, а во время пятисотлетнего османского ига – бесчинства разбойников-кырджали: они предавали огню и грабили города, а значит, делали жизнь ненадежной.

В любую из драматических коллизий люди прежде всего прятали в тайниках ценности. Вот почему только в XX веке в Болгарии были найдены в десятках местах тысячи ценнейших свидетельств того времени, возраст которых исчисляется тысячелетиями: это сотни килограммов золота в изделиях из времен десятка цивилизаций.

И вот находки двадцатых годов превратились в мировую

сенсацию – «Панагюрские сокровища» стали изюминкой Болгарии на зарубежных выставках: в Нью-Йорке и Лондоне, Вене и Токио, в Москве…

…Вести нас в Национальный музей Стоян не решился – это заняло бы целый день. Но он предложил побывать там самостоятельно. Правда, заинтриговал нас экспозицией «Панагюрских кладов».

– Они из района древнеримских медных рудников, где кладоискатели, по-болгарски «иманяры», занимались этим издревле, – говорил Стоян. – Это о них говорит народная мудрость: ищу клады старые, портки ношу дырявые…

Встреча с другом детства

В ожидании Бриса и за сутки до его появления Стоян привез нас в Калиакрию. С утра мы собрались в кофейне с видом на море. Ждали появления парусов яхты Бриса.

Часов в десять из правления пришел Христо и сказал, что звонил Брис, назвался другом Максима и сообщил, что через пару часов войдет в бухту. И действительно, за толстым мысом показались косые паруса идущей вдоль берега, видимо, большой яхты. Вот они обогнули толстый мыс и вошли в «ворота» бухты. Паруса упали, и стройная двухмачтовая яхта под мотором, сделав элегантную дугу, встала рядом со своей «младшей сестрой» – нашей крохотной яхтой «Кафа».

Коля-капитан решил идти к прибывшей яхте на своем катере, но этого не потребовалось. Из-за невидимо нам борта выскочила большая надувная лодка, и ее мощный подвесной мотор понес двух человек в ней к пристани.

Через несколько минут все вместе мы протянули руки и легко вынесли на пристань моего друга Бриса. Не видел я его семнадцать лет. Но он был узнаваем, только здорово седой. Когда-то ехидные круглые темные глаза излучали доброту. Из примет его выдавали все также сросшиеся у переносицы брови, а маленькая аккуратная бородка делала его похожим на… загадочного инженера Гарина из популярного телесериала по мотивам повести Алексея Толстого.

– Ну, здравствуй, Максим! – прижал меня к себе друг детства и, видимо, умышленно перемежая английские и русские слова, воскликнул, – в тебе килограмм сто?

– А ты как был худощав и строен, таким и остался… Не в коня корм? – спросил я.

– В коня, в коня… Просто я не поддаюсь страстям в тарелке и кое-как держусь…

И он представился, пожав каждому руку и называясь только именем – Брис. Весь его вид выражал живой интерес к встречавшим. Такая манера людям импонирует. Задержал он руку в своей руке, здороваясь с двумя из нас, – Ольгой и Стояном.

Ольга, как стало ясно потом, озадачила его тем фактом, что была одна среди столь разношерстной кампании мужчин в возрасте от 25 до 60 лет. А Стоян насторожил его своим изучающим взглядом, как сказал позднее Брис, то ли профессионала из спецслужб, то ли журналиста. И тогда, позднее, я его «успокоил», сообщив, что он был «прав дважды» – Стоян работал под прикрытием журналиста за рубежом. И добавил, что

он наш друг.

И опять было застолье в честь Бриса, причем только его одного, ибо из команды никто на берег не сошел. И по этому его шагу мне стало понятным, что он владелец яхты, и его команда наемная.

В горенке, что рядом с парилкой, снова собрались знакомые лица, правда, без Славко-милиционера и Миляны-юриста. Брис с удовольствием пригублял местное вино, заявив, что крепкие напитки не его страсть. Конечно, всем хотелось узнать, включая меня, что за гость прибыл к нам. И наше любопытство Брис удовлетворил. Кроме того, мне было весьма интересно наблюдать, как Брис по крупицам выдавал на горасобравшимся свою новую биографию-легенду.

– На каком языке лучше всего будем разговаривать: греческом, английском, русском? – спросил он и добавил, что русский ему менее всего знаком.

Естественно, порешили, что русский наиболее доступен каждому из собравшихся. И Брис мастерски разыграл спектакль с его «плохим знанием» русского языка. О себе он рассказал немного: он из семьи греческих судовладельцев малых и средних сейнеров. Вошел в дела родных более десяти назад, после возвращения на родину, где он не был с начала восьмидесятых годов. Скитался по всем континентам, но более всего на островах Тихого океана. Яхту-шлюп строил сам и уже пять лет бороздит моря и ее борт не покидает, иногда до трех месяцев.

– Сейчас мое «хобби» – путешествия по морям и волнам… Постоянное мое жилье – на острове в Ионическом море. Исторически там жили православные греки, весьма добрые к добрым к ним людям… Я, кажется, им понравился, – весело закончил Брис.

И, сделав свой вклад в беседу, Брис подтолкнул всех нас к разговору на общие темы. Просидев за столом чуть ли не три часа, ближе к вечеру мы разошлись. Стоян увлеченно беседовал с Ольгой и Владом. И мы с Брисом оказались одни на гостином дворе, выложенном крупным плоским камнем.

– Пройдемся, Максим, – предложил Брис. – Есть что вспомнить… И о чем поговорить.

И мы двинулись узкими улочками приветливого городка к заветному теперь месту – памятнику русской славы. Там, уютно разместившись на теплом дереве каменной скамьи, мы до самого заката беседовали и наговорились всласть. Время от времени бросали взгляды на две стройные яхты, отражавшиеся в спокойной воде бухты.

– Что за команда у тебя? – спросил я Бриса.

– Это молодые ребята, греки… Из морских семей… Я отбирал их, не торопясь. Они из тех семей, предки которых были спасены русскими моряками еще в девяностых годах века Екатерины Второй…

– Это когда турки свезли на остров Занд пятьсот греческих ребятишек? Для продажи? – уточнил я, зная кое-что об этой трагической истории из событий русской разведки и моряков.

– Вот именно, Максим, именно об этом идет речь… Русские моряки отбили их у турок и на корабле увезли в Россию, в Петербург. Удивительно, но все доплыли, хотя некоторые были очень малы и в возрасте от пяти лет… И путь их был далек: Средиземное море, Гибралтар, бурный Бискайский залив, Северное море и Балтика…

– Значит, твои молодцы преданы тебе?

– Еще как! Греки нашего острова – люди чести… На их родине помнят доброту русских, – с гордостью в голосе сказал Брис. – И они это оценили… Помогли мне брать у них уроки русского языка… Не парадокс ли: мне, русскому, учить русский язык?!

– Но теперь ты – грек, Брис?

– Конечно, грек, но… не натуральный, что ли… Из «кочевников», а по-русски – перекати-поле…

– А документы? Они появились у тебя в семьдесят восьмом, когда после нашей с тобой операции «Пегас» ты исчез?

– Конечно, Максим, документы абсолютно чистые… В этом я себе не отказал… Никакой подделки… Есть и запасные… Хочешь и тебе выправлю?

Мы молча вглядывались друг в друга – все же прошло столько лет! И узнавали по еле заметным приметам: он – тот же оптимист, а я – под стать ему неунывающий Максим. И были мы с ним не только в средней школе, но и по разные стороны баррикад в спецслужбах. А затем, в шестидесятые и семидесятые, встречались за рубежом, уже как единомышленники.

Чуть ли не два десятка лет состарили нас, но не наши души и стремления. Оба мы за пределами шестидесятилетия все еще хотели активной жизни.

– Как твои дела, Максим? Семейные?

– Ты знаешь, было трое детей – средний сын погиб… Он был военный моряк…

Брис напрягся, гримаса боли пробежала по его лицу, и он тронул меня за руку, крепко сжав мои пальцы.

– … жена-хлопотунья, мой крепчайший тыл в нашей тревожной жизни… Внучке уже восемь лет… Внуку – два…

Я поймал на себе грустный взгляд Бриса. Тогда, в семидесятых, он все еще не имел прочной семьи. А его исчезновение из мира прервало связи с его семейным прошлым.

– А как ты, Брис? Можно тебя так называть даже в нашем одиночестве? Боюсь перепутать.

И Брис рассказал, что формально у него семьи нет. Есть жена, но гражданская.

– Чудесная гречанка, но вполовину младше меня… У нас двое детей, и я дал им свое имя и средства на будущее. Они – двойняшки, им по десять лет – мальчик и девочка… Я к ним очень привязан…

Переходить к разговору о делах не хотелось. Мы жили нашими светлыми воспоминаниями, особенно теми – из детских и юношеских лет. Тогда было все просто и понятно. Душу согревали какие-то мелкие события… Но я вынужден был уже сегодня рассказать о недавних волнениях вокруг нашего побега и о моей тревоге за судьбу ребят – Ольги и Влада.

– Очень бы не хотелось их разлучать, Брис. Они симпатизируют друг другу, знакомы с детства… Если останутся на Западе, то поддержат один другого.

Брис тронул меня за руку и предложил:

– Может, направить их на учебу в Европу? Во Францию или в Англию? Средства имеются… Ты спросишь, откуда они? Оттуда – из нашего боевого прошлого… Кое-что разместил в банках… Наличными в личных сейфах…

– А я уеду домой… Через ту же Болгарию…

Почувствовав в моем тоне нотку грусти, Брис спросил:

– Что-то тебя дома не устраивает?

– Да, Брис. После «севастопольской страды», вернее всего, я окажусь за бортом преподавательской работы… Туда, после девяносто первого, приходят руководить случайные люди… Без опыта в оперативной работе и преподавательской… А я еще до того в работе со слушателями занимался новаторством и имел поддержку…

– А теперь ты им не нужен? Новая метла…

– Не только не нужен. Я их раздражаю, и они страдают от своей некомпетентности… Такие вот дела, Брис! Все, что не из-под их пера – это от лукавого! А перо-то тупое…

– Да, это мне знакомо! воскликнул Брис.

– Сейчас мода на тех, кто из категории «одобрямс». И это не только в России…

Вдруг Брис встрепенулся:

– Слушай, а Стоян, как я понял, – наш коллега?

Подтверждая догадку Бриса, я кивнул.

– …и что это он говорил о каких-то твоих НЯП? Что за НЯП, Максим?

Я вкратце рассказал Брису о моих многолетних увлечениях необъяснимыми явлениями природы и упомянул о предложении Стояна подготовить телепрограмму на эту тему.

– Он готов организовать получение моих материалов по НЯП из Москвы… В срочном порядке…

Реакция моего «школьного друга» была весьма неадекватной. Он вдруг вскрикнул и чуть не во весь голос заорал:

– Эврика, Максим, это то, что нужно! И не только мне, но и тебе! Владу и Ольге… И может быть, и Стояну – он ведь ведет программу… И журналист?!

Я растерянно смотрел на него и не мог вставить ни одного слова. Брис бесновался вокруг меня, размахивая от радостного возбуждения руками.

Наконец, я прикрикнул:

– Сядь! Стыдно… тебе не шестнадцать, а шестьдесят, – деланно отчитал я его.

Брис сел, обнял меня за плечи и поведал следующее, всколыхнувшее и мою жизнь, и всех нас – не на один день и месяц вперед.

– Слушай, Максим, и не говори потом, что ты не слышал, – встав в позу, патетически заявил он. – Слушайте, люди города и Влад с Ольгой, слушай, Стоян…

Почему-то мне было не смешно, но и не было печально. По форме Брис ерничал, а по содержанию его слова были наполнены пленительным содержанием.

– Я изнывал от безделья. После наших профессиональных нагрузок, когда жизнь была на разрыв… И вдруг – сытость и спокойствие… Лягушачья жизнь в теплом болоте… Есть деньги, дом, семья, яхта, природа, море, наконец, но не было душевного центра тяжести! Хорошей доброй цели бытия, Максим!

– Но ведь есть яхта? Походы? – уточнил я.

– Да, построил яхту, увлекся и начал путешествовать…

– И далеко ходил? – спросил я.

– Максим, исходил все Средиземное море… Как турист… Хотел побольше набраться впечатлений… А цели не было – ради чего они, эти впечатления?

– Как это «не было»? – возмутился я. – Страны? История? Брис, что-то не то ты говоришь?

– «Не то»? Это пассивный отдых с мелкой целью, столь свойственной старушкам-пенсионеркам, – ехидно произнес Брис, – накачка знаниями… Казалось бы, с яхтой становилось ясным: цель – построить…

Мы успокоились и молча думали каждый свою думу. И вот тихо, как-то удрученно и даже укоризненно, Брис промолвил:

– А тут ты, со своими НЯПами. Это же находка, Максим!

– В чем? – все еще недоумевая, спросил я.

– Неужели не понял? Каждый НЯП в отдельности – это тайна. А тайна обрастает фактами, крохотными или большими сведениями, которые…

– … которые можно интерпретировать по новому, – продолжил я мысль Бриса. – Но во что?

– Естественно, в гипотезу, свою собственную, оригинальную…

– Нетрадиционную? Верно, Брис? – сказал я и добавил. – Мне это знакомо: чуть ли не с сорок шестого года я веду досье по Тунгусскому метеориту… Работаю над книгой… И своей версией…

И он закивал, явно довольный тем, что расшевелил меня. Так мы и решили, что можно было бы совершить целевой поход по моим НЯПам вдоль и поперек Средиземного моря.

Солнце приблизилось к горам и вот-вот собиралось уйти за них. День угасал, а нам не хотелось уходить, и темнота нас не беспокоила. В ней еще лучше думалось и мечталось. Решив, что утро вечера мудренее, мы двинулись к нашему временному дому. Вернее всего, дома нас уже не ждали.

И Брис предложил переночевать на яхте, вызвав с причала матроса с катером.

– Почему бы и нет? – кивнул я.

Он показал мне устройство размером с пачку сигарет и пояснил, что это сигнальное приспособление:

– Здесь смонтировано три вида сигналов, точнее – их извлечение: световой, радио, ультразвуковой…

– А ультразвуковой зачем? – спросил я.

– Для скрытности, как и радиосигналы в виде условных кодов…

Минут через двадцать мы оказались на борту отлично скроенной и уютно обустроенной яхты. На ней могли разместиться восемь человек, включая двух членов экипажа.

С палубы мы ушли быстро, ибо ветерок, столь приятный на берегу, здесь нас легко продул. Но спать не хотелось, и к утру мы выработали план действий. Отказаться от такого шикарного плана – в этом были уверены и он, и я – никто из наших друзей не смог бы.

– Пусть меня проглотит осьминог, – в сердцах воскликнул я, хлопая по колену Бриса.

– …и меня тоже! Только кашалот! – вторил он, и сам себя спросил, – отказаться от такого путешествия?!

Обсуждая наш план, я поражался удивительной способности Бриса даже простой намек превращать в конкретную основу к действию. Ну как тут было не вспомнить последние часы в городке, когда он, впервые услышав о НЯП, сформулировал целую стратегию?! И сразу нашел место каждому из нас и тогда, и теперь – уже на борту яхты.

– Итак, – констатировал Брис, – нас пятеро: ты, я, Влад, Ольга… Стоян едва ли откажется – это точно в русле его телепередачи… А тут, прости меня, предлагается на халяву такое путешествие с регулярными телепередачами из разных уголков… Пока с берегов Средиземного…

– Пока? – удивился я.

– Именно «пока», – торжествующе заявил Брис. – Ну не собираешься же ты ограничить поиски своей Атлантиды только Средиземной лужей, как говорил отец фашизма Муссолини?!

Я только развел руками, положившись в вопросе маршрутов нашего похода на Бриса. Подробно вопрос об обязанностях мы решили поработать позднее, когда получим согласие на поход остальных членов будущей команды. Одно было ясным, что должностных обязанностей много больше, чем человеко-единиц. Выход нам был знаком: каждый станет многостаночником.

– Слушай, Максим, – с чувством повторил Брис словосочетание «многостаночник».

– Это уже из нашей юности… Стахановское движение… Люди искали в себе скрытые возможности… Как в кинофильме о советской Золушке-стахановке в исполнении нашей Любови Орловой!

– Ты, Максим, имеешь в виду «Светлый путь»?

– Вот именно… С его маршем энтузиастов… Как все было тогда просто в думах и делах… Как при колке дров…

Мы помолчали – прошлое не хотело покидать нас, и мы были этому рады. Жизнь – это еще и сравнение: просто – сложно, легко – трудно, нужно делать – лучше не делать… А в нашей профессии – еще и смертельно опасно. Наше далекое прошлое грело нас прежде всего чистотой помыслов и действий.

Ушли мы ко сну далеко за полночь, когда проявились первые признаки зори.

Нас разбудил вахтенный матрос и сообщил, что с берега к яхте идет моторка. Ее привел, чтобы проведать нас, Коля-капитан, сейнер которого перед весенней путиной стоял на профилактическом ремонте. В общем, мы получили выговор от Влада и Ольги за свою, как мягко выразился Стоян, «неаккуратность» в отношении них троих.

Заботливых друзей озадачил наш загадочный вид, воспринятый ими как заговор против них. Правда, они заявили, что еще не знают: заговор с плюсом или с минусом?

– Главное, – заметил в ответ на их волнение Брис, – плюсов больше, чем минусов…

– И что идет в минус? – поинтересовался Влад.

Брис весело взглянул на него и изрек:

– Хотели мы с Максимом направить вас на учебу в Европу… Да решили вначале предложить всей нашей «великолепной пятерке» обсудить кое-что из плюсов-минусов, – и он указал на каждого пальцем, включая Стояна.

Я пожалел ребят и попросил Бриса не мучить их неизвестностью.

– Тогда, как говорили древние, слушайте и не говорите потом, что вы не слышали: вместо учебы – морской поход на шлюпе в пределах Средиземного моря… Пока… Ну как? Месяца на два-три?

Ребята нахохлились и не очень-то спешили соглашаться. А Брис продолжал их мучить.

– Это один минус, а второй – поход-то будет по местам…, – сделал он длинную паузу, – возможного нахождения Атл-ан-ти-ды-ыы-ы!

Тут не выдержал Стоян:

– А меня возьмете? Во мне взыграло профессиональное чувство ведущего телепрограммы «По дорогам мира»… Возьмете?

Влад и Ольга растерянно молчали. Их выручил я, пояснив:

– Атлантида, и вдруг – в Средиземном… Но это только начало… Ведь есть предположение, что она могла находиться чуть ли не в двадцати местах!

Брис отметил, что со Стояном – все ясно, а вот ребят он переспросил:

– Решайтесь, друзья, такой шанс выпадает раз в жизни… Может быть, вы и выбор своей профессии найдете именно в этом походе…

Я пояснил, что расходы берет на себя Брис, как и организацию самой морской экспедиции. В двух словах было сказано, что шлюп – восьмиместный и на его борт взойдем мы пятеро и два матроса – моряка-парусника, профессиональных дипломированных капитана.

– Чтобы еще более вас озадачить, – привлек к себе внимание Брис, – назову лишь несколько основных обязанностей по

экспедиции. Мы их поделим на пятерых, а кое-что и на семерых…

И он пояснил, что имеется десять групп, условно названных «обязанности», а на самом деле – походные функции и знания.

– Сами поймете, что следует отнести только к группе «функции» и что к «знаниям». А может быть, и к «функциям», и к «знаниям». Например, все будут управлять шлюпом, то есть стоять на руле и уметь справляться с парусами…

Брис назвал некоторые пункты обязанностей из групп: страны, спецзнания, записи, языковые навыки, изофиксация, безопасность, руководство…

Еще не дав согласия, ребята с интересом следили за происходящим, а обычно терпеливый Влад спросил:

– Брис, приведи пример совмещения профессий?

Ему поддакнула Ольга, сказав:

– И по нему, и по мне?

Брис достал сложенную в полоску бумагу и зачитал, водя пальцем по таблице:

– Так, по мере поступления запроса… Это касается тебя, Влад, – указал он на него, понимая, что процесс пошел, и он зацепил наших молодых друзей за живое.

Влад и Ольга подались вперед и ловили слова Бриса чуть ли не ртом, а он перечислял:

– Влад: из России, мужского пола, знаток-любитель НЛО…

При слове «НЛО» Влад вздрогнул и запротестовал. Но его резким взмахом руки остановил Брис, уточнив:

– Будешь изучать все об НЛО… А потом – о пришельцах из космоса… Правда, этот пункт для всех… И об Атлантиде – для всех… Далее – штурманские и поварские дела, будешь и механиком…

Брис развел руками и сказал, что это «все и не все»:

– В чем-то ты будешь главным экспертом, например, в БТ – в вопросах Бермудского треугольника, ведения вахтенного журнала… Еще по странам Африки… Это для одного – мало или много? Но у остальных – не меньше… Правда, и времени у нас при переходах будет достаточно, – на оптимистической ноте закончил Брис.

И, сказав все это, Брис обратился к Ольге:

– А ты, девушка, подробно разберешься со всеми НЯП – необъяснимыми явлениями природы… Всего страниц тысячи две… Это для тебя приготовил твой старый друг Максим, – весело подкольнул меня Брис.

Ольга воскликнула:

– Ты, Брис, «женишь» нас на чем-то, что мы еще и не поняли… Поняли одно – мы куда-то то ли едем, то ли плывем…

Засмеялся Стоян, сказав, что мы все поплывем в «ноевом ковчеге», стоящем в бухте. А для меня стало ясным: Стоян принял решение – он с нами.

(*Примечание автора.* Стоян создал серию телепередач для своей программы «По дорогам мира», регулярно направляя отснятый материал в Софию. Правда, ни разу не проговорился в них о том, что репортаж ведется с участием команды «Аквариуса». Это была мера безопасности для Ольги и Влада, меня и главное – для Бриса!)

Ольга заулыбалась и спросила, кем она будет в походе.

– Ты, Оля, дважды главная – медик и повар!

– И это все? – разочарованно проронила Ольга.

– Да нет же: еще вахты, Латинская Америка, всякие «няпы»…

И только после этой дискуссии Брис перед всеми развернул таблицу «Функциональных обязанностей членов экспедиции на шлюпе „Аквариус“».

…Когда мы с ним готовили эту таблицу, он написал название шлюпа – «Аквариус». Ночью я название не разглядел и потому спросил, в чем суть такого названия.

– Эх ты, – укорил меня Брис, – уже голова не варит, хотя и седеющая… Мы же с тобой «февралики», но не сумасшедшие, а родившиеся под знаком Водолея… Понял, «февралик»?

А сейчас на название никто не обратил внимание, как и на тот факт, что в таблице было два женских имени – Ольги и матроса. Вот так, не очень-то навязчиво, было получено согласие всех на участие в длительном путешествии, которое Брис объявил, громко назвав цель его: «Есть или нет Атлантида?». В таблице функций матрос-капитан Ириада значилась еще и как художник.

* * *

Еще десяток дней назад мы находились в Крыму, потом под парусом прибыли на болгарскую землю, побывали в Софии и в исторических местах, знаменитых славой русского оружия. И вдруг готовы идти походом в поисках Атлантиды?!

Все бы ничего, но наши знания в вопросах НЯПов были, мягко говоря, не на высоте. Разве у меня – больше остальных? Все эти НЯП – НЛО, БТ, ТК (Тунгус), пришельцы и, конечно, Атлантида.

Выручил Стоян:

– Подбор литературы беру на себя, но Максим обещал помочь нам – у него тысячи страниц по НЯПам… Правда, они у него в Москве…

Стоян и ранее говорил об этом, но сейчас снова предложил переправить все это «мое богатство» из Москвы в Софию в три дня.

– Пиши письмо жене и проси ее передать моему человеку твои НЯПы.

Письмо я написал: несколько слов о Крыме, Судаке и под конец – о Болгарии. Объяснил, что оказался здесь не по своей воле и пока отсижусь здесь. Конечно, о Рыжебородом и другим щепетильных вещах промолчал. Послание тревожное, но она была «профессиональной» женой и многое умела читать между строк.

Прежде, чем отправить письмо, все же позвонил домой. Но в тот момент не набрался мужества сообщить о том, что я в Болгарии – лучше пусть узнает из письма, ибо телефон не для таких разговоров. Не думаю, что она осталась бы довольной такой вестью.

Чуть позднее удалось приоткрыть завесу моего решения принять участие в «поисках Атлантиды». Но я знал свою супругу, с которой прожил почти сорок лет в семье с тремя детьми и двумя внуками. Кроме того, что она была помощницей в щепетильных делах за рубежом, она хорошо знала о моем серьезном увлечении проблемой НЯП. Как стало известно позднее, она простила меня за «побег» в интересах моего хобби.

Вскоре, чтобы не оголять денежный фонд моей семьи, я в одной из стран подготовил в российском консульстве доверенность на получение моей пенсии в сберкассе и дипломатической оказией направил ее в Москву.

… Стоян выполнил обещание и подобрал в софийских библиотеках книги по моему запросу – все о тайнах Земли, цивилизаций, стран и народов. Причем «от Ромула до наших дней» и даже еще раньше. И конечно, если мы решили искать Атлантиду в Средиземноморье, он принес толстый томик из серии «Малая история искусств». Разыскал он, по моему специальному запросу, издаваемый в детском издательстве ежегодный альманах «Глобус» за несколько лет. Почему именно этот альманах?

Мне помнилось, что в одном из них за восьмидесятые годы были сведения об Атлантиде и вокруг нее. Так оно и случилось. В моих руках оказались бесценные для «похода» книги: «Загадки…» Горбовского, мудрого аналитика событий из древнейшей истории, а в «Малой истории…» нашлась таблица с трудно выговариваемым названием – «синхронистическая», с началом от XXI века до новой эры. Она была в нашем деле важна, так как гибель Атлантиды датировалась десятым тысячелетием до новой эры. По расчетам Горбовского, это означало, что событие

случилось в промежутке с 11650 до 11542 лет назад. Древнегреческий философ Платон говорил о том же времени.

…На двенадцатый день нашего проживания в Болгарии прибыло «мое богатство» с досье по НЯП. Это были сведения, собранные за последние тридцать лет, – статьи, заметки, выписки, лично построенные графики и таблицы. Четыре толстенных фолианта радовали глаз своим содержанием: «Атлантида», «Пришельцы», «НЯП» – все обо всем, но таинственном, «Обитаема ли Вселенная», «НЛО»…

Стояна нельзя было оторвать от замшелых страниц фолиантов, ибо он понимал: это собрание фактов, косвенных доказательств, намеков и разных мнений несет в себе нетрадиционные взгляды и пока еще не приведенные в порядок точки зрения.

Радовался и Брис – его заразила идея целевого путешествия и, как он говорил, у него «выросли крылья».

– Семья – это хорошо… Но был я все эти долгие годы одинок… Для меня не нашлось союзников в моей «крылатой мечте»… Теперь она имеется…

И чувствительный Брис, таким я его знал еще в средней школе под Москвой, посматривал при этих словах с признательностью на меня. И мы радовались вместе и за себя, и за молодых ребят, и за энтузиаста Стояна…

Первые шаги к цели

«Бумажный поиск» Атлантиды

Как-то Брис спросил меня, не считаю ли я необходимым преподнести всему экипажу шлюпа сюрприз – лекцию на тему «Атлантида»?

– Ведь пока и ребята, и Стоян, и я девственники в вопросе Атлантиды… Да и моим морякам будет интересно знать, на что они идут? Так как?

Я обрадовался случаю снова оказаться в «шкуре лектора»:

– Отлично, в первый же выход в море я достану «кота из мешка» и расскажу об истоках сведений об Атлантиде.

…Перед уходом в море мы посидели накоротке в знакомой нам горнице, что у бани, и с грустью расстались с гостеприимными Христо – главой городка, Дино – руководителем рыбной артели, Колей-капитаном, а утром – со всеми, кто пришел на причал нас проводить.

Но стоило нам поднять кливер-парус, как с берега послышался бас благовеста с веселым колокольным перезвоном. Таким звоном нас встречали и таким провожали. В знак уважения многие жители вышли в бухту на своих лодках – под парусом или мотором. Они проводили нас до выхода в открытое море, поглотившее нас золотом вод наступающего утра.

Подняв полные паруса, мы последний раз увидели свою крохотную яхточку-спасительницу, одиноко стоявшую посредине бухты. Вот и она скрылась за поворотом толстого мыса с высоким маяком на нем. На «Кафу» вроде бы нашелся покупатель, и этим вопросом занимался Коля-капитан.

Последними, кого мы увидели из калиакрийцев, были хранитель маяка и его внуки, которые весело махали нам вслед.

Начался наш первый день плавания. Чтобы еще больше возбудить интерес к теме Атлантиды, мы с Брисом подготовили список мест, в отношении которых были гипотетические предположения о том, что там могли находиться останки сгинувшей древнейшей цивилизации или следы ее влияния.

Таких групп мест было восемь – собственно, поиск Атлантиды стал лишь предлогом увлечь всех нас пройтись по интересным историческим местам. И потому добрую игру в Атлантиду все поддержали с удовольствием. Так мы думали, но жизнь внесла в эту «игру» свои коррективы…

Большая часть интересных мест оказалась в Европе – двенадцать, в Азии – пять, в Африке – четыре, в Южной Америке – два, а в Северной – лишь одно. Особо речь шла о Тихом океане, и даже упоминались Арктика и Антарктика. Карту с местами и

списком поместили в кают-компании шлюпа. И часто замечалось, что каждый из членов экипажа нет-нет, да останавливался возле списка, иногда в недоумении почесывая голову и озадаченно вертя ею. Еще больший интерес активизировался, когда на «Доске истории» появилось краткое сообщение:

«Наш ближайший маршрут: проливы Босфор и Дарданеллы – порт Измир в Турции».

Теперь каждый норовил заглянуть в кают-кампанию и посмотреть, как этот маршрут выглядит на карте. Все эти атрибуты – гипотезы, карта с местами гибели или следов Атлантиды, курса на Измир – будоражили головы моих спутников, интриговали их… Но первый день движения строго на юг к Босфору прошел только в хлопотах бытового характера.

Разместились мы таким образом: в первом от носа спальном помещении – четыре спальных места для Стояна и Влада и отдельное – для Ольги.

Для удобства семье капитанов было выделено помещение владельца с двухспальной постелью. Проктогор и Ириада обычно по очереди стояли у штурвала, а в ночное время (и это обязательно!) – только кто-либо из них.

Я не оговорился – теперь мы все становились моряками. И, как положено на любом судне такого класса и назначения, пассажиров не могло быть. За каютой владельца размещалась кают-компания с пятью диванными местами. Из нее – выход в кокпит и верхнюю палубу. И потому в кают-компании даже днем мог кто-либо прикорнуть.

В главной кормовой каюте поместились мы с Брисом. Вот так расположилась в этом «ноевом ковчеге» наша вполне великолепная семерка (трое русских, двое греков, болгарин и русско-«грек»).

…Так что же за судно изобрел и представил нам для плавания Брис – наш руководитель-командор экспедиции? Тогда, в день прихода в Калиакрию, я назвал его судно яхтой, и Брис чуть ли не обиделся.

– Слушай, морской волк с дипломом артиллериста, это – шлюп, ш-л-ю-пппп! И не просто шлюп, а бермудский… Мною изобретен и построен. Ты что же, забыл, что я из семьи судостроителей, греческих, с опытом тысячелетий? – рассмеялся Брис.

– Ну, ты такой же «судостроитель», как я родственник Платона… И в чем разница? – подначил я Бриса.

– Напрасно шутишь… Я действительно сам шлюп построил… Он имеет две мачты! Ты до двух считать умеешь? Его корпус – на три метра длиннее типовой яхты и на метр шире, а значит,

остойчивее. И еще – корма: она шире обычной, что позволяет судну полого взбираться на волну и не проваливаться в нее острым килем… Усек?

В этом разговоре «на тонах» я с радостью узнавал моего товарища и коллегу по спецслужбе – спорщика и энтузиаста в любом деле. Своей радостью я сразу же поделился с Брисом.

Тогда же я выяснил вопрос с его новым именем – «Брис».

– Это сокращенное от «Борис»? – спросил я. И снова попал пальцем в небо.

– Это очень древнее греческое имя: тысячу лет назад был гончар по имени Бриг, у Петра Первого – генерал Брюс, в Риме – убийца Цезаря Брут… А Брис – это имя, дошедшее до нас, – актерское…

– Ну, – захлебнулся я от смеха, – это имя – твое, больше всего тебе подходит…

Смеясь вместе со мной, Брис сказал:

– Ты еще назови меня Двуликим Янусом, чей мраморный бюст стоит в Летнем саду Питера!

– А что? Разве не так? Только и я такой! Мы оба из спецслужб и значит… Янусы!

Справка о шлюпе. Это широкий крейсерский шлюп с помещениями на восемь человек. Он имеет размеры: длина – 17 метров, ширина – 5, осадка – 2,5. Шлюпом его можно считать по двум признакам: две мачты – грот и бизань, и вооружение – косые паруса. Корпус приспособлен для повышенной остойчивости дополнительными плавниковыми (скуловыми) килями. Особенностью шлюпа стало парусное вооружение на двух мачтах – грот и бизань. Они разные по высоте и меньше обычных для такого класса судна. Общая парусность – 120 кв.м. В остальном – как у всех парсных судов. Например, в форпике, отделении для хранения парусов, имеется набор из трех кливеров: трисель – маленький парус в четыре кв. м, штормовой (10 кв. м) и обычный – маршевый. Каждый из них имеет свое предназначение. Трисель удерживает шлюп в очень бурную погоду в разрез волны.

Такой шлюп легок в управлении, поэтому его экипаж может состоять из сравнительно неопытных моряков. На шлюпе Бриса набрана команда из двух человек, обученных и с опытом управления именно парусными судами. В целом этот бермудский шлюп отвечал мореходным качествам и удобствам для длительного крейсерского плавания. Удлинив корпус и сделав его шире, Брис тем самым смог пристроить еще одну каюту и увеличить вместимость на три спальных места.

Жилые помещения разделены на четыре основные части: в носовой части (за парусным форпиком) – четыре двухэтажных

койки, гальюн, каюта с двуспальной койкой, кают-компания – с диванами на пятерых. Имеется камбуз и штурманский уголок. Главная каюта – на корме, с двумя койками. Во все это встроены многочисленные шкафчики и рундучки.

Двигатель расположен под трапом. Планировка палубы шлюпа и его оснащение позволяет работать с парусами механически, не выходя из кокпита, продолжением которого является просторная рубка. Палуба имеет леерное ограждение.

…Нас было семеро, и по возрастному цензу мы серьезно отличались друг от друга: Брис и я – 60 лет, Стоян – 40, Ольга и Влад – по 25, а профессиональные моряки, Проктогор – 30 и его жена Ириада – 27. Вот так случилось, что один из матросов оказался женщиной, гречанкой с обаятельной улыбкой, крепкой хваткой моряка и мастером на все руки.

В общем, компания подобралась отличная, причем и по опыту работы и жизни, и по интересам, и по полезности друг другу и делу.

Задумчивость моих друзей стала выглядеть для меня обескураживающей, ибо они все чаще стали бросать в мою сторону взгляды, пока отличающиеся дружелюбием. Это был вызов: верить или не верить древнегреческому философу Платону? Древнегреческому государственному деятелю Солону? Древнеримскому историку Страбону? И даже каким-то жрецам в Египте?

Ниже дается развернутая гипотеза *с явно выраженными реальностями* в легенде Платона об Атлантиде, изложенная для нашего экипажа в нескольких беседах.

Была ли Атлантида? На этот вопрос пытались ответить многие ученые и энтузиасты-любители. Они искали возможные доказательства ее былого существования, освещая проблему с разных сторон.

Чаще всего можно услышать: нельзя написать об Атлантиде научную книгу, ибо она выдумка Платона… Но ведь об Атлантиде писали многие искатели и находили достаточно необходимых доказательств в пользу продолжения дискуссий на эту тему (по мнению автора, это – косвенные доказательства).

Закрыть тему об Атлантиде невозможно, ибо эта загадка чрезвычайно привлекательна своей ускользающей неразгаданностью. Кроме того, существует устойчивое мнение, что в любой легенде можно найти что-то реальное. Так что же реальное имеется в нашей легенде – легенде Платона? Конечно, не Атлантида, существование которой до сих пор никем не доказано. Значит, *следует искать реальность в легенде?!*

Платон ведет повествование от лица ученого-жреца в столице

Египта. Изложил он его в диалогах «Тимей» и «Критни». В этих диалогах содержится много конкретных данных. Говорится, что *остров Атлантида находится* в Атлантическом океане: *северная оконечность* на параллели современного испанского города-порта Кадис (1); *восточная часть* располагалась недалеко от Геракловых Столбов – древнее название пролива Гибралтар (2); за проливом в океане имеется много мелких островов, подводных гор у самой поверхности воды, морских мелей большой протяженности, то есть *западная часть* (3).

Все это указывает на то, что здесь действительно мог быть очень крупный остров или архипелаг. И значит, отсутствие большой глубины в океане в этом месте означает весьма возможную по Платону правдоподобность существования *восточной части* острова.

На параллели севернее порта Кадис в океане располагаются две глубоководные котловины. Они начинаются почти вертикальным многокилометровым обрывом. И, как доказано, существуют они миллионы лет. Это *северная оконечность* острова, говорит Платон.

Другая сторона острова, говорит Платон, находится южнее пролива там, где сейчас Канарские острова. Это *южная граница* острова (4). Если поверить древней легенде, то оказывается: власть атлантов распространялась на всю Ливию – так называлась в древние времена Северная Африка. И Платон отмечал, что она доходила вплоть до Египта. *Платон мог выдумать Атлантиду, но упомянутые им реалии он выдумать не мог.* И в этом истинная суть легенды Платона!

Но скептики?! Пишущий эти строки – на стороне реалий Платона и тех, кто верит ему и защищает его легенду, ищет «косвенные доказательства». Но раз нет сейчас острова, говорят сомневающиеся, то и нельзя доказать реалистичность и правдоподобность слов Платона? Однако…

Примечание: Историческое подтверждение возможности реальности легенды Платона. Однако придется обратиться к правдоподобности легенды, доказанной уже в XX веке, причем на земле Эстонии.

Итак, антология таинственных случаев.

Многие сотни лет внушительные воронки – кратеры острова Сааремаа – будоражили воображение. Со слов ученых, считалось, что это следы «тихого» вулканизма либо валы древних городищ вокруг естественного озера. Но в тридцатых годах удалось доказать метеоритную природу главного 110-метрового кратера – озера Кали.

Метеорит не обнаружили, но из соседних кратеров – их

восемь – удалось извлечь около ста граммов метеоритного железа и килограммы осколков. По угольками древнего пожарища было определено, что падение метеорита произошло около 700 лет до начала новой эры.

Но были ли легенды вокруг этого события? Были. Грандиозная катастрофа в древней карело-финской мифологии отразилась. Из собранных многочисленных рукописных и устных народных преданий был сделан вывод: падение метеорита наложило отпечаток на культуры местных и соседних народов.

В одной из рун народного эпоса «Калевала» говорится (конечно, событие описывается много больше, чем в приводимых далее строках!):

Потряслось, рассеялось небо,
Сферы воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная валится,
И сквозит сквозь крышу неба,
И шипит чрез толщу тучи,
Небеса прошла все девять…

Многие столетия хранили тайну загадочные камни кратеров, свидетели величия катастрофы по силе сравнимой ядерной. Это событие разразилось на глазах древних людей. А раскрытие тайны пришло лишь в 70-е годы XX столетия.

Но ведь эпос «Калевала» имеет аналогии о других «небесных» событиях – в индийском эпосе «Махабхараты». И опять за тысячи лет до нашего времени. В нем говорится о некоем «взрыве» со «слепящим светом, огнем без дыма», когда «вода начала кипеть, а рыба обугливаться…» (речь шла о городе-призраке Мохенджо-Даро на реке Инд…).

Платон утверждает, что за островом Атлантида в океане было много мелких островов (5), и с тех островов открывался доступ ко всему этому далекому материку. А это нынешние Азорские острова, которые, получается, были некогда частью Атлантиды (6). За ними – Бермудские, Малые Антильские и ближе к Южной Америке сохранились скалы Сан-Пауло (7).

Тысячи лет назад могли существовать и другие острова, ибо в океане имеются многие подводные возвышенности. И они могли 12–15 тысяч лет назад выходить на поверхность (8).

Не в реалиях ли 5–8 подтверждается правдивость слов Платона? Если учесть, что в то время уровень океана был ниже метров на 200–300? А этот факт установлен современной наукой! Значит, правдивость слов Платона еще более усиливается!

Теперь о времени существования Атлантиды. По легенде, это время приходится на последний ледниковый период, когда материки были покрыты мощными льдами толщиной до 2–3 километров (большая часть Северной Америки, почти три четверти Европы, вся Сибирь, огромные горные массивы в Азии – Тянь-Шань, Памир, Гималаи, Тибет).

Под тяжестью ледниковой нагрузки материки опустились на 400–700 метров в магму и выдавили из-под себя 20 миллионов кубических километров магматического расплава. Тот, в свою очередь, выдавил верх и приподнял океаническое дно вместе с подводными горами (срединно-океаническими хребтами). Причем на многие сотни метров.

Указанное выше – это данные современной науки, и потому очень трудно не поверить в правдивость легенды Платона: в океане могли существовать многочисленные острова во времена Атлантиды (9).

Почему слова Платона не опровергаются современной наукой, а ее исследования делают его сведения еще более правдивыми?

Платон не знал и не мог знать, что в то далекое время материки были покрыты льдами (10), а воды океана имели более низкий уровень (11); не мог он предполагать неизбежность при этом поднятия океанического дна вместе с подводными горами (12), о чем ученые узнали совсем недавно.

По мнению автора этой рукописи, под давлением «косвенных доказательств» реалий 1-12 ряд ученых стали более серьезно относится к легенде Платона и посчитали необходимым изучать в дальнейшем все, что имеет отношение к ней, прямо или косвенно.

Категорически отрицающие существование Атлантиды, конечно, остались. Причем вчера еще сомневающиеся стали искать факты, подтверждающие легенду!

На такой оптимистической ноте я закончил первые три беседы на эту тему. Они заняли по часу каждая, но с перерывами: пришлось отвлечься на пропуск нескольких встречных сухогрузов, для обтягивания ослабевших снастей и для смены галсов под лучший ветер. Мы все вместе сидели в кокпите и в этих случаях терпеливо ждали занятых в парусных делах товарищей.

Обращаясь к моим друзьям по поиску, мне хотелось отметить следующее:

– Убедить человека, что Атлантида действительно существовала, – весьма сомнительное дело. Почему так? – задал я вопрос самому себе.

Мои товарищи насторожились – ведь столько аргументов «за»

Атлантиду, и вдруг сам же Максим опять сомневается?!

– Сегодня один из вас прочитает статью о том, что Атлантида существовала в Атлантическом океане, и эта статья в этом якобы факте его убедит. Тебя, например, Влад?

И Влад посмотрел на Ольгу, с которой частенько спорил на более мелкие темы, чем Атлантида!!!

– А ты, Ольга, прочитала бы другую статью о том, что Атлантида существовала в Эгейском море, и доказательства тебя также убедили.

– Мне бы убедить Влада в меньшем, чем существование Атлантиды, – буркнула Ольга.

– А вот Стоян из третьего «убедительного» источника узнает, что Атлантиды вообще не было.

И все вместе уставились на меня: кто подозрительно или настороженно, кто скептически, а кое-кто и ехидно. Как говорят летчики, когда бензин кончается, – договорился, мол, оракул до точки невозврата.? Тем более, что мы уже в пути к этой самой Атлантиде! И чуть ли не каждый, лишь с долей вариации, спросил:

– И что же теперь?

В соответствии с рекомендацией гения театра Станиславского я выдержал паузу и изрек:

– Дорогие друзья, не нужно убеждать в чем бы то ни было! В ситуации, подобно нашей с Атлантидой, умные мира сего о нас позаботились… И как мы уже договорились с вами, слушайте и не говорите потом, что вы не слышали…

Снова пауза, и:

– …ибо всякое не вполне достоверное знание в науке рассматривается лишь как гипотеза! А вот гипотеза имеет право на существование!

В тот же день на «Доске истории» появились еще две выполненные четким почерком сентенции.

«Недостоверное знание в науке – это гипотеза!»

Альберт Эйнштейн: *«Самое прекрасное, что мы можем испытать, – это ощущение тайны…».*

Таким образом, шаг за шагом мы обсуждали проблему существования и гибели Атлантиды…

Продолжение темы *«Была ли Атлантида?».* Трагедия этого острова с его цивилизацией привлекала внимание древних больше, чем ныне живущих. Ведь с VI века новой эры человечество… забыло легенду об Атлантиде! И не на столетие, а на тысячу лет! И вдруг снова заговорили о ней. Причем не после открытия Австралии или Антарктиды, а именно после открытия Америки!

Да потому, что в легенде об Антарктиде ничего не говорится о таких материках как Австралия или Антарктида. А вот об американском континенте в легенде сказано ясно и отчетливо: находится он по другую сторону океана и на противоположной стороне его (13), материк лежит напротив Африки и Европы (14), материк ограничивает океан (15).

Более того, когда была составлена карта открытой Америки, то оказалось, что конфигурация американского континента (Северной, Центральной и Южной Америки) напоминает форму дуги, как это описано у Платона (16).

Конечно, Платон не знал о существовании Америки, открытой через 1850 лет после него Колумбом. Значит, Платон не выдумал американский континент? И тем более не открывал его?

Но…Описание «противоположного континента» у Платона столь ясное и отчетливое, что полностью совпадает с действительностью: доступ к материку через острова (его описания емкие, содержательные, конкретные); в словах ясно и отчетливо вырисовывается поперек океана гигантский материк…

Получается так, что Платон в этом описании использовал какой-то очень древний текст?

Римский историк Страбон именно так воспринял платоновский текст об этом материке: существование столь длинной полосы, перегораживающей океан, невероятно; океан не мог делиться на две части и делать невозможным плавание из Европы в Азию через Атлантический океан!

Но в действительности так оно и оказалось. Значит, Страбон не видел карты этого континента? И вот вывод: *Платон выдумать такое не мог, ибо кто-то когда-то все это знал!*

Итак, описание заокеанского материка и Атлантического океана в легенде Платона вполне достоверно и не противоречит тому, что мы о них знаем сегодня (17).

И тогда возникает вопрос: а нет ли в его легенде чего-либо достоверного, относящегося к самой Атлантиде? Оказывается, есть – это время гибели Атлантиды. Почему так?

Платон ведет рассказ от имени ученого – главного жреца при храме богини Найт в городе Саисе, древней столицы Египта. Жрец говорит, что, согласно древним манускриптам, в которых записана легенда, Атлантида погибла тогда, когда еще Египта не было. И случилось это десять тысяч лет назад.

Жрец рассказал это все не Платону, а знаменитому древнегреческому законодателю Солону. Тот совершал путешествие в Египет в 570-х годах до новой эры. И тогда простой расчет помогает нам понять, что Атлантида погибла за 9570 лет до новой эры, то есть 11 580 лет назад (18).

Платон, со слов жреца, повествует: причиной гибели Атлантиды стало величайшее из всех времен наводнение (19); чудовищной силы землетрясение, от которого Атлантида разрушилась и погрузилась под воду (20); колоссальная вулканическая деятельность, от которой море покрылось продуктами извержения (21).

Как это все похоже на страшную сказку, рассказанную жрецом, чтобы, приведя несколько причин гибели, сделать ее наиболее красочной, впечатляющей, трагической! Тут и вулкан, и волны, и раскол острова на части…

Казалось бы, не очень-то хочется верить этому жрецу, которого Платон представил 90-летним старцем, хотя и умудренным жизнью… Но вот сегодня, с позиции науки, оказывается, что все это было в действительности примерно 11–12 тысяч лет назад: и наводнение (19), и землетрясение (20), и извержение вулканов (21), длящееся на дне океана по сей день!

Об этом рассказала морская геология. Исследования показали, что многие участки океана опустились более чем на два километра – значит, действительно имело место чудовищной силы землетрясение и извержения? Об этом говорят куски лавы, поднятые со дна океана и датированные периодом в 10–12 тысяч лет назад (20, 21).

К этому времени относится интенсивное таяние льдов, покрывавших толстым слоем материки, – уровень океана поднялся на 200 метров. На всей планете Земля вода затопила острова, долины, равнины, высокие берега и все то, что находилось на них, – цветущие поля, города и селения, порты…

Об этом я говорил на очередной беседе.

– Это величайшее бедствие в памяти человечества сохранилось под названием Всемирного потопа. И именно об этом правдиво повествовал египетский жрец в беседе с древнегреческим государственным деятелем Солоном… Соломон беседовал с жрецом об иных цивилизациях, как о реально существовавших в древнейшие века.

Мне показалось, что мои слушатели расстроены таким поворотом событий – им было жалко Атлантиду с ее атлантами. А я говорил о личной трагедии Платона, сберегшего для нас, людей новейшей цивилизации, ценные сведения о том времени. Я продолжал:

– И никто в Греции этому не верил: ни согбенному жрецу, ни старчески дряхлому Солону. Поверил лишь философ Платон, оставив нам загадку из загадок!

В заключение было сказано:

– Наука не на стороне Платона… Но она все больше

становится на сторону правдивых реалий в его исторической легенде!

Не выдержала импульсивная Ольга:

– Как бы мы обеднели, если не прислушивались к голосу оттуда, из глубины веков и тысячелетий…

Ей вторил Влад, всегда спокойный и невозмутимый:

– Люди и их память сохраняет очень древние истории… Передает их из уст в уста… А я узнаю это все только в двадцать пять лет…

– … и бережно хранит их тысячелетиями из поколения в поколение! – не промолчал и Стоян, всегда готовый поддержать разговор о чем-то интересном…

Брис подвел черту под обсуждением, с большим чувством заявив:

– Друзья, одна из таких древних историй дошла до нас, причем в виде легенды Платона об Атлантиде. Дошла к нашему счастью!

Задан был и коварный вопрос, что называется, на засыпку:

– А ты, Максим, на сколько процентов веришь в Атлантиду? – без ехидства, но с подковыркой высказалась Ольга, подтвердив тем самым, что коварство женщин безгранично.

– От тебя такой…, такой… неблагодарности я не ожидал, – с деланным негодованием воскликнул я. – Этого я тебе никогда не забуду, но все же отвечу, коварное дитя…

Я попытался сравнить появление на Земле Тунгусского феномена, который видели тысячи людей, но по сегодняшний день так и не поняли, что же это было?!

– Я верю в существование Атлантиды, как верю в Тунгусский метеорит, который, по моему мнению, вовсе и не метеорит… Им я интересуюсь с 1946 года… А вот что меня воодушевляет в плавании по волнам признаков Атлантиды, так это реалии в легенде Платона об американском континенте… Ибо платоновское описание местоположения материка не противоречит науке!

Итог дискуссии: вот так, вдруг и неожиданно, на «Доске истории» появилось еще одно вероутверждающее:

«Платоновские реалии в легенде не противоречат науке!».

Так был сформулирован один из признаков (22-й) косвенных доказательств существования Атлантиды. Но чтобы усилить нашу тягу к поискам следов Атлантиды, я в эту последнюю дискуссию подбросил всем провокационное доказательство существования Атлантиды. Это была карта… XI века новой эры с указанием ее местоположения.

Курс – на Босфор

Как хорошо, что мы все вместе. Под парусами нашего бермудского шлюпа оказались семь весьма разных по возрасту, профессиональному и жизненному опыту человека с паспортами разных стран. Это был нашего разлива ноев ковчег.

Мы с Брисом – профессионалы трех спецслужб: советско-русской, израильской и американской, сангвинического и холерического склада шестидесятники, носящие в кармане российский и греческий паспорта. Стоян, болгарский профи, а ныне – журналист и телеведущий, пытливый холерик.

Из младшего поколения – Ольга, имевшая отношение к военному флоту и спецслужбе, импульсивная натура и проверенный надежный товарищ. Не менее надежный Влад, морской судоводитель кораблей среднего класса, спокойный флегматик, но внутренне горячий поклонник всего интригующего. Оба они, Влад и Ольга, вышли из советской среды и не отказались от российского гражданства в момент перехода Украины в самостийность.

Два профессиональных моряка – дипломированные капитаны с опытом хождения под парусами: Проктогор и его жена Ириада, выдержанные в делах и общении с людьми. Они стали ценнейшим «приобретением» Бриса.

Моряки-профи оказались в поле зрения Бриса, потому что их семьи двести лет свято чтили память о русских моряках, вызволивших еще детьми их прапрапрадедов из рук турок, а затем дали им пристанище в столице русской царицы. Они были православными и, как говорил Брис, более всего почитали из святых Николу Угодника, покровителя моряков и военного люда.

Объединяло всех нас еще одно общее качество – мы знали русский язык: кроме нас четверых – Стоян, с момента учебы в нашей спецшколе, и наши греки, парусных дел мастера, – от семей с духовными русскими корнями.

Все имели какой-то опыт в парусных делах: любительский, лет сорок назад, – у меня; Ольга обучались этому в крымской школе, а Влад даже участвовал в соревнованиях. Про Бриса, грека и гречанку – все ясно.

Тогда, в первые дни плавания, мы думали, что пару-другую месяцев походим под парусами по Средиземному морю…

Но простыми беседами моя атака на умы моих товарищей по плаванию не ограничилась. У меня был тайный «вербовочный умысел»: сделать процесс перехода приверженцев в идейные сторонники существования Атлантиды необратимым. А по-

простому – заразить их этой идеей на всю оставшуюся жизнь (мне же чувство приобщения к тайне знакомо с глубокого детства, когда я впервые узнал о Тунгусском метеорите в первый послевоенный год).

Не ради интриги следовало бы сделать следующее:

во-первых, хотя бы приблизительно, придать научность нашим оценкам услышанного в беседах;

во-вторых, разобраться со следами, оставленными Атлантидой в виде платоновских реалий;

в-третьих, выработать общие критерии косвенных признаков (доказательств и предположений) на основе этих реалий.

И на «Доске истории» появились 22 косвенных признака, объединенных в пять групп:

• границы острова;

• далекий материк;

• утонувшие острова;

• американский континент №;

• время гибели.

И для наглядности – карта этого региона мира.

– К чему эти вопросы, – спросил Влад?

И ему ответила Ольга, намекая на сильно эрудированное старшее поколение:

– …чтобы не думать, что до нас уже все открыто!

На «Доске», выполненный каллиграфическим почерком рукой капитана Ириады (она оказалась отличным художником!), появился следующий текст:

22 признака косвенных доказательств
существования Атлантиды
(ссылки на беседы Максима)

Границы острова в океане (реалии 1, 2, 3, 4):

– восточная часть (почти сразу за Геркулесовыми Столпами);

– северная часть (от пролива в сторону порта Кадис в Испании);

– западная часть (мелкие острова в океане, часть Азорских);

– южная часть (от пролива в районе Канарских островов).

Далекий материк в океане (реалии 5, 6, 7, 8):

– цепочка мелких островов далеко на запад в океане (Азорские, Бермудские, Малые Антильские острова…);

– подводные возвышенности, близкие к поверхности воды.

Утонувшие острова в океане (реалии 9, 10, 11, 12):

– срединно-океанические хребты;

– покрытые льдом материки;

– низкий уровень океана;

– конец ледникового периода.

Американский континент в океане (реалии 13, 14, 15, 16, 17, 22):

– на западе, на противоположной стороне океана;

– ограничение океана;

– напоминает дугу;

– напротив Африки и Европы;

– *описание местоположения материка не противоречит науке (22).*

Время гибели (реалии 18, 19, 20, 21):

– за 9570 лет до н. э.;

– великое наводнение;

– чудовищное землетрясение;

– колоссальное извержение вулкана.

Когда все набегались с палубы в кают-кампанию с целью досконального изучения перечня, я пристроил против каждого из 22 признаков полоску бумаги в семь клеток.

Вопрос был поставлен так: все 22 два признака даже сам Платон не мог бы объяснить – применительно к Атлантиде, конечно. Потому нужен блиц-опрос всего населения шлюпа в течение двух дней…

– Почему два дня? Можно за один вечер – вопросов всего-то 22! – встряла в объяснение Ольга.

– А как насчет «утро вечера мудренее», торопыга ты моя? – не без ехидства нанес я ей ответный удар. – Опрос будет негласно-гласный, и вы можете спорить, обсуждать, помечать и зачеркивать… Оценка трехбалльная…

Далее дополнил Брис:

– Косвенных доказательств оставим только десять… Из набравших наибольшее количество баллов… Они станут нашей путеводной звездой в сравнительном анализе всех иных, кроме платоновской, Атлантид… Каждому выдается по клетке против каждого признака…

Протестующих не было. Ований – тоже…

* * *

На третий день пути мы подошли к Босфору. И тут Брис, по договоренности со мной, коварно изменил план нашего плавания. Недаром он называл себя время от времени королем сюрпризов. Фактически все последующее движение по Босфору Брис интриговал нас новым предложением. И лишь выйдя за пределы вод Босфора, он почти проговорился:

– За пределами Мраморного моря нас ждет что-то такое… В

общем, в обиде на меня не будете…

Итак, мы переночевали у берега, не доходя пять километров до входа в Босфор. Ольга хлопотала на камбузе, а Ириада уселась на носу шлюпа и отвела душу с карандашом в руке.

А затем, с рассветом, двинулись в пролив и почти пятьдесят километров шли малым ходом. Зрелище было незабываемое: по обе стороны на берегах распластался Великий город Востока. На воде было «многолюдно», и смотреть нужно было в оба – мы оказались песчинкой среди малых и средних судов, больших кораблей и монстров океанского типа. И потому, пройдя последний створ маяков в западных воротах Босфора, мы остановились на ночлег у крутого берега со спокойной водой.

Торопиться нам было некуда, и мы на следующий день шли в пределах видимости высокого берега Мраморного моря. Лишь к вечеру второго дня, пройдя около ста пятидесяти километров, вышли к проливу Дарданеллы.

И снова остановка, и снова – под прикрытием берега в чудесной бухте с бело-розовым дном из мрамора ввиду заброшенного причала. Как часто бывает на юге, ночь наступила неожиданно и повергла нас в глубокий сон.

Первым ночным вахтенным, по графику после ноля часов, оказалась Рида. Ее силуэт на корме, борту либо на носу можно было видеть все время до начала «собачьей вахты», то есть до четырех часов утра. Шлюп стоял на якоре метрах в ста от берега на спокойной воде, освещенной сильными лампами. Овал света простирался метров на пятнадцать от борта.

В разгар нашего сна нас разбудил ревун – своеобразный колокол громкого боя, свойственный военным кораблям. Мгновенно мы оказались на палубе, а Брис еще и с автоматом в руках, из которого он выпускал в воздух очередь за очередью. Присмотревшись, мы увидели стремительно удалявшуюся от нас к берегу узкую лодку на веслах с несколькими людьми на борту.

– Слава Богу, пронесло, – глухо молвил Брис.

Притихшие, мы сгрудились на корме в кокпите, и Брис, обращаясь к грекам-капитанам, сказал:

– Опять в этом же море, Мраморном… И снова под берегом… И снова ты, Рида, – наша палочка-выручалочка… Вовремя заметила…

А я вспомнил, что перед уходом ко сну Брис что-то тихо сказал гречанке-капитану: что-то вроде «надеюсь на тебя…».

Выяснилось, что здесь же, чуть западнее, на них уже пытались напасть пираты местного разлива. И Брис напомнил, что во время постановки на якорь мы видели несколько человек на берегу, которые издалека, не выходя к кромке воды, рассматривали наш

шлюп в бинокль. – Я еще тогда обратил внимание… на бинокль… Вспомнил, что в первое нападение так же появлялись люди на берегу… с биноклем… Происшествие нарушило сон, и спать уже не хотелось. Начались расспросы несведущих о пиратских набегах.

– Что они могли сделать с нами? – спросила Ольга. – Если бы захватили шлюп?

– Ограбили, – сказал Проктогор. – В лучшем случае, конечно, избили…

– А в худшем? – уточнил Стоян. – Хотя что говорить, и так все ясно…

Настроенное было подпорчено, но к обеду мы уже не вспоминали о происшествии, весело оглядывая берега моря, сложенные из цветастого камня.

Чтобы поднять нам настроение, Брис ошарашил нас сюрпризом:

– Мы идем в Трою!

Кроме меня, остальные замерли как в последней сцене «Ревизора». И хотя аплодисментов не было, возражений также не оказалось. Как мне представляется, все озадаченно радовались такому повороту событий. И конечно, посыпались вопросы.

Троя и… Русь?

Проход двух проливов – Босфора, Дарданеллы и между ними Мраморного моря – занял у нас почти неделю. Это время мы потратили на изучение вопроса в трех плоскостях: естественно, Атлантида и Троя, которой приписывали также право считаться бывшим городом-государством. А третьей «плоскостью» стала… Русь?!

– А Русь-то причем? – взвилась Ольга. – За какие уши она притянута к Атлантиде…

– По нашей классификации косвенных признаков Русь не причем, – вторил ей Влад.

– Вы считать до трех умеете? – язвительно спросил я присутствующих, но обращаясь персонально к Ольге и Владу. – Я говорю о трех «фигурантах дела» – Атлантиде, Трое и Руси… Речь идет о Трое и Руси…

И все же мои товарищи смотрели на меня озадаченно, как на фальсификатора истории Атлантиды. Мне же хотелось подогреть интригу и «наказать» главных возмутителей спокойствия – Ольгу и Влада. И потому я демонстративно отвел Ольгу от кокпита, где мы все собрались, на нос шлюпа.

– Ольга, ты умеешь держать язык за зубами? – спросил я Ольгу в розовое ушко, отведя локон волос, которые щекотали мне нос.

Она кивнула и заговорщицки спросила, поняв, что ожидается очередной розыгрыш коллег по плаванию.

– Будем их интриговать?

– Еще как! «Слушай меня и не говори потом, что не слышала», – привел я цитату из сказок Шахерезады. – Я дам тебе кое-что почитать, а ты потом всем нам поведаешь о содержимом и выскажешь свое мнение. Это – про Трою и Русь…

Так и случилось. И уже поздним вечером Ольга, пользуясь маленькими квадратиками плотной бумаги с пометками, рассказала нам удивительную историю о том, что война с Троей – это якобы война… с Русью!

Вот о чем поведала Ольга.

Русская Троя? В «Слове о полку Игореве» речь идет о «Земле Троянской», которая употребляется в значении «Земля русская». Летописец рассказывает о «тропе Трояна», о «веках Трояновых» и о «царе Трояне» – одном из языческих богов древней Руси.

Многие современные историки уверены, что знаменитая Троя, с которой воевали греки, и Русь – это одно и тоже. Троян – русский царь, который в союзе с татарами и монголами пошел

войной на Запад и без особого труда одержал победу. «Тропа Трояна» – это путь русско-монгольского войска из Малой Азии в Европу. В доказательство этого историки приводят труд александрийского ученого Клавдия Птоломея «Географическое руководство» (XI век новой эры), в котором он пишет о причерноморских городах Арусинии, Арасе, Растиянисе. Спустя семь веков знаменитый ученый – историк аль-Харезми в своем сочинении «Книга картины Земли» также в числе городов Северного Причерноморья называет Арусинию и Растиянис (IX век).

Во всех этих названиях без труда читается корень «рус» или «рас». Спустя еще пару веков (XI век) арабский исследователь аль-Идриси в своей исторической книге описывает «реку руссов», которая соединяла Черное и Азовское моря (нынешний Керченский пролив). В Европу русские пришли вместе с другими восточными народами. И были они союзниками огромной армии.

– Конечно, приятно оказаться причастным к Трое, – начал задиристо Влад. – Но… Мягко говоря, маловато доказательств… Или Ольга что-то упустила важное?

Такое Ольга стерпеть не могла:

– Я выбрала только главное: мнение ученых… А ты, Влад, не очень-то критикуй. Скоро будет твой черед, и тоже о Трое…

Мы решили, что знать о том, что существует в ученом мире мнение: Русь и Троя связаны древними узами, – это хорошо, но… Итог подвел Стоян, заявив, что информацию о Трое и Руси следует отнести к вопросу «кстати, о птичках…». О связи же Руси с Атлантидой никто даже не вспомнил. И так было все ясным.

Сообщение Влада о Трое было коротким, но обстоятельным. Пришлось с ним потрудиться: сократить его речь в три раза. При этом я дождался от него благодарности: «спасибо за науку из многого сделать что-то путное…». Было видно, что Влад увлекся проблемой, которой археолог-любитель Шлиман посвятил всю жизнь.

– Это – человек-гора, – восторженно говорил он коллегам. – Захотел и нашел. Причем у него сведений было не более, чем у нас об Атлантиде! А рассказал он о следующем.

Троя «по Шлиману». Первый шаг к открытию крито-микенской культуры (ее называют еще эгейской, III–II тысячелетие до нашей эры) сделал Генрих Шлиман. Поверив в реальность гомеровского мифа, он начал искать легендарную Трою.

И Шлиману повезло: ознакомившись с западным побережьем Малой Азии, он решил, что древняя Троя расположена на холме Гиссарлык. Здесь все совпадало с описанием Гомера, а прямо на поверхности земли он обнаружил остатки древних строений.

Раскопки начались в 1871 году, Шлиман нашел множество каменных орудий, керамических изделий и посуды. Во время следующих раскопок, в 1873 году, был обнаружен клад золотых вещей, находившихся в большом здании, которое он принял за дворец царя Приама.

Как выяснилось позднее, это была не гомеровская Троя, а поселение, возникшее на тысячелетие раньше. До конца своих дней (Шлиман умер в 1890 году) он так и не узнал, что, раскопав до самых нижних слоев холм, он открыл гораздо более древнюю, чем гомеровская, культуру.

Услышать эту историю одержимого идеей поиска Трои Шлимана было несколько печально, ибо он остался в неведении о своем еще более серьезном открытии. Унылое молчание прервал Брис:

– Друзья, мне кажется, что не только историк, но и историограф, и даже археолог должен стремиться найти в преданиях и религиозных текстах рациональное… Для науки… В этом главное кредо естествоиспытателя в его поиске истины…

– Ну-ка, Ольга, пошевели мозгами: что мы уже сделали – для науки, конечно? – весело закончил Брис.

– Но ведь именно так мы анализировали реальные факты в диалогах Платона, – горячо воскликнула Ольга. – Не правда ли?

– А это значит, что мы, как и Шлиман, на правильном пути, – заметил Влад, который весьма заметно и часто поддакивал Ольге, явно выражая свою симпатию к ней.

– Вы только подумайте, коллеги, – возбужденно стал говорить Стоян. – Немецкий археолог, следуя едва заметному пунктиру, намеченному гомеровскими строками, среди множества земель и стран он… разыскал легендарную Трою… – Стоян перевел дыхание и торжественно продолжил. – И руины ее вновь открылись свету солнца…

Несколько помолчав, разговор продолжил я:

– Не правда ли, идя по следам смутных упоминаний и полузабытых мифов, исследователи выводили из небытия города и целые цивилизации… Как хочется верить, что мы, ты, Ольга, и Влад, ты, Брис, и Стоян сможем кое-что добавить к тайне Атлантиды?

– Значит, – радостно и вопросительно изрек Влад, – нас ожидают «бумажные» путешествия в поисках этих самых «городов и целых цивилизаций»?

– Еще какие! – обрадовал я слушателей. – Есть о чем поговорить, если, конечно, вы поможете мне перелопатить гору, как говорит Влад, «бумажек»…

Вот такой разговор состоялся у нас поздним вечером вблизи

выхода из Дарданелл. Мы прошли мимо старого парохода, стоявшего на якоре у берега. К нему приткнулась жилая баржа. Встали на якорь в турецких водах вблизи мыса, в глубине которого где-то высился холм с остатками Трои. А пока мы наметили план нашего визита в это легендарное место.

Ночь прошла почти без тревог, кроме крика какой-то ночной птицы, усевшейся на вершину нашей мачты. Однако, помня недавнюю попытку нападения на нас в Мраморном море, крик птицы поднял нас на ноги вроде колокола громкого боя. Опять на помощь вахтенному Стояну мы выскочили наверх, и опять с автоматом в руках готов был обороняться Брис. Закончилось все смехом, правда, не столь уж веселым. И все же мы еще поспали, и ранним утром Гор отвез нас на берег. Узкая тропинка вывела нас на видневшиеся вдали какие-то строения. Это и был знаменитый холм Гиссарлык. А строения – это подсобные помещения для работавших там археологов.

На территорию раскопок можно было войти через несколько «ворот». Но с нашей стороны прохода не было, вернее всего, потому, что нормальные посетители прибывали сюда со стороны шоссейной дороги, опоясывающей полуостров этой части турецкой территории. Пройдя по пояс по заросшему бурьяном полю, мы обогнули строения и подошли к большому щиту с планом раскопок.

И тут нас поразил Влад: своей предусмотрительностью и глубиной увлеченности делом Шлимана, как он провозгласил о своем участии в изучение проблемы Трои. Дело в том, что каждый из нас носил с собой в таких походах небольшие сумочки для вещей первой необходимости. У Влада в это день сумка была посолиднее, чем у каждого из нас.

И вот у входа на территорию Трои Влад остановился у плана и достал какую-то папочку, в которой оказался вычерченный им план тех самых раскопок.

– Друзья, – торжественно начал Влад. – Мы стоим у тех самых ворот, названных Гомером Скейтскими, где Шлиман интуитивно у внутренней стены обнаружил свой знаменитый клад. Это те самые ворота, через которые троянцы приняли решение втащить внутрь крепости «деревянного коня» с греческими воинами внутри…

Мы почтительно взглянули на нашего Влада, который рукой показал в сторону раскопок, в глубине которых под стеной стоял указатель с какой-то надписью. Почти бегом Влад опередил нас и громко зачитал: «Здесь 30 мая 1873 года немецкий археолог Генрих Шлиман обнаружил клад, условно названный „Сокровища царя Приама“».

Кто-то воскликнул, что Влад сделал отличный перевод с какого-то языка, но подойдя ближе, мы поняли: на указателе был текст и на русском языке. Припекало, и мы присели в тени на отесанные камни останков крепости. А Влад продолжал просвещать нас. Он извлек из глубины своей сумки листочки с крупным каллиграфическим почерком и зачитал следующее: «Однажды одним жарким утром Шлиман окликнул жену: „Сейчас же иди сюда. Это очень важно. Никому ни слова… Пойди и объяви рабочим, что они могут уйти домой и отдыхать в честь дня рождения мужа…“».

А случилось следующее, говорил Влад: «Шлиман натолкнулся на что-то железное. Вместе с женой Софией они копали, пока не отрыли большой медный сундук, внутри которого было золото, ставшее самой великой находкой XIX века…».

– А почему надпись на указателе гласит «условно»?

– Ученые-скептики утверждали, что сокровище якобы было найдено на разных уровнях раскопок (их было семь)…

– Ну и что это значит? – удивилась Ольга.

– А то, – возразил Влад, – Шлимана обвиняли даже в том, что он собрал эту коллекцию на рынках антиквариата…

– И кто же прав? – спросил Стоян.

Как лектор-просветитель, Влад сделал паузу, обвел всех взглядом и с видом заправского профессора изрек:

– Вопрос… остается… открытым…

– Что стало потом с кладом? – спросила Рида. – Ведь его в Греции нет… А в Германии его не нашли… После войны…

– Нашли, нашли – в России, в запасниках, кажется, Пушкинского музея в Москве, – отозвался Брис.

И снова вмешался Влад, явно претендуя на звание эксперта по сокровищам Приама:

– Давайте перекусим, и я кое-что вам расскажу и даже покажу такое, что… В общем – после трапезы… И ты, Ольга, не выпытывай у меня ничего…

– Очень надо! – фыркнула Ольга.

И вместе с Ридой начала накрывать на священных камнях легендарной Трои «завтрак на траве» с обычным русским пристрастием к колбасе, сыру, буженине и, конечно, черному хлебу. И еще – овощи: почти синие крупные помидоры, огурцы и перец, который Стоян почему-то называл болгарским, хотя мы купили его на турецком берегу. И конечно, вино – вот оно было точно болгарское, из подвалов наших калиакринских друзей.

Закончив трапезу, когда наиболее нетерпеливые стали поглядывать в сторону Влада, я так же многозначительно взглянул на него, призывая не томить товарищей своим

загадочным молчанием.

– Так вот, други, рассказ будет о том, как сокровища Трои нашлись…

И снова пауза, интригующая всех и насторожившая меня. Ведь для сообщений Влада материал подбирал я. Подумалось: насколько удачно он смог ими распорядиться; и я не ошибся: Влад отлично усвоил лекторские приемы с мелким интриганством. Он молча достал из папочки пожелтевшую газетную вырезку, помахал ею перед нашими носами и, не дав посмотреть, сказал:

– Шлиман передал клад в 12 000 единиц золотых изделий в Берлинский музей. В годы Второй мировой войны сокровища хранили в бункере под землей, а в 1945 году они исчезли…

– И оказались… в Москве, – не утерпел я. – После событий девяностых годов… Их у нас обнаружили…

Чем, кажется, здорово огорчил Влада. Но он не растерялся и стал комментировать статью:

– Само название говорит за себя: «Сокровища Трои нашлись в Москве» и подзаголовок: «Кремль хранил свои секреты лучше, чем царь Приам». Это сенсация появилась в газете «Куранты» в сентябре 1993 года. И начиналась она с заявления президента Ельцина в Греции о том, что выставку «золото Трои» он обещал грекам прислать в Афины…

– И что же Пушкинский музей? Наши сотрудники? – спросил Брис. – Ведь вывезенная коллекция может быть за рубежом арестована?

– Точно так говорится в статье, – отметил Влад. – Там на владение сокровищами претендуют четыре страны: Греция, Германия, Турция и… мы, Россия…

– И все же, что говорит российская сторона по этому вопросу? – нетерпеливо требовала Ольга ответа от Влада.

– Вот ответ директора Пушкинского музея Антоновой, зачитываю: «Верните нам Янтарную комнату – тогда мы найдем сокровища Приама». Влад аккуратно сложил ценную статью и категорически заявил:

– Прочитает каждый из вас ее сам… На борту шлюпа, а то замараете ее руками…

И заметка исчезла в емкой сумке Влада. На стенде объявлений заметка появилась сразу же после прибытия на борт шлюпа. И какое-то время самые нетерпеливые заглядывали в кают-компанию.

Сама личность Шлиман заслуживает, чтобы о нем рассказать чуть подробнее: ведь он разрушил твердое мнение ученого мира, что древние легенды, мифы и предания – от лукавого, то есть

вымыслы. Найдя через легенды и мифы Трою, он открыл дорогу к поиску с ориентацией на путеводную звезду из недр древних сведений. И о Шлимане хотелось сказать не сухим словом, а в терминах подвига.

«*Тропа Шлимана» – в будущее….* Подвиг Гомера и Шлимана. Этот подвиг длился более 2700 лет. Слепой Гомер, знаменитый греческий поэт, признанный «отцом поэзии», жил на рубеже 900 годов до н. э.

Его популярность столь велика, что до сих пор семь городов Греции и Малой Азии оспаривают славу считать его своим земляком (Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины). Прославили его две эпические поэмы – «Одиссея» и «Илиада». В последней он описал Троянскую войну.

Подвиг Генриха Шлимана случился в 1868 году, когда он, немецкий археолог-любитель, обнаружил легендарную Трою. Обнаружил, опираясь на Гомеровские строки из «Илиады», причем вопреки твердому убеждению, что эта поэма – вымысел.

Наверное, у каждого человека с детством связан эпизод, который и через десятилетия приводил его к дорогому его сердцу событию, углублению в него или просто добрым воспоминаниям. Такой эпизод случился в начале жизни Генри, сохранив в его душе светлое воспоминание.

Его отец-пастор зимними вечерами развлекал детей пересказом историй из «Илиады» о Троянской войне. И когда в семь лет отец подарил Генри иллюстрированную мировую историю, тот с восторгом принялся читать о Древней Греции и Трое и на десятилетия сохранил к ним глубокий интерес.

Повзрослев, Шлиман уволился из бакалейной лавки и пешком пошел в Гамбург, где за несколько дней преодолел годичный курс бухгалтеров.

Будучи фаталистом по натуре, он был убежден, что в 40-х годах девятнадцатого века на американских континентах он сможет разбогатеть. В самом начале пути в Венесуэлу в шторм его парусник погиб, а он и еще тринадцать человек спаслись и оказались на побережье Голландии.

И вот он в Амстердаме. Простой бухгалтер живет скромно, но благодаря своей незаурядной памяти за год смог изучить языки и бегло говорить на голландском и английском, итальянском и испанском, португальском и французском. Этот дар привел его в крупную фирму, где он изучил русский язык, наладив переписку с Россией.

В двадцать пять лет Шлиман уже возглавлял представительство фирмы в Санкт-Петербурге. Наступило время приличного заработка, получения наследства от умершего брата,

путешествия в Калифорнию и увлечения «золотой лихорадкой». Его путь лежит в Нью-Йорк, Панаму, он видит пожар в Сан-Франциско и переносит две жесточайших лихорадки.

Но у него в кармане…400 000 долларов сколоченного капитала, он чудом избегает дизентерии, очередной лихорадки и опасных своих спутников. Он пересек Панаму на муле и снова очутился в России (1852). Успех в торговле еще более обогатил его, а неуспех в семейной жизни длиной в 17 лет довел его почти до безумия. Жил теперь он только работой, но троих детей и жену материально поддерживал.

К 1857 году Шлиман овладел греческим языком и страстно желал начать путешествия в страны его еще детского интереса – Грецию, Египет, Палестину, Индию, Китай, Японию… Теперь на все это у него хватало и денег, и времени. И он уехал САСШ, где открыл успешное дело, стал американским гражданином, развелся, но хандрил из-за пустоты в его жизни.

Через десять лет новая идея захватила Шлимана, и он организовал небольшую экспедицию археологов-любителей в Грецию, где удалось кое-что раскопать в замке царя Итаки. Но одержимый идеей найти гомеровскую мифическую Трою, он начинает раскопки на холме Гиссарлык на турецком азиатском берегу вблизи от входа в пролив Дарданеллы.

К этому времени «вечный раб поиска» Шлиман вначале нашел… по фотографии будущую верную спутницу жизни: гречанку, любительницу поэзии Гомера, нуждающуюся в деньгах, друге в делах и увлечениях, а главное – верную в любви и преданности мужу… Красивая гречанка беседу-испытание прошла успешно, ответив на все вопросы Шлимана коротким «да»! Более чем на двадцать лет брак Генриха и Софии стал союзом необычайно чувствительных людей, а природная мудрость обоих сделала его крепким и сердечным.

Первые раскопки холма оказались неудачными – местные землевладельцы изгнали Шлимана, а турецкие власти его просьбы об официальном разрешении «не слышали». Но раскопки продолжались, и в 1873 году был найден клад из 10 000 золотых предметов, которые Шлиман ошибочно посчитал сокровищами Приама, последнего царя Трои.

Сокровища нужно было спасать от алчных турецких чиновников, и он перевез клад в Грецию, где издал книгу, в которой заявил ученым-скептикам, что город, описанный Гомером, существовал на самом деле. Правда, теперь страсть Шлимана была обращена на поиск царских гробниц в Микенах на греческой территории. Там, на холме Агамемнон, вопреки мнению ученых, интуитивно, он у внутренней стены нашел те

самые гробницы с золотыми украшениями и посмертными масками.

Последние десять лет жизни Шлиман прожил в своем дворце в Афинах, но волею случая умирал в одиночестве без медицинской помощи в «чужом» Неаполе, где, потеряв сознание, был принят за нищего. Знаменитый открыватель Трои ушел из жизни в шестьдесят девять лет (1890), и верная ему вдова до конца своих дней в статьях, книгах и встречах с людьми отмечала, что «ее Генри» сам нашел и помог ей найти смысл жизни.

И действительно, преодолевая серьезные трудности, Генрих Шлиман добился богатства ради исполнения своей детской мечты. И был вознагражден славой, а еще любовью замечательной женщины. И помог уверовать многим скептиков, что мифы и легенды – это нить к окрытию…

Это обширное повествование появилось на доске объявлений инеожиданно, но вполне естественно вызвало справедливую критику. А именно: когда все это происходило? И вот мы снова в открытом море, и снова все вместе в кокпите слушаем Влада.

– Я изучил син-хро-нистские таблицы, – солидно и с трудом выговаривал незнакомые научные слова Влад. – Они большие, но нас может интересовать два момента… Минойское царство с Троянской войной и появление поэм Гомера…

Влад обвел нас внимательным взглядом и добавил:

– А о государствах того времени – столетий и тысячелетий, поговорим, когда пойдем на Крит… Не правда ли, Максим? – обратился Влад ко мне.

Я кивнул и показал рукой на Бриса, и тот коротко сказал:

– Пойти-то мы пойдем, но до того будет еще один сюрприз… Влад, продолжай…

– Расцвет Минойского царства был в XV – XIII вв. до н. э., и Троянская война случилась около 1240 года, естественно, до новой эры.… Греческая мифология начала формироваться тогда же, то есть в 11 тысячелетии до н. э. И, наконец, написание Гомером «Илиады» и «Одиссеи» относится к IX – VIII векам до н. э.

Став еще более серьезным, Влад заявил:

– А вот мое собственное мнение о великом человеке-гиганте Шлимане – это он разрушил неверие ученых в мифологию, как источник реальных событий… Именно он открыл зеленый свет поискам других городов… Впереди нас ждет Крит и еще кое-что, – загадочно закончил «гимн Шлиману» Влад.

А я ликовал – ведь вчера еще Влад, грубо говоря, двух слов по научным делам не мог связать, а сегодня? Душа пела и требовала увлечь подобным вниманием к старине Ольгу.

Едва ли это Атлантида…

Древняя история оказалась на нашем пути из Трои к Измиру. Где-то южнее в черте береговой линии лежал город, который был даже в названии созвучен Атлантиде. Миновать это место мы не могли и стали докапываться до исторического прошлого этого города.

Рабочая гипотеза работы над источниками: Танталис может быть Атлантидой?! Было подготовлено краткое резюме по этому городу и местности вокруг него, включая Малую Азию и ее Анатолийское нагорье.

Анатолийская Атлантида? Слов нет, история с Атлантидой весьма запутанная. Корень проблемы заключается в достоверности египетского происхождения легенды об Атлантиде. Ведь и Египет, и Афины были значительно позднее Атлантиды…

Вопрос стоит так: признать или не признать роль египетских жрецов в передаче легенды об Атлантиде? Но ведь Солон путешествовал по Ливийскому царству, где составной частью был Египет. И бывал он на Анатолийском побережье нынешней Турции. Более того, Солон обменивался разными историями не только с царем Крезом, но и с великим баснописцем Эзопом.

В Анатолию ведут многие нити мифологического характера. По словам Платона, первым царем Атлантиды был Атлас, и именно в его честь была названа якобы эта островная цивилизация. А Атлас – это знаменитый Титан из греческих мифов, который, поссорившись с богами, был ими наказан и поддерживал небосвод. Гнев богов был столь велик, что на эту работу Титана сослали. Там он свои силы надорвал, уронил небосвод и «организовал» тем самым Всемирный потоп!

И вот что любопытно: изображения фигур атлантов (титанов) известны по барельефам в Анатолии с XV века до н. э. А значит, за тысячу лет до самых ранних греческих изображений атласов-титанов они стояли с поднятыми руками, якобы поддерживающими небесный свод? Так и хочется верить, что греки говорят правду о том, что ведут свой род от Атласа…, но Анатолийского. Историки античности приходят к выводу, что Тантал, по сути дела, является ливийским аналогом Атласа.

Характерно, что оба имени, Титан и Атлас, происходят от одного греческого слова, означающего «нести» или «терпеть» (русское «сносить трудности и муки»). Отсюда происходит английское слово «тантализм» – «пытки», «мучения».

Тантал правил собственным царством, в центре которого у

горы Сипила находилась столица богатой золотом Лидии. Столица Танталис была разрушена сильным землетрясением, и ее развалины опустились на дно озера. Сходство судьбы Танталиса и столицы Атлантиды бросается в глаза: богатые города гибнут в результате землетрясения и потопа.

Получается, что обе истории «генетически» связаны между собой. Причем легенда о Тантале была известна при дворе Креза (около 570 года до н. э.) в то самое время, когда Солон посетил его владения. По свидетельству греческого историка Геродота, во время встречи Солона с царем они обменивались историями о превратностях судьбы.

Казалось бы, теперь все говорит о том, что Солон увез из Лидии историю о Тантале. Причем в ней содержатся якобы ключевые элементы для дальнейшего превращения в легенду об Атлантиде – от невероятного расцвета до катастрофы и гибели.

Но сразу встает вопрос: как могла история о затонувшем городе Танталис в Лидии превратиться в легенду о целом острове-континенте, погибшем за 9600 лет до н. э.? Бытует мнение, что географическое перемещение сцены катастрофы далеко на запад, к месту изгнания Атласа, вызвано тем, что и Солон, и Платон «перевели» имя Тантал в более знакомую греческую форму – Атлас.

И тогда, получив новое «местожительство» вблизи берегов Атлантического океана, история о затонувшем царстве Атлантида стала обрастать подробностями в процессе пересказа в устах нескольких поколений от Солона до Платона.

Вполне возможно, что при дворе царя Креза (VI век до н. э.) с уверенностью говорили о великом городе, построенном Танталом задолго до начала египетской цивилизации. Сам же Платон рождение этой цивилизации относил за 8000 лет до своего рождения. И он-то якобы и пришел к выводу, что Атлантида была еще на тысячу лет древнее Египта.

Итак, если исходить из вывода о том, что источник легенды об Атлантиде существовал на самом деле, то история якобы была вольно изменена Солоном и Платоном. Преувеличения превратили ее в описание мировой катастрофы.

Но зачем это нужно было и Солону, и Платону? Ведь просто описание истории одного или обоих городов уже заслуживает уважения любого бытописателя, даже без преувеличений…

Мы пытались разобраться, где мог находиться не менее легендарный, чем Атлантида, исчезнувший город Танталис. Античные авторы – греческий писатель и путешественник Павасаний (XI век н. э.) называл место гибели столицы царства Лидии у горы Сипила (сейчас – Манис-Даг). Это удаление более

чем на 30 километров от современного турецкого порта Измир (Смирна) на побережье Эгейского моря.

Со слов тех же авторов, в этом бывшем городе был престол микенских царей, один из которых объединил греков для похода на Трою…

А пока бермудский шлюп нес нас к турецким берегам.

* * *

Когда, еще до Босфора, блиц-опрос закончился, то случившееся на борту «ковчега» исследование было обобщено и оглашено в Мраморном море. В пяти группах признаков косвенных доказательств очки распределились по степени доверия к Платону (из расчета максимума в 21 балл):

первое место занял «американский континент» (20,4 балла);

второе – «время гибели» (16,0);

третье – «утонувшие острова» (13,6);

четвертое – «границы острова» (12,4)

и последнее место, пятое, – «дальний материк» (10,0).

Таким образом, описание Платоном материка «напротив Африки и Европы» было воспринято нами с наибольшей правдивостью. И десять «призовых» косвенных доказательств выстроились в порядке, наиболее *убедительном по отношению к предположениям Платона:*

«противоположная сторона» (1 место),

«напротив Африки и Европы» (2),

«ограничение океана» (3),

«напоминает дугу» (4),

«не противоречит науке» (5),

«низкий уровень океана» (6),

«наводнения» (7),

«землетрясение» (8),

«вулканы» (9),

«остров – за проливом» (10).

Кто и какие делал пометки – неизвестно. Каждый проставлял свой балл в свободную клетку. Однако я все же попытался пропустить моих коллег по путешествию через сито в пять ячеек: по триаде – холерик, сангвиник, флегматик – с учетом диады: оптимист-пессимист.

Естественно, все эти ярлыки не однозначны и в человеке существуют во взаимосвязи. Просто чего-то одного больше, а другого… Но чтобы быть объективным, оценку я производил с точки зрения доверия к реалиям Платона в его описании

Атлантиды!

Вне сомнения, первые роли в этом минимальном тесте были отведены Брису и Стояну. За ними скромно пристроился Максим, то есть я. Потом – Ириада, Проктогор и Влад, наконец, – почти полный пессимист, а точнее, экстремист-скептик – Ольга. В этом деле себе я дал слово, что мои нескромные рассуждения мои коллеги никогда не увидят. И не увидели – только после прочтения этих строк.

Сделав такие хитрые подсчеты, я вздохнул с облегчением: с таким коллективом дело поиска вести можно там, где Атлантиды нет, не было и никогда не будет! Но это для пессимистов. А оптимисты ориентируются на иной принцип: «Если не догоним, то хотя бы согреемся!».

Говорят, что пессимист – это хорошо информированный оптимист. Может, поэтому мы, старшее поколение, – все же оптимисты?

… От Дарданелл и Трои мы вышли к вечеру. Решили ночью вблизи пролива не идти – слишком велико движение на этой водной трассе. А риск нам был ни к чему. Укрылись милях в десяти от мыса с Троей в маленькой безлюдной бухточке.

Наши капитаны были на высоте: они выбрали место для стоянки не среди торчащих из воды скал, укрывавших нас от ветра. «Наша» бухточка имела пологий берег из песка и гальки.

– Если нагрянет шторм, то он может сорвать нас с якоря и бросить на скалы, – пояснил Проктогор, которого мы звали просто «Гор». Пояснение продолжила Рида:

– Барометр падает, но медленно… Может быть, успеем дойти до порта Измир и укрыться в его гавани?

– А далеко до порта? – спросила Ольга.

Ей ответил Влад, который спокойно отнесся к тому факту, что его в «капитаны» не взяли, хотя несение вахты доверили, правда, пока только в дневное время и в несложной обстановке.

– Миль 100… Сверялся с картой…

Морское примечание. Кстати, коли мы – моряки, то будем теперь говорить о расстояниях на «морском языке». Как и о курсах движения шлюпа. Остальную терминологию освоим в процессе плавания.

При навигационных расчетах расстояние на море измеряют в морских милях. Одна морская миля равна одной минуте земной широты – приблизительно 1852 метра (кстати, в отличие от сухопутной артиллерии, при расчетах морская артиллерия использует те же морские мили, это я подтверждаю как инженер морской артиллерии).

Для ее обозначения используют символ «М». Морские мили

делят на 10 кабельтовых. Вот как выглядит в вахтенном журнале стандартная запись «5 миль 2 кабельтова» – «5,2 М». Это около десяти километров.

Единица измерения скорости судна – узел («уз.»). Один узел равен одной морской миле, деленной на один час, то есть «1 М за час». Единица измерения глубины – метр (м), а дробные значения измеряют в дециметрах, например «7,1» означает 7 метров и 10 сантиметров.

На другой день, выйдя из района Дарданелл, мы легли на курс вест-зюйд и, пройдя более 100 миль за пятнадцать часов, вышли к берегам порта Измир. Решили, как и при подходе к Босфору, в порт не заходить – укрыться в нем только в случае сильного шторма. Сильный ветер не был нам помехой. А о штормовой угрозе слышно по рации не было. Мы встали на якорь у припавшего к морю крохотного городка.

По карте получалось: гора Манис-Даг (в прошлом Сипила) располагалась по прямой километрах в 30, причем и от нас, и от Измира.

Ранним утром следующего дня мы покинули шлюп вшестером – на борту остался Гор, любезно отпустив Риду с нами. Кстати, сделал он это без сожаления и гримас даже мимолетного неудовольствия.

Чуть позднее, уже в пути, Рида шепнула мне:

– Гор – по натуре «одинокий странник»… Он не очень-то любит быть в толпе… И чувствует себя лучше всего, когда он в море, за штурвалом и один на один со стихией…

Услышав «одинокий странник», я поинтересовался у Риды, любит ли Гор норвежского композитора Грига с его «Одиноким странником»?

– Очень, – с теплотой в голосе вспоминая о Горе, ответила она. – Он собрал Грига всего…

Нас было шестеро, и мы наняли для визита к историческому месту такси-фургон. Ехали с комфортом, не отягощенные стандартной говорильней экскурсовода. Правда, у нас даже не было простейшего буклета о месте нашего интереса – слишком рано мы выехали из городка: все еще было закрыто – кафе, рестораны, отели, киоски печати… Словом, все места, где могли находиться нужные нам проспекты и книжки.

Нехватку «бумажных знаний» мы восполнили у первой же бензоколонки, собрав не только буклеты о цели нашего путешествия, но и все, что рассказывало об округе Измира и достопримечательностях Турции.

Водитель, турок лет тридцати, лихо вписывался в серпантин дороги, повизгивая тормозами на особо крутых поворотах.

Мы с Брисом переглянулись, поняли друг друга, и он сказал по-русски, что «если водитель верит в свое бессмертие, то жизнь пассажиров в опасности»?! Честно сказать, у нас были к тому основания. Наше кредо звучало по-другому: «Риск – благородное дело, если только его благородство этого требует!».

И Брис попросил не торопиться, пояснив водителю, что мы хотели бы подольше пребывать среди красот турецкой земли, а не пролететь мимо нее пулей.

– Мы ведь только первый час на вашей земле, – говорил он, не кривя душой, по-английски, – ведь перед нами разворачивается панорама воистину изумительная…

Казалось бы, события далекого прошлого станут более ясными, если посчитать город Танталис прообразом Атлантиды и поместить его якобы в место существования этой островной цивилизации. Мне представлялось, что легенды и идущие по их следам история с археологией должны будут показать нам, насколько правдиво можно оценивать это место, как Атлантиду, с позиции реалий легенды Платона.

И вот мы на земле рядом с городком Манис, привлекавшим столь много внимания историков и археологов. Стоим у подножья внушительной горы Сипила, у ее северного склона. Здесь, на высоте 300 метров над уровнем моря, в скальной нише высечена фигура женщины размером в десять метров.

Якобы скульптор, сын Тантала, высек этот образ, который древние и нынешние жители считают скульптурой богини-матери. Хеттские иероглифические надписи указывают на то, что этот уникальный монумент был создан во времена бронзового века – предположительно в XIV веке до н. э. или еще раньше.

Греческий историк Павасания (XI век до н. э.) говорит, что рядом со скульптурой находилась могила самого царя – «гробница Тантала». И действительно, в нескольких километрах к востоку мы посетили необыкновенную усыпальницу, войти в которую можно было по высеченной в скале лестнице с шестью высоченным ступенями. За четким проемом двери сохранилась гробница с тщательно отделанными ровными стенами. По возрасту гробница относится к доантичному периоду, а ее строение столь необычно, что не с чем сравнить из сохранившегося из тех времен. Но предполагаемое время постройки – бронзовый век.

Между статуей и гробницей на горном утесе находятся руины греческого святилища, по сей день называемого «троном Пелопа». Этот монументальный свидетель якобы посвящен правнуку Тантала.

«Трон» представляет собой гигантское сиденье, вырубленное

в камне на самой вершине утеса. Мы не избежали искушения посидеть на нем и уже из уважения к правнуку встали на него, окинув взглядом все вокруг: перед нами внизу круговым обзором простиралась прекрасная долина. В дымке терялись далекие горы…

Хеттская цивилизация оставила подобные «троны», только не столь внушительных размеров. И потому, говорится в буклете, эта «любопытная реликвия», созданная жителями древнего города Сипила (Танталис), также относится к бронзовому веку.

Прямо под утесом хорошо видна глубокая расщелина, из-за которой гора походит на «расколотую пополам, словно по ней прошла некая ужасная судорога природы». Так охарактеризовал эту расщелину один из ученых-исследователей этих мест в XIX столетии.

Расщелина имеет собственное имя, данное ей еще античными бытописателями: «Ярик-кайя». Они же сообщили, что гора Сипила оказалась расколотой в результате землетрясения, уничтожившего столицу Танталис. Значит, именно через эту расщелину из скалы хлынули воды, затопившие город? Да и само название содержит намек на воду, ибо в его корне содержится обозначение «вода»!

Еще недавно озеро существовало, но место последнего пристанища руин Танталиса было варварски осушено для пахотных земель местными фермерами.

На старых картах еще лет пятьдесят назад озеро Салое значилось именно здесь – прямо под статуей богини-матери. А сто пятьдесят лет назад, судя по воспоминаниям путешественников, озеро имело значительные размеры. По словам Павасания, некогда здесь находились различимые руины погибшего города. Но они исчезли под наслоениями ила. Ссылаясь на древних греков, английские специалисты по античной культуре рассматривали это место в качестве несомненного положения затонувшего города Танталис.

…Мы стояли на выжженной зимними ветрами и зноем уже жаркого солнца земле: здесь некогда было озеро, поглотившее целый город, и сегодня огромная статуя богини-матери все еще смотрит на долину, тысячелетиями охраняя ее.

Думалось, что, конечно, это каменное изваяние не могло быть творением пастухов-кочевников. Оно создано высокоразвитой культурой бронзового века. И вполне вероятно, это сделали предки тех, кто живет у ног богини сегодня.

Позднее я покопался в своих бумагах по НЯП и нашел кое-что о Танталисе.

Земля Танталиса. Город располагался очень удобно:

в плодородной долине и на древнем караванном пути к реке Гедис, главной водной артерии царства Лидии. В хеттских летописях сообщается, что в древние времена жители поселения создали и статую, и «гробницу», и «трон».

Исследователи XX века, опираясь на многие источники, с уверенностью утверждают: именно здесь был Танталис из античной легенды. И потому это место стало превосходным объектом для археологов. В то же время они только предполагают, что на равнине вблизи статуи богини-матери погребены останки города, основанного в бронзовом веке.

Один из выводов современных археологов заключается в том, что Сипила (Танталис) была главным звеном между хеттской и микенской цивилизациями.

Археолог Питер Джеймс, автор нескольких книг о тайнах древних цивилизаций с интригующим содержанием, посетив это место, писал: *«Мы ожидаем обнаружить там не центр сверхцивилизации, подобный платоновской Атлантиде, а просто крупный город – вероятно, сходный с Троей, которая существовала примерно в то же время на севере…».*

О судьбе города можно только догадываться, и гипотеза о мощном землетрясении выглядит весьма правдоподобно. Ведь хорошо известно, что Измирская область Турции расположена в одной из самых опасных сейсмических зон нашей планеты Земля.

Исторические хроники засвидетельствовали опустошительное землетрясение в Лидии в XVII веке н. э. Тогда двенадцать городов погибли в одну ночь, когда «в земле образовывались огромные провалы, проседали горы и вздымались равнины». Так, в тот год в окрестностях Сипилы погибло второе по количеству жертв греческое поселение Магнезия, расположенное неподалеку от древнего Танталиса.

Античные бытописатели говорили в буквальном смысле слова о том, что города-де «уходили под землю». Однако, как говорит нынешняя практика, под воду уходили те из них, которые были рядом с «большой водой». Оползни служили причиной «соскальзывания» поселений в провалы, заливаемые потом водой.

Итак, землетрясение – это провалы, оползни, горные лавины, наводнения… Но разве это похоже на гибель платоновской Атлантиды?

Археологи надеются, что будущие раскопки позволят определить: был ли город Танталис в бронзовом веке? Подобен ли он платоновской Атлантиде? Действительно разрушен землетрясением и погребен под толщей воды?

…А пока мы побывали в месте со свидетельствами былого величия, столице Танталис с триадой монументальных

памятников бронзового века. Мы с удовольствием зашли в местное шашлычное заведение с налетом европейского стиля.

Естественно, заказали все местное: мясо, сыры – острую брынзу и «дырчатый» жесткий, зелень, вино. Вид с крохотной террасы местного общепита открывался изумительный: над нами нависала гора, от края до края границы долины терлись в синеве далеких горных вершин, слабо пробивающееся сквозь молодую листву солнце делало ее полупрозрачной. И вокруг гулял ласковый и теплый ветерок, отчего так хотелось оставаться здесь подольше. Наш взгляд привлекли полуразвалины христианского храма, и мы, естественно, захотели на него взглянуть вблизи. Он, видимо, относился ко первой половине тысячелетия, возможно, даже позднее. Чувствовалась греческая манера росписи фресок, кстати, хорошо сохранившихся. Кому посвящен храм, мы не поняли. И только потом сели за стол.

Наш водитель категорически отказался сесть за один с нами стол. Однако с удовольствием принял поднесенное ему угощение, по его заказу и с нашей оплатой.

За столом возник разговор, который начала нетерпеливая Ольга: – Это и есть Атлантида?

– Конечно, нет, – возразил Влад. – Критерии не подходят!

Мы, старое поколение, помалкивали. Брис взял в руки сравнительный анализ в рамках Атлантида-Танталис.

– Давайте-ка перечислим пока только пять групп признаков косвенных доказательств, – сказал он.

Затем он указал на каждого из нас и, исключив себя, предложил:

– Каждый из вас назовет только одну группу… Оценивать коротко: «да» или «нет»… Оля, ты первая, прошу к барьеру…

Ольга вздрогнула и хотела возразить, видимо, с возгласом «А почему я?». Но, увидев мой насмешливый взгляд, сказала:

– «Границы острова» – нет.

Следующим был Влад:

– «Далекий материк» – нет.

– «Утонувшие острова» – нет, – сказала Рида.

– Конечно, «американский континент» – нет, – пылко возразил Стоян.

И очередь дошла до меня:

– «Время гибели» – и да, и нет… Но если землетрясение и прочее, то да… А общее, так это название, да и то в переводе на греческий…

– А в целом, Максим, в рамках всех намеченных нами десяти признаков? – спросил Брис.

– Конечно, нет.

– Итак, – подвел итоги Брис, – со счетом 5: 0 победила команда шлюпа «Аквариус» во главе…

– … с Брисом! – прервала его торопыга Ольга.

– …во главе с… Платоном! – Остановил Ольгу уже я, взмахнув в ее сторону рукой.

И чтобы не расстраивать ее, протянул руку для пожатия. От последних «неудач» Ольги всем стало весело, и мои товарищи накрыли своими руками наши две.

До городка оставалось минут десять езды, и машина бодро катила вдоль высокого берега. На мысу, выдававшемуся в море больше других, еще издалека стала видна вышка ветряной мельницы. Подъехав поближе, мы обратили внимание на кольцеобразную деталь в ее конструкции. На высоте в две трети был смонтирован барабан. Его стенки были изготовлены в виде низкого усеченного конуса, покрытого элементами солнечных батарей.

Как стало понятным, перед нами были генераторы электрической энергии – от солнца и ветра. Но особенно меня на вышке заинтересовали два флага – турецкий и японский. Водитель пояснил, что мы видим устройство японского производства, которое проходит в Турции испытание.

– А для чего электроэнергия? – спросил я.

– Кажется, воду добывают, – неуверенно ответил водитель. – Там каких-то четыре насоса…

Я не выдержал и попросил Бриса заехать на эту установку, ибо в Японии мне приходилось видеть нечто подобное, связанное с опреснением воды.

Мы подъехали к воротам, заговорили с охранником по-английски и тот немедленно вызвал сотрудника станции. Инженер проводил нас в небольшой светлый и чистый зал с опреснительной установкой морской воды. А «четыре насоса» оказались четырьмя источниками питания: от ветра, солнца, автономного дизель-генератора и общей электросети. Зная, что рациональные японцы денег на ветер не бросают, я спросил об экономической стороне дела с опреснением. Инженер пояснил: ветер используется до 70 %, солнечные батарейки – на 40 %, дизель-генератор – на 20 %, а национальная электросеть – только в крайнем случае, потому что… дорого.

– А как вы удаляете осадок от морской воды?

И был несколько удивлен ответом:

– Мы не удаляем, а вместе с опреснительными змеевиками продаем в японскую фирму…

Видя мое некоторое недоумение, инженер пространно пояснил:

– Япония покупает накипь для выделения из нее редкоземельных элементов… И этих средств, полученные от фирмы, хватает, чтобы окупить затраты на электроэнергию из общей сети и дизель-генератора…

– А для кого нужна опресненная вода? – поинтересовался я снова.

– Она идет на нужды турецкой фирмы-владельца этой установки. Такие установки все чащепоявляются в Турции – это японцам выгодно… Нечто подобное я посещал вблизи древней столицы Японии в городе Камакура.

Прошло тридцать лет, и я попытался этой японо-турецкой идеей заинтересовать Бриса. Казалось, Брис за идею не ухватился. Однако при подъезде к пристани Брис вышел из задумчивости и сказал, что на многочисленных греческих островах налицо две проблемы: мало воды и даже дорогого электричества.

– Но начинать следует с японцев, – обрадовался я интересу Бриса. – Они заказчики и могут ставить эти ветряки с солнечными батареями, получая взамен сырье для выделения редкоземельных элементов…

– Ты прав, Максим: вложения быстро окупятся и люди получат устойчивый приток воды и электричества… На каждый остров – по установке…

– Вот и начинай со «своего» острова, Брис…

…Посещение Танталиса было скорым, но никто не печалился тому, что место не оказалось Атлантидой. И хотя наша уверенность выглядела стопроцентной, все же мы осознавали: мерка-то была нашего собственного разлива.

Сигнал на шлюп, и тремя заездами в надувной лодке мы оказались на его борту. По пути к шлюпу Гор заинтересованно слушал наш короткий рассказ, который мы поведали ему, перебивая друг друга. А он, по-доброму поглядывая на молчавшую Риду, кивал нам и сам предвосхитил «поражение» Танталиса перед Атлантидой.

А Рида молчала, потому что после обеда Гор и Рида, тесно прижавшись друг к другу, уселись на носу шлюпа, и она подробно все ему рассказала. Под рокот непонятного для меня их греческого разговора я глубоко заснул в кают-компании.

Отдохнув, все собрались на совет с целью выработать план дальнейшего плавания. Как всегда, совет начинал Брис. И, ни к кому не обращаясь, он сказал:

– Думаю, никто из нас не проиграл, побывав на древней земле исчезнувшего Танталиса…

Естественно, мы не возражали и ждали продолжения спокойной, несколько задумчивой речи Бриса.

– Нам бы неплохо было найти следы связи Танталиса с Русью… – С Русью? Как и Троя? – чуть ли не хором спросили мы. Но Брис уже отвлекся от темы – это с ним случалось. А мы не стали допытываться до сути его короткого упоминания о Руси. Как оказалось, напрасно…

Тем временем Брис взял слово и напомнил, что в Средиземном море имеются еще два места, претендующих на звание Атлантиды.

Это – остров Санторини и остров Крит, оба в южной части Эгейского моря.

– Однако, думаю, вы оказались так далеко от дома не потому, чтобы искали только следы Атлантиды? Конечно, это наша суперцель. Но… Брис обвел всех суровым взглядом и решительно провозгласил:

– Приглашаю всех к себе домой, в гости на остров Занд, а ныне – Закинф, где «Русью пахнет»!

Мы молчали, ибо ни «остров Бриса», ни Крит, ни Санторини в наших лекциях не были еще освоены.

Одно было ясным, что Брис слов на ветер не бросает и всегда предлагает что-либо дельное, а подчас и интригующее.

– Спросите Риду и Гора о местах, ставших мне родными, – это сказка и сплошная история…

Мы сидели в кокпите и могли видеть и слышать друг друга. Конечно, наши два капитана радостно закивали – им светило побывать дома, в родных стенах.

– И сколько времени туда идти? – спросила Ольга, обращаясь к капитану и Брису.

Гор пояснил, что туда менее пятисот миль пути, а значит, – это чуть более двух суток, если идти и днем, и ночью. И если, конечно, будет нужная погода.

– Берег сообщает, – уточнила Рида, – барометр и метеосводка предсказывают хорошую погоду… Я проверила по всей трассе… до Закинфа…

Я искал следы досады на лицах моих спутников, но напрасно – они весьма заинтересованно и дружелюбно смотрели на Бриса и капитанов.

– Санторини посетим на обратом пути, – решительно заметил Брис, – дней через десять…

– А почему не Крит? – засомневалась Ольга.

– Потому что Крит пострадал именно из-за Санторини, – отрезал Брис.

На том и порешили. И каждый фамильярно похлопал в знак согласия по плечу непредсказуемого Бриса. К этому моменту наш «Аквариус» лихо выскочил за пределы бухты, поднял все паруса и

пошел на запад в сторону Ионического моря, оставляя Пелопоннесский полуостров к северу.

«Русское» Средиземноморье

Двести лет памяти

Нам предстояло пройти около пятисот миль до острова Закинф, в прошлом Занд. И здесь, на его северной оконечности, навестить семью Бриса.

А он, понимая наше вежливое согласие «зайти домой», опять заинтриговал всех. Он вывесил на «Доске истории» следующий текст.

1791 год. Спаситель русского флота на острове Занд. Эскадра русского флота вела боевые действия против турецких морских сил в восточной части Средиземного моря. Это была политика Российского государства по вытеснению турецкого влияния на Черном и Средиземном морях в интересах православного населения Греции и славянских народов на Адриатике.

В числе активных помощников командующего русской эскадрой находился Моцениго, приемный православный сын венецианского дожа, вставший на защиту греков от турецкого засилия. Постоянно он жил на острове Занд у западного берега Пелопоннеса, где имел богатое имение и добрые отношения с местными славянами.

В поле его зрения находилась вся акватория Эгейского моря. Информацию о положении с турецкими войсками и флотом ему поставляли добровольные осведомители – патриоты из числа местного населения.

Особое доверие русских Моцениго завоевал в то время, когда убедил русского адмирала покинуть с вверенным ему флотом порт Порос в Сороническом заливе: по поступившим к нему данным, турецкий флот готовился атаковать русских. Русская эскадра вышла в море и атаковала турок. Было уничтожено и повреждено около тридцати кораблей противника. Фактически с этого момента турецкий флот перестал существовать.

Моцениго вел разведку побережья и островов, обеспечивал русский флот лоцманской поддержкой, организовывал пополнение флота моряками из греков, снабжал русских продовольствием. Его усилиями русская эскадра упредила турок, которые готовились вывести 500 греческих детей в Турцию. Благодаря заступничеству русских, дети были перехвачены и доставлены специальным кораблем в Петербург.

Будучи богатым человеком, Моцениго отдал все свое состояние на борьбу с турками и на помощь в этом святом деле России. Со временем Русская Земля стала для него новой Родиной. Но перед этим он был схвачен венецианским правительством, заточен в крепость за его православную веру и

по наущению турецкой стороны. Его имение на острове Занд было разграблено. Из темницы Моцениго вызволила русская императрица Екатерина II, которая решительно потребовала его освобождения.

В России Моцениго проявил себя прекрасным работником на дипломатическом поприще, представляя интересы Российского государства в нескольких странах.

Естественно, оказавшаяся перед нашими глазами русская история требовала продолжения, и Брис снова стал просвещать нас о событиях двухсотлетней давности. И не только связанных с островом Занд, а шире…

Более того, его рассказы привели к тому, что мы бродили рядом с островами Санторини и Крит с интригующей нас идеей для углубления в вопросы Антлантиды. Но все время отклонялись от них, рыская по морю то на севере, то на юге.

Пятьсот миль?! Это до двухсот миль в сутки. И потому три дня с лишком в пути помогли нам многое узнать из жизни русских и греков в тревожные девяностые годы восемнадцатого века. А были это последние годы правления Екатерины Великой.

Историческая справка. В годы, предшествующие приходу на царствование Петра I, в период его правления и после него, особенно во времена Екатерины II, Россия вошла вевропейскую политику в качестве новичка.

Так, по крайней мере, думали европейские политики, – по сравнению с дипломатическими монстрами в лице Англии, Франции, Швеции, Дании, германских княжеств, да и той же Турции.

Однако менее века потребовалось России (XVIII) для того, чтобы вся гамма приемов и способов «европейской политики» оказалась задействованной во внешних сношениях нашего отечества с Западом. «Новичок» взял на вооружение приемы явной и тайной дипломатии, преуспев и в собственных путях развития дипломатического мастерства.

В этот период в интересах отечества государство Российское решало жизненно важные вопросы: обладание Балтийским и Черным морями, свобода торговли и политического участия России в делах Европы, освобождение славянских народов от турецкого ига, а в целом – расширение границ государства и укрепление значимости ее политического веса в мире.

Во время наших бесед на эти темы Ольга временами озадачивала Бриса.

– Что дало право Екатерине Великой взяться за освобождение славян от турок?

Встрял Влад:

– Наверное, политический вес?

И он оказался прав, о чем поведал Брис.

– Вы знаете, кто такой Вольтер? Так вот, эпиграфом к перечню успехов политики России во времена Екатерины могла стать мысль о месте Российской империи среди великих держав, высказанная русской императрицей в письме к этому французскому мыслителю: «Теперь без нашего согласия ни одна пушка в Европе не смеет выстрелить!».

Как мальчишка, ерзал Стоян. Ему не терпелось высказаться по поводу одного документа, который еще раз демонстрировал политический вес России в годы правления этой русской царицы.

Кажется, я стал догадываться – речь могла идти о ее обращении к славянским народам Балкан. Именно о нем разговаривал со мной Стоян утром этого дня.

Перехватив мой взгляд, слово взял Стоян. Он достал из кармана несколько листков и потряс ими в воздухе:

– Такую бумагу, фактически листовку с призывом одного монарха уничтожить другого, в то время никто не смел бы предложить простому народу. Екатерина решилась, и потому она Великая…

Стоян передал листки нам на руки. А пока их просматривали, он полголоса сказал, что это воззвание он нашел в книге «Тайны галантного века». Она была издана с моим участием и с целой эпопеей ее рассекречивания, ибо с 1944 года ею пользовались лишь в стенах наших разведывательных учебных заведений.

* * *

К концу третьего дня, обогнув Пелопоннесский полуостров, мы прошли водами Ионического моря в его южной части и вошли в Кипариссийский залив. Здесь было потише, ибо все три дня нас трепали волны Эгейского моря.

Теперь от родных мест Бриса, Гора и Рады нас отделяли считанные мили, не более тридцати – часа четыре пути. На руле стоял капитан Гор, и рядом с ним, буквально впиваясь взглядом в горизонт и прильнув к нему, была Рида.

И они не пропустили этот миг, когда мы услышали радостный вскрик: «Наш остров! Там – наш остров!». Да, действительно, на горизонте показался долгожданный остров Закинф. Слева – берег плоский, а справа – гористый.

В длину с севера на юг он простирался не более чем на сорок километров, и наш шлюп огибал его, оставляя слева по борту. Вот и виден на берегу белокаменный город Закинтос – единственный

и главный. И уже проходя мимо него, неожиданно Брис отдал приказ повернуть строго на вест, указав на ворота в гавань города. Все переглянулись и снова поняли – опять сюрприз. Через час, причалив в центре вместительной пристани, мы оказались в… магазине одежды.

Командовал «парадом» Брис:

– Моя команда должна на удивление моим родным, близким и друзьям выглядеть достойно…

– То есть быть хорошо одетой – стильно и богато, – съязвила Ольга.

– Вот и не угадала. Точнее, угадала наполовину: стильно – да, но не богато, а достойно нашего трудяги «Аквариуса»…

– Исследовательского судна в области «редкой» для мира темы – Атлантида, – прекратил пикировку я.

Из магазина каждый вынес по большому пакету, а в нем… Нет, лучше об этом будет сказано, когда мы, ошарашенные видом жилища Бриса, радовались тому, что не предстали перед его семьей в рабочей одежде путешественников.

Опять, где-то в часе хода до бухты Бриса, а он стоял за штурвалом, он снова озадачил нас.

– Свистать всех наверх! – закричал он, имитируя грубую речь боцмана парусного флота. – Всем работать с парусами: эти – убрать, поставить новые…

– Это какие новые? – изумилась Ольга. – Эти что, плохие?

– Не пререкаться, матрос Ольга, – рявкнул Брис. – Паруса выдаст Гор…

И действительно, из недр рундуков Гор извлек… алые паруса. Через полчаса наш «Аквариус» был приведен в порядок и похорошел, особенно когда все внутри было прибрано, палуба омыта водой, а мы приоделись в парадную форму… из тех самых пакетов.

Весь в белом, нами командовал Брис, и на фоне этой морской формы загар, полуседая шевелюра и черная бородка придавали его фигуре энергичность и строгость. Мы просто млели под взглядами друг друга, под стать Брису будучи облаченными во все белое. Каждый помолодел, а женщины еще больше расцвели. Изнутри давило столь радостное чувство, что хотелось беспричинно улыбаться – и мы улыбались.

Наконец, кто-то протянул руку в сторону Бриса и с деланным пафосом воскликнул: «Слава командору Брису!». Сняв воображаемую шляпу, командор перед аудиторией раскланялся. Всё правильно поняли, кроме разве что скептика Ольги, которая ухитрилась упрекнуть нас: «Это же культ!».

Подходили мы к бухте Бриса с севера, со стороны мыса Всех

Святых. Здесь море встречалось со степью и отрогами небольших гор. Почти как в любимой мной Феодосии.

Бухта открылась неожиданно. Но во всей красе нам ее показал Брис. Он стоял за штурвалом и из тихой воды вынес шлюп на ветер, который понес наш «Аквариус» в бухту, в глубине которой надо всем нависала мощная скала серо-голубого гранита. А у ее подножья…

Мне показалось, что весь я сосредоточился на зрении – звуки исчезли. Наконец, оцепенение стало проходить – послышались шелест воды у носа шлюпа и посвистывание ветра в снастях. Этот зрительный и звуковой фон подчеркивал то, что мы видели у подножья скалы-монумента. Одновременно мы взглянули на Бриса. Он был величав и спокоен.

Я знал его много лет и в разной обстановке, и мне было понятно: Брис-Борис-Угорь был печален. Хотя, встретившись с его взглядом, я почувствовал и другое – мой друг детства был умиротворен. Вечером это выразилось в его фразе: «Мне повезло в том, что удалось своей душой слиться с вашими душами…».

…Под алыми парусами на скорости «Аквариус» несся прямо к белому чуду, все отчетливее проявлявшемуся в глубине бухты. И чем ближе мы подходили, тем заметнее стали видны детали чуда. Это был то ли дом, то ли дворец, то ли бунгало со вторым этажом.

От пристани из мраморных блоков вверх вела широкая с пологими двумя десятками ступеней лестница – также мраморная. А там, наверху, метров на двадцать пять раскинулось приземистое «бунгало» – тоже из мрамора. Дом представлял собой сплошную террасу, увитую виноградной лозой, а второй этаж, чуть придвинутый к скале, – открытую террасу. И внизу, и вверху – окна строгой квадратной формы.

А вот цвет мрамора не поддавался описанию. На наших глазах он менялся от светло палевого до розового, переходящего в пурпур. Конечно, это была игра света уходящего дня. Хитрец Брис, видимо, и это учел.

Паруса упали, и вот мы на пристани. Первым на берег ступил Брис, ему помог Гор, который затем всех переправил на белоснежные ступени. Брис стал подниматься вверх, а сверху к нему шла стройная женщина в греческой тунике. Рядом с ней – ее копия, девчушка лет десяти и парнишка тех же лет – они были двойняшками. Парнишка – копия отца и во всем белом. На полпути к дому они встретились.

А мы, околдованные всем происходящим, не двинулись с места. Но вот сверху к Гору и Раде бросились их ребята. Их фигурки с криками неслись к нам…

Наверное, со стороны, это выглядело впечатляюще: на пурпурной от заходящего солнца длинной лестнице оказалось много белых фигур, неравномерно разбросанных по всем ее ступеням. А вверху – такой же пурпурный дворец-бунгало.

Нас разместили на втором этаже – каждому по комнате. Все делала Елена, жена Бриса, и прислуги видно не было. Но кто-то же убирал это великолепие? Значит, здесь работали приходящие служанки. Хотя это было не так – у Елены на острове проживало десятка два родственников. Это и было решением проблемы.

Как я понял, второй этаж – это и комнаты для гостей. Наши комнаты отличались одна от другой: и стилем, и материалом отделки, и убранством, и мебелью. Но никакой пышности и сверхбогатства, как это принято в элитных отелях.

Моя комната была отделана канадским кленом – я это понял сразу, как увидел палевые прожилки на доске. Правда, дерево покрывало не все стены, одна из них выступала грубой мраморной кладкой с сине-бирюзово-фиолетовыми прожилками.

Как позднее я рассмотрел, комнаты отличались именно этим – везде белый мрамор, но с прожилками, пятнами и вкраплениями: от палевого и желтого, пурпурного и красного до сине-фиолетового. Одна стена держала весь колорит комнаты. Остальное было в той же гамме.

Комнаты были большими и для работы, и для спален – до 20 квадратных метров. И, кроме мраморной стены, еще было окно, в которое пытались проникнуть виноградные лозы. Это обрамление из начинающих зеленеть виноградных листьев придавало особую прелесть помещению – вроде ты в доме, но и на природе чуть-чуть.

Так вот, о моей комнате. Широкая постель, укрытая грубым толстой вязки покрывалом, – в той же сине-бирюзовой гамме. Кресла в колониальном стиле – бамбук с вязаной накидкой. Угловой диванчик – и опять накидка. Столик с каминными часами явно старинной работы. Низкий шкафчик-комод со стеклянными дверцами и посудой за ними. За ширмой – все для туалета, но только для умывания. И еще – картины в грубых рамках из того же канадского клена, а, видимо, для меня – с морской тематикой из парусных кораблей.

Из окна – вид на бухточку со стоянками на якорях малых судов, видимо, местных сейнеров, и пара парусных яхт. Зазвонил телефон – эдакое устройство начала века на стене в деревянном футляре с разъемной трубкой для уха и микрофона. Брис звал меня к себе в кабинет.

– А найду ли я сам? – сомневался я.

– Захочешь – найдешь, – был краткий ответ, который меня

несколько покоробил.

Но это прошло, когда я уразумел замысел «друга детства»: он давал мне возможность без проводника рассмотреть дом. Так оно и случилось, когда мне пришлось искать его прибежище, ибо– путешествие по его «бунгало» оказалось весьма увлекательным.

И вот мы одни в его кабинете. Все просто и с функциональной претензией. Каждая вещь имеет целевое назначение: все эти полки, полукомоды-полушкафы, кресла из грубых толстых брусьев, напоминающих вместе со столом пиратские каюты.

Картин мало – всего три: одна морская в виде отличной копии с Айвазовского «Закат в Феодосии», «Вечерний звон» Левитана и «Корабельная роща» Шишкина. Эти яркие золотистого цвета пятна и умеренная прохлада в тонах «Рощи» создавали уют и особую прелесть для тех, кто в тот момент находился в гостях у Бриса. Привлекли внимание рамки: от темного тона и грубой выделки у шишкинской картины до более светлой у Левитана и совсем светлой и полированной – у Айвазовского. Естественно, возник вопрос:

– Скажи, Брис, почему ты не сделал рамки к картинам более нарядными?

Он не сразу ответил, поглядывал на меня и, наконец, решился:

– Казалось бы, мы с тобой люди старой формации – не просто советской, видели много в музеях, где позолоченных рамок хватало. Но это была дань традициям. Мы же с тобой прошли курс понимания прекрасного еще и в Японии…

– Понимаю, друг, там даже в музеях рамки скромны и не отвлекают внимания от картины. Разве что в картинных галереях западного искусства…

– А почему именно эти три картины? И почему только русские?

И тут я узнал снова неунывающего и ехидного друга детства:

– Ну ты даешь, Максим! А я кто? Разве я не русский еврей? Я – русский. Запомни это, белорусский пижон морского разлива…

– Ха-ха! – сказал я. – Сам ты… пижон с греческим паспортом и опытом работы с американской, израильской и русской спецслужбами…

Нам оставалось только аплодировать этой неожиданно разыгранной сцене. Мы разговариваем о доме – это его детище и его последнее пристанище.

– Дом-то большой, и как ты его отапливаешь?

– Весь нагрев через пол…

– А электричество – это не только дорого, но и в условиях

острова, где существует лимитная система на электроэнергию, просто рискованно! – развел руками я.

– Имеется ветряк – он там, за скалой… Причем вся система электросети трижды продублирована: ветряк, дизель-генератор, электросеть от острова.

Кабинет был велик – метров на тридцать, много книг, рулоны карт в подвешенном состоянии, одна из них – Черного моря – висела в развернутом виде с линиями курсов на ней. Но в отличие от комнат наверху, в кабинете была одна стена из грубого размола мрамора с теплыми палевыми пятнами, другая – серо-голубого гранита, то есть сама скала. А одна… беленая, как это делали в русских домах издревле. Увидев на моем лице удивление и перехватив взгляд на беленую стену, Брис бросил:

– Это память о моем детстве на Украине и под Москвой. Обрати внимание: именно на ней копия Левитана.

Естественно, встал вопрос о появлении этого шикарного дома.

– Как это ты дорос до такого богатства?

– А богатства и нет, – ответил с улыбкой Брис. – Дом стоит на старом фундаменте, оставшемся от дома Моцениго… Да-да, того самого. Он был разорен и врос в землю, на его фундаменте я воссоздал свое видение жилья…

– А мрамор? – уточнил я.

– Мрамор? – переспросил сам себя Брис. – Не дороже кирпичного или блочного дома… Вот, смотри…

И он взял в руки кусочек мраморного маленького блока. Блок с двух сторон был грубо опилен, а с двух грубо отесан.

– Я таких брусьев с браком в цвете и с пятнами всех оттенков набрал десятки самосвалов и привез сюда. Благо карьер с этими обломками рядом, километрах в семи. Еще не был женат, но набрал каменотесов из родни Елены. Они-то все и сделали. Мрамор мягок, и его легко крошить. Мне же нужны были только две стороны плоскими, а остальное – грубой выделки… Ну как? – закончил экскурс в строительство Брис.

– Феноменально, простота мраморной кладки с оригинальной задумкой! Вот это да…

А Брис добавил:

– И занятость людей в трудное время восьмидесятых…

Снова вышли на террасу:, оттуда в свете угасающего дня, хорошо просматривались дали бухты – от Крутого мыса до самой террасы и левого крыла «бунгало». В этом полукруге вдоль бухты над обрывом стояли «кривоногие» сосенки, тянущиеся в сторону моря – так они сопротивлялись ветру.

Я это подметил еще в Феодосии, где на вершине окружающего город четырехсотметрового хребта стояли точно такие сосенки. Приглядевшись, я понял: это сосна Станкевича, редкого вида хвойное с иглами в тридцать и более сантиметров. Таких массивов в мире всего несколько, и самый большой – под Геленджиком и в Феодосии. А заимел эту сосну город от Айвазовского, который высадил ее на горе с целью прикрыть водоемы с водой от высыхания. И привез он ее из Италии. Обо всем этом я сообщил Брису, и тот подтвердил, что сосну сажал он, но саженцы брал в Греции.

– Между прочим, эти сосны – твоя работа, – опять полусерьезно сказал Брис. – Забыл, брат, что в Японии за чашечкой саке ты говорил мне о Феодосии, своем деде и сосне Станкевича…

– И ты запомнил?

И запомнил, и вспомнил, и порадовал округу, где хвойных деревьев нет и в помине…

– А теперь? Только у тебя? – спросил я.

Брис возмутился:

– Да у меня половина острова родни… И не только у них теперь прижились такие сосны!

Ближайший городок Анафонитрия лежал в десяти километрах от бунгало. От него шла узкоколейка к Закинтосу, столице острова. Брис заметил, что в свое время ему удалось как следует отремонтировать узкоколейку, и люди это оценили. Хотели ввести его в местное муниципальное правление островом.

– Вообще, – говорил Брис, – я случайно оказался на этом острове. Вначале хотел послиться в древней Равенне, что в Венеции. Но прожив там месяц в гостинице, понял: она мне со всей ее навязчивой стариной, собранной в одном месте за тысячелетия, быстро надоест…

– И как ты оказался здесь? – спросил я.

– Через русскую литературу. Причем изданную уже в середине девяностых… «Тайны галантного века»… Мы о ней говорили, когда речь шла о русском флоте…

Я не дал ему закончить фразу:

– Получается, что это я вдали от России в этом вопросе с домом и здесь тебя достал… Книга-то моя, ну не совсем моя, а издана с моей помощью…

Брис, которого трудно было чем-либо удивить, окаменел. – Что же ты раньше молчал? Чертов сын с белорусским уклоном, – орал на меня Брис.

– Но тогда мне пришлось объяснять всем, где я в то время работал, – отбивался я от объятий Бриса.

И мне пришлось рассказать ему подробно об эпопее с книгой разведчика-нелегала Гражуля, по которой я учился еще в конце пятидесятых в спецшколе разведки. А потом, уже в девяностых, работая в Академии разведки, я изъял ее из архива и добился издания в открытой печати.

Мы сидели в полумраке, не желая зажигать огня, радовались закату и молчали. Хотя думали об одном и том же – до чего же тесен мир!

Первый день был наш – мы отдыхали. А следующий день – это было время торжественного искреннего отношения людей острова к Брису, его семье, его делам, семье Гора и Риды…

Веранда постепенно заполнялась гостями, и было заметно, что они чувствовали себя здесь весьма свободно, по-свойски. Мы быстро вписались в этот бьющий доброжелательностью круг. Многие хорошо говорили по-русски. И чисто по-гречески – объятия, объятия, объятия… От избытка чувств, видимо. Похлопывание по плечам, спине, пожатие рук, взгляды и радостные восклицания создавали атмосферу непринужденности и уюта.

Стол – грубая столешница со скамьями ей под стать – ломился, но не от богатства блюд, а от всего, что выращено своим трудом и подготовлено на чьей-то семейной кухне.

Один из гостей, седой и крепко скроенный, показывая мне очередного гостя, поднимающегося вверх по лестнице с тяжелыми переметными сумками, говорил:

– Брис может накрыть стол на всех один, но только не здесь… Будет обидным, если каждый не принесет что-либо, сделанное собственными руками…

– Традиция? – уточнил я.

– Традиция, – подтвердил грек. – Добрая традиция… Она помогала нам выжить в войну и после войны…

Виноградная водка и национальный коньяк «метакса» мало привлекали гостей. В ход хорошо шло вино. Чуть мутноватое, но из лучшей виноградной лозы.

У стены выстраивались пустые плетеные бутыли. Как сказал один из гостей, этот ряд символизирует размах торжества. На мой наивный вопрос – куда все эти плетёнки денутся? – ответ был прост: унесут домой, ибо каждая плетенка имеет свой знак опознания – орнамент. Стоявший рядом Гор пояснил, что легенда гласит: орнаменту на бутылях – тысяча лет, а это столько, сколько, возможно, помнит себя род семьи грека.

На третий день пребывания на острове Брис пригласил в бунгало Совет старейшин острова. Эта неформальная группа, как он говорил, является «совестью острова» – это и советники, и

учителя, и третейские судьи.

Брис спросил: все ли из нас хотят присутствовать на этой встрече? Захотели все, естественно, кроме Гора и Риды – эти дни на острове они посвящали семейным делам. Брис пояснил, что старейшины прибудут сами, точнее, в знак уважения, их привезут либо дети, либо внуки, а может быть, и правнуки.

К полудню восемь не столь блестящих марок автомашин и… две пароконные коляски стояли в реликтовой сосновой роще. Поднимались старейшины острова по боковой лестнице, ведущей прямо на террасу. Их встречал Брис, снова во всем белом. С каждым он здоровался двумя руками, и в ответ они, в знак глубочайшего уважения, терлись щекой о его руку. Он же прижимался своей щекой к их щеке.

На веранде – уже не грубый стол, а лучшие резные столики и кресла, вынесенные из комнат. Все сидели овалом – десять старейшин, Брис и я. Стояну предложили место в кругу, но он отказался – в его заботу входило «журналистское участие». Влад и Ольга не обиделись, ибо «так надо».

Старики-старейшины были в возрасте между шестьюдесятью и восьмюдесятью, но крепкие, загорелые; перед собой на стол они положили жилистые руки. Неторопливо, мудрым взглядом они рассматривали нас. Брис начал беседу с представления старейшин и нас. Он называл место представительства каждого и его имя. И хотя у Стояна был магнитофон, позднее Брис предоставил список старейшин. В моей же рукописи приводятся только имена, без фамилий.

Начиная, Брис протянул ладонь к сидевшему рядом старейшине и сказал:

– Отец многочисленного семейства Иванос. Его мысли и дела связаны с Россией, как и имя…

Иванос, поклонившись Брису и всем присутствующим, достал что-то из кармана и передал Брису. Это был русский георгиевский крест, но на новой и очень яркой георгиевской ленте.

– Этот крест получил мой прадед в Севастополе из рук самого адмирала Нахимова, – четко выговаривая русские слова, говорил он. – Ведь многие из спасенных русскими моряками детей были переданы на воспитание в военные полки, а мой прадед – в морской экипаж города Петра… И оказался на службе в Севастополе…

Крест пошел по рукам и неожиданно возвратился к Брису еще с тремя. Брис поднял один из них и спросил:

– Это чья награда, отцы?

– Моего деда, – отозвался квадратный, с крепко посаженной головой старейшина Скопас. – Дед воевал с японцами, был в

артиллерии… Защищал Порт-Артур…

А Брис поднял следующий крест. И когда один из старейшин признал в нем свой, Брис попросил рассказать историю этой награды, назвав старейшину Полидором.

– Мой прадед воевал на болгарской земле, на Шипке. У нас в доме висит картинка этой горы, но уже с памятником сражению. Картинку принес уже мой дед, когда служил в русской армии и был на войне с германцами в ту, Первую.

– А этот, последний, мой, – встрял старейшина сам. – Вернее, моего деда. Ему вручили этот крест в Бока, что в Черногории. И уже после вашей революции… Туда, в Бока, из России пришли малые военные корабли русского Черноморского флота. А когда подошли германцы, корабли решили затопить в Которской бухте, чтобы не отдать врагу. Так вот, мой дед помогал русским снаряжать их взрывчаткой… Когда русские моряки ушли, то дед корабли взорвал. После этого командир одного из кораблей отдал отцу свой георгиевский крест…

– Спасибо, Михайлис, – тепло поблагодарил Брис рассказчика. – Есть ли у кого другие награды? Из рук русских? Прошу, отец Николас!

Я увидел в руках старейшины редкий орден времен Великой Отечественной войны – орден Александра Невского. И все мы напряглись. А Николас начал свой рассказ:

– Орден достался мне от отца. Еще парнишкой, в пятнадцать лет, он воевал с фашистами в рядах греческих партизан. Был схвачен и оказался в концлагере. Мне сегодня чуть больше шестидесяти, и его я хорошо помню, как и его рассказы. Вот что он сообщил.

В лагерь, в конце войны, фашисты привезли военнопленных – русских моряков-пехотинцев. Один из них прятал этот орден. Он готовился к побегу и попросил моего отца орден сохранить… Моряк заучил наизусть домашний адрес отца и обещал после войны разыскать его. Но весточки от моряка отец так и не дождался… Мне говорили, что нужно отправить орден в Москву, и там, по его номеру, разыщут родных моряка. Но я все тянул – жалко было расставаться с орденом, как памятью дружбы деда с русскими…

И Николас протянул орден мне:

– Найдите родных моряка… У вас есть специальная программа на телевидении, которая ищет пропавших людей… (Мы записали адрес и фамилию Николаса, но за орденом по линии добровольцев «Поиск» приехали из Москвы и из русского генконсульства в Греции).

Самый старый из них, опираясь на клюку, посматривал на

Бриса. И тот понял, что отец Георгий хочет высказаться. Получив слово, он поднял клюку, положил ее перед собой и зачитал вырезанный на ней текст: «Да падут блага на русского матроса». Подняв клюку, Георгий показал надпись с двух сторон клюки, сделанную на русском и греческом языках. Последовала пауза и затем рассказ:

– Этот костыль принадлежит моему прапрадеду, а получил он его от своего деда, моего прапрадеда. Тот был в числе детей, спасенных русскими матросами от турок… Еще в конце восемнадцатого века…

Поднялась рука:

– Тут несколько русских имен, а я – Федор… Назван в честь Федора Федоровича Ушакова, создателя первого греческого государства – Республики Семи Островов, в которую входил и наш остров. Тогда его называли Занд…

Брис обратил свое внимание на оставшихся трех старейшин:

– Что вы скажете, Афанодор, Аттала и ты, Андрей?

Старейшина Андрей откликнулся первым:

– Легенда моего рода гласит, что моему прапрадеду не было еще пяти лет, когда его схватили турки и хотели увезти в Стамбул. Но он им не был нужен – мал, слаб, беспокоен. Они решили от него избавиться и бросили в холодный каземат. Причем это случилось в тот момент, когда русские матросы помогли повстанцам взяться за оружие по призыву вашей матушки-царицы Екатерины. Матросы освободили детей…

Мой прапрадед выжил, потому что его спас… Андреевский флаг. Более того, дважды: первый раз под этим флагом пришли русские матросы-освободители, а второй раз…

Андрей передохнул, смахнул старческую невольную слезу и продолжил:

– Он был завернут в Андреевский флаг после того, как его нашли матросы совсем голенького. А флаг-то был шерстяным и согрел младенца. Флаг с ним так и остался.

– Где этот флаг сейчас? – из-за наших спин спросил Стоян.

– Сохранен в нашей семье – семь детей, одиннадцать внуков, пять правнуков… И всех их крестят под Андреевским флагом. И всех мальчиков называют Андреями: Андрей-первый, Андрей-второй…

На лицах всех присутствующий расцвели улыбки, но больше всех счастливо растроган был старейшина Андрей.

Теперь очередь дошла до Афанодора.

– Мой род, говорят, ведется от родосского мастера-скульптора. Якобы он был автором знаменитой эллинской скульптурной группы – гибель троянского жреца Лаокоона и его

сыновей. Мастер – не мастер, а возможно, подмастерьем был. Якобы ребенок был из того рода…

И последним встал Аттал:

– Мой род – скромен: судостроители еще со времен якобы Атлантиды. Но не её самой, а тех племен, которые с ней воевали. Откуда такая уверенность? От имени Аттал, то есть Атлант…

Видимо, этот старейшина был любимцем своих коллег, которые подсмеивались над ним и в этот раз. Но и деда Щукаря любили сельчане! Что представляла собой эта десятка мудрых старейшин? Все – подтянутые, ни одного полного. Взгляды – спокойные и изучающие. Конечно, речь их, записанная на бумаге, как бы олитературена. А на самом деле она перемежалась русскими и греческими словами, которые переводил Брис.

Конечно, они были разными, но чем-то схожими. Старость сглаживает разницу и во внешности, и даже в характерах. Но главное остается – жесты, говорок, нетерпение высказаться… Разность выдавали …шапки – у каждого своя, по фасону и «цеховой» принадлежности.

У Иванусса, Михайлоса, Николаса – полувоенные фуражки со следами времени; у Георгия – морская, у Афанодора – белый, а у Аттала – плетеный картуз. Остальные – один в кепке, двое в бараньих шапках, но разного размера, лохматости и цвета.

И еще – шляпа, какого-то необычного фасона, но из фетра толщиной в палец. Правда, владелец шляпы не выглядел рафинированным интеллигентом. Что это так – выдавали руки, под стать всем остальным. За столом эти потрепанные временем реликвии возлежали перед старейшинами.

Вопросы возникали с обеих сторон, но уже за чаем, кофе и вином. Одно всех объединяло – это глубокое уважение к прошлому: и Греции, и России.

Еще больше мы зауважали нашего Бриса, когда старейшины стали его благодарить за помощь в размещении на острове ветряков с солнечными батареями. Казалось бы, мимолетное знакомство с турецким опытом общения с японцами, которые добывали редкоземельные элементы из отработанных змеевиков, переросло в конкретные дела на пользу жителей острова – для шести его городков и поселений.

Общаясь с нами, Брис все это время молчал. И когда он только успел все это наладить? А старейшины рассказали, что со дня на день ждут японских специалистов для установки ветряков и заключения контракта на отработанные змеевики.

Они заметили, что помощь будет тройная: электричество от ветряков, вырученные суммы для жителей и занятость при ветряках рабочих и сотрудников – пока на строительстве, а затем

– при обслуживании их.

Провожая старейшин, мы получили от них плетенки – ровно десять. Бутыли скромно дожидались нас в одном из крыльев веранды. (Позднее, уже на борту «Аквариуса», когда вино старейшин оказывалось в наших бокалах, в честь старейшин звучало русское троекратное «ура»).

А пока – были прощальные объятия, но уже с каждым из нас, а не только с Брисом. Десять крепких и искренних объятий!

В предпоследний день перед отплытием мы с Брисом сидели в его кабинете, в котором я уже освоился. Со стен и полок артефакты вещали о прошлом. И среди них скромная рамочка размером в три листа с документом на греческом языке. Бумага потертая, текст рукописный, местами чуть порванный, с бурыми и сальными пятнами, видимо, от свечи.

Как-то случилось так, что я не осмотрел этот экспонат внимательно. И вот теперь в конце рукописи разобрал слово «Екатерина», а затем понял, что этот тот самое обращение Екатерины Великой к славянскому народу в борьбе с Оттоманской Портой и обещание помощи со стороны России.

Такой документ-подлинник со следами крови повстанцев, даже его копия, – это была бы бесценная находка в копилке фактов из истории России и ее тайного влияния на политику других стран.

И копию его я получил. После перевода с греческого стало понятным следующее его конкретное содержание, которое дается в отрывках из пяти страниц обширного текста.

«Манифест к Славянским народам Балканского полуострова.

19 Января 1769 года».

В обращении говорится, что «…объявляем всем славянским народам православного исповедания, в турецком подданстве находящихся… Сие есть то самое время, которое христиане, под игом ея стенящие…

Полагаем мы совершенную надежду на правосудие Божие и всесильное его известной войск наших храбрости способствование… Подвиг сей заслуживает похвалу пред Богом и пред светом… А сверх того за все, что поставят для войск наших, будут немедленно получать плату… Наше удовольствие будет величайшее

видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые… И которые отличат себя при том храбростью, предводительством, благоразумными советами и стараниями, обнадеживаются… императорским благославлением.

Дан в Санкт-Петербурге, 19-го генваря 1769 г.

Екатерина».

Еще за день до этой последней встречи в кабинете Бриса я обратил внимание на четыре весьма потертые книги. Это были простые издания с мягкой обложкой.

А привлекло меня в них то, что три из них были по торцу отремонтированы простой водопроводной клейкой лентой. Книги были изданы в начале 60-х годов в издательствах «Географиздат», «Мысль», «Московский рабочий» небольшими для нашей страны тиражами – по 100–200 тысяч экземпляров.

Там были и другие книги о путешествиях по морям и океанам, но эти… Они оказались особыми, ибо точно такие же стояли на моих полках в Москве. И вот, опасаясь, что ошибусь, я сам для себя обосновал значимый для судьбы Бриса тезис: именно эти книги привели его к идее построить яхту, путешествовать по волнам и решительно вовлечь нашу четверку – Влада, Ольгу, Стояна и меня в «атлантидскую» круговерть!

И вот я сижу в кресле у камина и, в ожидании Бриса, листаю книги со свидетельствами его работы над описанием четырех путешествий столь разных людей – американца Джошуа Слокома на шлюпе «Спрей» (1895 год), австралийца Джона Колдуэлла на яхте «Язычник» (1946 год), француза Алена Бомбара на надувной спасательной лодке «Еретик» (1952 год) и шведа Бенгта Даниельссона на «Таити-Нуи» в составе команды (1957 год).

Потертые страницы книг испещрены пометками Бриса. «Путешествуя» по главам и разделам книг, Брис обстоятельно расписывал маршруты: китобоя Слокома из Новой Шотландии в Канаде через Атлантический и Тихий океаны в Нью-Йорк; военного моряка Колдуэлла из Панамы через Тихий океан на восточный берег Австралии; врача Бомбара из Гибралтара через Атлантический океан на Большие Антильские острова; неутомимого путешественника и соратника Тура Хейердала Даниельссона с острова Таити по Юго-Восточной части Тихого океана.

Именно эти записки бывалых людей сподвигли, как Брис мне позднее рассказывал, его на путешествия. Он признался, что испытывал ликующее состояние, когда я с моими спутниками по побегу оказался в поле его зрения: «Это удача свалилась мне на

голову в виде твоих НЯПов!», – восклицал Брис. И мне становилось понятным, почему он тогда, у камня славе нашим морякам, так по-мальчишески бесновался…

Под флагом России

Мы покинули остров Занд, уставшие от пяти дней сплошного гостеприимства. Больше всех радовались встрече с домом два капитана и, конечно, Брис.

Мы близко познакомились с его женой – миловидной и хрупкой гречанкой с миндалевидными карими глазами и прямым, несколько крупноватым греческим носом и копной почти русых волос, собранных в пучок, как это делали дамы древней Греции. Дети Бриса рвались уйти с нами в море, но… они учились в школе, и до каникул было далеко.

И опять, в который раз, Брис преподнес нам сюрприз: мы шли не на юг, а на север Ионического моря, возможно, даже в Адриатику.

Он начал издалека, сделав ставку на тот факт, что мы слабо разбираемся в собственной истории. И его простой вопрос: что вы знаете об адмирале Ушакове и созданной им Республики Семи Островов? – поставил всех нас в тупик. Чем и воспользовался Брис.

Себе в союзники он взял Стояна. Собственно, от его заявления мы сделали очередной «оверкиль», как после этого мы стали называть неожиданные смены курсов с легкой руки Бриса.

Только мы отошли от малой родины Бриса, как Стоян созвал всех наверх. Мы сгрудились вокруг Гора, стоявшего на штурвале.

Начал он с биографии Ушакова:

– Личность Ушакова привлекала мое внимание давно, – патетически заявил Стоян. – Победоносный флотоводец России не потерпел ни одного поражения в морских сражениях. А Фидониси, Тендра, знакомая вам Калиакрия, прославившие русский флот, вошли в учебники истории и военно– морского искусства…

Мы, разинув рты, с большим вниманием слушали эту прописную истину. Нас интересовала сама технология вправления нам в мозги нового курса для нашего «Аквариуса». А что так и будет, мы не сомневались.

– Чего уж там говорить, все яснее ясного: куда нас теперь понесет, соловей ты наш?

Стоян, чуть смутившись, марку выдержал, хотя осторожно кивнул на Бриса. А поведал он нам об истории Ионических островов, через которые мы только что пробирались на пути к дому Бриса.

Речь шла о цивилизациях, которые здесь существовали – от

фракийцев и викингов, греков и римлян до венецианцев и французов и снова греков. Уже давно скрылся за горизонтом остров Закинф – Занд, но никто, увлеченный рассказом «болгарского Сенкевича», не подумал проверить курс, по которому несся наш шлюп. А несся он на север. Так и не сознавшись, каким курсом мы пойдем и где остановимся, Брис, проворчав, что «утро вечера мудренее», отправил всех спать. Он был глава экспедиции, и мы подчинились. А утром обнаружили на «Доске истории» очередной манифест – историю тех самых Ионических островов.

Первая греческая самостоятельность. Ионическими островами владели римляне, остготы, славяне, тут восседали воинственные варяги и герцог Анжуйский.

Венецианцы купили остров Корфу за 30 тысяч дукатов и стали возводить здесь свои укрепления. Османская империя видела в Ионических островах камень преткновения для своей экспансии и постоянно вела атаку на них.

В условиях непрерывного давления с Востока жители острова Корфу вынуждены были стать искусными мореходами, строителями и воинами. Они собирали богатый урожай, хранили зерно и пресную воду на случай осады. А те продолжались беспрерывно.

Искусный венецианский строитель Микеле соорудил на Корфу в XVI веке неприступные форты, башни и стены. В 1715 году турки о них обломали зубы, и крепость объявили неприступной для любого противника.

Так и было до 1797 года, когда аристократическая Венеция была завоевана республиканской Францией. Ворота противнику открыла местная аристократия, без боя отдав ключи от крепости наполеоновским маршалам. Солдаты Директории заняли все Ионические острова, которые обеспечивали господство в Адриатике.

Стратегическую оценку Ионическим островам дал Наполеон. Он писал: *«Острова Корфу, Занд и Кефалония имеют для нас больше значения, чем вся Италия».*

Бывшие правители островов венецианские аристократы были потеснены в своих правах, их родословную «Золотую книгу» знатности сожгли, а в центре города Корфу было посажено Древо Свободы. Однако многому из задуманного комиссарами парижской Директории уже не суждено было осуществиться.

Разворот истории был таков, что остров Корфу освободили от новоявленных «хозяев» объединенная эскадра России и Турции под командованием вице-адмирала Ушакова. Но туркам жители островов не доверяли. А вот Россия, хотя и была абсолютной

монархией, пользовалась безграничным доверием населения.

Дело в том, что после падения в 1453 году Константинополя и воцарения в регионе Османской империи греки лишились своей государственности и надежды на ее восстановление связывали с единоверческой Россией. И во многом это оправдалось.

Первым форпостом греческой самостоятельности стала Республика Семи Островов. В становлении и укреплении Греции как государства активное участие принимал замечательный русский флотоводец адмирал Федор Федорович Ушаков. На этом поприще он проявил себя и выдающимся дипломатом, и политическим деятелем.

Вместо «Доброе утро» в тот день мы весело приветствовали их возгласом: «Даешь Корфу!». Брис и Стоян делали вид, что они огорчены – их план раскусили.

Два пути было еще к одному месту Русской Славы – острову Корфу. Речь шла о маршруте в открытом море или петлянии между островом Кефалония. Рядом с его восточным побережьем притулился островок Итака. Да, да, та самая Итака, где обитали греческие боги и полубоги. Путь вне «сети» островков был более опасным, но мы выбрали этот путь, более неспокойный в навигационной обстановке. Думали если и не заглянуть в Итаку, то хотя бы издали посмотреть на это с детства знакомое нам по греческим мифам легендарное место. Впереди нас ожидал курс в 200 миль с множеством коротких галсов между многочисленными островками.

К штурвалу нас, Влада, Ольгу, меня и даже Бриса, не подпускали – шлюп вели по этому лабиринту островов капитаны. Причем они делали это вдвоем: кто-то – на штурвале, а кто-то – впередсмотрящим. Обмен их короткими возгласами мы слышали беспрерывно.

Зато на нашу долю выпала честь работать с парусами – точнее, помогать «механике» выполнять команды на парусах. И потому мы парами – Ольга с Владом, Стоян и я – постоянно были наготове: один на гроте и один на бизане. Кливер был поднят все время, и только иногда, в особо опасных случаях, его чуть приспускали. И вот тогда мы слышали шелест волны у носа и тихий шепот ее за кормой.

Шлюп в опасных местах двигался почти что ощупью. Конечно, для судов имелся фарватер, но мы хотели идти под берегом – от маяка к маяку. Ольга уже самостоятельно брала пеленги, и ей было весьма лестно передавать команду о них «старым морским волкам» – нашим капитанам в лице Гора и Риды.

Итака поразила нас своей пустынностью – отсутствием признаков жилья. Выглядело это довольно уныло. Ее изрезанные

бухтами берега хранили молчание. Правда, иногда в них мелькали стройные мачты яхт и паруса, но это были, как и мы, путешественники под флагами европейских стран, а чаще всего – американских.

Однако на этой земле бросались в глаза цветущие азалии, бирюза теплого моря и ковер зелени, наброшенный на горы и выступающие в море скалы…

Естественно, встает вопрос: а что же, на других островах было по-другому? Конечно, нет. Просто так близко мы подошли к берегу только здесь, у острова Итака. И эту же картину мы нашли потом, начиная с южной оконечности острова Корфу, который официально назывался Керкира с главным городом с тем же названием.

От Итаки курс лежал на остров Паксос, что против легендарной Парги на берегу Греции. Через полсотни километров показался остров Корфу.

Смотря на карту, Брис озадачил нас:

– Включите фантазию. Никто из вас не возражает, что природа создала «каменный сапог» – Италию? А вот остров Корфу на что похож?

И он указал на карту. Помолчав с видом римского сенатора, Брис стал нам «тыкать», начав с самого нетерпеливого, то есть с Ольги.

– Ольга, ты?

– Что-то вроде… угря…

– Влад, ты?

– Окорок, – со вздохом произнес он, как будто его ветчиной не кормили.

– Рида, ты?

– Согласна с Владом, но только не куриный…

– Гор, ты?

Занятый управлением шхуной, Гор кивнул головой в сторону Риды – в знак согласия с ней. Очередь дошла до Стояна. И Брис обратился к нему:

– …, – развел руками Стоян и, наклонившись к моему уху, шепнул свою версию. А вслух молвил: «…в нерабочем состоянии».

Мне пришлось отдуваться за него, когда после длительной паузы я сказал, что шепот Стояна – это непереводимая игра слов… на болгарском.

Неумолимо вопрос предстал и передо мной:

– Ты, Максим?

– А ты, Брис? – парировал я, оттягивая его суровый приговор: кто же ближе всего подошел к разгадке?

– Видишь ли, – начал я. – Это на итальянский сапог не

похоже, но что-то есть от ножки…

Хмыкнул Влад – его версия почти подтвердилась.

– Ладно, – пожалел меня Брис.

– Это, по-моему, ножка, но… балерины!

И мы все вдруг увидели, что действительно, контур южной части острова столь элегантен, что выглядит именно так.

Наши споры прервал окрик капитана Гора:

– Всем – к повороту, курс 90!

Более трех часов, меняя галсы, мы шли к городу-порту-крепости Керкире – столице острова Корфу. Миновали остров Видо – «ключ» к городу в дни осады. Вглядываясь в этот остров-крепость, лежащий в полутора километрах от основной крепости, начинаешь соглашаться с путеводителем. Там говорится, что остров Видо похож на добродушного зеленого медвежонка, обхватившего морду лапами.

Но и сегодня остров направлял на нас полусотню орудий в пяти батареях.

Гарнизон сдался! Хорош «медвежонок». В феврале 1799 года Видо ощетинился батареями против русской эскадры.

Но для адмирала Ушакова это была не просто атака на укрепленный остров, а результат серьезной подготовки. От повстанцев он узнал особенности каждого изгиба острова, каждую бухточку, сектора обстрела каждой батареи, чтобы удар корабельной артиллерии эскадры стал сокрушительным. Стремительный десант сделал свое дело – гарнизон Видо сдался. И эта крепость, которая несколько веков не покорялась врагу, отрыла свои ворота морякам русского адмирала.

Вошли на рейд под «надзором» крепостных орудий прошлых веков и встали у причала. В море выступала скала с пронзающими небо крепостными башнями, неприступность которых в свое время не вызывала сомнений.

Как всегда, в шлюпе остался Гор, но его не покинула Рида. Им хотелось побыть вдвоем. А мы, пройдя через мост, соединяющий крепостные башни, обогнули мощные стены и через каменный туннель вышли на крепостной верх.

И вот, стоя на стене, каждый из нас по-разному, но все же представлял себе, как белопарусные корабли эскадры Ушакова в клубах артиллерийского огня разворачивались в линию перед крепостью. А из-за холмов высыпали растянувшиеся в неровную цепь греческие повстанцы. И все вместе – русские моряки, греки-повстанцы и солдаты-албанцы – пошли на последний штурм занятой войсками Наполеона крепости.

Мы обменивались репликами на уровне наших знаний об этом знаменательном событии в истории русского флота,

мирового военно-морского искусства и войны Европы с Наполеоном. В нас бурлила кровь гордости за русскую отвагу, проявленную вдали от Отечества.

И наперебой вспоминали кадры их мосфильмовской ленты «Корабли штурмуют бастионы». Ее название весьма точно отражало суть события.

Почему-то все обернулись ко мне. Я развел руками, как бы говоря: «А почему я?».

– Потому! – изрек Брис, и ему подражали еще три «потому». – Потому что ты – морской офицер и «болен» флотом до гробовой доски…

И вот – пауза, пытливые взгляды моих коллег, которых я не мог разочаровать. Пришло волнение:

– Ребята, товарищи… Друзья! – полушепотом начал я. – Вот туда смотрите, на крепость Видо и на наши корабли у его стен. Оттуда тянет гарью и дымом. Но там трепещет наш флаг, Андреевский флаг… Вслушайтесь: это сигнал горном защитников Видо… Вы видите, как на флагштоке медленно вверх ползет белый флаг – символ сдачи крепости русскому флоту… Ура, товарищи! – смахнул я невольную слезу.

И мы грянули наше троекратное русское «ура» – два коротких и один протяжный. Чем спугнули две пары редких для этого времени года туристов. Неожиданно вперед выступил Влад и, как заправский гид, правда, заглянув в бумажку, зачитал:

– Да, пожалуй, так и было 18 февраля 1799 года. Русский флот одержал блистательную победу. Сам Суворов, узнав о ней, воскликнул: «Ура! Русскому флоту… Я теперь говорю самому себе: „ачем не был я при Корфу, хотя мичманом…“».

Я не стал разоблачать Влада с его цитатой о Суворове, ибо тот говорил то же самое о сражении у Калиакрии. Просто этот случай наглядно показал, как субъективна история в устах историков!

В таком приподнятом состоянии Стоян и я хотели прикоснуться к камням истории и увлекли всех в Музей археологии и азиатского искусства. Оставив всех в прохладных залах музея, мы со Стояном ринулись искать библиотеку. Но наткнулись в конце впечатляющей экспонатами галереи на дверь с табличкой «Архив острова Корфу».

Не спрашивая наших документов, седая женщина со следами былой красоты – архивариус – только спросила, какого периода нас интересуют документы и о чем? И через несколько минут перед нами выросли папки с титлом: «Эскадра адмирала Ушакова, главы русского флота».

Но вначале – разочарование: в папке пожелтелые страницы с

четким писарским почерком и изяществом старого наборного текста – это решения сената, местного суда, торговые записи…

И вот – последняя папка, ее передает мне Стоян с видом загадочным и не менее торжественным. Он показывает на документ с характерной размашистой подписью вице-адмирала Ушакова. Один документ, другой – и вот пошли листы с собственноручными записями адмирала.

Документ с резолюцией адмирала на рапорте некого капитана Ерохина в защиту городской библиотеки: «…пособить, куда книги делись, чтобы непременно все было собрано…».

Письмо русскому послу, помеченное декабрем 1798 года: «провианта весьма мало», «провизия на эскадре вся без остатка вышла» – адмирал принимает решение: пусть аристократы острова возьмут русский и турецкий флот на свой кошт. В письме сквозит мнение адмирала, что голодный солдат и моряк Корфу не возьмут.

Еще документ в защиту восставших крестьян острова, наказания которых жаждала местная знать, требовавшая ограничения прав промышленников, торговцев…

Мы обнаружили документ, изданный после освобождения Корфу. Это был адмиральский указ об амнистии зачинщикам бунта. Тогда ионические аристократы и русские дипломаты-доносители из генконсульства в один голос заявляли, что Ушаков и его командиры «стали на сторону черни».

В папках нашлись копии бумаг жалобщиков, которые писали в Петербург и Константинополь. Но Ушаков предупреждал знать: «Если вы не отпустите крестьян, вас порежут, а я заступаться не буду…». Документы из тех давних столетий сообщали, что адмирал с эскадрой прибыл на Ионические острова с освободительными целями.

Зыбкая память… Современные греческие историки в «горбачевское время» вдруг позабыли роль России в их освобождении от наполеоновского нашествия. Иначе чем объяснить появление в греческой историографии 1798–1799 годов упоминание о русско-турецкой оккупации острова Корфу?

Хороша оккупация, которая дала первое греческое государство! Тогда на острове греческий язык стал государственным! В момент ухода эскадры в 1800 году греки преподнесли адмиралу Ушакову медаль как «спасителю» и «отцу». Так оценили вклад русского флота в освобождение, пресечение бесчинств, грабежей и несправедливости по отношению к любому гражданину острова.

О такой несправедливости и в защиту монастырского имущества – парусного судна – говорится в обращении адмирала

в «Сенат Ионических островов в Корфу»: «прошу приказать просьбу беспрепятственно выполнить, как следует по справедливости. А не принимая облыжные отговорки и ябеды…».

В Зимнем дворце Ушакова не поняли и в середине 1800 года, когда англо-русско-турецкая коалиция распалась, а русская эскадра ушла в Севастополь.

В память об адмирале-освободителе Ушакове для Европы осталось замечательное событие – Республика Семи Островов с конституцией, написанной русским адмиралом! В начале XIX века это была единственная свободная территория Греческого государства.

На Корфу, в его столице Киркоре, у стен крепости стоят памятники и памятные знаки англичанам, венецианцам и другим завоевателям и освободителям острова. Но, забегая вперед, скажу: до нового тысячелетия не было даже знака в память о штурме Корфу и великом русском адмирале-победителе, защитнике греческого народа.

По следам «птенцов гнезда Петрова»

– Я не простил бы себе, если лишил вас визита в это уникальное место… Почему? Поймете сами, слов у меня нет, чтобы это описать… Единственно, что об этом загадочном месте он говорил: «там Русью пахнет» и «этот фьорд – весьма необычное явление в средиземноморской береговой полосе».

Что же позволило согласиться всем нам с новой задумкой Бриса? Конечно, не столько фьорд, сколько история этой бухты, связь с которой для русских началась еще при Петре I.

– Эта бухта, – увлеченно говорил Брис, – памятна не только дружеским общением ее населения с русскими моряками, но и необыкновенным фактом: два года фьордом и его бухтой владела Россия! Вла-де-л-аааа…

– Не здесь ли обучал Петр Великий русских моряков мореходному мастерству? – уточнил Стоян.

– Вот именно! – воскликнул Брис. – Здесь закладывались знания в головы русских людей, которые радели за наш флот с самых первых лет его существования…

– Почитать бы что-нибудь на эту тему! – чуть ли не зевнув, высказалась Ольга.

– Тёто матэ кудасайи, – отразил удар Брис, вскочил со своего места и, нырнув в кают-кампанию, вынырнул оттуда со стопкой книг, брошюр и проспектов. – Я захватил с острова Занд кое-что об этом фьорде и передаю эти книги Максиму и Ольге, нашему архивариусу… Читайте на здоровье…

Такая оперативность Бриса меня просто потрясла, о чем я поторопился ему сказать. И получил в ответ мою же присказку: «Мухтар постарался…». Еще я перевел всем присутствующим непонятное восклицание Бриса, кстати, с японского – «одну минуточку».

Мы ведь с ним в Стране восходящего солнца кое-чем занимались… Но, бросив друг на друга взгляд, мы поняли без слов – нам воспоминание о Японии более чем приятно, а всем знать о наших похождениях там ни к чему!

Потупив взор, чтобы никто пока не претендовал на полученный дар, я прошел в кают-компанию и засел за просмотр этого бумажного богатства. Книга, объемная брошюра и обширный проспект давали отличное представление о месте, куда мы шли.

Действительно, это была чуть ли не единственная заморская территория России на юге Европы. Решение мое было простое: книга – в первую очередь, мне, а остальное – коллегам.

Начало положила нетерпеливая Ольга, заглядывая в каюту и выразительно посматривая на богатство. И она первой получила во владение на пару часов один из проспектов.

Шлюп резво шел с креном то на один, то на другой борт, лавируя вдоль основного курса галсами. Когда возникала необходимость сменить галс, раздавалась команда от штурвала: «К повороту!». В этот момент все замирали и сосредотачивали свое внимание на тех, кто участвовал в этом маневре. А лавировать приходилось между множеством островов и при расхождении со встречными судами.

И чуть ли не на каждом острове или островке нам открывался очередной маяк. Расцвеченные широкими горизонтальными полосами, они хорошо вписывались в зеленый фон островов и далекого, затянутого голубизной берега. Влад на примере этих маяков продолжал учить Ольгу брать пеленг и определять место шлюпа на карте. Собственно, учить ее было уже нечему, но зато Влад часами был рядом с ней.

На третий день, когда берег проявился на горизонте неширокой темной полоской, Гор уверенно повернул шлюп к берегу, и, казалось, мы идем прямо на вставшую перед нами каменную стену без надежды найти кусочек пологой земли. И только подойдя ближе на пару миль, удалось рассмотреть уже невооруженным глазом своеобразную «щель» в ней.

Это был вход в фьорд.

Единственный на юге Европы фьорд, известный как Бока Которская. Получил свое название по самому крупном городу в нем – Котору.

– «Бока» означает «бухта», – пояснила Ольга, уже крепко сдружившаяся с Ридой и чуть ли не ежеминутно получавшая от нее разъяснения на массу вопросов, интересовавших нашу милую «торопыгу».

– Адриатическое море перед бухтой самое широкое. Больше 100 миль…

Мы входили в фьорд через врезавшиеся в глубь берега четыре красивых залива, два из которых составляли внешнюю часть бухты, и два – внутреннюю.

А пока, сидя на планшире кокпита, вела рассказ о Боке Ольга. Она говорила о том, что с севера и запада Боку защищают от ветров горы, и что потому климат здесь весьма мягкий.

– Вы послушайте только, люди, – обращалась она ко всем, кто мог ее слышать, – Бока – это уникальный по красоте, роскоши и рельефу природы уголок Балкан… Заселили ее давным-давно, благо флора и фауна способствовали этому…

Географическая справка. Забегая вперед, скажу, что удалось

найти карту Эгейского моря, копию с какого-то более древнего оригинала. На ней, наряду с островами, существующим и сегодня, обозначены многочисленные земли, отсутствующие в наше время. По мнению ряда исследователей, эта карта показывает положение региона до прорыва Атлантики в Средиземное море. Согласно древнегреческому историку Плинию, тогда существовала суша, соединявшая Кипр с Азией.

Появление фьорда связывают с катастрофой океанского значения. Считается, что из-за подъема воды океана произошел очередной прорыв морской воды в Средиземное море, уровень которого был значительно ниже (1450 лет до н. э.). Многие земли оказались затопленными внезапно, а население по всему побережью почти полностью погибло.

Высокие горы (1300, 1700, 1900 метров) не позволили морю углубиться дальше, чем на 40 километров. Так образовалась береговая линия Которского залива протяженностью по всем берегам и узким проходам до 100 километров.

На Аравийском полуострове пролив Баб-эль-Мандебский («Ворота слез») по преданию назван так в память о великом землетрясении, в результате которого произошел разрыв Азии и Африки, появилось Красное море. И опять множество людей погибло.

(Итак, снова: наводнение и землетрясение?!)

А Ольга все вещала:

– … Бока знаменита историей народов, живших на этих местах тысячи лет… Ее мореплаватели известны всему миру, здесь масса архитектурных памятников…

Ольга прервалась и сообщила:

– А вот и о нас, русских. Оказывается, Бока была тесно связана с русскими моряками со времен Петра I, как и с революционными традициями…

Ольга замолчала – мы входили в Боку через узкий проход между материком и полуостровом шириной в три километра. Рида без шпаргалки указала на открывшийся впереди островок.

– Это сторожевой пост Мамула на пути от морского простора в глубь заливов… После его захвата первым грабили город Херцегнови, его именем названа эта часть залива…

Древняя Бока. С древнейших времен на землях Боки селились иллирийцы, и владели они краем до II века нашей эры. Затем Иллирийское государство оказалось покоренным римлянами, и бухта стала их ценной добычей. Хорошо или плохо, но пять веков римского господства привели к изменению национального состава населения – ее заселили романизированные иллирийцы, исповедующие христианство.

После раздела Римской империи с конца IV века хозяином бухты стала Византия. Это было время V–VII веков, когда земли Адриатики заселялись славянами. А сама славянизация края способствовала тому, что в XII-XV веках Бока вошла в Сербское государство.

Особый отпечаток на развитие Боки наложило владение местными землями Венецией. Четыре века, из которых два последних, – это расцвет края, в частности, в мореплавания. Но Венецианская республика пала, и в фьорд пришла Австрия (1797–1918). Правда, было два перерыва: в 1806–1807 Бока находилась под покровительством России, и в 1807–1812 годы ее оккупировали французы. …

…Мы задирали головы и видели в узком пространстве между высоких скал голубое небо, яркость которого усиливалась так же, как если смотреть на белый свет из глубины темного подвала. Серо-голубые стены фьорда и картинно разбросанная зелень на их неровностях – это выглядело завораживающим зрелищем. И так – на сотни метров в высоту и на километры вглубь проливов.

Наконец, мы вошли в самый большой залив – Тиванский. Его простор и глубина позволяют стоять на якоре множеству судов – с механической тягой и парусных.

Управляемый твердой рукой капитана Гора шлюп под мотором пересек рейд местного флота и медленно вошел в самый узкий проход. Рида указала на два противоположных каменных берега и сказала:

– Ширина пролива – 350 метров и длина – 2300… Здесь в старые времена поперек этой узости ставили железную цепь… Вы можете видеть массивные кольца ее крепления к скалам… Цепь защищала город в глубине залива от пиратов…

Мы искали кольца, и первой увидела их Ольга, закричав:

– Вон одно из них на левом берегу… Мы от него ближе… А размер? Целый метр, наверное?

– Ты права, Оля, ровно метр и толщиной в двадцать сантиметров, – уточнила Рида. – Сама эта протока по сей день называется Вериге, что означает «цепь»!

– А у нас, по-русски, вериги – это цепи на блаженных… В старые времена, – задумчиво сказала Ольга, повернулась к Стояну и спросила, – А как у вас, по-болгарски?

– Да так же, Оля, «вериг», и еще чисто по-русски – «цепа»…

Через этот пролив мы вошли в следующий залив с городом Рисан – самую северную точку бухты Бока. Шлюп сделал маневр и встал на другой стороне прохода Вериге – у городка Пераст.

Якорь отдали, и он круто ушел в лазурную глубину, образовав круги на тихой воде. С мачты спустили греческий флаг,

под которым плавал наш шлюп, и, когда по флотским правилам переносили его на корму, с берега раздался пушечный выстрел – знак приветствия нашему прибытию в Боку. По рации приветствие дублировалось трижды… на трех языках: греческом, русском и болгарском.

Влад удивился, откуда на берегу узнали о трех национальностях нашего шлюпа?

– Вроде никто по рации не сообщал, – усомнился он, и вдруг догадался. – Флажки… На вантах… Еще два – российский и болгарский… Так, по велению судьбы и настоянию Бриса, наш шлюп «Аквариус» оказался в славном городе римских патрициев, венецианских дожей, славянских судостроителей и моряков, знаменитых капитанов.

– Это город бокайской славы, друзья, – торжественно произнес Брис, – славы в XVII – XIX веках!

От причала неторопливо отошел катер, и через десяток минут, не разгоняя волну, он пристал к борту шлюпа. Шаг в нашу сторону, и крепкий загорелый человек оказался в объятиях Бриса.

– От души приветствую тебя, Брис, и твоих шестерых друзей в нашей обители…

– Капитан Марко, – с радушием и искренностью крепыш жал нам руки.

А рядом сиял Брис, радующийся и встрече со своим старым другом, и нашему изумлению этим творением природы, и еще не познанным нами чудесам этого морского и горного царства.

Я все с возрастающим интересом смотрел на седого, явно морской косточки Марко, о котором минуту назад Брис шепнул мне, что он ведет свою родословную из девятого века. Еще бы, думал я, с девятым веком мне еще не приходилось встречаться…

Морская справка. В течение веков самые яркие страницы в истории края были написаны моряками Боки. Которский флот, старейший в Югославии, насчитывает двенадцать веков.

В документах 809 года упоминается об учебном заведении в Боке – «мореходной организации». В XIV веке в городе Пераст развернула работу судостроительная верфь, а уже в 1517 году этот город фьорда имел 60 больших парусников только в Средиземном море. Весь следующий век, XII, более 300 галер, каравелл и других судов которского флота плавало по всем морям, омывающим Европу.

…Сойдя на берег, Марко провел нас в каменной кладки дворик, сплошь увитый виноградной лозой, и попросил освежиться местным напитком.

На каменном столе стояло несколько кувшинов простой глиняной выделки и такие же высокие бокалы. Грешным делом я

подумал, что придется начинать встречу с вина. И даже успел удивиться отсутствию закуски? Но… Напитки?! Это была какая-то смесь соков, ибо понять, из чего они состоят, никто из нас не мог – в общем, нектар! В глубине, метрах в двадцати, дворик заканчивался двухэтажным старинным зданием, на верхнем фронтоне которого виднелась рельефная дата: 1637.

Возвратился Марко и пояснил, что мы находимся во дворе мореходной школы, учрежденной в начале XVII века.

– Из ее стен вышли сотни выдающихся людей не только Боки, но и учившихся здесь приезжих из Сербии…

– Друзья, – торжественно воскликнул Брис, – в этой школе учился и преподавал морскую науку прапрапрадед Марко – капитан Марко Мартинович…

Чем ввел в смущение нашего хозяина; стараясь скрыть его, Марко решительно повел нас к зданию школы. Классы школы расширялись не этажами ввысь, а строениями в глубь. Поэтому вид его не был испорчен надстройками и достройками.

Марко предупредил, что слушатели школы сейчас на морской практике с программой «штормовые условия». Встряла Ольга:

– А если шторма не будет? В море?

– Будет, в это время года обязательно будут! – уверенно заявил Марко, как будто расписание погоды составлял он сам.

Не знаю, как остальные, а я почему-то поверил, что шторма будут. И вот мы в навигационном классе. Первое, что бросилось в глаза, – это необычный парадный портрет Петра Великого: в морском мундире. А под ним – список первых русских выпускников школы. Тексты были на двух языках: сербском и русском.

Полукругом стояли мы, и торжественность проникала в наши души, пока Марко зачитывал список по-русски:

– Они в Пераст прибыли из Венеции на паруснике моего прадеда… Все они – из знатных семей и отобраны были на учебу флотским делам лично вашим Петром Великим. Вот их имена…

И мы услышали имена, столь знакомые среди окружения нашего прогрессивно мыслящего царя, радетеля Земли Русской, и его последователей:

Князья – Борис Иванович Куракин, пасынок царя; братья Голицыны – Петр, Дмитрий и Федор;

Андрей Ивановичи Репнин.

Бояре – Авраам Федорович Лопухин, брат царицы Московской; Владимир Шереметьев; Никита Иванович Бутурлин; Михаил Матюшин…

Перечислив всех, Марко заметил:

– Всего – семнадцать… И это при том, что в школе училось

менее двадцати юношей своих, венецианских! Ваш царь и наш друг умел вершить дела с размахом!

– Сколько времени их обучали? Наших, русских? – спросила Ольга.

– Восемнадцать месяцев… Теория сочеталась с морской практикой… Они плавали по Адриатическому, Ионическому, Эгейскому и всему Средиземному морю…

– Действительно ли Петр Первый ввел вашу программу в свою «навигацкую школу» в Москве и затем в Петербурге? – поинтересовался Влад.

– Да, это так. Когда я был в вашем чудесном городе на Неве – Ленинграде, то видел список предметов и время на практику: где, сколько и на каких морях… Список поименный…

Мы немного помолчали, всматриваясь в список будущих флотоводцев, судостроителей и политических деятелей нашего Отечества с благоговением и гордостью.

– После окончания учебы мой прадед доставил на паруснике русских в Венецию и представил своих учеников Сенату Венецианских Дожей… И в торжественной обстановке каждому выпускнику был вручен диплом…

Вмешался Брис, указав на экспонат на стене рядом со списком выпускников:

– Это подлинный диплом того времени?

– Этот диплом – наша ценная реликвия, – пояснил Марко. – Его начальник вашего Военно-Морского музея в Ленинграде вручил мне для музея нашей школы в 1990 году…

Я обратил внимание, что дата диплома и дата визита Марко в Питер «совпадают»… с разницей в два столетия.

– Вы верно обратили внимание, – поймав мой взгляд, сказал Марко. – Этот диплом мне передали к трехсотлетию первого выпуска русских моряков из нашей школы…

Марко обвел нас спокойным взглядом и продолжил рассказ:

– Три знаменательных даты вписаны в историю наших отношений с Россией… Хотя их было немало, но эти…

Снова обвел Марко нас взглядом.

– Они первые: 1687, 1688 и 1690… Первая дата – это обращение Петра Великого к Сенату Венеции с просьбой «принять и обучить морскому делу нескольких молодых людей из князей и бояр…». И венецианские дожи обучить будущих капитанов нового русского флота поручили…

– … поручили твоему прадеду Марко Мартиновичу – известному морскому капитану, судостроителю, математику и педагогу… И первым «крещением» будущих русских слушателей школы стал переход сюда на паруснике твоего прадеда, –

закончил Брис рассказ Марко, с удовольствием прервав его вовсе не грубым образом.

Марко, гордый и строгих правил человек, смутился и с чувством пожал руку Брису, обнял его. Но Бриса уже нельзя было остановить:

– За успешное обучение русских моряков Сенат Венеции наградил капитана Мартиновича пожизненной пенсией… Что еще? Капитан был ровесником Петра Великого и дожил до 1716 года… Он подготовил несколько групп наших моряков…

На стенах и в добротно сработанных витринах явно старинной выделки класса-музея мы рассматривали старинные карты, навигационные инструменты всех времен, атрибуты одежды и знаки различий, среди которых русские военные реликвии. Под сводчатым потолком на беленом фоне размещались парусные суда от египетских галер до XX столетия. Проходя по коридорам школы, выглядевшей большим музеем, мы обратили внимание на старинную картину, как оказалось, неизвестного художника. Но… на ней были изображены занятия в школе русских учеников. Причем на картине можно было прочитать имена некоторых из них.

– Легенда гласит, – пояснил Марко, – что эту картину написал один из здесь изображенных. Он передал ее школе при одном обязательном условии: его имя не увяжут с картиной.

– И автора так и не нашли? – спросила Ольга.

– И да, и нет… Похоже, его вычислили… Правда, только лет двадцать назад, – сказал Марко.

– Но как? – чуть ли не одновременно спросили мы.

– По почерку на картине… Ведь там, прямо на картине, у каждого лица было указано его имя… Было – потому, что некоторые их них исчезли от времени… Видимо, были плохо прописаны… Но помог рентген, и надписи восстановили, а затем направили в Ленинград в музей флота… Знакомый мне начальник музея и еще одна милая сотрудница подписи сравнили с почерками выпускников – их рукописными заметками… И автора нашли…

– Кто он, Марко? – не выдержала Ольга.

– Голицын!

– Но их трое братьев? Который?

– Младший, Федор, экспертиза точная. Я уверен – это он оставил нам такую память…

От удовольствия, что услышал такой рассказ, Стоян хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Знай моряков, виват Марко, виват школа, виват славяне…

И мы дружно захлопали и Марко, и себе.

А ставшая вдруг задумчивой Ольга снова озадачила Марко вопросом:

– Значит, это не случайно, что диплом выпускника того времени выписан на имя одного из братьев князей Голицыных? На Федора?

Она не просмотрела этот факт, а мы… В общем, прохлопали.

Марко коротко пояснил значение остальных двух: приезд будущих моряков состоялся в 1788, а отъезд на родину – в 1790 годах…

Меня прояснило:

– Но ведь дата создания русского флота – 1796? Значит, русские моряки обучались здесь за несколько лет до официальной даты – победы русского галерного флота над шведами при Гангуте?!

Россия в жизни Бока. Профессиональный военный моряк и большую часть жизни профи по линии спецслужб, тем не менее, я трепетно интересовался историей нашего флота.

Когда праздновали в 1996 году трехсотлетие флота – Русского, Российского, Советского и снова Российского – мне, как ветерану флота, вручили памятную медаль, памятную грамоту за подписью мэра Москвы Михаила Лужкова и от его имени замечательную книгу о флоте.

Просматривая ее уже после возвращения из «похода за Атлантидой», я не обнаружил ни слова о заботах Петра I в обучении моряков по договору с Венецианской республикой! Ни слова!

И потому считаю нужным сказать несколько шире о замечательном деловом сотрудничестве славянского города Пераста с Россией от времен Петра Великого до середины восьмидесятых годов прошедшего, XX, века.

Город морской славы, бокайская Пераста – один из городов Сербской земли, свято дружившей с Россией Петра Великого, его женой Екатериной и Екатериной Великой, еще до революции, так и после нее, в военную годину борьбы с фашизмом и в послевоенное время при Иосипе Броз Тито.

В основу следующего рассказа по истории залива положены воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Юрия Лукшина. Он, будучи политруком батальона морской пехоты флота, действовавшего в районе залива Бока в ноябре 1944 года, стал почетным гражданином города Пераста.

Начну с меткого высказывания русского и советского историка Дмитрия Харитоновича:

«В реальности существуют люди… Нет политической истории, есть история людей. Нет экономической истории, есть

история людей, что-то производящих и обменивающих. Нет истории городов, есть история горожан…».

Указанное выше, – это про горожан Перасты. О них пойдет рассказ. Знаменитый адмирал *Матия Змаевич* (1680–1735), сын перастского капитана, судовладельца и председателя общины. Выпускник мореходной школы. Служил в венецианском и русском флоте.

В 1710 году был приглашен Петром Толстым, русским посланником и соратником Петра I, на службу в российский флот и провел подготовку к службе «царю и отчеству» в посольстве в турецком Константинополе. В 1712 году был лично проэкзаменован русским царем и именным указом принят во флот: *«Объявляем сим патентом нашим сѣм, кому о том ведати подлежит, что пожаловали мы Матвея Змаевича, который в службе в морском флоте с 1712 года, и повелеваем ему быть в капитанах-командорах».*

В Петербурге Матия-Матвей принял отряд галер, участвовал в битве против шведов при Гангуте (первая морская и победная битва)? и в 1719 году ему присвоено звание контр-адмирал. После окончания Северной войны со Швецией становится вице-адмиралом. С 1721 года – член Адмиралатей-коллегии и руководил строительством галерной гавани в городе на Неве. «За флотоводческие способности, отвагу и бесстрашие» Петр I наградил его золотой медалью и орденом.

После смерти Петра I командовал галерным флотом и был назначен комендантом Петербургского порта. В этом же году вдова императора Петра Великого, Екатерина I? произвела его в полные адмиралы и наградила орденом Александра Невского.

В музее города Перасты, как драгоценную реликвию, сохраняют адмиральский флаг русского флота, который был подарен императором Змаевичу. А рядом – шведский флаг с судна, взятого в плен галерами под командованием Матия Змаевича.

И другие граждане Перасты на службе России.

Матия Мелада, математик, строитель портов и причалов, участник создания русского флота.

Шиме Мазарович – посол России в Персии.

Три брата Ивеличей – Марко, Семион и Ивелия, генералы в русско-турецких войнах. Марко стал графом и сенатором, отличился в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов.

Сын Марко, *Ивелич Петр* – участник войн со Швецией (1808–1809). В 1812 году в звании генерал-майора командовал пехотной

бригадой в армии Барклая-де-Толли. Ранен в Бородинской битве. Его портрет помещен в Эрмитаже в Галерее Славы среди 332 портретов героев Отечественной войны 1812 года.

Петр Смекия, капитан судна «Королевский лев», первым из жителей Адриатики вошел в 1740 году в Балтийское море и установил связь с его русскими портами…

…Марко предложил отведать кухню того времени, петровского, когда первые русские прибыли в Перасту. Стол был накрыт в комнате с низкими сводами и видом на проход в самый узкий пролив.

Подали квашеную капусту, рыбу холодного и горячего копчения, из овощей – помидоры и разные солености, что-то острое, но пряно приятное. И еще – холодный свекольник с большим куском телятины. Украшением стола стал деревянный полубочонок с квасом, который разливали деревянным расписным ковшом.

Марко обратил наше внимание на ковш, сказав:

– Это не ковш, а экспонат того времени…

В этот момент ковш находился в руках Ольги, и та чуть его не уронила, осторожно и демонстративно положила ковш на стол и прямо-таки по-детски спрятала руки за спину. Естественно, мы все от души и по-доброму посмеялись – и вместе с нами наша забавница Ольга.

Напитки, как мы подумали, – только старые, но оказалось, что старые бутылки, а в них молодое, годичной выдержки вино. Одна из бутылок похожа на экспонат – на ней виден был отлитый в стекле российский герб, двуглавый орел. Причем по форме, размеру и устройству для навинчивания пробки, все это походило на пивную бутылку, возможно, из XIX века.

Так оно и оказалось: будущие русские моряки обучались парусному делу, и в середине века в их руках были эти бутылки. Привозили их сюда и оставляли. Теперь это был экспонат.

Я обратил внимание на такую бутылку потому, что имел с ней дело в своем домашнем музее. Речь идет о пробке – она имеет резьбу не витую, а кольцевую и параллельную. Витков шесть. Тогда вопрос: из чего делали пробку? Сургуч? Дорого. Пробковое дерево – еще дороже.

И я, рассказав присутствующим о своем интересе к бутылке, спросил Марко:

– Сохранилась ли пробка?

Пока ходили за пробкой (а она, оказывается, нашлась!), я сказал, что она должна быть сделана из липы:

– Так я думаю. Ее легче всего распарить и насадить на горлышко…

Спорный вопрос разрешился именно в мою пользу – липу мы признали сами, а к концу трехдневного пребывания в бухте об этом факте нам сообщили специалисты из Перасты. …

Экспертом по блюдам выступила Ольга, точнее – с сомнением, что это все можно съесть.

– За один раз, конечно, – уточнила она.

А Марко с улыбкой подтвердил ее сомнения:

– Конечно, нет. Но… это образцы еды того времени… Чаще всего выбор был из этого богатства… Вот что было на столе всегда – это каши: пшенная, гречневая, перловая, ячневая… Такова была просьба молодых ребят из России… И их поговорка, «щи да каша – пища наша», бытует в нашей бухте по сей день… Кстати, каша с тех пор стала обязательной едой всех, кто пришел учиться в мореходную школу после русских ребят!

До вечера мы оставались одни в пустом здании школы. Каждому предоставили по комнатке размером по четыре квадратных метра – покрытый толстой дерюжкой с узорами топчан-диван с валиками, резной столик, полочки и в нише что-то вроде шкафчика для одежды. На стене – пара очень старых гравюр с парусниками. Пара тазиков для умывания и большой стеклянный кувшин для питьевой воды. И еще… ночной горшок под топчаном. Правда, в конце коридора нам показали гальюн вполне европейского типа.

В комнатах, по-морскому кубриках, мы обратили внимание на рисунки в простеньких рамках с одноцветной раскраской. Сюжеты были любопытными. Пояснение было интригующим, но, чтобы лучше понять особенности обучения и быта в мореходной школе, возвратимся к навигационным классам.

Взгляд в старину. Несколько столетий вырабатывалась в школе система обучения. И одним из основных занятий была навигационная практика в классах и в море. Еще в музее было обращено внимание на старые и относительно новые навигационные карты, испещренные линиями прокладки курсов.

И совсем, казалось бы, некстати, – надписями на разных языках. Правда, русских изречений не было – карты были столетней давности, когда наши гардемарины уже в эту школу не наведывались. У нас была своя и школа, и морской корпус.

В переводе с английского можно был понять: «Боцман, как попугай, знает всего десять ругательных слов». Или: «Настоящий моряк родился со штурманской линейкой в руках»…

Так вот, в отношении сюжетов рисунков. Местами преобладала явно российская тематика: Петр I, Андреевский флаг, русские матросы-солдаты; полупиратского вида моряк в схватке на борту турецкого корабля; сражения на берегу моря под

русским гвардейским знаменем морской пехоты явно с признаками времени войны с французами…

Я обратился к Марко, указав на рисунки, и тот пояснил, что это наброски одного из выпускников школы еще во второй половине девятнадцатого века.

– Это наброски будущего морехода-ученого… По просьбе руководства школы он оставил ей свой «исторический архив»… в рисунках…

– Он стал историком? – спросила Ольга.

– И да, и нет. Он путешествовал в Полинезию и встречался там с вашим знаменитым ученым Миклухо-Маклаем… Который, кстати, хорошо рисовал…

– А рисунки? Почему по истории? – не унималась Ольга.

– Рисовал он быстро, часто штрихами и одной-двумя красками… И однажды принес вместо описания исторического события словами серию рисунков с «историческими» подписями к ним…

– И ему разрешили изучать историю таким образом? – догадалась Ольга.

– Да, в рисунках и текстах к ним, – подтвердил Марко.

– Значит, рисунки в комнатах – это подлинники? – уточнил Стоян.

– Вообще-то нет. Его рисунки были мелкими. И сначала так и было, – пояснил Марко. – Но уже лет двадцать назад, когда появились цветные ксероксы, мы сделали качественные копии и разместили их в кубриках моряков…

И я рискнул попросить Марко сделать серию из «русской жизни» для нас. Марко немедленно дал распоряжение, и из Бока мы увозили копии исторических рисунков девятнадцатого века.

Вечер опять принес нам много любопытного – Марко пригласил нас пройтись на особом катере, который оказался в Перасте после прихода в бухту русской эскадр из Крыма в 19-м году. Это был экспонат трагедии Черноморского флота во времена далекой Гражданской войны. Тогда один из броненосных крейсеров оставил здесь катер для ремонта…

Когда я увидел этот катер, то сердце мое вздрогнуло. Это был, без сомнения, катер 1914 или около того года. Летом пятьдесят третьего года такой же катер принял меня и моих однокурсников на свой борт на Неве возле военно-морского училища, прообразом которого была навигацкая школа Петра I Москве и Петербурге. Я тогда был второкурсником училища инженеров оружия нашего флота.

На флоте катер прозвали самоваром за его до блеска начищенную медную высокую трубу. Он принадлежал флагману

Балтийского флота, линкору «Октябрьская революция», куда он нас и доставил, пройдя поперек Маркизовой лужи (Финского залива) между городом и Кронштадтом.

И вот теперь! Это была встреча со старым другом, из семьи которого, думается, сохранился только он один. Содержали его в отличном состоянии. И когда он пошел ко входу в узкий залив, стало понятным, почему именно на таком тихоходе мы оказались – он шел, не нарушая спокойной водной глади, и не нагонял волну от берега до берега. Его тихий ход стал главным его достоинством.

Над голубой гладью узкого залива нависали грозные скалы, и между ними виднелась полоска неба. Залив производил впечатление зажатого скалами озера, с разместившимся в глубине городом Котор. Кроме воды, город ограничивает большая гора, отроги других гор и еще массивная и хорошо сохранившаяся крепостная стена времен римлян.

– Длина ее, – говорил Марко, – более четырех километров, а высота – 20 метров, ширина – 10… В старые времена это было достойное оборонительное сооружение, не раз выдерживавшее осаду…

Издалека – стена как стена, но только вблизи мы почувствовали ее монументальность! А нам было с чем сравнить – с генуэзской крепостью в Судаке!

Сразу после выхода из узкого залива стал виден величавый кафедральный собор, возвышающийся над всеми остальными зданиями города. Я не выдержал и воскликнул:

– Похоже, что город вписан вокруг собора! В городах соборы оказываются задавленными современным зданиями. А здесь…

Марко с удовольствием пояснил, что собор возводился не один десяток лет, и закончили его строительство к середине XII века.

Еще добавил:

– В этом городе уже в четырнадцатом века открылась первая на Балканах аптека с двумя лекарями. С тринадцатого века – школа и театр… В общем, это город-памятник… Ни войны, ни землетрясения не смогли его разрушить…

– Землетрясение? – поинтересовалась Ольга, помня, что Атлантида пострадала из-за него.

Марко быстро ответил на вопрос:

– За четыреста лет здесь случилось четыре разрушительных землетрясения: в 1537 и 1563-м, 1667 и 1929-м годах. И каждый раз все четырнадцать городов и городков бухты Бока отстраивались заново…

– Да, Марко, – невесело произнес Стоян, – и здесь, в этом

райском уголке, добрались до народа многие беды – набеги, войны, катастрофы природы, а еще, видимо, эпидемии, голод…

– И фашисты, – вставил Марко. – Причем, не только немецкие или итальянские, но и свои – местные.

«Русская тема» в жизни Боки – особая. Народ Боки в начале XIX века встал рука об руку с русскими воинами против наполеоновских войск.

Вместе с черногорцами они попросили русского консула в Которе позвать адмирала Сенявина на помощь. Его эскадра стояла в то время у острова Корфу. Жители всех городов бухты создали боевые отряды, и их суда присоединились к русской эскадре.

– Я тут захватил кое-что для вас, – сказал Марко и преподнес каждому хорошо оформленную брошюру о фьорде Бока.

А сам, раскрыв брошюру, зачитал:

– Русская эскадра встала на рейде в Адриатике, и вот что доносил адмирал Сенявин русском послу в Вене о своих впечатлениях при посещении бухты:

«На днях я сам был там и лично удостоверился искренней приверженности тех народов к России. Жители той провинции имеют до четырехсот судов, которые почти все вооружены артиллерией, и до пяти тысяч славных матросов. Оруженосцев имеется до 12 тысяч и храбрость их довольно известна. Они готовы пожертвовать не только собственностью, но и жизнью, и верить им можно в том несомненно».

Позднее из брошюры мы узнали, что в боях в горах бокайцы, черногорцы и моряки русского экспедиционного корпуса успешно сдерживали натиск французских войск. Контратаки черногорцев наводили ужас на французов. По этому поводу участник событий русский морской офицер писал: *«Русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовала».*

Владыка Черногории, которому полностью доверял адмирал Сенявин, хорошо использовал особенности местных условий. Он еще в 1798 году был награжден русским орденом Александра Невского за сопротивление французам.

– Черные дни наступили для наших городов, когда русские войска вынуждены были уйти из Боки, – с печалью говорил Марко. – Это случилось летом 1807 года, когда Россия и Франция подписали мир… И Бока была передана французам…

– И к вам пришли вчерашние враги? – с тревогой спросила Ольга.

– Конечно, жители опасались, что Великие Державы разыграют «сербскую карту», – сказал Марко. – Вот как хотели «обезопасить» нас от французов в одной из статей мирного

договора…

Он нашел нужную строку в брошюре и зачитал ее:

«Его величество император французов, король итальянский соглашаются ни прямо, ни косвенно не подвергать взысканиям и не преследовать черногорцев за какое бы то ни было участие во враждебных действиях против французских войск».

– И этой бумажкой удалось запретить насилие? – возмутился Стоян, чей народ сверх меры настрадался от внешних врагов не одно столетие.

– Конечно, нет. На деле французские солдаты населению мстили…

Уже вечером в своей комнате я увлекся просмотром брошюры и нашел там удивительный по силе духа признак славянского братства. Оккупировав Боку, французы старались привлечь на свою сторону Черногорию. Характерен разговор, приводимый в тексте, между наполеоновским генералом Мартином и Владыкой Черногории Петром I Негошем.

На вопрос генерала *«Какое вам дело до русских?»* Негош ответил:

«Прошу, генерал, не трогайте мои святыни. Русские единоверные и единоплеменные нам братья, которые имеют к нам такую же горячую любовь, как и мы к ним.

Мы, славяне, полагаем нашу надежду и славу только на единоплеменных братьев – русских, ибо падут без них и все остальные славяне, а кто против русских, то также и против всех славян».

– И сказано это было в 1807 году… А после русской трагедии в 1991 году Югославия оказалась беззащитной… И вот уже пять лет идет насилие над ней… Боюсь, скоро единой Югославии не будет, – решительно сказал Марко.

Нам сказать было нечего – балканская бойня, развязанная натовцами, потрясла основы понятия «демократия». И до нее оставалось всего четыре года. Но тогда, в заливе Боки, мы этого еще не предполагали. И сказать нашему брату по духу было нечего.

…Но вот Наполеон, собрав под свои знамена почти всю Европу, двинулся на Россию. Ногиш со своим отрядом вошел в Боку и изгнал французов. Но через два года судьбу края решали без него, отдав славянскую Боку католической Австрии.

Подвиг славян. Думалось ли, что в последний год XX столетия в Балканской войне НАТО против Югославии «демократическое» правительство России предаст своих братьев-славян, оставив их на растерзание США, Англии, Франции и Германии при поддержке еще пятнадцати стран альянса?

Россия эпохи Ельцина повторила предательство Александром I Черногории, попросив ее Владыку «повиноваться постановлениям союзных держав». Предательство свершилось на Венском конгрессе в 1814 году, когда союзники Россия, Австрия и Англия договорились, что Бока отойдет к австрийской короне.

История Боки заслуживает того, чтобы о ней сказано было поподробнее. Во времена правления Австрии Бока хотела воссоединиться с Черногорией и трижды пыталась силой оружия это сделать (1848, 1882 и 1883 годы).

После залпа крейсера «Аврора» на Неве моряки сорока военных кораблей в Боке восстали, но потерпели поражение. С 1918 года Бока вошла с состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. В бухте разместился будущий флот Югославии.

С приходом фашистов флот частично ушел на Мальту к союзникам, а часть его была самими моряками затоплена. Все годы войны в горах Черногории и Боки против итальянских войск действовали партизанские отряды. Только Бока дала 4000 партизан, из которых вышли 4 героя Югославии.

…Три дня мы знакомились с городами фьорда Бока. И даже поднялись в горы в деревню Црквица. Там находится крохотная, но весьма знаменитая метеостанция.

Нас встретили два сотрудника станции – девушка и парень. Он выглядел настоящим черногорцем: кудрявая голова, круглые черные глаза и чуть заметная черная бородка – с таких, верно, пишут местные иконописцы свои иконы. Оба знали русский язык, который в югославских школах изучают чуть ли не как родной.

– Вы стоите на «полюсе дождей», – говорила девушка, смуглая черногорка. – Здесь отмечается самое большое количество осадков… В районе станции их выпадает в среднем 5000 миллиметров, а в отдельные годы – до 7000…

Ольга охнула и, шевеля губами, подсчитала и показала нам рукой, сказав:

– …от 5 до 7 метров…

Нам повезло, на эту высоту мы забрались в ясный день, преодолев четырнадцать поворотов. И ехали мы на простой телеге, запряженной двумя битюгами и приспособленной для туристов, с боковыми сидениями. Сопровождавший нас сотрудник из мореходки говорил, что эти повороты не проблема:

– Вот дорога в старую столицу Черногории, Цетине, имеет 42 поворота, а поднимешься всего на 1000 метров!

С высоты горы нашему взору открывалась величавая панорама Боки. Сверху фьорд выглядел как очаровательное озеро, менявшее свой цвет непрерывно, – из-за облачности, времени дневного света или окраски окружающей природы вдоль его

берегов. Оно становилось то синее, то зеленоватое, то синеватое, как горы, вздымающиеся высоко в небо с самого дна залива.

В последний вечер перед отъездом мы с Брисом сидели в кабинете Марко. Кабинет не напоминал помещение «старого морского волка» с атрибутами его морских походов. Не было здесь и атрибутов учебных следов из морской школы. Первое, что бросалось в глаза – это портреты предков Марко.

Семь отлично выполненных, они были глубоко индивидуальными и отличались друг от друга: выразительными мужественными лицами, формой одежды, если это были военные, и морскими камзолами с позументами на воротнике и обшлагах.

Но особым был их взгляд – он следил за каждым неотступно. Семь пар глаз – смелых, открытых, прищуренных, нахмуренных и грозных смотрели на вошедщего. А сделано это было за счет художественного эффекта: зрачок был помещен в центре глаза.

Среди картин на морскую тему я увидел отличные копии двух марин Ивана Айвазовского. И не мог не спросить Марко: почему именно эти две марины в его кабинете? После свойственного ему короткого раздумья Марко сказал:

– Наш Которский залив со всех сторон окружен горами, и закаты или восходы, как у Айвазовского, мы не видим… А хочется объять необъятное в открытом море…

На одной из картин было представлено море в знойный день, когда краски природы блеклые, волна тихая, а блики неяркие. Все подернуто легкой дымкой. Оживляет морской простор парусник, идущий прямо на зрителя, а за его кормой, чуть вдали – пароход, но еще с мачтами парусного корабля. И совсем на дальнем плане – еще один пароход, точнее, его силуэт.

– А эта? – указал я на картину с лунной ночью в заливе с широким горизонтом.

– О, это – память об истоках всех моих предков. Это – Венеция… И сейчас, когда идешь с моря ночью, город встает островом из силуэтов соборов, колоколен, зданий… Я это видел, и не раз… Это видели и мои предки… И Айвазовский подсмотрел этот момент абсолютно точно! Действительно, серебристые тона ночи, шаланда с прямым парусом и с неярким огоньком на борту. Темная гондола с одиноким гребцом, идущая поперек полотна. Создается впечатление спокойствия от гладкого моря и лунного света на его поверхности.

Обычно Айвазовский предпочитал яркие краски солнечного дня, а эта картина вселяла надежду, что скоро будет утро с его солнцем и радостью жизни…

И тут я решился рассказать Марко и Брису о моем первом знакомстве с домом Ивана Константиновича Айвазовского.

– Это случилось летом сорок пятого победного года… Да и потом, в последующие годы, меня допускали в залы музея и в хранилища…

И несколько удивленным Марко и Брису поведал следующее.

В доме-музее-галерее великого певца моря (сороковые годы). Мне было чуть более одиннадцати лет, когда мы, отец, мама, братишка и я, пересекли страну с Севера и приехали в древнюю Феодосию. Здесь с сорокового года жил мой дед, участник русско-японской войны и «кирпичных дел мастер», как он любил себя называть.

На местном кирпичном заводике в его подчинении находилось сорок немецких военнопленных – инженеров и мастеров кирпично-черепичного дела. И по сей день этот завод – лучший на крымской земле.

С дедом проживали моя тетя, сестра моей мамы, и ее дочь. Тетя преподавала литературу и русский язык в местной школе и дружила с семьей Барсамовых – Николаем и Екатериной.

Это они, два простых сотрудника галереи, совершили подвиг, спасая ценнейшие полотна и реквизиты дома-музея Айвазовского. Помогли моряки, которые вняли требованиям Барсамовых, и полотна галереи были погружены на эсминец букально за несколько часов до прихода немцев в город.

Так вот, тетя привела меня в дом-музей и представила Барсамовым. В это время галерея готовила открытие первой послевоенной экспозиции. И я бродил среди огромных полотен и гигантских рам.

Мне разрешалось быть здесь, потому что я дал слово «ничего не трогать». И не трогал, находясь в обычной позе – руки за спиною. Особенно это пригодилось, когда спускался в подвалы с хранящимися там эскизами, рамками, старинными вещами из прошлого века.

Там были сотни эскизов – светло-рыжих и коричневых, из рыхлого картона с набросками, сделанными еле заметными штрихами свинцового карандаша. И все это было подмалевано белилами. И конечно, везде присутствовало море, берег моря, города и поселки у моря, парусные суда…

Многое из того, что видел в хранилище, затем было помещено в комнаты, где жил художник. Так, я увидел там изумительный по выразительности портрет юной жены художника – красавицы армянки, выполненный им самим. Хотя он портреты не писал.

И даже для картины «Прощай, свободная стихия…» по стихотворению Пушкина фигуру поэта написал Репин. И еще один, как я тогда думал, эскиз видел я там. Это была небольшая

картина размером с метр, не более. Маслом намечено было яркое зарево над горящим кораблем, берег и дальние горы. А потом в небольшой комнате в музее эту неоконченную картину «Взрыв на корабле» представляли как последнюю, с кистью в руках у которой Иван Константинович внезапно умер на восьмидесятом году жизни.

Картины и вещи брали из хранилища и размещали в комнатах по мере ремонта здания, в которое во время войны попадали снаряды. Но в целом дом-музей-галерея сохранился, хотя рядом был разрушен целый проспект Ленина с его десятками санаториев вдоль всей набережной. Это были сплошные руины, которые, кстати, запечатлел на полотне Николай Барсамов.

Завершая рассказ, я сказал:

– След от этих визитов к Айвазовскому остался на всю жизнь. И все, что связано с его именем и работами, я собрал и собираю: альбомы и книги, брошюры и каталоги, открытки и марки, значки… В детстве хотел даже пойти в художественную школу, но вовремя остановился, поняв: быть хуждожником – это не мое, ибо не по Сеньке шапка…

На завтра мы покидали Перасту и доброго друга Марко. И, как и из болгарской Калиакрии, увозили тепло сердец тех, кто повстречался нам в этом райском уголке. И еще – три корзины разной снеди: рыбной, овощной, фруктовой.

Марко сказал: в каждой из корзин лежит традиционный славянский набор – от местной водки-ракии до вина из дальнего горного монастыря под трудно понимаемым, но емким названием «Непьющий монах» (позднее мы убедились, что, отведав хотя бы раз этого вина, непьющим оставатся сложно!).

Через все заливы и проливы мы уходили из бухты Бока. Из глубины фьорда шли по лазурному морю, вдоль берега с белокаменными домами и домиками под красными черепичными крышами. И все города, поселки и дома были повернуты к морю. Между домами зеленели сосны и кипарисы, пальмы и цветущий миндаль, цитрусовые – апельсины, инжир. И везде – виноградная лоза.

Мы оказались здесь в конце марта, и вершины гор, нависающих над бухтой, отражались в ее воде вместе с белым снегом на их вершинах…

Потомки атлантов – русские этруски

Приближаясь к открытому морю, каждый из нас с явным сожалением оставлял этот райский уголок. Но в этом своем прощании с ним каждый переживал этот факт по-своему и молча.

Молчал и Брис, а уж он-то больше других мог печалиться, думал я. Но чуть позднее стала понятна его задумчивость: он готовил очередной ход конем в нашем непредсказуемом путешествии. И тогда я стал все чаще поглядывать на него, явно намекая, что от его задумчивости все чего-то ожидают. Причем возможно, экстравагантного, и он сдался.

Выйдя всего на несколько миль за пределы фьорда, Брис в очередной раз ошарашил нас новым маршрутом!

За штурвалом стоял Гор и, не торопясь, лавировал среди мелких островов, прикрывавших вход в фьорд. Все сгрудились на корме шлюпа.

– Мы можем пропустить интереснейшие места…

Торопыга Ольга прервала Бриса, воскликнув:

– А они имеют отношение к Атлантиде?

Брис добродушно посмотрел на Ольгу и откровенно заявил:

– Не знаю, девочка… Вы сами потом решите…

Вот это «девочка», взорвало Ольгу:

– Опять меня не хотят понять? Мы ищем Атлантиду или… или… Вмешался я:

– Ищем, конечно, ищем, но… Мы еще и путешественники по околоатлантидским местам… Не правда ли?

А Брис спокойно продолжал:

– Часть мест может иметь отношение к нашей проблеме – к Атлантиде…

– А далеко это от нас? – поинтересовался Влад.

– Рядом, – и Брис развернул карту.

– Вот смотрите: мы – здесь, – указал он на вход в Которский залив, – а я предлагаю посетить в Италии приморскую Равенну и от нее побывать в местечке рядом с Болоньей…

– А что мы там забыли? – снова встряла Ольга.

– И сколько это по расстоянию и времени? – поддакнул ей Влад.

– Отвечаю паре торопыг и всем остальным, – весело воскликнул Брис.

А я порадовался, что Брис в отличной форме и интригу подает мастерски. Но какую? Я не знал. Но ожидал чего-то необычного.

– Так вот смотрите: от Которского залива до Равенны – миль

триста…

– Мы согласны, но пока твой маршрут – это кот в мешке, Брис, – солидно намекнул Стоян. – И еще эта итальянская сухопутная Болонья?..

– Чтобы не было кривотолков и обвинений в том, что я узурпирую власть, – шутливо воскликнул Брис, – зачитаю всего одну короткую справку… Точнее, не справку, а перечень заголовков статей и книг, подготовленных коллегой Максима, – он сделал паузу, – с опытом войны в тылу врага, а в последние время историком в области поисков следов…

Слов не было – было нетерпеливое молчание. И Брис назвал имя автора, заставив меня вздрогнуть.

– Тебе, конечно, известен некий Александр Григорьевич Егурнов? – обратился Брис ко мне.

Видимо, вид у меня стал обескураженным, и это я понял по улыбкам моих товарищей. Как потом сказал Брис, у меня был вид обалдевшего человека.

И Брис начал зачитывать список, давая краткие комментарии:

– Итак, две статьи из девяносто пятого года. Первая – «Этруски – русы Средиземноморья?».

Все пятеро, включая Гора, выдохнули слова: что-то вроде «вот это да-а-а!». А я понял замысел Бриса, ибо статьи были из моего досье с НЯПами.

А Брис продолжал:

– Там есть подзаголовки – вот они: «Тайны древнейшего магического алфавита», «Забытая цивилизация Европы», «Этруски говорили по-русски?!». Это в первой статье…

Наши младшие коллеги по плаванию крутили головами, но не решались прервать Бриса. А он продолжал:

– Вторая статья – «Суперсенсация», «Писали этруски по-русски»… Вот тут-то народ зашумел – вопросы, вопросы, вопросы, из которых главный – правда ли это или вымысел досужих журналистов?

– Мало ли что напишут? – завелась Ольга.

Брис парировал:

– Это не журналист, а Егурнов, чекист-разведчик, работал в Италии и первым поднял вопрос о русских в Средиземноморье и их языке… Спросите Максима – он его хорошо знает…

Я кивнул, но рассказывать пока не стал, заметив:

– Это длинная история, и о нем поговорим потом, а сейчас нужно решить, как строить мост – вдоль или поперек реки?

Про мост – это была моя любимая присказка, когда нужно было решить сложный вопрос. Но Брис был неумолим:

– Прошу внимания скептиков… еще одна статья – «Откуда

взялись русские?». Это уже не Егурнов, а Марина Хакимова из газеты «Моя семья»… Совсем свежие новости про этрусков-русских… Правда или нет, но весьма убедительно… Хотя газета ближе к… женской и немного похожа на сплетницу… Так говорит наш друг Максим, ссылаясь на мнение его домашних женщин…

– Не тяни душу, Брис, – не выдержал Стоян.

– Хорошо, продолжаю, и затем как последнее блюдо – специально для нашей милой торопыги Ольги. Предупреждаю, чтобы не ранить ее милое сердечко, – по-отечески заметил Брис.

Ольга вздрогнула и раскрыла рот от удивления, но в бой не ринулась, стерпела. И с открытым ртом стала слушать Бриса.

– Так вот, в рубрике «Чудеса света» нам газета рассказала в разделах «Этруски», «Это – русские!», «Троя и Русь»… Об этом мы уже говорили… Затем «Тайны этрусских зеркал» и в интригующей части – «Первооткрыватели Америки»…

Брис замолчал. Пауза затягивалась, и ее прервала, конечно, Ольга: закрыв рот, она потребовала:

– И что же специально для меня?

Брис коротко заметил:

– Помните мое упоминание о Танталисе и связи этого города с Русью? Так вот – есть еще одна статья почти что по нашей теме; вот ее загловок: «Этруски – Восточная Атлантида?». Здесь снова: «Атлантида Платона и Средиземноморье», «Секреты этрусских зеркал», «Сыны леопарда» – в основном все об этруско-русской письменности… Неожиданно встал во весь рост Стоян и громогласно высказался, хлопнув себя по лбу:

– Брис, сознавайся, ведьмякин сын, под городом Болонья что-то есть об этрусках, которые говорили по-русски?

– Ты прав, болгарин! – театрально перекинув полу куртки через плечо, немедленно откликнулся Брис.

Все повеселели – еще бы, новый маршрут должен стать весьма интересным. И наш шлюп лег на курс норд-вест-вест в сторону берегов Апеннинского полуострова, где нас ждала жемчужина Адриатики – Равенна.

* * *

Но коли мы начали рассказ об этрусках, то следует расширить наши знания об этом загадочном народе из многих тысячелетий до н. э. Весь переход морем до Равенны мы говорили об этрусках – и я, и Брис, и Ольга, и Стоян. Каждый что-то прочитал и затем делился узнанным со всеми (а назвали мы эти разговоры «этрусскими посиделками»).

Атлантида этрусков?! Итак, согласно Платону, Атлантида была больше Ливии (Северной Африки) и Малой Азии вместе взятых. Могущественная цивилизация атлантов проводила политику экспансии, и власть ее распространялась на соседние острова, на часть африканского и европейского континентов. Однако незадолго до катастрофы племена Восточного Средиземноморья разбили атлантов, освободив народы побережья от их господства.

Ученые утверждают, что Атлантиде противостояла Восточная Атлантида, располагавшаяся на восточном побережье Средиземного моря. Прямые потомки «восточных атлантов» – этруски, чья культура не похожа ни на одну другую культуру.

Ученым удалось найти прямую связь между русским и этрусским языками. Если это так, то корни славянских племен уходят вглубь времени Восточной Атлантиды за девять тысячелетий до нашей эры. Но если была торговля и войны между атлантами и «восточными атлантами», то это означало проникновение более высокой культуры первых в менее развитые племена вторых? И тогда странное, казалось бы, овладение этрусками неизвестными в будущей Греции и Риме ремеслами произошло из самой Атлантиды?

Какие ремесла могли привнести атланты в этрусскую жизнь? Вот их, вернее всего, неполный перечень: градостроительство, планировка городов, домостроение, храмы, некрополи; земледелие (культурные растения), керамика, росписи на стенах и фрески, украшения… И все это создано в 8–7 тысячелетиях до н. э. (восстановлено после катастрофы) и позднее.

Теперь об Атлантиде Платона и других «атлантидах» Средиземноморья.

Югославская версия гласит: якобы континент Атлантида – это огромный остров вблизи югославского берега на Адриатике. Континент ушел под воду. Почему это случилось?

Конец городам-крепостям в государстве атлантов совпадет по времени с концом последней ледниковой эпохи. Земля, описанная Платоном, была расположена в океане и преграждала путь Гольфстриму на север. Когда она, в результате загадочного катаклизма, опустилась на дно (может быть, падение астероида в районе Бермуд?), то теплое течение получило выход к северной Европе.

Льды растаяли: в результате уровень океана поднялся на 150 и более метров, затопив территории европейского континента, во много раз превышающие «остров Платона». Это и была Восточная Атлантида, противостоявшая экспансии атлантов.

…История войн атлантов, рассказанная Платоном, предполагает наличие развитой цивилизации в Средиземноморье с незапамятных времен. Еще недавно археологи не предполагали существование городов со столь древним временем. Теперь такие города открыты в Чатал-Гююке и Чайеню-Тапезе в Малой Азии (8–7 тысячелетие до н. э.).

Жители этих мест знали полтора десятка видов культурных растений (*реальность 1*), найденные обрывки тканей того периода озадачивают современных ткачей (*реальность 2*), а техника полировки зеркал из обсидиана поражает (*реальность 3)*. Найдены святилище и храмы, целый жреческий район древнейшего поселения в Чатал-Гююке, которое на тысячу лет старше египетских пирамид (*реальность 4)!*

Однако считают, что это не Восточная Атлантида, а лишь поздние города, появившиеся после потопа. И хотя они почти современники атлантам и восточным атлантам, основаны они были все же потомками последних.

Анализируя известные сведения (часто спорные и безоговорочно понятные), можно выстроить последовательную цепь цивилизаций с передачей государственного уклада, технического развития, быта, культурного наследия: Атлантида – Восточная Атлантида – Этрурия – Греция – Римская империя. Но Этрурию римляне назвали «величайшей цивилизацией» и считали ее ветвью затопленного древа двух Атлантид (*реальность 5*).

Ученые – сторонники «русских этрусков» предполагают, что культуры этрусков и древних славян идентичны. Были изучены тысячи этрусских зеркал и сделано заключение, что надписи на полированных бронзовых зеркалах сделаны путем «зеркального копирования».

В конечном счете пришли к заключению: в основе их языка лежат древнерусские и древнеславянские языки, на которых говорили этруски и их соплеменники в Средиземноморье и Черноморье – бриги, трипольцы, лидийцы, ливийцы, ханаанеи, пеласги, древнейшие финикийцы и другие.

Ближайшие родственники этрусков были пеласги, за тысячу лет жившие на территории Афинской республики. После катастрофы многочисленные племена восточных атлантов были рассеяны, многие погибли. Единый язык Средиземноморья начал распадаться. Затем пришли греки, и последним оплотом пеласгов на Средиземноморье стала Троя…

Исторически, то есть в памяти людей, этруски появились три тысячи лет назад. Некоторые историки уверены, что этруски – прямые потомки атлантов. Так, историк из Рима Тит Ливий писал, что империя этрусков простиралась от «нижнего до

верхнего морей» – от Средиземного до Атлантического (*вероятность 5*). Считается, что этруски были превосходными мореплавателями – до сих пор сохранились их монеты с изображением якоря (*вероятность 6*).

Государственное этрусков возникло на Апеннинском полуострове в начале первого тысячелетия до нашей эры. В конце старой эры они были союзниками огромной армии, которая двигалась с Востока на Запад. Армия одолела западников, и этруски – наши предки построили на полуострове 50 знаменитых этрусских городов, в том числе и легендарный Рим (*вероятность 7*).

Итальянский историк Мюлештейн утверждает, что местные жители – латиняне были в то время диковатым и забитым народом. Только благодаря «толстым этрускам» латиняне узнали о том, что такое музыкальные инструменты, театр, горное дело, металлообработка, якорь, травление, керамика… Они привнесли на эту землю мелиорацию, а система каналов, построенная этрусками, до сих пор используется римским городским хозяйством (*вероятность 8*).

Сомнения – сомнениями, но почему нельзя предполагать, что предки русских – этруски принесли на землю Италии культуру и цивилизацию? Даже опираясь на предания, можно сказать, что этрусская династия правила в Риме с 616 по 509 годы до нашей эры.

К этому времени влияние этрусков распространилось на всю Италию. Этрусский щит, копье, доспехи – это привнесено в последующую цивилизацию ими. А успешные войны с окружающими племенами говорят о том, что военная система – стратегия и тактика – этрусков имела явные преимущества перед другими армиями (*вероятность 9*).

Мюлештейн пишет: «Этрурия была колыбелью Рима, но Рим стал могилой этрусков. Этруски – мирный народ, они активно ассимилировались с местным населением, а те делали все, чтобы избавиться от „толстых этрусков“».

Спустя столетия культура этрусков стала забываться, их традиции, язык, вера сохранились лишь в легендах. Последующие поколения европейских историков приложили усилия, чтобы следы великой цивилизации этрусков-русских исчезли и не смущали умы католиков. Ватикан решительно пресекал все попытки даже упоминания об этрусках только потому, что за этим стояла русско-славянская история (*вероятная реальность 10*).

Однако до сих пор в Центральной Европе остался след древних русских. И в их бытность в этих землях названия многих известных городов выглядели иначе: город Липск стал

Лейпцигом, Бранный Бор – Бранденбургом…

Осталось немало произведений искусства этрусков. Например, бронзовые зеркала, которые этруски клали в могилы (*реальность 11*). На них сохранились рисунки и надписи, которые в Европе называли «звездная письменность». Лишь в двадцатом веке русские историки нашли объяснения тайнам этрусских зеркал. Русские буквы наносились при копировании в зеркальном изображении, а слова записывались так, как слышались.

Среди русских специалистов-языковедов бытует весьма обоснованное мнение, что русский язык – один из древнейших на Земле и один из столпов всех современных языков.

Но на Западе было объявлено, что этрусский (русский) язык не поддается расшифровке, и потому появился «занавес», не допускающий даже мысли: Восточная и Центральная Европа были заполнена предками русских. Они принесли высокую культуру и письменность местным диким племенам, которые ни читать, ни писать не умели (*вероятность 12*).

И западные, и наши историки, признавая мореплавательное искусство этрусков, которые выходили в океан, уверены: предки этрусков побывали в Америке лет на тысячу раньше Колумба (*вероятность 13*). Ибо в Америке найдены знаменитые этрусские бронзовые зеркала (*реальность 11*).

Ученые доказали, что на зеркалах в Америке конкистадоры обнаружили рисуни человеческой маски с надписями и нашли имитацию этих масок у местных народов. А это уже цепочка: этруски в Европе – зеркала в Америке – маски у местного населения (*реальность 14*).

Но это еще не все – имеются веские свидетельства о культурном обмене между этрусками и коренными племенами Америки. Так, об этом говорит сходство календарей, способ захоронения покойников, пирамиды – их этруски стали строить раньше египтян, хотя из нестойкого ко времени материала (*реальность 15*).

Когда очередные посиделки завершились, мои коллеги по путешествию возмутились особенно бурно. Их потрясло коварство западных правителей в отношении не просто к этрусской истории, но особенно к нам, потомкам русских славян. Все требовали от меня (а говорил об истории этрусков в этот раз я) еще больших доказательств выступления Запада против нашего прошлого.

Естественно, первой высказалась Ольга:

– И эта Европа смеет нам диктовать условия жизни? Называет нас варварами? Не одну тысячу лет измывается над славянами и

тысячу лет над их православием?

– Ты права, Ольга, – сказал Стоян, доставая сложенную вчетверо бумажку. – Вот приговор преступлениям Запада против славян… Слушайте…

(Здесь нужно сделать отступление. Дело в том, что к работе с материалом об этрусках были привлечены фактически все мои коллеги. Кто-то получил статьи, кто-то выудил сведения из книг, кому-то достались журналы – и все это из моего архива с НЯПами).

И Стоян зачитал следующее:

«На протяжении всей своей недолгой истории Западная Европа уничтожала следы „этрусского завоевания“. Со времен „европейской античности“ был введен негласный запрет на славянские корни западной цивилизации…».

А я продолжил рассказ о наших предках, корни которых уходили в цивилизацию атлантов. Все более в среде нашего маленького коллектива росла убежденность: успехами в развитии цивилизованного мира на Европейском континенте сегодняшние народы обязаны высокоразвитой цивилизации атлантов.

Продолжение темы «Атлантида этрусков?». В 1619 году европейский историк Демпстер чуть ли не угодил на костер инквизиции за… защиту «атлантического прошлого Европы» с русскими корнями. В своей книге «Царская Этрурия» он писал, что именно этруски *«ввели в Италию законы, были первыми философами, геометрами, жрецами, строителями городов, художниками, агрономами» (реальность 16*).

Но стоило этому вдумчивому ученому обнародовать свои воззрения на роль этрусков в истории Европы, как Римский Папа запретил его взгляды и задвинул этот труд подальше от глаз просвещенных людей семнадцатого столетия.

И в последующие столетия труд ученого не попадался на глаза современникам выхода Европы «в люди». Говорят, что Папа, «арестовывая сборник доказательств о европейском прошлом», изрек: *«Чтобы этруски не путались под ногами великого Рима…».*

Не правда ли, подобное отношение к прошлому этого континента – уже доказательство влияния потомков атлантов-этрусков на ход истории нынешних двух десятков стран? Причем не только в Европе (*реальность 17*)…

Собственно, Папа не был оригинален в своем гонении на этрусков. У него были хорошие учителя в лице римлян, завладевших окончательно землями этрусков в третьем веке до н. э. Освободившись от этрусков, римляне стерли с лица земли многие их города, присвоили себе их произведения искусств, а язык объявили мертвым *(реальности 18*). Фактически остались

только этрусские кладбища – хранилища этрусской культуры. А это росписи стен гробниц, предметы домашнего быта, бронзовые зеркала с письменами. И вот что примечательно: и по сей день находят, казалось бы, чисто этрусские могилы, но… обложенные деревянным срубом. Причем срубы с характерными приемами их изготовления – ну, как у нас, на Руси!

Теперь понятно, почему меня поддержали мои коллеги в последних посиделках на тему этрусков. И я обратился к ним со словами:

– Современные историки говорят: мы, как русские этруски, – прямые их наследники, в наших жилах течет древнейшая кровь!

Меня прервал Брюс, воскликнув:

– Господа присяжные заседатели, путешествие, как говорил мудрейший Эйнштейн, по ощущению тайны продолжается… Новая тайна нам не помеха…

– Значит, – прервал Влад Бриса, – «недостоверное знание в науке – это гипотеза»!

И мы чуть ли не хором воскликнули: «Даешь тайну, даешь новую гипотезу!!!». И всем стало тепло на душе: нас ни тайнами, ни гипотезами не запугаешь…

Вернее всего, мы просто не хотели верить и смириться с тем фактом, что богатые знания русских этрусков исчезли бесследно. Все говорило о том, что придется заняться «бумажными поисками» свидетельств (и хотя бы косвенных доказательств). Получается, что история с русскими этрусками говорит: знания не могли придти ниоткуда…

Закончив посиделки, я объявил о моей новой «болезни»:

– Углубляюсь в поиск этих самых знаний ниоткуда. Более того, хотелось бы разобраться: где они родились? Как погибали знания? Скрыты ли они от нас до сих пор?

И закончил так:

– Главное – попытаться понять: могли ли нужные людям знания прийти от атлантов?

Мы не собирались задерживаться в славном городе Равенна, но он не мог оставить нас равнодушными. Однако, как настоящие и истовые первооткрыватели, мы от причалов в заливе Равенны все же ринулись вначале в Болонью и, проскочив ее, направились прямо к этрусским артефактам.

Из «великолепной семерки» в группу вошли шесть членов экипажа – все, кроме Гора. Трое из нас владели опытом вождения автомобиля по европейским дорогам. Это были Брис, Рида и Стоян. И потому взятый напрокат микроавтобус с кондиционером нас вполне устроил.

Равенна от Болоньи находится километров а шестьдесят,

которые мы могли бы лихо промчать минут за сорок, ибо автобан был отличный. В Болонье мы перекусили, так как выехали из Равенны ранним утром и не сразу покинули этот город, петляя по старинным узким улочкам с ограниченной скоростью и обилием указателей.

Путь наш лежал к верховью реки Рено по ее правому берегу, а по другому шла железнодорожная трасса. Километров за пять мы свернули на древний мост и оказались по другую сторону бурной реки.

Дорога уже не была спрямленной, а вилась в предгорье, и виды открывались с поразительной щедростью – так и хотелось остановиться и лицезреть уходящие в синие дали поля и оливковые рощи. Наконец, мы совсем сошли с основной дороги, когда указатель подсказал нам: «Марцаботто. Национальный этрусский музей. 1 километр».

С этого места дорога змейкой выводила нас к далекой горе Чимоне, на пологих склонах которой виднелись строения. И вот мы вблизи здания из дикого камня – то ли развалины крепости, то ли музейный комплекс, имитирующий древность. Как оказалось – и то, и другое: в древний приземистый фасад было встроено новое здание.

Чуть правее просматривался ухоженный некрополь, куда вела широкая каменистая дорога метров на триста. Само местечко (ранее, во времена этрусков, его величали городом) лежало за горой. Подъезд к музею был широк и выложен огромными каменными плитами.

В стороне от музея и некрополя, не нарушая их ансамбль, деликатно пристроилась автопарковка. Она пустовала – видимо в это время года наплыва посетителей не предвиделось. Машины три, не более, причем явно из близлежащих мест – модели были простенькими и, по-крестьянски, столь нужными «стейшен-вагонами», разбитыми работой и горными дорогами.

Невысокая вершина горы виднелась километрах в трех и была доверху покрыта оливковыми деревьями, ряды которых начинались от музея. Тишину нарушал только громкий шелест ветряка, вырабатывающего электричество для нужд музея. Правда, ветряк на высокой опоре также не нарушал общий вид музейного комплекса, и только ветерок напоминал о его существовании.

Пройдя под мощными сводами древней клинической арки, мы оказались в огромном помещении, потоки света в которое поступали с потолка. Экспонатов было не столь много, но много говорилось вообще об этрусской цивилизации. Именно о цивилизации, а не только о культурной стороне ее.

Экспозиция охватывала все северо-западное пространство Аппенинского полуострова, а ныне Тосканской провинции Италии. Отмечалось, что цивилизация погибла из-за внутренних раздоров городов-крепостей, неспособных организовать сопротивление воинственным племенам.

По времени Этрурия постепенно зарождалась после гибели Атлантиды уже в VIII–VII столетиях до н. э. И особенно она стала заявлять о себе в Средиземноморье в начале последнего тысячелетия до н. э.

Милая хрупкая девушка-экскурсовод назвалась Нино и подвела нас к главному стенду, убеждающему в былом величии Этрурии.

– Здесь всего десять пунктов, говорящих о могуществе Этрурии в I тысячелетии до новой эры… Даже сегодня города, объединенные в районы, не могут похвастаться экономическими достижениями в столь разных областях… Все, что здесь перечислено, может быть обозначено так: «Что дали этруски диким племенам?»…

И она стала зачитывать пункт за пунктом и комментировать их значимость для будущего Рима и Италии в целом. Честно говоря, у меня закралось сомнение, что мы имеем дело с коренной итальянкой – столь пылка была ее речь в защиту этрусков! Это же чувство, оказывается, возникло и кое-кого у еще из нашей группы. Уже после экскурсии состоялся разговор об истоках такой «влюбленности» Нино во все, что связано с этрусскими.

Вот о чем поведала Нино:

Исповедь Атланточки. Окончательно цивилизация сформировалась в начале I тысячелетия до н. э., создав мощное государство Этрурию. Спустя века на основе этрусской цивилизации возникла древнеримская, которая считается предтечей современной европейской культуры.

Государственное устройство: рабовладельческое, аристократическое, купеческое общество, конфедеративное по структуре. 12 территорий с 30 укрепленными городами и столицей Волин, где размещалось правительство.

Основа хозяйства – скотоводство и земледелие: 14 видов культурных растений, на вывоз – этрусские сорта пшеницы, виноградарство, вина, лен-сырец и льняные изделия.

Оживленная торговля с греческими племенами на юге Апеннин, включая Афины, Коринф, Карфаген с использованием мощного флота.

Ремесла: добыча железной и медной руды, выплавка металла и создание изделий из него; обработка меди, железа, бронзы и

золота с высокой степенью совершенства.

Строительство: благоустройство земли, включая мелиорационные и ирригационные сооружения, мелиоративная система каналов, водоводы и водопровод, канализация; километровые туннели в горах, колейные дороги, портовые сооружения, строительство сельскохозяйственных построек; фортификационные сооружения…

Произведения искусства: зеркала, геммы, мраморные скульптуры, расписные панно, фрески в гробницах, чеканка монет…

– Судя по всему, все эти знания и навыки сохранились со времени атлантов, – кратко резюмировала Нино.

И, не дав ей договорить, всех нас опередила торопыга Ольга:

– Вы – потомок атлантов? Из Атлантиды?

Мы замерли, взирая на девушку, ровесницу Ольги, с надеждой на чудо – встреча с прапрапра… атлантом. Чудо – не чудо, но девушка нас не разочаровала:

– А почему бы и нет?!

Мы ждали продолжения.

– Я окончила Римский университет и стажировалась в самом «древнем» Этрусском музее, созданным еще в 1732 году…

– И вы «заболели» Этрурией? – не выдержала Ольга.

– Вот именно, так и было… Я даже сны вижу об этом славном нашем прошлом… Но перейдем к следующим артефактам…

И вот мы у стенда предметов из… Этрурии. Более того, с надписями… по-русски. Так, по крайней мере, это виделось!

На темном бархате цвета глубокого бордо стояла бронзовая люстра, по ободу которой шли слова, казалось бы, на непонятном языке, но все же нашими буквами.

– И что здесь написано? – спросила Ольга.

– Никто еще не расшифровал, пока, – ответила кратко Нино.

– А я, кажется, знаю, – удивил я всех. – Со мной книжечка моего знакомого, расшифровавшего надписи этрусков.

И я показал брошюру моего коллеги по профессии – Александра Егурнова.

– У меня такая же имеется, – как-то буднично сказала Нино.

– Александр посещал наш музей и оставил нам свою брошюру…

Она взяла в руки брошюру, полистала ее и, вернув мне, сказала:

– Но в ней нет сведений о люстре… О ней он рассказал сам – там написано, с его слов, конечно: *«Овраги на Лумне наметили далее мне».* Он пояснил, что до того не знал ни Лумну, ни где она, ни что там делали… Ей и мне разговор был понятен, а остальные,

хотя и держали брошюру в руках еще на шлюпе, сейчас было здорово озадачены. Да и было отчего: на их глазах рождалось чудо проникновения в тайну.

– И что это означает? Где эта Лумна? – спросила Рида.

– Лумна – это карьер, где рабы добывали мрамор для римских дворцов. Судя по всему, писавший был надсмотрщиком. Об этом говорят слова «наметили мне». Это может означать, что работу в том овраге поручают ему, – пояснила Нино. – Надсмотрщик был состоятельным человеком, так как люстра для того времени была дорогая вещь…

Теперь мы стояли у следующей реликвии. Это был шлем 474 года до н. э., найденный в местечке Кома. И снова надпись. Нино пояснила:

– Александр в своей книжке говорит о надписи на шлеме, и она означает: *«Не злоба нужна мне, как и тебе, зверь, а мир твоим и моим детям».*

Но более всего нас заинтриговал следующий экспонат – монета 450 года до н. э., найденная в Вольтерре. В экспозиции она была обозначена как… «этрусский рубль».

– Почему «рубль»? – не утерпела Ольга. – Это же чисто русское слово?

– «Русское», но и этрусское… Вы согласны со мной, коллега? – обратился я к Нино.

Та кивнула и продолжила:

– Это типичный пример предметно-рисуночно-буквенного письма.

– И что здесь написано? – нетерпеливо спросил Стоян.

– *«Один дубель защищает смело русского купца»*, – ответила Нино.

Чтобы не завести наш интерес в никуда, ибо этот пример с триадой написания требовал вдумчивых знаний, я прекратил разговор, решительно сказав:

– Ладно, дома разберемся… Разъясню вам этот тройной узелок письмо…

Случилось, казалось бы, невероятное: мы встретили след нашего пытливого соотечественника вдали от Отечества и даже нашли его единомышленника – «этрусско-русского» энтузиаста в лице милой девушки Нино.

Это было то прошлое, которое согревало нам душу и своей тайной, и призрачной возможностью, что так оно и было. Прошлое, а почему бы нет, могло привести к истокам цивилизации атлантов из самой Атлантиды!

Наивно, скажет читатель, не обремененный трепетом перед тайной? Может быть, но уж так нам хотелось чуть-чуть

приобщиться к лаврам Генри Шлимана с его Троей!

Впечатление от увиденного из истории «этрусско-русского» было столь велико, что некоторое время, минут десять, мы переживали познанное и не очень-то внимательно слушали пояснения нашей милой Нино.

Услышанное нас не разочаровало:

– И люстра, и шлем, и монета – это муляжи, а подлинники находятся в национальных музеях, посвященных истории Этрурии, и хранятся в экспозициях по месту их находок…

На огромных фотографиях было на что посмотреть – они помогли нам прочувствовать величие этрусской цивилизации: арочный мост (600 г. до н. э.) и крепостная арка с башнями (II век до н. э.), некрополь и гробницы (VII–III век до н. э.), мраморный саркофаг (VI–IV век до н. э.) и урна (ок. 600 г. до н. э.).

И конечно, росписи в гробницах. Завораживала фреска под условным названием «Танцоры и музыканты» 480–470 годов до н. э. На нас смотрели тысячелетия, прожитые этой фреской, пусть даже в подземелье! Все это культурное богатство сохранилось в гробнице «Леопардов» в Тарквинеях. Точнее, перед нами был выставлен лишь фрагмент фрески – ее копия. Оригинал хранился в Национальном Тарквинейском музее, созданном еще в 1924 году.

– Если это даже копия, то все же: почему у подлинника краски не потускнели за три тысячи лет? – заметила Рада.

– А какая динамика фигур и детали музыкальных инструментов?! – вопрошал сам себя Влад. – Как будто, кто-то изготовил их в наше время и играет…

А Ольга с чисто женским интересом обратилась к Риде:

– Одежда так прописана, что хоть сейчас начинай выкраивать…

– Это же мужская одежда, – встрял Влад. – И что ей можно прикрыть?

Вместе с Нино мы оказались на смотровой площадке с видом на две главных достопримечательности: совсем рядом – некрополь, и вдали за горой, в километре, – само местечко Марцаботто.

Но, видя его даже издалека, нам уже не хотелось называть его «местечком» или городом. Лучше всего подходило «городок» – столь хороша была его планировка. Ну совсем как в современных новых городах!

– Эта планировка сохранилась еще со времени этрусской цивилизации, ей несколько тысяч лет, – заметила Нино.

Городок предоставлял экскурсантам для ознакомления обширные археологические раскопки. К ним вела широкая

мощеная плоскими камнями тропа. И вот что характерно: тропа имела небольшой уклон в сторону городка, но обратно мы поднимались без всякого труда. Она состояла из горизонтальных ступеней, каждая из которых былапо 5-10 метров длиной.

– Смотрите, – воскликнул Стоян, указывая на ступени, – это же «дорога майя». Там такие же ступени тянутся в горах на сотни километров…

– Это и понятно, – заметил Влад. – Там не знали колеса…

– Знали, – возразил Стоян, – только почему-то не захотели пользоваться колесом… И в гробницах находили тележки с колесами… Правда, там ступени были высотой сантиметров в семьдесят…

Так, переговариваясь, мы шли от музея к городским раскопкам. Сам городок находился на северной стороне от древнего города, и на фоне современных задний раскопки возвышались над новыми кварталами, такими же строгими по планировке.

А раскопки были как все раскопки – такие я видел в разных концах света, от Херсонеса в Севастополе до Вавилона на Вечной Реке, у многих народов Евфрата в Месопотамском Двуречье.

Но над всем этим царила аура присутствия на древней земле. Правда, здесь была заметна строгая геометрия – улицы и дворы вписывались в периметр городка четкими квадратами и прямоугольниками. Говорить не хотелось, и каждый, верно, углубился в свои думы о прошлом этой Земли, о своей Земле, о нашей планете Земля…

Так вот, шагая назад к музею по довольно высоким и длинным ступеням, я предложил Брису воспользоваться уникальной возможностью, которая обогатила бы, значительно расширила бы наши знания и отлично вписалась бы в непредсказуемый маршрут нашего путешествия.

– Слушай, Брис, – начал я шутливым тоном интриговать моего старого друга-врага. – Не все тебе шантажировать нас неожиданными отклонениями от главного маршрута…

– И что ты придумал, мой лучший друг из нашей великолепной семерки и вне ее? – не менее шутливо мгновенно отреагировал Брис.

– Ты кое-что из исторического похода Суворова в Альпах со школьных времен помнишь? – уточнил я у моего друга.

– Так, – остановился Брис, и к нашему разговору стали внимательно прислушиваться остальные. – Видимо, лавры первооткрывателя новых маршрутов не дают покоя Максиму…

Последний возглас Бриса был обращен ко всей группе, которая уже окружила нас. И хитрый лис и мастер интриги Брис

на глазах у всех присвоил себе лавры моего предложения об изменении маршрута. Но все было разыграно как по нотам – мы друг друга понимали с полуслова.

– Я бы и сам предложил вам этот маршрут, но Максим опередил меня, – торжественно провозгласил Брис. – Пусть он объявит его сам. Я с ним согласен, и потому пока счет «за» и «против» – один к четырем; пока, правда…

Все с выжиданием уставились на меня. И я моих друзей не разочаровал:

– Вот что, коллеги, мы находимся в трехстах километрах от Чертова моста, который в 1799 году штурмовали чудо-богатыри фельдмаршала Суворова…

– Триста? Это как? По прямой? – уточнил Влад, казалось бы, не обратив внимания на саму идею посещения исторического места.

– Влад, – упрекнул я его, – ты бы поблагодарил меня за подарок – побывать в Суворовских Альпах!

– Благодарим, и я, и Влад… Но ведь и так ясно – мы едем в Швейцарию, – заступилась за Влада Ольга.

А я обратился к Брису:

– Я правильно понял твою мысль, которую ты, как курица яйцо, уже вынашивал с момента, когда мы ступили на землю Италии – вынашивал и помалкивал?

– Очень даже правильно понял, – съязвил Брис, – если не считать, что три минуты назад я об этой новой затее даже и не думал…

Вот так, с шуткой и радостным весельем, мы походя приняли решение побывать в героическом месте Русской Славы. А пока мы дошли до раскопок, где все вместе продумали детали нового похода.

Командовал, конечно, Брис:

– Влад, рассчитай маршрут… И на чем поедем?

– Может быть, лучше полетим? – предложил Стоян.

На это согласием отреагировали все, кроме меня. Дело в том, что после моих многочисленных полетов за рубеж в четыре стороны света самолет вызывал у меня тревожность. Это было состояние человека, убывающего в чужую страну со спецзаданием, которое он во что бы то ни стало обязан был выполнить.

И главное в его состоянии заключалось в том, что из самолета в незнакомой стране он должен выйти абсолютно спокойным и оставить все тревоги позади, в воздухе где-нибудь над океаном. Нам, трем профи, – Брису, Стояну и мне – это состояние было понятным.

Правда, в этом конкретном случае я молчаливо согласился на полет. И только Брис по мгновенно пробежавшей по моему лицу тени все понял и крепко пожал мне локоть.

Мы тепло расстались с Нино:

– Вы останетесь для нас вечной хранительницей памяти – памяти об атлантах, и в душе мы будем вас называть «наша Атлантидочка»…

И каждый, пожимая ей руку, стремился не только сказать что-то теплое, но и оставить что-либо на память – чисто русское. Через минуту на ее ладошке появилась стопка русских монет разного достоинства.

Было видно, что сувениры ей понравились. Тем более, что каждый приговаривал:

– Это наш нынешний рубль, – намекая на экспонат с монетой из глубокой старины и самой Этрурии с ее тысячелетней историей.

Прыжок в Альпы

На обратном пути Влад доложил расчеты по дням и часам:

– Итак, сейчас за полдень. К вечеру будем в Болонье… Из музея мне удалось связаться с аэровокзалом в этом городе – взлет оттуда? Как часто? Время в воздухе? Где посадка там, в Альпах? Сколько стоит все это на шестерых… Кажется, все, – обратился Влад к Брису.

Тот кивнул в знак согласия и спросил меня:

– Ты ведь бывал в Швейцарии? И кажется, не раз? А в Альпах?

– Бывал и в Альпах. И потому предлагаю прилет в район городка Вивье, что на Женевском озере… Там рядом, километрах в десяти, замок Шелон… Типичное средневековое сооружение и отличный музей феодализма… В этом замке зачиналась швейцарская конфедерация… Будет там и сюрприз, – закончил я интриговать товарищей.

– А как же Альпы? – встревожилась Рида.

– Он, замок, хотя и на берегу озера, но и на склонах Альпийских гор, – ответил я. – В отношении автомобиля… Проблем не будет.

И я предложил заказать в городке Вивье микроавтобус и на нем добраться до замка, затем – в Верхние Альпы к Чертову мосту и перевалу Сент-Готард.

– Ночевать будем в Андерматте, деревушке вблизи перевала. Думаю, что на сам перевал мы не попадем – он еще закрыт из-за снегов… Я там был, как и сейчас, в апреле… И дальше деревушки хода нет.

– А Чертов мост? – забеспокоилась Ольга.

– Тут – без проблем. Его солнышко уже «расчистило», – весело закончил я.

Итог подвел Брис.

– Итак, сегодня ночуем в Болонье, завтра – перелет в район Вивье, визит в замок и автомашиной в Альпы… Сколько туда по времени займет? До Чертова моста?

– Часа три, естественно, неторопливых часа три… Часа полтора на мосту с его достопримечательностями, и к вечеру будем в деревушке… Там я надеюсь застать двух милых англичанок-пенсионерок… У них я тогда ночевал… Если они, конечно, еще живы. Ведь был я там в семьдесят пятом году…

– И от ночевки куда мы двигаемся? – спросил Стоян.

– Думаю, в сторону Люцерны. Это километров 60–70, и все под горку… Там где-то есть аэродром… Помню, видел я самолеты в небе, когда подъезжал к этому городу на воде, – ответил я.

– Там оставим автобус и улетим в Болонью, – заметил Брис. – Но все нужно проговорить из Болоньи уже сегодня… Стоян, займись этим вопросом… Твой английский лучше, чем у Влада…

Ольга радостно и заботливо вздохнула:

– Всего-то три дня, и мы снова будем дома, на борту нашего «Аквариуса»…

К вечеру, после шести часов, мы оказались в Болонье, но бродить по городу не захотели – здорово устали. Расположились в скромном отеле, хотя и в центре города. И мгновенно заснули, решив встать в шесть утра, ибо наш отлет в Альпы был назначен на семь тридцать.

Минут за двадцать до отлета на двух такси мы прибыли на окраину Болоньи, где на небольшомполе ожидал нас частный самолет.

Крохотный аэровокзал с маленькой диспетчерской-фонарем наверху. И над всем этим на высокой мачте – полосатый полотняный конус-указатель направления и силы ветра. Сейчас он показывал полный штиль.

Нас уже ждали: возле входа стояла прелестная девушка в бирюзового цвета форме со скромными регалиями, говорящими о принадлежности к авиации. Вещи перекочевали к носильщику, а нас повели на летное поле. Там стоял крохотный самолетик серии «Сессна» человек на десять. У трапа стояли двое – то ли оба пилота, то ли пилот и стюард. Мы заняли места в креслах, и один из экипажа тщательно проверил, как мы пристегнулись.

Ровно в назначенное время самолетик, пробежав полкилометра, оказался в воздухе. Под крылом проплыли древние кварталы Болоньи, которые с высоты казались декорацией из какого-то фильма. И наш двухмоторный самолетик стремительно направился в сторону Женевского озера со скоростью в двести километров в час.

Наш утренний кофе из кофеварки «эспрессо» в вестибюле отеля лишь имитировал бодрость. И тут-то один из команды предложил нам легкий завтрак: естественно, кофе, естественно, крохотный бутерброд с болонским сыром, естественно, стакан кристальной прохладной воды.

Правее по курсу синели, вероятно, горы, пока еще не придавленные тяжестью снежных вершин. Легкое покачивание убаюкивало, и мы задремали. Сквозь сон мы слышали тихий голос из динамика:

– Мы не хотели бы вас беспокоить, но скоро будут Альпы и Женевское озеро…

И действительно, Альпы вставали перед нами, заполоняя справа по ходу полета все пространство с его зелеными

предгорьями и ущельями, темноватой полосой между лугами и снежным покровом, переходящим в ледяные шапки на хребтах и остроконечных вершинах.

Летели мы, вернее всего, на высоте в две тысячи метров, лишь наполовину достигнув высот главного Альпийского хребта. Это про него уже с древних веков говорили, что Альпийский горный массив походит на дракона, который улегся в верхней части Аппенинского полуострова. Самолетик постепенно стал терять высоту, и через час с небольшим перед нами открылось Женевское озеро, темно-синее в центре и темноватое по береговой линии. Да и линии почти не было – сплошные дома, дома, дома…

Справа мелькнул притулившийся к берегу массивный замок, и, сделав резкий разворот, наш самолетик уже твердо бежал по крохотному летному полю. Из динамика сообщили:

– Вы прибыли в аэропорт города Вивье…

Первое впечатление после выхода из самолетика – это свежесть воздуха, которая бывает только рядом с горами. Пахло талым снегом. От крохотного здания вокзала к нам шла девушка все в той же бирюзовой форме. От нее мы получили ключи и документы на микроавтобус, который должен был стать нашим транспортом на альпийских дорогах на ближайшие полтора дня.

Передавая ключи, она сказала:

– По ту сторону Альп вас встретят в аэропорту под Люцерной… Там оставите автобус и рассчитаетесь за аренду и километры…

Не устоял Влад:

– А далеко аэропорт от Люцерны? Мы будем ехать со стороны Сент-Готарда… Аэропорт до Люцерны или за ней?

Девушка ответила, что это будет километрах в десяти за Люцерной… И с улыбкой передала Владу туристические проспекты, сказав:

– Здесь все об Альпах и, как нам сказали, о предмете вашего особого интереса – Чертовом мосте…

Комфортабельный микроавтобус с кондиционером и телефоном пересек городок Вивье. Минут через двадцать после посадки мы уже катили по восточному берегу Женевского озера. Курортный городок Вивье, или, как его зовут в туристических буклетах, «городок величественных знаменитостей», конечно, нас интересовал, но…

Правда, я успел показать виллу Пикассо и Чарли Чаплина, этих граждан мира от искусства.

– Двадцать лет назад я оказался возле дома Чарли Чаплина через несколько месяцев после его похорон. И еще в Женеве я

узнал из газет, что гроб с телом великого артиста с кладбища похитили и за его возврат запросили огромный выкуп, – как мог, я давал пояснения к немного известным мне местам. – Таковы нравы Запада…

Миновав Вивье, автобус направился к городку Монтре, что в нескольких километрах восточнее. И вот из-за поворота виноградных холмов показался замок. Вначале он мелькнул вдали, занимая на далекой панораме место со спичечный коробок. Это было что-то красное с остроконечными крышами. Но чем более он приближался на фоне безлиственной виноградной лозы или озерных вод, тем рельефнее становились его стены и башни.

На высоком холме мы притормозили и прильнули к окнам, высунув головы наружу.

– Это же крепость в крепости, – воскликнул Влад. – Еще в детстве я увлекался конструкциями разных замков… И, видимо, рисовал и этот…

На плане замок Шелон напоминал корпус корабля, который одним бортом пристал к берегу величественного озера. Приблизившись к замку, по его внешнему виду мы поняли, что это замок-музей не бедствовал – все было в отличном состоянии: кирпич к кирпичу, камень к камню, покраска и… чистота.

Мы оставили автобус на парковке и вошли в величественные ворота с массивными петлями, металлическими полосами, пересекающими деревянные створки и огромным засовом из толстого дерева. И сразу, стуча по каменным плитам каблучками, к нам подошла девушка-гид. Но ничего от музейного работника в ней не было – ни формы, ни указки. И одета была в простое платье с теплой безрукавкой. Разве что на груди – планочка с ее именем.

– Здравствуйте, – произнесла она на французском языке, и тут же поправилась. – На каком языке вам нужен перевод?

– Конечно, английский, – чуть ли не хором подтвердила мы.

Строительство замка по документам было начато в 1150 году, а сейчас здесь работал этнографический музей. День был обычный, рабочий, и экскурсантов в то апрельское утро видно не было.

Под краткие пояснения нашего гида мы прошли по двору, запрокидывая головы к галереям, на которых во время штурма толпились солдаты наемной армии феодала-владельца замка. Из одной части замка в другую вели еще одни ворота, но низкие с массивными балками-затворами. Неназойливые надписи-указатели ориентировали посетителей среди стен и помещений замка. Но все же сведения в деталях из жизни этого

средневекового монстра среди других замков лучше было получать от сведущего гида.

Насколько нам повезло с посетителями, мы поняли, когда оказались в зале церемоний – здесь никто не отвлекал нашего внимания от объемного восприятия величественного пространства. Полукруглый потолок зала был облицован темными деревянными брусьями, неплотно прилегающими друг к другу. Они создавали эффект устремленности вверх. Пять огромных балок пересекали зал от стены до стены, выложенной крупной плиткой белого камня.

Зал украшал огромный камин метра в два высотой, рядом с нами на стене висело холодное рыцарское оружие и кое-что из утвари. Мебели не было, разве что два массивных резных стола среднего размера, пара кресел в том же стиле и пара стульев около низкого резного комода.

Мы постояли перед десятком образцов рыцарского вооружения, обсудили его достоинства и последовали за терпеливо ожидавшим нас гидом в зал правосудия.

Здесь было много солнечного света, струившегося из полуовальных окон с видом на озеро, гладь вод которого просматривалась на километры с высоты третьего этажа. Судя по скату потолка, зал правосудия был последним из этажей.

– Почему «правосудия»? – спросил Влад.

– Местный феодал здесь правил суд… И вернее всего, это было место сбора судей в этой части средневековой Швейцарии, еще не объединенной в конфедерацию…

– Праведный? – с иронией спроси Брис. – Или в чью-то пользу?

– Да или нет – это время было феодальное, – ответила гид. – Но одно можно с уверенностью сказать: свод законов Швейцарии очень древен, и старше в Европе только Британский…

Я обратил внимание всех на еще один огромный камин:

– Смотрите, над камином, видимо, символ феодала, но с гербовым щитом. На нем флаг уже всей Швейцарии?

Продолжила гид:

– Здесь все сохранилось, как двести лет назад, когда кантоны страны объединялись. Поэтому именно этот флаг принадлежность всей страны… Зал был не столь велик, но казался просторным за счет эффектной гармонии всего зала с потолком – по цвету, камню стен, светлого пола из выложенных плит. Тонкие колонны довершали устремление вверх.

Гид пояснила, что замок неоднократно укреплялся, достраивался и перестраивался.

– В нем фактически четыре этажа, – говорила она, ведя нас по

узкой каменной лестнице куда-то вниз.

Так мы оказались в подземелье, но не совсем под землей. Это был тюремный зал, но какой! Во-первых, он был светел, потому что окна выходили на уровень воды озера – по потолку гуляли светлые блики и зайчики от дневного света. Во-вторых, это была часть замка, сохранившаяся с его первых дней. Вернее всего, тогда здесь была не тюрьма, а обычный зал, одна из стен которого сплошь состояла из простой скальной породы.

О том, что это все же был изначально зал замка, говорили колонны с цветком лотоса наверху. Поддерживая потолок, восемь вертикалей создавали ряд полукруглых сводов, плавно и крестообразно пересекающихся друг с другом.

– Смотрите сюда, – воскликнул я, указывая вверх. – Там – надпись… И каждый стал, шевеля губами, читать короткое «Байрон», по-английски, конечно.

И уже не гид, а я сам пояснил:

– Здесь в двадцатых годах прошлого века, незадолго до роковой поездки Байрона в Грецию, он был пленником местного феодала. Поместили поэта сюда за дерзость и независимый характер, обвинив его в… шпионаже…

По выход из замука, прежде, чем ринуться в горы, мы перекусили бутербродами из еще теплой булки с острым сыром и вкусным местным молоком. Ну совсем как у нас в Подмосковье – молоко продавали тут же, разливая из бидона в грубые обливные кружки или в пластиковые стаканчики.

Почему кружки? Дело в том, что на кружках было изображение замка Шилон с пожеланием встретиться с посетителями еще раз. Такая керамическая кружка – не просто сувенир, а память о швейцарском молоке от знаменитых на весь мир швейцарских коров!

Так случилось, что каждый из нас был дважды осчастливлен – и молоком, и кружкой. И по сей день среди сувенирных кружек из многих стран мира эта «молочная» кружка всегда привлекает внимание новых людей в моем доме.

Арендованный приземистый микроавтобус английской марки «Остин», как нам сказали, особенно хорошо приспособленный для поездок по узким горным дорогам, понес нас от замка вдоль правого берега реки Роны. Через полсотни километров мы свернули на север и, все еще вдоль реки, стал подниматься по пологим склонам долины Мартинивилль в горы.

Склоны то ли уже зеленели, то ли всегда были такими, но по ним там и сям бродили стада коров, чаще всего светлых тонов – от палевого до коричневатого. Крепкие и коротконогие буренки волочили вымя по траве, а может быть, она была такая высокая и

густая?

Дорога была узкая и асфальтированная. Местами на северных склонах оврагов и небольших ущелий еще лежал снег, отчего контрастность белого, зеленого и серо-скального радовала глаз.

Неожиданно нам повстречалось стадо, вернее, стадная процессия – впереди шли козел и козочка, которыми «управлял» молодой парень в черной куртке с красной окантовкой и белоснежной рубашке. За ними шли пять коров, к рогам которых были привязаны крохотные елочки с искусственными цветами и лентами.

Пропуская процессию, мы остановились и наблюдали, как из-за поворота выходили все новые палево-коричневые буренушки с веточками ели, цветами и лентами на рогах. Глухо звякали колокольчики – главная гордость швейцарских владельцев коров.

Все это что-то обозначало, но мы были настолько увлечены картиной патриархальности, что не подумали спросить: что за действо это было? Так и простояли мы, пока процессия не скрылась за поворотом.

Что меня поразило, так это отсутствие коровьих лепешек на асфальте. Об этом своем открытии я уведомил Бриса.

– Культурная страна, Максим, – с коротким смехом молвил он, – а если серьезно, то отлично налаженный режим – поели, поспали и…

– Это хорошо не только скоту, но и людям, – встрял Стоян. – В этом случае мы становимся более свободными в своем времени…

Дорога уводила нас все выше в горы. Как с идущего на посадку самолета, в долине под нами оказались красночерепичные домики, нанизанные на дороги и улицы. В центре городков и сел выделялись белые башенки-колокольни с обязательным циферблатом часов. В конце концов селения внизу стали походить на топографическую карту.

Не поспешая, мы карабкались в горы уже часа два и решили остановиться у мостика, каменные блоки которого замшелостью и неуловимыми признаками наводили на мысль об их древнеримском происхождении.

Автобус встал у обочины, склон которой уходил далеко вниз, к ручью. В полной тишине снизу доносился шелест воды на больших и малых камнях. Мы открыли дверцы авто сбоку и сзади, сели на сидения и в багажник, выставив наружу ноги. В расщелине гор виднелась голубая долина с одинокими домиками и линией дороги возле них.

Голубое небо, много солнца и свежесть ветерка, приносящего с вершин гор запах талого снега, убаюкивали нас. Говорить не

хотелось. Мы были в другом мире и каждой жилочкой ощущали те блага, которые недоступны нам – жителям крупных городов.

– Знаешь, Максим, – задумчиво произнес Стоян, – пара дней, прожитых среди этой красоты, – это заряд бодрости на месяцы.

– Знаю, Стоян! – согласился я ним. – Причем с возрастом все больше влечет в глушь, подальше от дорог и вообще скоплений жилья.

– Максим, ты тяготишься скоплением людей? – присоединился к разговору Влад.

– Очень! Меня и множество людей, и множество автомашин, и множество зданий угнетает…

– И где ты чувствовал себя всего неудобнее? – просил Брис.

Я помолчал и собрался с мыслями, хотя знал наверняка, что все это уже не раз отмерено и отрезано. И ответил:

– В Токио – в толпе людей, а в Нью-Йорке – среди бетона, стекла и железа зданий…

– А техника?

– Странно, Брис, но завод, даже металлургический гигант, меня не тревожит…

– Это потому что в нем ты видишь разумное начало. Как бы живой организм…

– Верно, Брис, – воскликнул Влад. – Я даже автомашину воспринимаю как сходную с живым организмом… И люблю возиться с этой конструкцией…

Солнце стояло высоко в чистом небе. Мы дружно молчали. Прервала наше умиротворяющее состояние Ольга.

– Сейчас подкрепимся и двинемся дальше, – обыденным тоном сказала она.

Мы воспрянули и хором спросили нашу торопыгу:

– А чем?

– Вот этим! – взвесила на руке Ольга объемистый пакет, извлеченный ею из сумки. – И не благодарите меня – это указание Бриса… А подготовила Рида… Все сделано было в гостинице заранее, с вечера. И только утром перекочевало в мою сумку…

И каждый получил по крупному сандвичу и стаканчику прохладной минеральной воды. После легкого завтрака разошлись вдоль дороги – «мальчики налево, девочки направо».

Мы прошли с Брисом шагов на тридцать по ходу дороги. И тут я рассказал ему о событии двадцатилетней давности, которое произошло со мной у этого мостика. Тогда я оказался здесь, естественно, не случайно, с источником информации, работавшим по американцам. Конечно, разговор был краток.

– Ну что, подкрепились? Сейчас двинемся дальше, – сказал Брис. – Вы все подремлите, а я вас аккуратненько провезу по

горам… Доверяете мне?

– Доверять тебе? Нисколько, – возмутилась Ольга. – Значит, ты предлагаешь нам спать, а сам будешь любоваться Альпами? Мы поспать можем и в другом месте, не затем ехали, чтобы…

– Чтобы за сто верст киселя хлебать, – закончил тираду Влад. Подначка взбодрила Бриса, и он радостно изрек:

– Все же достал я вас: то молчите, то ворчите… Не угодишь на вас… Быстрая еда, а проголодались мы здорово, с традиционным кофе и сэндвичами подвигла нас на ускоренный отъезд с места остановки. Но, отъехав километра два, мы остановились: впереди и внизу перед нами открылась величественная панорама. Мы вышли из автомобиля.

Там, чуть ниже, на высоте полторы тысячи метров, домики еще находились в плену снегов. Красных крыш видно не было – они оказались надежно укрыты толстой горбушкой снега. Игрушечные домики и игрушечная церковь, казалось, были перед нами на расстоянии вытянутой руки – столь чист и прозрачен был воздух. Голубые тени скользили по долине, и чуть красноватые блики на вершинах гор подсказывали нам о приближающемся вечере. Вокруг все было насыщено запахом талого снега…

– Что выбираем? – обратился я ко всем. – Сегодня на перевал Сент-Готард и около него ночевка, или ночевка в ближайшей деревне, а утром – на перевал?

– На перевал, и немедленно! – завопили все. – Там Чертов мост… Там прошел Суворов…

– Отлично! Решение принято… Тогда – по коням…

И мы наперегонки бросились к микроавтобусу.

Чуть более часа головокружительной поездки по альпийской старой дороге, когда приходилось все чаще и чаще пересекать сползающий на асфальт рыхлый и крупнозернистый снег, и мы оказались вблизи знаменитого моста.

Перед нами, пока еще вдалеке, виднелось, казалось бы, хрупкое каменное строение Чертова моста – места славы русских гренадеров во время итальянского похода фельдмаршала Александра Суворова, последнего из семидесяти сражений в его жизни.

Последнее сражение Суворова. Даже глядя на простую географическую карту, поражаешься мощи горного хребта, который одни с древних времен сравнивают с телом дракона, а другие – с динозавром. Альпийские вершины чередой простираются в верхней части «итальянского сапога» – от Вены до перевала Сен-Готард.

В 1799 году Сен-Готардом, этим ключом к Европе, овладела лучшая армия того времени во главе с семидесятилетним князем

Александром Суворовым, генерал-фельдмаршалом русской армии.

С 1792 года на континенте велась кровопролитная война европейских монархий с революционной Францией. Державная правительница Екатерина II в войну не ввязывалась и лишь в год своей смерти согласилась отправить 60-титысячную армию Суворова в Старый Свет, но так и умерла, не доведя свое решение до конца.

Но когда французская революция вышла за пределы Западной Европы – перешагнула в Египет, Италию, нависла над Австрией, Англией и Турцией – Суворов был востребован императором Павлом I? и русские гренадеры и казаки вышли к подножью Альпийских гор.

Труден был поход русского войска в Альпы, но не только физически, а из-за интриг западных союзников с их «подковерной дипломатией». Они путали карты чужаку Суворову. Премьер Британии вместе с канцлером Австрии настояли на военном плане своего масштабного наступления на Францию, послав (через Павла) Суворова в Альпы.

Альпийский поход русской армии начался со столицы швейцарского кантона Тичино, в которой три средневековых замка запирали дорогу к пяти перевалам. Русские избрали для перехода главный – Сен-Готард.

Вьючные мулы для горных пушек, патронов и провианта австрийская сторона не приготовила? и все это хозяйство загрузили на тысячу лошадей спешенных казаков.

Маршрут русской армии в 21 тысячу человек пролегал следующим образом: Беллинцона – Сен-Готард (*сражение*) – Чертов мост (*сражение*) – Альтдорф (*сражение*) – перевал Прагель (*сражение*) – Милитор – перевал Паникс и затем вдоль реки Рейн к озеру Боден.

Русский солдат нес всю тяжесть суворовского похода – от Сент-Готарда путь налегке занимал два часа с перепадом высоты в тысячу метров. Но в этом походе солдат нес на себе мушкет, патроны и четырехдневный запас сухарей. И еще – должен был сражаться…

И русская армия стратегическую задачу решила – французов в Италию не пустила. Но в Альпах навеки остались 5000 солдат, причем больше всего пострадали мушкетерские полки и только несколько сот казаков.

А тем временем пока в генштабах австрийцы и русские генералы обвиняли друг друга в ошибках. Император Павел обиделся и пошел на сближение… с Францией. Суворову, спасшему русскую армию в безвыходной ситуации, царь

пожаловал чин генералиссимуса и оказал ему царские почести.

И как это бывает в России, возможно, чаще, чем в других странах, умер Суворов все же в опале – на похоронах не было даже его гвардии.

И вот что примечательно: 24 мая 1800 года, когда гроб с телом великого усского полководца Александра Васильевича Суворова, генералиссимуса князя Рымникского, опускался в могилу, на один из перевалов Альп взошел со своей армией Наполеон…

…По серпантину дороги мы спустились к одному из мостов – теперь их было здесь два, даже три, включая железнодорожный через туннель. Но все под одним и тем же названием – Чертов мост. Естественно, нас интересовал старый, еще суворовских времен. Как и в те годы, мост был в рабочем состоянии.

Рядом в скале был вырублен огромный православный крест, серый цвет которого хорошо смотрелся в любое время года. Сейчас он был чуть припорошен снегом, и лишь отдельные огромные метровые буквы говорили, что надпись сделана по-русски.

> «Доблестным сподвижникам генералиссимуса-фельдмаршала графа Суворова Рымникского – князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году».

Считается, что это память и австрийцам, и швейцарцам, которые шли в Альпы под командованием русского полководца. Монумент возведен стараниями полковника князя Сергея Голицына в 1898 году. И решением местной общины этот участок скалы был передан России в бессрочное владение. Причем и Императорский двор, и ЦК КПСС выделяли все годы средства на содержание и ремонт памятника.

Но в год нашего визита в Альпы платить было некому. Было видно, что буквы потускнели. Позднее деньги нашлись… в Национальном резервном банке Швейцарии у защитника русской славы предпринимателя Ахметова.

Микроавтобус мы оставили на изгибе дороги около кафе. Подошли к старому мосту и насладились тишиной и мыслями, возникающими в момент присутствия в этом историческом для каждого русского месте. Справа и выше от креста в массу горы уходила железная дорога, судя по всему, сейчас бездействующая. А ведь мы хотели добраться до Сен-Готард именно по узкоколейке! Однако в кафе нам сказали, что перевал еще закрыт – кругом снега, ибо еще не сезон. Правда, посоветовали добраться автомашиной до местечка Андерматт, где имеется гостиница и

дома частного пансиона.

Про наш шестиместный «остин» говорили, что он внутри больше чем снаружи (такой вот архитектурный прием!), и он старательно перебирал колесами уменьшенного размера, увязал в снегу, но все же вывез нас к деревеньке, которая совершенно утонула в снегу и темноте.

Мы решили не останавливаться в гостинице, а попроситься на ночлег в швейцарский дом. Искали по размерам – все же нас было шестеро. Осторожно и гуськом двигались мы от дома к дому по узким, аккуратно врезанным в снег тропинкам. Нашли быстро – трехэтажное беленое чудо, утопавшее в снегу по окна первого этажа. У калитки увидели объявление в одно слово: «комната», правда, на трех языках – немецком, французском и итальянском.

– А почему нет на английском? – шепотом, видимо, боясь нарушить патриархальную тишину под светящимся огромным циферблатом местной церкви, спросила Ольга.

– Английский – общедоступный, – коротко ответил Стоян.

И он решительно двинулся по ступенькам к дверям дома. Через минуту нас принимали две благородного вида, неопределенного возраста дамы. Они вступили с нами в разговор на английском и, не расспрашивая, разместили нас по разным комнатам. Как мы поняли, комнаток было как раз шесть – крохотных, чистеньких и уютных. Молодежь ушла на третий этаж, едва помещаясь в проемах крохотной деревянной лестницы. А мы, трое мужчин, остались на втором этаже.

Только я снял куртку и умылся над фарфоровым тазиком, поливая сам себе из кувшина, как услышал серебряный звук колокольчика, а затем голос одной из дам, звавшей спуститься вниз.

В миниатюрной гостиной для нас был накрыт стол: по булочке, горка галетного печенья, много сортов сыра, квадратный, из разрисованного голубого фарфора чайник и такого же рисунка кувшинчик с молоком. Дам не было, как и следов их присутствия – стояла мертвая тишина, нарушаемая мерным звуком хода напольных часов.

Через несколько минуту голодные путешественники расправились с булочками и галетами, на которые намазывалось отличного качества масло, такого ярко-желтого цвета, что казалось, что это сыр. Сыр исчез весь, хотя кое-кто предлагал оставить по кусочку… из вежливости. И молоко выпили из большого кувшина полностью, запивая им сооружение в виде бутерброда из булки, масла и сыра. Молоко долили в чай только Стоян, Брис и я, а молодежь фыркнула – мол, с детства не терпят такого чая.

Только закончив трапезу, вернее, расправу с едой, мы обратили внимание на крохотную сахарницу с крохотными кусочками и крохотными щипчиками для них. Переглянулись, улыбнулись и пошли наверх. Хотелось спать, но хотелось и оглядеться. Приехав затемно, мы упустили переход дня к ночи во всем его горном великолепии. Со склона горы из окна домика открывался вид заснеженной, далеко внизу лежащей долины, в колорите которой преобладали три цвета: общий сине-фиолетовый фон, желтые пунктиры и точки освещенных домов и почти черное небо. Неожиданно все преобразилось – из-за гор вышла луна, придав всему округ серебристую окраску, а в теневых местах – зеленоватость.

Мне это видение было знакомо по первой поездке в Альпы еще в семидесятые годы. Но и тогда, и в этот визит, и сегодня, когда пишутся эти строки, закрыв глаза, вижу это чудное видение, напоминающее мне картины Архипа Куинджи, включая его лучшую – «Украинская ночь».

Ранее утро снова выдалось солнечным. Опять такой же завтрак, но с ломтиком грудинки, и мы, рассчитавшись и тепло распрощавшись с милыми дамами, были готовы тронуться в путь. Но нас остановили хозяйки принявшего нас на ночлег дома:

– Там, на пригорке, находится местный музей, но национального значения… И носит он название «Суворов Хаус»… Вам это интересно? – спросила одна из дам.

В этом домике, расписанном как старый терем (и таким он был во времена Суворова), располагался штаб фельдмаршала. Музей – краеведческий, и памяти Суворова отведено несколько, как нам сказали, «суворовских комнат». В небольших комнатках воссоздана обстановка тех лет, когда Суворов спланировал атаку на Чертов мост. В одной из комнаток висела картина «Суворов в Альпах» кисти советского художника – подарок музею от министра обороны Грачева.

Через час мы снова были у Чертова моста. И здесь, в кафе с музейным уклоном, побеседовали о памятных событиями времени, когда Суворов и его гренадеры вели сражения в Альпах.

Кафе носило громкое название «Историческое», о чем говорили изображенные на его фасадах портрет Суворова и картина схватки русских с французами. И еще надпись на стене: «Парижская площадь». Последнее было данью крохотной площадке перед кафе на три автомашины.

И вот мы снова в дороге, в основном под горку вдоль берега реки Рейс, впадающей в озера, где стоит знаменитый средневековый город Люцерн. По пути в Альтдорф нас ждал «Суворовский дом». Здесь якобы Суворов говорил с местным

народом, заявляя, что пришел освободить мир от «атеистов и тиранов».

Мы чуть не проскочили мимо еще одного «Музея Суворова» – в Муотатале. Указатель остановил нас при выезде из Альтдорфа, и мы ринулись в сторону от озер Люцерны.

Остановились у гостиницы «Почтовая» и, войдя в ее пределы, поразились ее убранству – везде суворовская тема: портреты полководца, карты со стрелками его походов, сабли на стенах и ружья в простенках…

Но, как поведал старожил города и страстный собиратель всего суворовского, отставной полковник Роберт Гвердер, в этом месте Суворов никогда не был. Он издали увидел, что подъехали в столь несезонное время посетители, и понял, что среди них есть русские.

– Суворов держал свой штаб в женском монастыре, – пояснил он. – Пойдемте, я провожу вас…

В монастыре нам показали толстенную книгу-дневник, в которой говорилось, что Суворов выглядел «набожным стариком» во главе «оборванной и голодной армии». Запись относилась к концу сентября 1799 года.

Монахини лечили и русских и французов, а Суворов пленным французам читал воспитательные молитвы. Сам фельдмаршал жил в маленькой комнатке, куда мы поднялись по скрипучей лестнице – свидетельнице тех времен. Витражные окна XVIII века дополняли чувство нашего присутствия в суворовском времени. Из окна «суворовской комнаты» открывался великолепный вид на зеленый луг, окружавший монастырские строения.

– Здесь похоронены умершие от ран русские… Все вместе – и солдаты и офицеры, – печально молвила сопровождавшая нас монахиня. – Сотни и сотни…

Когда мы вышли на дневной свет, залитая солнечными лучами зелень луга резала глаза – и не столько от яркого солнца, сколько от острого чувства, что это поле хранит останки наших воинов, нашедших свою ратную судьбу за тысячу верст от дома…

И вот снова дорога. Мы долго ехали по северному высокому берегу одного из озер, пока не достигли города Люцерны, который все это время был у нас на виду и никак не хотел приближаться.

Главными достопримечательностями города были мост-часовня, Водяная башня и гора Пилат над этими двумя архитектурными памятниками. Сам город, как и Венеция, был связан с водами озер. И его облик определялся видами в на озерную гладь с заснеженными вершинами далеких гор.

Крытый мост-часовня был построен в 1333 году, затем многие

годы расписывался изнутри библейскими сюжетами, десятки которых привлекали туристов со всех концов света.

Короткая задержка в Люцерне, и мы снова на дороге, которая должна привести нас к крохотному аэродрому частной авиации. Все чаще дорога спрямляется, напоминая знаменитые немецкие автобаны. И вот, выскочив из очередного туннеля, мы оказались у памятника Тилю Уленшпигелю с сыном.

Русское представление о герое местного эпоса отличается от того, что было представлено в бронзовом изваянии у дороги. Первым отреагировал Стоян:

– Смотрите, Тиль – не стрелок из лука, как думается у нас в Болгарии, а мастер арбалета?!

– Ребята, вы знаете о Куликовской битве? – спросил я всех присутствующих, в чем-то прозревая.

– Почему ты спрашиваешь? – уточнил Брис.

– И какая дата? – обратился я к Владу. – Помнишь?

– Конечно, 1380-й…

– А смотрите на дату, на памятнике?

– 1307-й… И что же? – спросила Ольга.

– Это означает: еще за семьдесят лет до нашей битвы арбалет был хорошо известен в Европе и значит… где? – вопрошал я.

– …на Руси? – с сомнением спросила Ольга.

– Вот именно, на Руси…

– И что же это означает? – вступил в разговор Брис.

– Не здесь ли кроется загадка победы малочисленного войска Дмитрия Донского над превосходящими силами Мамая?

– Ты имеешь в виду эту новинку? – уточнил Влад. – В русском войске тех лет?

– Почему «новинку»? – спросил Стоян.

– Дело в том, что ни до, ни после битвы арбалетов на вооружении русского войска не было. Мы как бы перешли от лука к пищали… Сразу перешли, – пояснил я.

– Кажется, я начинаю понимать, – сказал Брис. – Речь идет о дальности стрельбы: лук, арбалет, пищаль…

– И тогда тактика боя меняется для русских… В пользу русских, – вслух рассуждал Стоян.

И мы молча взирали то друг на друга, то на памятник, обдумывая услышанное. Наконец наши взгляды сосредоточились на арбалете на плече Тиля, а затем – на мне, как инициаторе разговора.

А я затеял этот разговор, конечно, неспроста: хотелось узнать мнение неравнодушных к истории нашего Отечества людей, моих спутников – мнение об одной из гипотез времен Куликовской битвы. Ее, не афишируя, я вынашивал не один год.

– Есть гипотеза, Брис, что на Куликовском поле русские применили арбалеты… С их помощью удалось остановить главное, причем грозное и массовое оружие Мамая, – его конницу первого удара с облаком стрел…

– Ты хочешь сказать, Максим, что русские не подпустили татарскую конницу на выстрел стрелы? – озадаченно спросил Брис.

– А встретили ее «крылатой пулей», арбалетной и металлической? – уточнил Влад.

– Откуда у русских могло появиться столько «пуль»? Они же железные? – скептически высказалась Ольга.

Я спокойно выжидал и подытожил:

– Вот вы сами и на все вопросы ответили… Ты, Брис, прав – «не подпустили»… И ты, прав, Влад, – «встретили»… А ты, Ольга, не права – выковать нашим умельцам «металлическую пулю» было совсем не сложно…

– А ведь верно, Максим, – заметил Брис. – Первые ряды конницы оказались «стреноженными» этими «пулями» и падали на землю, а на них наваливалась вся масса идущих сзади…

– Вернее всего, именно так была сорвана первая и решающая атака Мамая, – подытожил я. – Если вы помните, за счет двух лесных массивов русским удалось заманить Мамая в узкое место…

– А доказательства? – спросил Стоян. – «Пули» найдены?

– Найдены, но очень мало… И, как представляется, причин две: или их собрали после битвы сами воины – это наиболее убедительная версия, ибо в то время железо было дорогим удовольствием. Или их собрали, по той же причине, местные жители…

– Можно говорить и о третьей причине: русло реки изменило свое направление и сегодня проходит по самому полю, – заметил Брис.

– Мне лично нравится первая версия, – молвила Ольга. – Ведь известно, что всех погибших русские увезли с собой… И вполне вероятно, что при поиске раненых и убитых на поле брани они могли собирать оружие… Собрали и «пули». Как вы думаете?

Бронзовый Тиль был перед нами в лице крепкого мужика-викинга, мужика-витязя, правда, с голыми ногами в коротких кожаных штанах. Но борода, стать и мужественность черт лица говорили о его простом происхождении. Да, такой защитник простых людей наверняка не очень-то нравился местным рыцарям-феодалам и вполне мог быть их карающей десницей.

Равенна – часть Венеции

От памятника – рукой подать до аэродрома, где нас ждал все тот же самолетик с все той же стюардессой. Мы оставили полюбившийся нам микроавтобус «Остин» на стоянке аэропорта, вручив ключи от него дежурной сотруднице.

Через пару часов мы оказались в Равенне. И тут Брис нас «принудил» посмотреть город. Его довод был от обратного – он ему не понравился, и он не остался в нем жить, а променял его на остров Занд.

Свою атаку на нас он начал еще в самолете. Он избрал знакомый ему путь к нашим сердцам – зачитал хронологию становления города-памятника.

– Друзья, – начал он на патетической ноте, – все мы устали, но… Простите за каламбур, но вы себе не простите, если не увидите хотя бы из окна автомашины этот город с 1900-летней историей…

И тут же выпад в адрес угрюмого Влада и скептической рожицы Ольги.

– Ольга, тебе не интересно, что город был заложен римским императором Августом? И слыл любимым местом Карла Великого? И что его разграбили войска Людовика XII? И что в нем тысяча памятников?

И он перешел к Владу:

– Мы были в Боке. Но Бока была во времена Петра I венецианской. Равенна – часть Венеции… Может быть, и тебе, и Ольге неинтересна Равенна «поэтическая»?

И ко всем нам:

– И вам всем не нужно видеть восемь чудес Равенны, взятых под охрану ЮНЕСКО? Это на одно чудо больше, чем в мире чудес!

Мы сдались, ибо наш Брис всегда оказывался прав – это интересно, даже если альпийские дороги измотали нас.

Правда, решили проучить Бриса, за его непредсказуемость: мы демонстративно отвернулись от него. Пошептались и с угрюмым видом подошли к его креслу, ухватили за одежду и сделали рывок, готовясь выбросить… с самолета. Затем оставили его в покое и дружно выдохнули: «Отоспимся на „Аквариусе“!». Конфликт, не начавшись, был исчерпан.

По рации заказали микроавтобус, который вел сам Брис. Нам достаточно было часа полтора, чтобы мы представили себе величие города.

А «плясать» начали от Порта-Нуова – Новых ворот,

построенных в XVI веке на месте древнего въезда в Равенну. Сегодня это были ворота в историческую часть города.

– В момент создания город представлял собой кучу полузатопленных островков, пересеченных каналами, – говорил Брис. – Что-то вроде Венеции… И назывался он военной гаванью Классис, от латинского «флот». Правда, единственным напоминанием о том, что два тысячелетия назад Равенна была римским военным портом, был бронзовый Август.

Чудеса Равенны оказались базиликами, мавзолеями и церквями, правда, весьма старыми. Что поражало, так это идеальная сохранность всех исторических памятников и… чистота.

Уже по нашему настоянию мы уговорили Бриса высадить нас возле чего-либо «очень исторического» и указать нам путь к гавани, например, к морскому вокзалу. Конечно, мы не смогли осмотреть все двадцать главных памятников Равенны, но духом старины пропитались, что сказалось и на наших головах с шеями (крутили ими направо и налево), и на наших ногах – едва доползли до места встречи с Брисом.

– Это вам еще повезло, – съязвил встречавший нас Брис. – Древняя Равенна встретила меня современным шумным вокзалом, типовой застройкой улиц и оживленным городским движением.

– И это привело к отказу проживать здесь постоянно? – уточнила Ольга.

– Знаешь, торопыга, – спокойно парировал выпад Брис, – тогда, в первый момент, мне показалось, что путеводители и книги по истории искусства меня надули – я не видел никаких признаков «прекрасного наследия». Разве что несколько высоких колоколен…

– Так что же все-таки «выдворило» тебя из Равенны? – спросил я.

И все радостно закивали в знак согласия со мной.

– Когда я узнал, что по концентрации архитектуры V–VII веков этот маленький городок занимает первое место в мире… Честно говоря, я растерялся…

– Вот это да! – не понял Влад.

– Проникая в, казалось бы, приятное течение провинциальной жизни этого городка, – говорил Брис, – я стал воспринимать его как величественную столицу Римской империи… А это уже был перебор для моих измотанных переездами по миру нервов… И я из города, как мы говорили в детстве, слинял…

– На остров Занд? – радостно вскричала Ольга.

– Да, на остров. Его вы видели и можете сами сравнить:

лучше жить там или быть экспонатом второй половины двадцатого века среди артефактов давности двух тысячелетий…

При этом Брис махнул в сторону микроавтобуса и призвал нас:

– Теперь – по коням…

Мы стремительно двинулись от морского вокзала вдоль Адриатического взморья в сторону Классиса. Здесь прибрежные поселки выглядели запущенными, рядом – современный порт. Миновали «пляж Данте».

– Напомню вам, – сказал Брис, – Великого Данте ревниво делят между собой два города: его родная Флоренция, где он нашел свою Беатриче, и Равенна, где был в «дипломатическом» изгнании и умер от малярии в 1321 году.

В разговор вступил Стоян:

– …а шестью столетиями позднее за дамой сердца в Равенну последовал лорд Байрон. Здесь он написал ряд драматических стихотворений, среди которых «Пророчество Данте». И здесь он присоединился к карбонариям, был изгнан, жил в Пизе и Генуе. Отсюда выехал в Грецию, где умер в 1824 году во время участия в освободительной войне греков за свою независимость…

После визита в места, овеянные жизнью Данте и Байрона, мы оживились и простили Брису его «волюнтаризм» с Равенной.

Через полчаса, оставив автобус на морском вокзале, мы уже были на борту шлюпа. Перехватили бутербродов и завалились спать. Усыпляющим лекарством для нас стала бурлившая в жилах кровь, насыщенная альпийским воздухом, и усталость тела и души от обилия древностей Равенны. Мы не слышали, как «Аквариус» снялся с причала и вышел в море.

Проспав восемь часов, мы были разбужены веселой детской песенкой Бриса: «Вставай – вставай, дружок, с постели на горшок…». Он повторял эти пять слов, словно испорченный патефон, пока мы не стали рыкать в его сторону. Но когда мы вышли на палубу, вся горечь прерванного сна пропала – море сверкало золотом восходящего солнца!

До, во время и после Атлантиды

Озадачивал вид Бриса – он уже не веселился, озабоченно крутил головой, явно что-то затевая. Так оно и случилось. Брис хитрил, опять не поставив меня в известность.

Нас размягчила вялость, случившегося с нами после кратких «курсов» в Болонье и Равенне. И этим воспользовался Брис. Но как он это сделал, и сколько энергии он влил в нас?!

В полдень мы сидели в кокпите и думали о предстоящем пути: Равенна – Крит. Теперь это был реальный курс с выходом в воды возможной Атлантиды. Именно в это время Брис каялся за «выкрутасы» с Троей и Измиром, Зандом и Корфу, Болоньей и Альпами. И вдруг воскликнул:

– Недаром я таскал вас вокруг и около «атлантовых дел». Теперь вы с курса Атлантиды платоновской и ее возможной разновидности, Атлантиды средиземноморской, не свернете.

Так мы впервые услышали о гипотетическом существовании двух Атлантид. Причем в виде отчаянно безосновательного заявления из уст нашего мастера сюрпризов и гения провокаций Бриса.

– И какой курс? – спросил Влад.

– На Санторини! На Сан-то-ри-ни…

– А почему не на Крит? – сомневалась Ольга.

– С Санторини все началось, – заметил Стоян. – Цивилизация Крита погибла из-за извержения вулкана на острове Санторини…

– Все верно, – сказал я. – Начнем теперь основательно искать косвенные признаки, что Атлантида все же существовала…

– Или могла существовать, – воскликнул Брис.

– И кто в этом нам поможет? – спросил Влад.

– Мы сами, – коротко молвил Брис. – Вспомните «бумажный поиск» Атлантиды.

– Но ведь мы договорились, что «реалии Платона» – это десять позиций, нами же определенные?! – сказал Стоян.

– Верно, – заметила Ольга. – Но я начинаю понимать – речь идет о косвенных доказательствах… Суть которых…

– …суть которых в том факте, что мы взяли за гипотезу реалии Платона, – заметил Гор, внимательно слушая нас и управляя шлюпом.

– Тогда мы сказали, что эти реалии не требуют доказательств, ибо их присутствие вполне реально… Только мы об этом еще не знаем, – закончил Брис. И добавил, – Молодец, капитан…

А Ольга надула щеки и демонстративно отвернулась от Бриса, а когда обернулась, то ее щеки горели пунцовым огнем. Я

понял, что она еще что-то «открыла». И не ошибся.

– Друзья, доказательства у нас в кармане… Где-то я читала, что нет непознаваемого, есть еще непознанное… А потому нужно выстроить ряд вопросов, которые косвенно лили бы воду на мельницу Атлантиды. Где бы она ни располагалась…

– Ура Платону, ура Шлиману, ура Ольге, – заорал Влад, спугнув чайку, сидящую на топе грота.

Через полчаса на «Доске истории» появился призыв.

Атлантида: нет непознаваемого – есть непознанное!

Ольга ликовала.

Вечером первого дня плавания состоялось заседание географического клуба шлюпа «Аквариус». Слово взял Брис:

– Друзья, мы достаточно побегали по свету, чтобы понять прелесть будущих открытий на ниве исчезнувшей Атлантиды… Теперь, пока мы идем на юг Адриатики, все силы бросим на устранение пробелов в наших знаниях, ближе всего проливающих свет на загадку Атлантиды, унесенную временем…

Мы сидели, раскрыв рты и глаза, и дивились высокопарности слов нашего главы экспедиции. А он, понимая наше настроение, заявил, что выбрал стиль вступительной речь, чтобы Ольге было труднее его перебивать. Ольга растерялась, но тут же нашлась:

– Брис, я вызываю тебя на дуэль. Оскорбление смоет только, – она подумала и произнесла, – …только мытье посуды… на быстроту…

– Согласен, – кивнул Брис, – но только чтобы тебе не помогал Влад…

И мы начали обсуждать, как время и эти полторы тысячи километров истратить так, чтобы разобраться с выдвинутым Ольгой девизом.

Брис обратился ко мне с просьбой построить схему наших «бумажных поисков», которые могли бы, хотя бы косвенно, пролить свет на факт: была ли и могла ли быть Атлантида, не оставившая, казалось бы, следов?

В ответ я заявил:

– Уже сегодня, сейчас я готов начать разговор: Атлантида имеет право на существование по трем причинам. И я эти причины перечислю: *во-первых,* доказано, что длительность жизни человека на Земле исчисляется теперь уже миллионами лет;

во-вторых, на Земле была не одна высокоразвитая цивилизация;

в-третьих, почему бы среди них не могла развиться Атлантида?

Утром второго дня плавания Брис объявил общий сбор – после завтрака, в восемь утра. И вот мы пятеро в кокпите, Стоян

на ступенях в каюту, Гор за штурвалом. Я задаю вопрос:

– Мы сформулировали «реальности Платона», а это… Скажи Влад, что это означает?

Влад наморщил лоб и молвил:

– Это почти сорок признаков, доказательств и предположений, правда, косвенных…

– Но мы с вами еще не разобрали по косточкам рассказ Платона, изложенный в его рукописях. Но читали мы-то его все? И что там?

– Три источника называются там: египетский жрец, государственный деятель Соломон и философ Платон, – высказался Стоян.

– Итак, мы знаем о тех, кто поведал нам об Атлантиде, – подытожил я. – Еще о чем там, у Платона?

– Где лежит остров, – сказал Влад.

И вслед ему высказалась Ольга:

– Устройство, общественный строй, религия…

– Верно, Ольга, – поддержал ее я. – Что еще?

– Оборона и гибель, – заметил Гор. – Точнее – система обороны в виде крепости…

– И время гибели, – заметила Рида.

Брис обрадовано воскликнул:

– Не вижу бороду, но философов…

Так он перефразировал изречение древних в адрес легковесных философов: «Вижу бороду, но не вижу философа». И кивнув мне, попросил подвести итог по рассказу Платона.

– То, что я сейчас перечислю, требует наполнения, хотя бы словами Платона. А именно: кто сообщил (1), где остров (2), структура (3), строй (4), защита (5), время (6), гибель (7). Материал я подберу, но кто возьмется это все обобщить?

Вызвался Стоян, и с этого момент он с палубы исчез, погрузившись в обработку сведений, донесенных людям самим Платоном. Но уже в этот вечер получить ответ мы не смогли. Брис всех отправил спать. И Стоян изложил свое видение проблемы в тезисах на «Доске истории».

На этом пути из Равенны на Крит в ту же ночь, вернее, к утру, мы попали в шторм. Возможно, в тот самый, весенний, о котором говорил Марко на Боке.

Часов шесть выл ветер, грохотали и плескались волны. Мы держались носом к волне, подняв только кливер и чуть-чуть грот-парус. Бортом к волне вставать было нельзя, и Гор мастерски удерживал шлюп в разрез волны. После полудня ветер стал стихать, но все равно дул с юга и против основного курса, то есть в лоб или, как его зовут моряки, ветер по имени «морда-тык».

Ветер уже не выл, а тоскливо поскуливал в вантах. Волны пошли на убыль, становились все более пологими и уже не швыряли шлюп, а плавно покачивали его.

Наконец, к вечеру черные, лохматые тучи разорвались, и сквозь прорехи на нас хлынули потоки теплых лучей солнца.

– Сол-л-н-це-еее! – пронесся крик над волнами.

И мы все мгновено оказались на палубе и с жадностью вдыхали свежий, чуть солоноватый морской воздух. Об ээсе Стояна мы не вспомнили и после скорого ужина легли спать.

А ночью меня с Брисом разбудил Гор.

– Брис, мы вошли в зону обломков… Я зажег все осветительные огни… Подаю сигналы ракетами… Может, там люди? Волна позволяет, и паруса я убрал… Мы дрейфуем…

– Как ты в такой темноте разглядел обломки? – спросил Брис, выходя из каюты в кокпит.

– Не увидел, услышал… Лаяла собака…

На воде там и сям видны были обломки, правда, какие-то мелкие: доски бортовой обшивки, ящик, обломок гика явно с парусного судна, пластиковые бутылки и банки… Чуть дальше, на границе света и тени, на волнах прыгал ярко-красный с белым спасательный круг. Над нами ревела с перерывами сирена, привлекая людей к себе, если, конечно, они были где-то рядом. Я попросил выключить ревун и прислушаться. А вдруг кто-нибудь отзовется?

И действительно, прямо за кормой, со стороны границы с тьмой, послышался лай, вернее, тявканье с подвыванием – тревожным и тоскливым. Дали задний ход двигателем и стали приближаться к кругу. А около круга, вцепившись зубами в его веревочную окантовку и чуть подняв голову над водой, скулил пес.

Скамандовал Брис:

– Несите тент и вяжите к его углам шкертики… Один длинный, – указал он Владу и Стояну. – Рида и Ольга, не спускайте глаз с круга и пса… Мы дрейфуем, и волны нас разворачивают…

Пес оказался понятливым. Он, не выпуская круга из зубов, ухитрился зацепиться лапами за шкертик и брюхом лечь на тент. Минуты через две он был на палубе. Мокрый и дрожащий, он пытался лизнуть нас, но скулил, видимо, от радости быть спасенным. На спасательном кругу стояло: «Стрела».

Рида завернула пса в лохматое шерстяное одеяло, а Ольга дала ему теплой воды. И у них на руках пес перестал скулить и дрожать. Но стоило его развернуть, как он стремглав бросился в каюту и забился в угол. Там его и накрыли одеялом.

А пока мы дрейфовали, освещали все вокруг и гудели, Брис спустился к радиотелефону и стал передавать в эфир.

– Внимание! Внимание! Всем, всем, кто меня слышит… Я, парусный шлюп «Аквариус», греческий флаг, порт приписки Пиргос… Иду из Равенны на Крит… Координаты… На траверзе Которского залива обнаружил обломки яхты «Стрела»… Спасти удалось только собаку…

И Брис стал повторять призыв. Через несколько минут, на третьем повторе, ему ответили:

– Я, сухогруз «Измир-два», турецкий флаг, порт приписки Измир, слышу вас, «Аквариус»… Три часа назад на вашем месте обнаружил горящую яхту «Стрела», порт приписки Дубровники… Взрыв бензина… Спасены три человека, не пострадали… Иду в Триест… Благодарим за сведения…

Брис ответил:

– Рады за спасенных. Как зовут пса? Передадим его в порт Гераклион на Крите…

– Пса зовут Бимс, понимает по-английски… До связи…

Так на несколько дней на «Аквариусе» нас стало восемь, считая собаку. Бимс оказался лайкой самого маленького роста в своей породе Видимо, он родом был с севера, то ли из Финляндии, то ли из Норвегии, а может быть – из России. Он быстро освоился со всеми помещениями, но на открытую палубу категорически отказывался выходить. Очень стыдился, когда делал свои «естественные дела» в кокпите. Причем в одном и том же углу. Но наверх – ни ногой!

(Позднее мы сдали доброго Бимса в порту на Кипре, где была «гостиница» для собак, кошек, птиц и даже для ежей со змеями. Их оставляли там на выходные дни или на время отпуска. И если квартира для туристов в городе стоила до ста долларов в сутки, то за половину квадратного метра в «гостинице» плата была в два раза больше).

…А пока наши эссе слушали восемь душ, включая собаку. И это здорово импонировало Стояну. Конечно, три странички его эссе мы прочитали. Но послушать его нужно было, как и поспорить с ним. Под скромным названием «Сказание Платона» было представлено следующее.

Сказание Платона. Самые трагические строки из повествования древнегреческого философа Платона – всего несколько слов: *«…В один день и бедственную ночь… остров Атлантида исчез, погрузившись в море»*…

Платон сотворил себе длинную и богатую событиями жизнь в V и VI веках до н. э. (427–347 гг.). Он принадлежал к кругу учеников величайшего философа той эпохи Сократа. Отец и мать

Платона принадлежали к роду последнего афинского царя Кодра.

Предком Платона по материнской линии был «мудрейший из мудрых» Соломон (640–559 гг. до н. э.). Он много путешествовал, побывал в Египте и там познакомился с устными преданиями, а возможно, и с документами, относящимися к далекому прошлому Греции, Египта и Атлантиды.

Рассказ Соломона об Атлантиде стал известен лишь спустя 200 лет после его посещения Египта. Об этом острове и постигшей его катастрофе Платон пишет в дошедших до нашего времени диалогах «Тимей» и «Критий». В диалогах роль рассказчика отводится поэту и историку Критию Младшему. Обращаясь к Сократу, он говорит: *«Выслушай же, Сократ, сказание, хоть и странное, но совершенно достоверное, как заявил некогда мудрейший из семи мудрых – Соломон».*

Перед Геракловыми столпами находился остров: *«Остров тот был больше Ливии и Азии, вместе взятых, и от него открывался плавателям доступ к прочим островам, а от тех островов – ко всему противолежащему, который ограничивался тот истинный понт… На этом Атлантидском острове сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливией до Египта и Европой до Тиррении».*

(Прим.: Геракловы столпы – Гибралтарский пролив; Ливия – так назвали древние Африку, вернее всего, ее северную и северо-западную оконечность; Азия – это полуостров Малая Азия, нынешняя Турция; понт – море).

О размерах Атлантиды приводятся следующие данные: остров был «больше Ливии и Азии, вместе взятых»; Атлантида простиралась по одному направлению на три тысячи стадий, по другому – на две тысячи (стадия – около 185 метров, то есть 555 и 370 км).

По описанию Платона, остров имел форму правильного продолговатого четырехугольника. Обрамленный с трех сторон горами, защищавшими от северных ветров, остров был открыт морю с южной стороны.

Вдоль границы равнины и гор проходил канал, грандиозные размеры которого удивили и самого Платона: *«Показания относительного его глубины, ширины и длины невероятны, чтобы сверх других произведений труда было еще такое, созданное руками дело; но передадим, что слышали».*

Этот окружающий весь остров ров был глубиной в один плетр (около 25 метров), в ширину достигал стадии, и «так как был выкопан кругом всей равнины, то оказывался до десяти тысяч

стадий (1850 км) в длину». От обводного канала были прорезаны по равнине прямые каналы, которые имели выход в море. По этим каналам сплавляли срубленный в горах лес. Таково повествование Платона о стране.

Основное описание Платон относит к столице: *«С моря, по направлению к середине, лежала по всему острову равнина, говорят, прекраснейшая из всех равнин и достаточно плодородная. При равнине же, опять-таки по направлению к середине острова, на расстоянии стадий пятидесяти (около 10 км), была гора, небольшая в окружности».*

Атланты провели на острове большие работы: *«Прежде всего кольца воды, огибавшие древний матерь-город, снабдили они мостами и открыли путь от царского дворца и к дворцу… Начиная от моря, вплоть до крайнего внешнего кольца, прокопали они канал в три плетра ширины (75 м) и два с половиной глубины (60 м), длиной же в пятьдесят стадий (9250 м), и таким образом открыли доступ к тому кольцу из моря, как будто в гавань, а устье расширили настолько, что в него могли входить самые большие корабли».* И далее сообщается, что у мостов и на проходах к морю атланты воздвигли башни и ворота: *«Камень вырубали они кругом и под островом, расположенным в середине, и под кольцами, с внешней и внутренней их сторон: один был белый, другой – черный, третий – красный, а вырубая камень, вместе с тем созидали морские арсеналы, двойные внутри пещер, накрытые сверху самой скалой. Из строений одни соорудили они простые, а другие – пестрые, перемешивая для забавы камни и давая им выказать их естественную красоту».*

Все три каменные стены, окружавшие Атлантиду, и внутренние концентрические острова были отделаны металлолом: стена внешнего кольца – медью, внутренняя – серебристым оловом, а стена, окружавшая акрополь, была покрыта орихальком, издавшим огненный блеск.

Царское жилье внутри акрополя было устроено следующим образом. В середине стоял священный храм Клито и Посейдона, обнесенный золотой оградой. Храм Посейдона имел одну стадию в длину, три плетра в ширину и пропорциональную этому высоту. Снаружи здание было покрыто серебром, а столбы по его углам – золотом.

Внутри храм был великолепен: потолок из слоновой кости, расцвеченный золотом, серебром и орихальком; стены, колонны и пол были отделаны орихальком. Внутри находилась золотая статуя бога огромных размеров. Стоя в колеснице, головой касаясь потолка, правил он шестью крылатыми конями, окруженными плывущими на дельфинах нереидами. Внутри

храма много статуй других богов. *«Около же храма, снаружи, стояли золотые изображения… жен и всех потомков, которые родились от десяти царей, так и частных лиц и из самого города, и из внешних стран, над которыми они господствовали.*

Вода от источников отводилась к водоемам и к роще Посейдона – группе разных пород деревьев необычайной высоты. Избытки воды отводились по каналам в окружающие дворец кольцевые рвы. В середине наибольшего из кольцевых островов был устроен ипподром.

Город снаружи был обнесен стеной, которая „начиналась от моря, шла кругом везде, на расстоянии пятидесяти стадий от большого кольца и гавани, и замыкала свой круг при устье канала, лежавшим у моря. Все это пространство было густо застроено множеством домов, а водный проход и большая из гаваней кишели судами и прибывающим отовсюду купечеством“».

Египетские жрецы, рассказывая об этом острове, неоднократно подчеркивали, что гибель Атлантиды произошла в период войны атлантов с греками: «Город ваш то воевал во главе эллинов, то, когда другие отступали, противостоял, по необходимости, один и подвергал себя крайним опасностям.

Но наконец, одолев наступающих врагов, торжествовал победу над ними, воспрепятствовал им поработить еще не порабощенных и нам всем вообще живущим по ту сторону Геракловых пределов безусловно отвоевал свободу».

«Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения и потопы, в один день и бедственную ночь, вся ваша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Поэтому и тамошнее море оказывается теперь несудоходным и неисследимым: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров» («Тимей»).

И Платон говорит об этом еще раз: *«Прежде сего напомним, что произошло около десяти тысяч лет с того времени, как происходила, говорят, война между всеми жителями по ту и по эту сторону Геракловых столпов… Остров Атлантида, говорили мы, когда-то был больше Ливии и Азии, а теперь осел от землетрясения и оставил по себе непроходимый ил, препятствующий пловцам проникать отовсюду во внешнее море, так что идти далее они не могут»* («Критий»).

Складывалось впечатление, что мы загорелись желанием узнавать о событиях на Земле в целом и, возможно (почему бы и нет?!), вокруг Атлантиды – до нее, во время ее и после нее. И потому следующее заседание в рамках «бумажного поиска» было весьма конкретным. Опять первым выступил Брис и заявил, что

«до, во время и после» Атлантиды люди «что-то знали и умели».

– Кое-что дошло до наших времен, – констатировал Брис. – Максим, сможешь подобрать материал по части «умели»? Кто возьмется за обработку материала? Ты, Ольга? Отлично… Только обработай и вынеси на «Доску истории», а доложишь кратко на заседании…

На заседании Ольга весьма толково развернула картину дальнего прошлого, во времена Атлантиды в «недалеком» прошлом под названием «Отголоски реальных событий». Кое в чем помог ей и я, но из скромности, конечно, промолчал. Но не умолчала Ольга, в отдельных случаях ссылаясь на меня.

Отголоски событий или следы, оставленные в записях либо в археологических находках и донесенные в виде сказаний и мифов – все это следует отнести к фактам, заслуживающим внимание. Факты можно комментировать и даже интерпретировать, а это уже мой хлеб.

Русская поговорка гласит: «В каждой сказке есть доля правды». И потому священные книги, мифы и предания вбирают в себя сведения из народной памяти, неизбежно несущие в себе отголоски действительных событий. Яркий пример тому – память о всемирной катастрофе: потопе, след которой сохранился в многочисленных устных и письменных источниках.

Но ближе к нашему отечеству стоит затронуть вопрос о «берестяных грамотах» на северо-западных землях Древней Руси. Они были найдены совсем недавно и сообщили о жизненном укладе русичей, живших десятки веков назад. Грамоты легко читаемы даже сейчас, ибо в основе лежат буквы, сопоставимые с нынешним алфавитом!

Отголоски реальных событий. В мире за последние 200–300 лет накопилась масса письменных источников. К ним относятся найденные глиняные таблички шумерской цивилизации в Месопотамии, египетские клинописные повествования, иероглифы доколумбовой культуры майя и другие, которые лишь в XX столетии стали интенсивно расшифроваться.

Если принять на веру, что письменные (или устные) сведения о чем-то свидетельствуют об истинном и рациональном, то можно сделать величайшие открытия. Если, конечно, на эти «истинно-рациональное» опираться научно. Но бывают и казусы, когда за дело берутся не очень-то обогащенные специальными знаниями любители.

Так поступил немецкий археолог Шлиман. Идя по едва заметному следу, намеченному гомеровскими строками, среди множества земель в нескольких странах он разыскал легендарную Трою. Силой мысли, воли и, конечно, веры в свое дело он открыл

миру не только руины, но и материальные свидетельства былого величия этого города-государства. До Шлимана, по сути своей археолога-любителя, Троя казалась прекрасным вымыслом и игрой воображения. А оказалась реальностью.

Двигаясь по следам смутных представлений и полузабытых мифов, настойчивые исследователи извлекают на свет города и целые цивилизации.

Так, глиняные таблички шумерской цивилизации упоминают о пяти городах, якобы существовавших до потопа. Но если считать, что все, что относится к потопу, вымысел, то упомянутые в связи с ним города также кем-то придуманы?

В отношении этих городов археологи «вымыслам» поверили (ведь перед их глазами был пример «кабинетного» археолога Шлимана!). И были вознаграждены. К середине XX века три из упомянутых «допотопных» городов уже найдены.

И в ходе раскопок обнаружены следы сильного наводнения, постигшего когда-то этот район. Значит, потоп, о котором повествуют тексты, шумерские (тысячи лет назад) и библейские (только две тысячи лет назад), в реальности имел место быть?!

В начале XX столетия под песком и землей были найдены развалины древней столицы ассирийского царства Ниневии. И во дворцах ассирийских царей были найдены огромные царские библиотеки: кирпичные каменные дощечки с вытисненными или нацарапанными на них письменами. Несколько тысяч книг-дощечек со священными текстами, летописями царей, книгами по наукам, частные письма. А еще – старинные сказания о сотворении мира, о грехопадении и о всемирном потопе. И что удивительно: все эти сказания в подробностях похожи на библейские и записаны были ассирийцами почти за 650 лет до Моисея.

Но дощечки нашлись только в XX столетии, а Библия донесла нам сведения о потопе уже две тысячи лет назад!

Чаще всего открыватели идут от письменно-мифической «подсказки». Но бывает и наоборот. Так, на эстонском острове Сааремаа издавна существует большое озеро, появление которого еще в середине XX века не увязывалось с падением метеорита.

Молодой московский ученый-метеоролог, сидя в кабинете, предположил, что это озеро все-таки не маренного происхождения после ледникового периода. Он выдвинул гипотезу о метеоритном появлении озера. Исследования показали, что на землю упал огромный, весом в 550 тонн метеорит, и вместе с ним «капли» поменьше. Они вырыли 110-метровый котлован (теперь озеро) и еще восемь мелких.

Но почему «наоборот»? Эстонский инженер-любитель

разгадывания тайн предпринял попытку найти следы этого события в карело-финском эпосе. И нашел множество упоминаний и даже целую сагу о небесном пришельце и последствиях его трагического падения на землю.

Ну как тут не поверить, что «сказка ложь, но в ней намек»?!

Выдвинуто множество гипотез о существовании некогда на Земле высокой цивилизации, исчезнувшей в результате мировой катастрофы. Причем изменились не только очертания материков, но и судьбы человечества. Наверное, потому трудно мириться с тем фактом, что мимо нас когда-то прошли общечеловеческие события, сведения о которых остаются за пределами наших знаний.

Казалось бы, что связывают два планетарных явления – легенду о цивилизации Атлантида, исчезнувшей более двенадцати тысяч лет назад, и падение в сибирской тайге Тунгусского метеорита всего сто лет назад? И что толку в том, что Тунгусский феномен наблюдали тысячи людей, а об Атлантиде дошли только легенды?

Оба явления, при всех усилиях множества ученых и энтузиастов, не поддаются объяснению! «Образованный» скептик может воскликнуть: «С Тунгусом все ясно – метеорит!». Но хорош метеорит, который при взрыве не оставил следов своего вещества и повалил лес на площади в 2200 квадратных километров!

Справка. По планам американского генштаба (конец 40-х годов) в случае войны на Москву планировалось сбросить 8 атомных бомб с зоной предполагаемого поражения в 100 квадратных километров.

Подсчитали? Да-да – над Подкаменной Тунгуской, эпицентром древнего вулкана и одной из четырех крупнейших в мире магнитных аномалий, взорвалось что-то мощностью чуть меньше 200 Хиросим (для сведения: на Ленинград приготовили только 7 атомных бомб…)!

Очень хотелось, чтобы описания мира до катастрофы сохранились в руках спасшихся и посвященных. Ведь открываются все новые факты о том, что человеческая цивилизация существует на Земле гораздо дольше, чем это принято считать.

Итак, некая единая высокая цивилизация погибла, а принадлежавшие ей знания либо не сохранились, либо позабылись. Однако забвение познаний в самых различных науках происходило и при изменениях несоизмеримо меньших масштабов, чем те, что имели место при разрушении античной цивилизации в Европе. Это говорит о том, что приобретенные человечеством знания забывались и затем открывались вновь.

Но ведь должна быть сформулирована правдоподобная

гипотеза, стройно и четко рассматривающая реальность фона катастрофы: во времени, картина мира до нее, свидетельства о древних связях между населением континентов…

Появление такой гипотезы возможно только с привлечением фактов истории, археологии, этнографии, географии, климатологии и точных наук. Гипотеза имеет право на рассмотрение различных сторон истории человечества, пусть даже на уровне размышлений, догадок и сомнений… Правда, высказанных вслух.

Такое пространное вступление приведено здесь неспроста. Священные тексты и мифы разных народов являются, по сути дела, самыми древними источниками, дошедшими до нас. Открытия последних столетий подтверждают факты, о которых раньше можно было узнать только из эпоса или религиозных книг, записях на камне или глиняных табличках.

Эти источники, неизбежно вбирая в себя сведения из народной памяти, несомненно, несут в себе отголоски действительных событий.

Когда мы говорим о гибели Атлантиды, то имеем в виду в первую очередь описания древнегреческого философа Платона. Он приводит причины гибели: наводнение, землетрясение, извержение вулкана…

Отголоски реальных событий (продолжение): негреческие свидетельства катастрофы. Весьма характерно, что на всех континентах воспоминания о катастрофе сохранились. И точно, как и у Платона, в них говорится о потопе с ураганом, землетрясением и извержением вулканов. Предания утверждают, говоря чаще всего о потопе, что масштабы катастрофы становились меньше по мере удаления от… Атлантики!

Напрашивается вывод: имела место какая-то катастрофа где-то между Африкой и Америкой?! Океанология оперирует понятиями «прилив» и «отлив». То есть: если в одном районе земного шара образовывалась огромная приливная волна, то где-то в противоположном районе должен был случиться отлив.

И он был – в направлении на юго-восток: в Центральной Америке вода доходила до вершин самых высоких гор, в Греции – не выше холмов и верхушек деревьев, а в Персии вода достигала высоты человеческого роста.

О потопе повествуют шумерские тексты на глиняных табличках. Используя их текст, археологи обнаружили три «допотопных» города. И тогда получается, что и библейские тексты, и шумерские таблички, и иные тексты могли иметь (и имели) в своей основе реальные события? Имели…

Попробуем рассмотреть упоминание о потопе в источниках у

разных народов: в библии, шумерских табличках Двуречья, египетских священных книгах, индийских санскритских текстах, у народов Тихого океана, в преданиях племен трех Америк.

Библия: «Во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились. И лил на землю дождь сорок дней и ночей».

Шумерские глиняные таблички (за тысячу лет до Библии): *«Утром хлынул ливень, а ночью хлебный дождь я увидел воочию. Я взглянул на лицо погоды – страшно глядеть на погоду было…*

Полный день бушует южный ветер, быстро налетая, заполняя горы, словно войной людей настигая. Не видит один другого…».

Сообщения о катастрофе обнаруживаются повсеместно. Так, например, из 130 индейских племен Северной, Центральной и Южной Америки нет ни одного, в мифах которого не отразилась бы эта тема. Более того, это событие нашло место в изображениях – в ацтекском кодексе, и на другом краю света – у древних вавилонян.

«Кодекс Чималпопока» (древнемексиканский текст): *«Небо приблизилось к земле, и в один день все погибло. Даже горы скрылись под водой… Говорят, что скалы, которые мы видим теперь, покрыли всю землю, а „тетзонтли“* (пористая каменная лава, строительный материал. – прим. авт.) *кипело и бурлило с большим шумом, и вздымались горы красного цвета…»* (упоминание о вздымавшихся красных горах, очевидно, раскаленных или покрытых раскаленной лавой).

«Кодекс Пополь-Вух» (жрецы индейцев киче, Гватемала): *«Был устроен великий потоп… Лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ливень днем и ливень ночью… Люди бежали в отчаянии… Они пытались взобраться на крыши домов, которые обрушивались и швыряли их на землю. Они пытались залезть на вершины деревьев, но деревья сбрасывали их, люди искали спасения в пещерах и гротах, и они погребали людей. Так была завершена гибель (рода, расы) людей, обреченных на уничтожение».*

Индейцы бассейна реки Амазонки (Бразилия): Однажды раздался страшный рев и грохот. Все погрузилось во мрак, а потом на землю обрушился ливень, который смыл все и затопил весь мир.

Бразильские предания: «…Вода поднялась на большую высоту, и земля вся была погружена в воду. Мрак и ливень не прекращались. Люди бежали, не зная, куда укрыться; взбирались на самые высокие деревья и горы».

Индейцы острова королевы Шарлоты: в мифах говорится, что до катастрофы земля не была такой, как сейчас, и что тогда совсем не было гор.

Предания индейцев Аляски: говорится только о потопе. Немногие уцелевшие люди плыли на каноэ к вершинам гор, чтобы спастись от бушующих вод.

Южная Америка: речь идет преимущественно о потопе, от которого люди спаслись, поднявшись на вершины гор.

Греческий эпос: сообщается, что во время потопа содрогалась земля. *«Одни искали холмы повыше, другие садились в лодки и работали веслами там, где еще недавно пахали, третьи снимали рыб с верхушек вязов…».*

Древние иранцы (священная книга «Зенд-Авеста»): говорится, что во время потопа *«по всей земле вода стояла на высоте человеческого роста…».*

…Не один день плавания мы обсуждали эти предания, все более убеждаясь, что следы далекого прошлого – это очень много для ищущего ума. Случилось так, что мы готовились к походу на шлюпе с целью пройтись по местам, ассоциирующихся с цивилизацией Атлантида. И думали только о реалиях в легенде Платона касательно ее местоположения и гибели. Но изучая собираемые об Атлантиде материалы, мы вышли за пределы «влияния Платона» на эту проблему.

И стали искать не столько упоминания о ней самой, сколько о чем-то, связанным с ней. Например, о потопе. Они нашлись, хотя и говорится «о какой-то катастрофе, которая произошла где-то между Африкой и Америкой».

А вот понятие «вблизи этих районов» захватывало чуть ли не весь известный ко временам Платона мир – часть Европы, включая Британские острова, Средиземноморье, Малую, Среднюю и Юго-Восточную Азия…

Напрашивалась проверка гипотезы:

В реальности не лежит ли центр катастрофы на островах Атлантического океана между Африкой и Америкой?!

Уже первая попытка зафиксировать упоминание о катастрофическом потопе дала около 30 географических мест на континентах и в регионах. Если исходить из того предположения, что это место «между Африкой и Америкой», то ближе всего к эпицентру катастрофы (наводнение, землетрясение, вулканизм) располагаются: три Америки, на востоке – Северная Африка и Европа. По мере удаления от эпицентра – Средний Восток, Азия, Тихий океан.

Так вот, упоминания (письменные и устные) об «атлантическом» потопе содержатся в следующем месте и виде:

В *Библии* – многократно: сам потоп, предупреждение о катастрофе, спасение людей; были отобраны сведения, наиболее четко трактующие катастрофу.

Во всех *трех Америках* говорилось часто и просто: «обе Америки» или «предания в 130 индейских племенах Северной, Центральной, Южной Америки». А по Северной Америке – еще более конкретно: «индейцы Аляски» и «канадские индейцы».

Центральная Америка: просто «Центральная Америка», ацтекский кодекс, древнемексиканский кодекс, гватемальский индейский эпос.

Южная Америка: индейцы Амазонки, бразильские предания.

Европа: Средиземное море, греческий эпос, Уэльс, ирландский эпос, эпос басков.

Африка: египетские священные книги, африканские народы.

Средний Восток: шумерские глиняные таблички, древневавилонские изображения, Средиземноморье, древние иранцы, персидский эпос.

Азия: индийские санскритские тексты, китайские сказания.

Юго-Восточная Азия: просто «Юго-Восточная Азия», бирманские записи, индейцы острова Борнео, вест-индийские индейцы.

Тихий океан: эпос народов региона, индейцы острова Королевы Шарлотты.

Эти места мы нанесли на карту и только тогда поняли широту охвата «нашей» катастрофой Земли.

«Атлантическая» катастрофа охватила всю нашу планету!

Чтобы придать дискуссиям более реалистический характер, на заседании выступил и я. Продолжил тему, затронутую Ольгой, – об отголосках реальных событий.

Речь шла о физическом присутствии следов катастроф – «атомном» оружии того времени и мифах о полетах, описания которых сходны с полетами в космос сегодняшнего дня. Со слов древнейшего эпоса, подготовленные мною эссе касались вопроса оружия «сверхлюдей» и якобы полетов людей за пределы Земли.

И потому к эссе «Сказание Платона» и «Отголоски реальных событий» присоединились два эссе – «Оружие неба» и «Полеты наяву». Содержание указанных эссе приводится ниже.

Оружие неба. И энергетическое «оружие» Николы Тесла, и предвидение атомного оружия Владимиром Вернадским – это каких-то чуть более ста лет современной цивилизации. Но как быть со свидетельствами из глубины не веков, а тысячелетий?

Сохранились письменные сведения, дополненные устными преданиями, и упоминания о страшном оружии, которое плавило кирпичи, глиняные изделия, камни, испаряло воду, разрушало на сотни метров вокруг…

В Индии оружие называлось «Оружием Брахмы» или «Пламенем Индры», в Южной Америке – «Машмаком», в одном из

преданий его называют «Глаз Балора», в кельтской мифологии – «Искусство Грома». Мощность последнего измерялась в единицах: «Сто», «Пятьсот», «Тысяча», то есть число людей, которое оно уничтожало при взрыве. О таком оружии упоминается в Библии.

И везде «взрыв»? Вот его характеристики: *«сияние огня», «слепящий свет», «яркий, как 10 000 солнц в зените», «странный жар», «молнии»…*

3 000 лет назад. Древне индийский эпос «Махабхарата» сообщает: *«Сверкающий снаряд… Объятые ужасом… Мы никогда не слышали и не видели ничего, равного этому оружию».* Говорится, что тысячи колесниц, люди и слоны были сожжены, испепелены на месте.

Сообщается о внешнем виде оружия: *«Было похожим на огромную железную стрелу, которая выглядела как гигантский посланец смерти».* И вот поведение воинов, уцелевших после взрыва этого оружия: они поспешно бегут к ближайшей реке, чтобы омыть там свою одежду и оружие. В одном из источников говорится о том, что в руки сражающихся попала такая «стрела», которую местный правитель приказал истолочь в порошок и утопить его в реке.

И что особенно важно, находки археологов подтверждают свидетельства, дошедшие до нашего времени из древних источников.

Ирландия. Стены крепостей хранят следы воздействия огромной температуры – глыбы гранита были оплавлены. Об этом же говорят кельтские предания.

Столица древних хеттов в Малой Азии. Город оказался уничтоженным посредством высокой температуры (кирпичная кладка домов расплавилась и превратилась в твердую массу, камни спеклись, дома и храмы не избежали страшного жара).

Вавилон. Предание гласит, что именно здесь при строительстве «вавилонской башни» Бог, «сойдя вниз», поразил строителей и рассеял их по всей земле. Развалины башни хранят следы искусственно созданной высокой температуры, подобной в Ирландии и столице хеттов. Один из исследователей пишет: *«Нельзя найти объяснения тому, откуда взялся такой жар, который не просто раскалил, но и расплавил сотни обожженных кирпичей, опалил весь остов башни и все ее глиняные стены».*

Даже историк говорит о месте, где могло быть применено подобное оружие. Это – Мертвое море с его камнями, оплавленными неизвестным огнем.

«Холм мертвых». В этом отношении характерны исследования остатков города Мохенджо-Даро на острове в долине реки Инд. Это случилось 3500 лет назад. Ученые поставили вопросы: как

был разрушен город, и куда девались его обитатели? Раскопки ответов на эти вопросы не дали.

Но были гипотезы: упадок культуры и торговли? Катастрофическое наводнение? Смертельные эпидемии? Нашествие завоевателей? И еще одна версия (англо-итальянская): город пережил судьбу Хиросимы? Вот аргументы в пользу последнего предположения («если»):

– упадок культуры – процесс медленный;

– наводнение – следы его отсутствуют (есть следы пожаров);

– эпидемия – людей катастрофа застала за обычными делами;

– завоеватели – нет следов насилия и ранений.

Вывод: город погиб внезапно. Имеются оплавленные многочисленные куски глины и других минералов, что могло быть при температуре 1400–1500 градусов (это жар металлургического горна!), что невозможно создать на обширной территории. Имеются следы особого взрыва: от эпицентра разрушения постепенно уменьшаются.

Невероятно? Да. В указанном выше индийском эпосе говорится о некоем «взрыве», который вызвал «слепящий свет, огонь без дыма», при этом «вода начала кипеть, а рыбы обуглились».

Умели ли люди летать? «Полет сопровождался громким звуком», «во время полета был виден огонь», «описание внутреннего устройства летательных аппаратов» – это все говорится в преданиях, но главное – в рукописях, текстах народов Азии (индийских, арийских, тайских, тибетских); у людей Евразии (кельтских, греческих, иранских); в государствах Ближнего Востока (шумерских, египетских) и в цивилизациях Центральной Америки (инков, майя). Наконец, в библейских текстах…

Трудно отделаться от мысли, что люди не умели летать! И потому ниже приводится эссе «Полеты наяву».

Полеты наяву. Предания о богах и героях, которые умели летать? Еще вчера – так и было. А сто лет назад? А сегодня?

Азия. Древнеиндийский эпос «Рамаяна»: *«Когда настало утро, Рама сел в небесную колесницу и приготовился к полету. Колеса передвигались сами по себе… По команде Рамы эта прекрасная колесница с громким шумом поднялась в воздух. Когда колесница совершала свой путь в воздухе, она издавала однотонный звук».* В других источниках: *«грохот заполнял все четыре стороны горизонта»* или *«ревела, как лев».*

В эпосе «Махабхарата» дается характеристика «небесной колесницы»: *«светилась, как огонь в летнюю ночь», «как комета в небе», «пламенела как красный огонь», «ее приводила в движение*

крылатая молния», «все небо было освещено, когда она пролетала по нему», «жемчужина в небе»…

В санскритских источниках дается описание внутреннего устройства летательного аппарата и приводится инструкция-предупреждение: *«… подробности конструкции не сообщаются, потому что, если бы сведения стали достоянием всех, устройство это было бы использовано во зло».* И все же: *«легкий металл», «черное железо», «подогревающее ртуть устройство», «несущий вихрь», «управление огнем», «размером со слона», «медь, железо, свинец»…*

Литература индийских «Вед» к летательным аппаратам применяет термин «вимана» и «агнихотра – это корабль, который поднимается в небо» (эпос «Сатапатха Брахмана»). Сведения о летательных аппаратах в Индию принесли арии, которые помнили, что в отдаленные времена солнце над ними восходило раз в году.

О высоте полетов говорится, что колесница взлетела «выше царства ветров». А о дальности? Здесь вообще – за пределами возможного… Санскритские рукописи гласят: *«Посредством этих устройств жители Земли могут подниматься в воздух, а небесные жители спускаться на Землю».* И еще: *«Они могут летать как в „солнечной области“, так и дальше в „звездной области“».*

И тибетские священные тексты, рассказывая о летательных аппаратах, сравнивают их с «жемчужинами в небе». У таистов сохранился целый ряд сообщений о посещении людьми «дворцов богов» – упоминается о некоем «совершенном человеке» Чен Чжане, посетившем другие планеты и почерпнувшем там мудрость и знания.

Евразия. Древние кельтские предания рассказывают о летательных аппаратах, имевших внутренний механизм. Приводились они в движение «магическими конями» (непохожими на коней). Они *«покрыты были железной кожей», «не нуждались в пище, не имели ни костей, ни скелета».* В описании схватки героя кельтских преданий с врагом упоминается о двух белых предметах, *«огромных, как мельничные жернова»*, лишившись которых, воздушная колесница врага *«обрушилась на землю с грохотом падающих доспехов».*

Согласно преданиям, воздушные колесницы древних кельтов могли подниматься в небо, где находились удивительные земли, «дворцы богов».

Древние греки рассказывают о гиперборейцах, каком-то народе, жившем на севере, где солнце над ними восходило только один раз в году. Они якобы также обладали умением летать по воздуху.

Французская хроника (1670) рассказывает о появлении в районе города Леона «летающих кораблей» и «трех мужчинах и одной женщины», спустившихся с одного из них. Они рассказали, что сами из этих мест и были унесены «удивительными людьми», которые «показали им чудеса и отпустили на землю». Это было время Карла Великого и инквизиции, потому их ждало сожжение, но епископ объявил их рассказ ложным и тем спас от костра.

А к какой рубрике следует отнести следующее сообщение «отца истории» Геродота? Речь идет о странной лодке, которая на большой скорости вошла в Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) и удалилась в сторону Средиземного моря. Ссылаясь на свидетельства очевидцев, Геродот утверждал, что на ней не было ни парусов, ни весел!

Ближний Восток. В египетской рукописи (официальной хронике фараона Тутмоса III, XIII век до н. э.) говорится, что *«на 22-м году, в третьем месяце зимы, в пять часов дня к ужасу всех на небе появился огромный предмет правильной формы, который медленно двигался на юг».* К этому же времени относятся иранские сообщения о некоем человеке, соорудившем сложный летательный аппарат и передвигавшемся в нем по воздуху…

Библия. В ней рассказывается о летательных аппаратах, также выбрасывающих огонь – «огонь поедающий». В момент приземления он издавал оглушительный шум, «трубный звук».

Среди так называемых «темных мест» библейских текстов имеется упоминание о летательных аппаратах, приземлившихся на вершинах гор: *«На третий день при наступлении утра были громы и молнии и густое облако над горою Синайской и трубный звук весьма сильный…».*

В ряду ранних христианских апокрифических книг имеется «Книга Еноха» или «Книга тайн Еноха». Там рассказывается, что на время он был взят на некие земли в небе, где получил астрономические знания: порядок движения солнца, причины сокращения дня и удлинения ночи, лунный календарь, фазы и движения Луны. Согласно «Книге…»: *«И Вертиль обучал меня 30 дней и 30 ночей, и уста его не переставали говорить. И я… не переставал записывать».* Знания эти были переданы Еноху с тем, чтобы, вернувшись, он сообщил их на Земле людям…

Америка. На плато в Андах были обнаружены так называемые «дороги инков». Но аэрофотосъемка показала, что это нечто другое: система огромных, правильно начертанных геометрических и других фигур, видимых только с высоты. Причем стороны треугольников и параллельных линий – безупречной точности. Фигуры покрывают пространство в десятки квадратных километров.

Ряд ученых считает, что в Андах находится величайший календарь мира, в котором направления и длина линий выражают различные астрономические закономерности и пути движения звезд.

Правда, такое мнение бытовало до тех пор, пока за трактовку «календаря» не взялись искатели внеземных цивилизаций. И тогда видимые только с высоты гигантские изображения стали увязывать с летательными аппаратами древних. Оказалось, что в Америке можно найти сообщения, которые заставляют искать связь с полетами то ли людей, то ли «богов»!

Священные книги индейцев киче «Пополь-Пух» повествуют о четырех праотцах этого народа, которые увидели в небе «нечто». Они торопливо стали прощаться со своим родными и женами, затем поднялись на вершину горы. И, как гласит текст, *«немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц. Они не были похоронены их женами и их детьми, потому что не было видно, когда они исчезли».*

В Центральной Америке сохранилось предание о могучей владычице, прозванной «Летающей тигрицей», которая «принесла людям знания. А через какое-то время приказала отнести себя на вершину горы, где исчезла среди грома и молний».

НЛО. Об неопознанных летающих объектах сказано достаточно много, но можно привести всего несколько случаев из XIII века и XX столетия.

1290. В латинской рукописи одного из английских монастырей говорится об испуге монахов, которые наблюдали следующее: *«появилось огромное, овальное, серебристое тело, похожее на диск, которое медленно пролетело над нами, вызвав великий ужас…».*

Заключенный в тюрьму за приверженность к «тайным знаниям» ученый и философ Роджер Бэкон (1214–1294) писал о вероятности появления у человека летательных аппаратов: *«Наука дает возможность создавать аппараты, могущие развивать огромные скорости, без мачт и требующие не более одного человека для управления… Может быть также создан аппарат, способный передвигаться в воздухе, с человеком, находящимся внутри него».*

Еще ближе к нашему времени имеется упоминание о летательном аппарате философа и ученого, русского художника Николая Рериха в его книге «Сердце Азии» (путешествие в предгорьях Гималаев): *«…мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении с севера к югу. Из палаток принесли три сильных бинокля… Мы наблюдали объемистое сферическое тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего*

неба. Оно двигается очень быстро. Затем мы наблюдали, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью…».

…Шел четвертый день нашего плавания на юг. По левому борту, далеко на северо-востоке, остался родной остров Бриса – Закинф-Занд. Теперь заседание географического клуба проходило дважды в день. В активе уже были рассмотрены, обсуждены и одобрены рефераты по публикациям Платона, сведения о реальных событиях, «атомном» оружии древних, полетах людей.

Оставалось обобщить сведения и обсудить историю со знаниями, которые то ли были, то ли не были, то ли их спрятали или только спасли, то ли они погибли… Это была моя забота, но, учитывая объем исследуемых материалов, помогали мне в этом все, особенно Влад и Ольга. Брис самостоятельно готовил заключительное заседание о «неблагодарной памяти потомков» – как он шепнул, с «сюрпризом».

Минут через десять, в полдень, мы наметили начало заседания. А пока вышли наверх и разбрелись по палубе. На море было легкое волнение, свойственное открытой воде вдали от берега. Шлюп ходко шел под всеми парусами – кливером, гротом и бизанью. За штурвалом стоял Гор, как всегда, предельно собранный.

Брис, Стоян и я начали подтягиваться к кокпиту. И лишь Рида колдовала внизу у плиты. И если бы заседание началось, то ей было бы все слышно. Влад сидел под грот-мачтой и читал детектив Агаты Кристи на морскую тему. Выйдя на палубу, к нему шла Ольга.

Переступая через фал от торца гика грот-мачты, Ольга зацепилась за него ногой и, чуть вскрикнув, исчезла за бортом. Вслед за ней со спасательным кругом молнией метнулся в море Влад. Секундой позднее заревел сигнал тревоги, поданный Гором, и последовала его команда:

– Человек за бортом… На румбе – сто восемьдесят пять… Максим, следи за кругом… в бинокль… Стоян и Брис – помогите убрать грот– и бизань-паруса… Кливер не трогать…

Сигнал и команды сорвали нас с места, и мы мгновенно оказались там, куда направил нас капитан Гор.

Я наблюдал, как стремительно удалялся Влад с кругом, и метрах в десяти-пятнадцати мелькнула голова Ольги.

Гор продолжал подавать команд:

– К повороту оверштаг! Рида – к радиопеленгатору, следи за кругом… Максим? Видишь ребят?

– Вижу. Они вместе…

И когда паруса под воздействием механической тяги почти

упали, мы были от ребят метрах в ста-ста пятидесяти. Гор пошел на поворот левым бортом, наветренным. Это было более рискованно, но быстрее. Шлюп хорошо справился с поворотом и лег на обратный курс.

– Курс – 355, поставить все паруса…

Как мы потом подсчитали – на все ушло минут пять, но это означало чуть не километр от ребят. Мы уверено шли к ребятам, видели их, а Рида сообщала пеленг. И вот только тут мы обратили внимание на ревуны сигнала бедствия, причем с двух сторон – навстречу нам и сзади. К ребятам шли, изменив курс, сухогруз и сейнер.

Минут через пятнадцать, сделав полукруг, мы встали бортом к ребятам, укрыв их от волны. Они улыбались нам, явно стараясь не беспокоить нас своим «неуклюжим» поведением. Но их бледный вид соответствовал их настроению.

И вот они оба на борту, в каюте, раздеты, укутаны в одеяла, греются коньяком и ждут горячего чая.

– Как вода? – спросил Брис. – Теплее, чем в дельфинарии?

– Лучше не купаться… в это время, – попыталась шутить Ольга.

– Тоже мне, пловчиха, чемпион! Воды боится… холодной, – пошутил Влад, обнимая Ольгу за плечи.

Да, шутки ни у кого не получались. Из каюты слышен был голос Бриса – он благодарил по рации команду сухогруза и сейнера за попытку оказать помощь.

Мы молчали, поглядывая друг на друга. И я заметил, как у Стояна вдруг задрожала рука. Вздрогнул и я – это пришел запоздалый страх.

Знания «ниоткуда»?

Как я понял, случай с Ольгой и ее счастливое спасение вместе с Владом не снизил накал страстей: познать еще непознанное в деле с Атлантидой.

И потому очередное заседание я начал с главного – как долго живет человек на нашей планете? И вот что из этого получилось:

– Последние двести лет человечество оказалось серьезно озабоченным находками, свидетельствующими о длительности жизни человека на Земле и обильным появлением фактов о спасенных знаниях.

Я пояснил: в конце XX века проявились веские подтверждения: оказывается, человек жил миллионы лет назад!

– И мы с этим согласны, иначе зачем мы на этом борту ищем мифическую цивилизацию?! С этим согласны и ты, Стоян, и ты, Ольга, и верно, наши капитаны, да и ты, Влад с Брисом…

– Ну и что? – встряла Ольга.

– Это означает, что повышается вероятность существования на Земле ранних, неизвестных нам цивилизаций… Не правда ли, друзья?

– Но мы же уже договорились: Атлантида – цивилизация, и это почти неоспоримый факт! – сказал Влад. – Это Ольга сомневается. А еще член нашего географического клуба!

– И что же нам теперь делать? – продолжил я накалять атмосферу доверия-недоверия к делу. – Или конец «бумажным поискам»?

Стоян задумчиво изрек:

– Как-то в одной из телепередач мой оппонент бросил такую фразу: «знания пришли к сегодняшнему человеку ниоткуда»… Но я ему возразил: «ниоткуда»? астрономия с космогонией? география с математикой? металлургия со строительством? медицина?…

– Верно, Стоян, – подвел я черту дискуссии.

Ко мне присоединился Брис:

– На мысль о неких высоких познаниях, уцелевших после катастрофы, наводят некоторые факты. И эти факты следует отнести к первым из известных цивилизаций…

И Брис, со свойственным ему энтузиазмом, воскликнул словами лектора по астрономии в фильме «Карнавальная ночь»: «Была ли Атлантида, не была Атлантида – науке это неизвестно…».

– Действительно, науке неизвестно, но не нам; мы в этом вопросе – «дети Шлимана», и верим! – эмоционально

отреагировала Ольга, и, парадируя мою манеру говорить, спросила. – Со-глас-ныыы?

В ответ был хор веселых и демонстративно громких голосов: «конечно», «да», «несомненно», «только так»…

И опять Ольга:

– А как же с системой? Опорой опор?

– Будет тебе и «система», по науке это – структурно-логическая схема… Так что слушайте и не говорите потом, что вы не слышали…

Меня поразила серьезность моих коллег – им было любопытно? Нет, интересно? Они ждали продолжения «игры» в Атлантиду и сведений, как опоры для поисков реалий Атлантиды.

– Итак, рассмотрим «триаду»:

во-первых, находки с фактами о длительности жизни человека на Земле;

во-вторых, факты о знаниях людей, что грядет катастрофа;

в-третьих, факты о якобы спасенных высоких знаниях.

Обсуждение началось, а триада вошла в эссе под названием «Находки подтверждают…». Эссе заняло свое место на «Доске истории».

Находки подтверждают… На факт существования неких цивилизаций в период, предшествующий катастрофе, указывают многочисленные сообщения о попытках спасти какие-то знания. Причем сведения о спасенных знаниях приходили из разных частей света:

• в Европе (Британия, Ирландия, Пиренеи, Северная Италия, Греция, западные славяне);

• на Ближнем Востоке (Вавилон, Шумеры, Иран);

• в Африке (Египет);

• в Азии (Китай, Индия, Япония);

• в Северной Америке (норманны);

• в Центральной Америке (Мексика, Гватемала);

• в Южной Америке (индейцы в Андах);

• в Океании (Новая Зеландия, остров Пасхи).

Ряд из этих сообщений дошли до нас в рукописном виде – глиняные таблички, папирусы, каменная запись, санскритские рукописи и устные предания. Упоминается, что знания поступали к людям до катастрофы с востока (в Америку) или с запада (в Азию).

Ознакомление с собранным материалом «по следам» древнейших цивилизаций напрашивалось быть сведенным в хронологический ряд – место «следа», характер сведений, источник и цитата из него. Откуда материал?

Можно предполагать, что какая-то часть знаний уцелела во время катастрофы и стала достоянием тех, кто спасся. Однако если отдельным представители некогда высокоцивилизованного народа во время катастрофы удалось спастись, они оказались бессильными перед лицом враждебных стихий и диких племен. Подобные явления историки и этнографы обозначают термином «вторичная дикость».

Такой культурный регресс можно наблюдать у разных народов. Племена, вернувшиеся на уровень первобытного состояния, известны в Юго-Восточной Азии. Народы Конго и Анголы некогда имели свою письменность, а затем утратили ее. В Тихом океане маори были великим народом-мореплавателем. Однако, осев в Новой Зеландии, они все больше забывали свое искусство, пока внуки и правнуки мореходов не забыли его совершенно.

Сообщения об утрате в результате катастрофы каких-то высоких познаний дошли до нашего времени в символической, традиционно зашифрованной форме, например, «дерева познания». Но вот что характерно: всякий раз с «деревом познания» связан символ катастрофы – змея. Иными словами, в целом символ представлен в сочетании: «дерево познания», змея (дракон) и вода.

По буддистской традиции в Индии, Китае и Японии считается, что змея символизирует наводнение, «большую воду», преграждающую путь к священному «дереву знаний», вкусившему плоды которого дают «сверхъестественное зрение, ему открывается все прошлое». Такие же символические предания бытуют у языческих славян («огненный змей на пути к камню мудрости») или, например, в древней Мексике («бог вод и наводнение на пути к священному кактусу знаний»).

Из сообщений древних авторов (Абу Балкхи, Манефон, Флавий, Геродот, Страбон…) явствует, что какую-то часть знаний удалось спасти. Среди общей дикости и варварства их хранителями стали, очевидно, замкнутые группы людей. На Оловянных островах (Британских) ими стали друиды, в Индии – брамины, в Египте – жрецы. Они, посвященные в тайны древних знаний, со временем, когда возникало государство, действительно составили «жреческое сословие», которое пользовалось своей монополией на знания и утверждало свое господство над остальными людьми.

Можно предполагать, что подобные группы хранителей прошлых знаний пытались ускорить медленный процесс эволюции человечества. Они сообщали людям практические сведения, которые те могли воспринять. Память об этом явлении

сохранилась у разных народов в виде воспоминаний о неких «просветителях», появлявшихся неведомо откуда и приносивших им знания.

Такие люди реально существовали и даже за их добрые деяния возводились в ранг богов. Истории известны факты подобного обожествления. Так, например, мореплаватель Кадм, привезший в Грецию письменность, был официально возведен в ранг полубога.

И такие сведения о пришельцах-просветителях-носителях знаний имеются повсеместно в Европе и Азии, в Африке и Америках.

Знания и надвигающаяся беда фигурируют в работах древних ученых; в них постоянно говорится, с одной стороны, о «надвигающейся катастрофе» и «надвигающейся гибели», состоянии «до потопа» и «после потопа», а с другой – о попытках спасти знания.

Арабский ученый Абу Балкхи (IX-X в.н. э.) писал, что накануне потопа мудрецы, предвидя катастрофу, *«построили в Нижнем Египте много пирамид из камня для того, чтобы спастись там во время надвигающейся гибели…».* Внутри, на стенах этих пирамид, были начертаны различные сведения об удивительных знаниях, которые хотели сохранить мудрецы.

Другой арабский историк, Масуди, основываясь на не дошедших до нашего времени источниках, писал: *«Сурид, один из царей, живших до потопа, выстроил две пирамиды и приказал жрецам спрятать в них записи их знаний и того, что они достигли в различных искусствах и науках, чтобы они уцелели. Он также записал положение звезд, их циклы…»*

Древнеегипетский историк Манефон сообщает о текстах, содержащих важные знания, которые по приближении катастрофы были записаны полулегендарной личностью, мудрецом Тотхом. Этот мудрец вошел в пантеон египетских богов как бог знаний и дал людям письменность. По словам историка, тексты эти, *«сделанные на священном языке и священными знаками, были переведены после потопа… и записаны иероглифами».*

Древний историк-ученый Иосиф Флавий писал о мудрецах, которые *«изобрели науку о небесных телах и их устройстве».* Они были заранее предупреждены о надвигающейся катастрофе, о гибели *«отчасти от силы огня, отчасти же вследствие огромного количества воды». «Для того, чтобы изобретения их не были забыты и не погибли раньше, чем с ними познакомятся люди, они воздвигли два столба – один кирпичный, другой каменный – и записали на них сообщение о своем изобретении…».* По словам Флавия, каменный столб существовал еще в его время, то есть в I

в.н. э.

Египетские жрецы говорили Соломону: *«О Соломон! Соломон! Вы, греки, как дети, вы не знаете ничего о древних временах. Тебе ничего не известно о седых знаниях прошлого».* И жрецы сообщили Соломону о том, что после катастрофы, уничтожившей население городов на побережьях морей и рек, уцелели только «самые примитивные и неграмотные», «пастухи и скотоводы», оказавшиеся в горах. Жрецы имели право так оценивать «низкую» степень знаний Соломона и других древнегреческих ученых. Так, в одном из святилищ жрецы показали Геродоту 341 статую верховных жрецов, последовательно сменявших друг друга. Это число жрецов говорит о том, что жречество должно было существовать здесь не менее 10 000 лет, то есть появилось сразу после катастрофы.

Вавилонский историк и жрец Бероз (III век д.н. э.) рассказывал о том, как люди пытались сохранить свои записи о достижениях накануне катастрофы. Он пишет, что царь Исисутрос был предупрежден о предстоящем потопе и повелел написать *«историю начала, течения и завершения всех вещей и зарыть эту историю в городе солнца Сиппаре».* После потопа царь и его спутники *«открыли книги в Сиппаре, написали много новых книг, построили храмы и снова основали Вавилон».*

Этот историк писал о некоем существе, наделяя его фантастическими чертами. Оно периодически являлось к людям и сообщало им много полезных знаний. Оаннес научил людей *«понимать письменность и обучил их различным искусствам. Он научил их строить города и сооружать храмы, составлять законы и объяснил им законы геометрических знаний».* Сообщает историк и о деталях из жизни Оаннеса: прибыл он откуда-то из-за моря, не мог есть местную пищу, говорил на языке, которого никто не понимал.

В одном из клинописных шумерских текстов упоминается, что некий царь писал о том, что он любит читать тексты, «написанные в эпоху до потопа».

О сведениях до и после потопа сообщает древнегреческий ученый Страбон – они сохранились на Пиренейском полуострове. Кельтские жрецы-друиды ссылались на некие «книги Ферилта», анналы, написанные якобы до катастрофы. Ирландский фольклор говорит о Томасе, который обрел дар ясновидения, «вкусив плод от древа знаний».

В Азии в индийских священных книгах «Агни-Пурана» и «Бхагавата-Пурана» говорится о книгах знаний «Ведах», которые удалось спасти во время катастрофы.

Когда речь идет о «древе знаний», индийские традиции часто

изображают бога Вишну под так называемым «космическим деревом», плоды которого символизируют собой высшее знание, знание прошлого и будущего. Именно под таким деревом произошло просветление Будды, когда ему внезапно открылись высший смысл бытия и высшая мудрость.

В Японии в роли такого дерева выступает апельсиновое, в Китае – дерево кассия, а на Ближнем востоке – сикамора, и в Европе, у друидов – дуб.

Наконец, Библия – этот признанный источник знаний, подтвержденных новейшими археологическими открытиями. Возможно, сведения из раннехристианского апокрифа «Книга Еноха» найдут свое обоснование. Так, там говорится о неких существах, принесшим людям знания. Называя их ангелами, книга сообщает: *«Азазел научил людей делать мечи и ножи, и щиты, и панцири и научил их видеть, что было позади их, Кокабел – знамениям, и Темпел научил наблюдению за звездами, и Асрадел научил движению Луны».*

Из древности пришли сведения о том факте, что даже сохраненные знания со временем пропадали среде народов, сохранивших их.

В Северной Америке в XIV-XV веках существовали поселения норманнов, выходцев из Северной Европы. Переселенцы умели выплавлять и обрабатывать металлы. Но когда их связи с родиной прервалась, они оказались ассимилированными окружающими их племенами, находящимися на более низкой ступени развития. Знания затухали, частично исчезли и потерялись безвозвратно. В этом районе Земли вновь воцарился каменный век.

Известно, что майя не знали колеса. Но… при раскопках были найдены странные игрушки-тележки на четырех колесах из обожженной глины. Значит, о колесе знания здесь были, затем потерялись?

Гватемальские предания в текстах «Пополь-Вух» сообщают, что имелись смутные воспоминания о познаниях, утраченных после катастрофы. В них говорится: первые люди *«преуспели в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренности земли. Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте. Они сразу видели весь мир, не делая даже попытки двигаться. Они видели его с того места, где находились. Велика была мудрость их…».*

Причины катастрофы выглядят в их описаниях мифическими. Предания сообщают, что боги возроптали: *«Разве они тоже должны быть божественными? Разве они должны быть равными нам?».* И тогда ревнивые боги отняли у людей их высокие

способности и знания. И вот – катастрофа…

В городе Тиахунаку, в Андах, некогда жил народ, хорошо знавший астрономию и изучавший движение небесных светил. Но к моменту открытия Америки город был пуст – население давным-давно покинуло его. Вокруг обитали племена, жившие в тростниковых хижинах. О науках они ничего не знали, да и пища их состояла в основном из корневищ водорослей.

Со мной случилось точно по пословице: «Назвался груздем – полезай в кузов». Увлекшись фактом, что человечество знало больше цивилизаций, чем нам известно, и что знания могли прийти из неизвестных нам цивилизаций, мои коллеги потребовали до прихода к острову Санторини закончить «теорию бумажного поиска», как они окрестили наши лекции.

Я вынужден был подчиниться, а они согласились увеличить число лекций в день до трех. Тем более, что материал был собран и нужно было только его перелопатить, превратив в эссе. И всего-то?!

Начал я разговор с парадокса, используя самые что ни на есть «ученые» термины:

– Друзья, больше всего поражает неадекватность времени древних цивилизаций уровню развития общества. Как не крути, но понимается, что знания они получали откуда-то, а так как эти знания не унаследовали, то получается, что они пришли из ниоткуда?!

Я говорил, что, не зная телескопа, например, майя знали точно сколько дней в году? И при этом календари майя – едва ли не точнее сегодняшних?!

– Библия, сама Библия вообще заявила, что начало в жизни человека – языковое! Аналогии культур невозможно объяснить совпадениями! И карты с реками доледникового периода! Отличились шумеры: они знали теорему Пифагора, не зная того, что он ее откроет через тысячу лет! И глиняные таблички шумеров «утерли нос» Декарту и Лейбницу!

Подумайте только, – взывал я. – В Китае был известен алюминий за тысячи лет до того! А что творили неизвестные древние цивилизации с постройками – это не фантастика, а необъяснимое с точки зрения сегодняшней строительной техники!

«Неблагодарная память потомков»

Готовое эссе на тему было помещено на «Доске истории» под названием «Что-то из ниоткуда». На верхней палубе только слышалось: «Ну и ну! Круто? Максим-то зря на ветер слов не бросает!..».

Это эссе приводится ниже.

«Что-то из ниоткуда»? Разве так бывает? Оказывается – бывает! Ниже приводится перечень некоторых высоких знаний, которыми обладали древние. И это далеко не все, что знали наши предки, столь несправедливо, как становится ясным, обвиненные во временной «недоразвитости»…

Астрономия и космогония. Майя не изобрели колеса и гончарного круга. Они не были знакомы с железом, но с удивительной точностью им были известны периоды обращения небесных тел. Они не знали телескопов и других приспособлений, но их вычисления были самыми точными: длительность лунного месяца они вычисляли– с точностью до 0,0004 дня, причем вплоть до последнего времени (то есть всего 34 секунды). А земной год – с точностью до 0,023 суток!

Высокие астрономические познания сохранились *у шумеров* – обращение Луны с точностью до 0,4 секунды, а длительность земного года – до 3 минут! Источники таких знаний неизвестны, как, например, и сведений *греческого астронома* Гиппарха (I век д.н. э.) о лунной орбите, рассчитанной с точностью до 0,01 градуса.

И опять появляются 10 000 лет! *Греческий ученый* Диоген Лаэртский сообщал, что у египтян имелись записи о 373 солнечных и 832 лунных затмений. Но сохранены якобы более древние наблюдения – за 15 000 и 25920 лет. Последнюю цифру можно видеть в ряде шумерских текстов.

Источники сведений лежат где-то вне рамок известных цивилизаций. В 1600 году на костре инквизиции был сожжен Джордано Бруно за то, что высказывал мысль о бесконечности Вселенной и множественности обитаемых миров, подобных нашей Земле.

Но как бесспорную истину эту идею излагали тексты в пирамидах и священные книги *в древней Индии и Тибете.* Один из тибетских текстов гласит: *«Во вселенной так много миров, что даже сам Будда не может сосчитать их».* И буддистские традиции гласят: *«Каждый из этих миров окружен оболочкой голубого воздуха или эфира».*

Другие упоминаемые факты говорят о том, что очень древние

сведения сообщают о шарообразной форме Земли.

Инквизиция преследовала за это мнение ученого Галилея до самой его смерти. Да и Колумбу она грозила костром… А в древних текстах эта истина записана *в священных текстах Индии, Египта, Америки* и в ранних христианских хрониках. Об этом говорил Платон, *культурное наследие ацтеков*, а Коперник в своем письме Папе Римскому о движении Земли вокруг Солнца ссылался на сведения, почерпнутые им у древних авторов.

Только недавно наука пришла к выводу о вечности материи. Но еще до начала нашей эры *греческий ученый* Диодор Сицилийский говорил: *«халдейцы утверждают, что материя мира вечна, и что она как нигде не возникала, так нигде не подвергается уничтожению».*

Или о происхождении жизни на Земле: мир произошел из воды (языческие славяне, индийские записи, китайские рукописи, египетские тексты твердят о «первом океане», и Библия…). Это же отмечали индейцы обеих Америк в священной книге «Пополь-Вух»: *«Не было ни человека, ни животного, ни птицы, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, травы, не было лесов; существовало только небо. Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес».*

Так думали о первичном состоянии планеты шумеры и ассирийцы, майя и перуанские индейцы, полинезийцы и хетты.

Напрашивается решительный вывод: крайне маловероятно, чтобы такая единая космологическая концепция могла возникнуть в разных концах Земли сама по себе. Более вероятно предполагать, как и в отношении других знаний, существование единого источника этих представлений.

В подтверждение вышесказанного весьма *странным выглядит совпадение, связанное с календарем.*

В древние времена на Ближнем Востоке, в Египте и Индии год подразделялся на 12 месяцев, но так же было и по другую сторону Атлантики и в Южной Америке. Совпадение? А обычаи у разных народов в связи с общей длительностью года – 360 дней плюс 5 так называемых «несчастных» или «безымянных»?

В эти дни разрешалось не соблюдать законы (не отдавать долги, обманывать и т. п.). Но… «пятидневка» существовала и у майя, и в Египте, и в Вавилоне и далее на восток – в Индии. И еще: и в Европе, и в Перу новый год начинался в одно и то же время – в сентябре. Совпадения?

Священные предания и мифы по обе стороны Атлантики утверждали, что время *существования человечества делится на четыре эпохи, и сейчас мир вступил в последнюю, четвертую,*

эпоху.

Библия трактует еще одно единое начало в жизни человечества – языковое: *«На всей земле был один язык и одно наречие…».* За гордость людей Господь смешал *«язык всей Земли и рассеял их по всей Земле».* Библия говорит, что случилось это в Вавилоне. На территории древнего Вавилона находятся развалины башни с названием «Бабель» (по-иудейски Ба Бел – врата Бога). Но и в Америке предания говорят о башне под таким же названием: «Врата Бога»!

Общность сообщений проистекает из Америки, Ближнего Востока, из индийских и буддийских текстов, египетских… И, как теперь мы видим, касается и языка. И тогда…

Общность в череде находок сведений о длительности существования человека и древних знаниях хорошо вписывается в поразительные аналогии, которые невозможно объяснить простым совпадением…

Немецкий ученый А. Гумбольт писал о поразительных аналогиях, не объяснимых совпадениями: *«Мне представляется ясным, что памятники, методы подсчета времени, системы космогонии и многие мифы Америки, представляющие собой поразительные аналогии с идеями, имеющимися в Восточной Азии, указывают на древние связи, а не являются простым результатом общих условий, в которых находятся все нации на заре цивилизации».*

Эта связь – из Юго-Восточной Азии через Тихий океан к американскому побережью, с берегов Европы – к Юкатану, из Индии – к Северной и Южной Америке. Не в этом ли заключается путь продвижения удивительных аналогий?!

В семидесятые годы исследователи констатируют: *«Археология и этнография последнего полувека выяснили, что древние цивилизации Старого Света – Египет, Месопотамия, Крит и Греция, Индия и Китай – берут начало в единой основе, и что это единство происхождения объясняет единство форм их мифологий и религиозных структур».*

География. Высокая точность некоторых мореходных карт средневековья объясняется тем, что это копии древнего, *не дошедшего до нашего времени оригинала.* Причем авторы копий утверждали, что они начертили их с древних карт из египетской Александрийской библиотеки или с карт времен Александра Македонского (турецкая карта Хаджи Ахмеда, 1559 года, на два века опережала открытие Колумбом Америки). Еще древнее: сведения об Америке имеются в табличных текстах, относящихся к 1,5 тысячелетию до н. э.

Поражает своей точностью древнейшая карта Антарктиды.

Еще в 1532 году Оронтия Финаус указал на своей карте береговую линию этого континента, частично открытую лишь в XIX веке. На его карте показаны фьорды и реки, причем не открытые до сих пор. Значит, на месте нынешних ледников были реки? Так было здесь 4 000 лет до н. э., а затем ледниковый панцирь накрыл Антарктический континент полностью…

Знания древнейших людей вызывают еще больше уважения, когда сегодняшний мир знакомится *с картой Птоломея, правителя Египта.* На его карте Северной Европы обозначены белые пятна с контурами распространения ледника не позднее 8 000 лет до н. э.

Археология и этнография выясняют, что древние цивилизации Старого Света – Египет и Месопотамия, Крит и Греция, Индия и Китай – берут начало в единой основе, а потому возникает единство форм их мифологической и ритуальной структуры.

Математика. Самое главное и поразительное в этих познаниях – это тот факт, что они не являются результатом практической деятельности древних людей, о чем говорят дошедшие до настоящего времени сведения.

Например, понятие «миллион» – это изобретение XIX века, а *египтяне его знали тысячи лет назад.* Число «пи» было «подарено» математикам мира, казалось бы, лишь в XVII веке голландским математиком Лудольфом, но древние египетские папирусы с этим «пи» (соотношение длины окружности к ее диаметру) можно видеть в Музее изобразительных искусств в Москве. Но еще ранее египтян *это число знали в Шумере,* как и теорему, которую тысячу лет спустя открыл Пифагор.

Ученые, жрецы и хранители знаний древнего Шумера решали сложные задачи (алгебраические, с квадратными уравнениями, процентами…). И делалось это все среди общей дикости и варварства их эпохи.

Глиняные таблички Шумера повествуют о математическом ряде в пятнадцать знаков, что *не было известно во времена Декарта и Лейбница.*

Металлургия. В Европе не было «медного века» – сразу «бронзовый» (сплав меди с одной десятой примеси олова). Где-то вдали от европейских народов был создан этот удивительной прочности сплав. А тут – в Европе, Америке, на территории сегодняшней Мексики появились *высокого уровня изделия с развитой формой технических приемов.*

Поразительное сходство по всей Европе изделий из бронзы – предметов и оружия, как бы из одной мастерской!

2000–2500 лет потребовалось Европе, чтобы перейти от

«бронзового века» к «железному», но… в Юго-Восточной Азии *выплавка железа появилась внезапно, словно занесенная извне.*

Египетские и месопотамские цивилизации были пионерами применения бронзы, но олово привозили с Кавказа и Пиренеев, с Оловянных островов (Британских).

На Перуанском нагорье обнаружены украшения и амулеты из… платины, для выплавки которой нужны современные технологии, позволяющие добиться температуры в 1730 градусов.

Электричество пришло к современному человеку в 1786 году, но… археологи нашли на берегах Тигра в развалинах античного города Селевкия сосуды с «начинкой» гальванического элемента. И когда его восстановили, он дал электрический ток! Значит, *гальваника у древних шумеров была реальной технологией* при изготовлении изделий, покрытых золотом?

В Китае в гробнице полководца Чжоу-Чжу (265–316 гг. н. э.) орнаменты имели следующий состав сплава: 10 % меди, 5 % магния и 85 %… алюминия? В то время как первый алюминий в современной цивилизации был получен в 1808 году с применением электролиза!

Итак, бронза, платина, гальваника, электролиз! Почему бы ученым и специалистам Атлантиды не владеть этим искусством? Тем более, что Платон описывал строительные конструкции, бытовые изделия и оружие высококачественного изготовления!

Медицина. Оспа: в Европе – с конца XVIII-начала XIX веков. Но *древняя санскритская книга* «Сактайа Грантхам» описывает детальную методику прививки оспы. Тысячелетия назад грудное молоко у бабушек, пожилых и старых женщин возникало, если им приносили чужое дитя (у эскимосов, ирокезов, маори…). И помогали им в этом шаманы, готовившие особое снадобье. Древние алхимики умели изготовлять «напиток забвения» с целью лишения людей памяти…

Строительство. Неповторимы сложные сооружения древних строителей, требующие глубоких инженерных знаний.

Город в Андах Тиахуанаку построен из каменных блоков (200 тонн), которые доставляли из каменоломни на расстоянии в 5 километров. Причем люди в то время и в тех местах не знали колеса!

В развалинах города Баальбек (Сирия) имеются постройки с блоками весом в 1200 тонн. В Индии «Черная пагода» возведена с крышей из плиты в 2000 тонн, которая поднята на высоту в 75 метров *(современные краны имеют мощность в несколько раз меньше).*

Одно из семи чудес чвета – Александрийский маяк на острове Фарос в дельте Нила (III век до н. э.): 150 метров высоты,

беломраморный. Огонь его отражающего зеркала был виден в море за десятки километров. Завоевавшие Египет в VII веке н. э. арабы говорили о сферическом зеркале, собиравшем в пучок солнечные лучи и сжигавшем корабли в море.

Маяк был с 60-тиэтажный дом и существовал в развалинах до XIV века. Небоскребы строят всего сто лет? и в «скелете» используется стальной каркас. А маяк был он построен *только из камня.*

На следующем заседании я поднял вопрос о сокрытых от людей знаниях и о их родине. Поговорить было о чем – сегодня используются такие версии:

во-первых, часть уцелевших древних познаний человечеству удалось заполучить, причем после катастрофы во времена Атлантиды (астрономические, географические, математические, строительные…);

во-вторых, часть познаний была утрачена безвозвратно, и только сведения о них, часто в иносказательной форме, дошли до нас; погибли эти знания вместе с книгами, текстами, рукописями – то ли потерянными, то ли сознательно уничтоженными;

в-третьих, часть познаний была скрыта от чужих глаз хранителями знаний; потому что человек, обладая этими знаниями, мог стать опасным для окружения; их скрывали в первую очередь от чаще всего жестоких правителей и военачальников.

В этой связи мое короткое вступление и обращение к коллегам было таким:

– Примеры известных расправ со знаниями даются в эссе под заголовком «Знания – потаенные». Его содержание можно найти на «Доске истории»…

Потаенные знания. Тысячу лет назад китайский алхимик писал: *«Было бы величайшим грехом открыть воинам тайну твоего искусства! Остерегайся! Пусть даже муравей не проберется туда, где ты работаешь».*

Знаменитый Ньютон верил в касты людей-носителей тайных знаний. Он писал: *«Существуют другие великие тайны, помимо преобразования металлов… Их нельзя постичь без того, чтобы мир не оказался в огромной опасности».*

Аристотель приобщил Александра Македонского к устным и скрытым тайнам. Ученик разгласил их, за что учитель его упрекал.

Один из египетских магических папирусов, начинается и кончается призывом: «Замкни уста! Огради свои уста!» (свиток «Ригведа»). При Рамзесе III два придворных библиотекаря были обвинены в недостаточной охране сведений из магического

папируса.

Книги Гермеса (Тотхе) касались вопросов философии, магии и были тайными. Из своих 42 священных книг накануне катастрофы он с целью спасения их начертал тексты, которые содержали знания. После катастрофы перевел их с тайного языка (отсюда понятие «герметичность» – это «тайное», «закрытое», причем в понимании «наглухо»).

Иудейская «Каббала» сообщает о том, что книга высших знаний была спрятана в глубокой пещере, чтобы изложенные в ней познания не попали в руки недостойных. Более того, в иудаизме существует традиция излагать скрытые знания «Каббалы» только устно. Из этих же соображений жрецы-друиды с Оловянных островов не делали никаких записей.

И потому родился тройной путь сокрытия существующих знаний, эдакое тройное «не»: не доверять знания непосвященным, не хранить их письменно (передавать из уст в уста), не записывать их простым и доступным каждому письмом *(«шифровать» с помощью символов, условных фраз, обозначений, недомолвок…)*. И случилось так, что 100 000 рукописей алхимиков сохранились, чтобы знания их не исчезли. И среди них – масса в виде условных обозначений.

Ученый-алхимик Блас Вижинор (XVI) стал изобретателем кодов и системы шифровки. Причем методы его используются по сей день. Он говорил, что его работы написаны *«условными знаками и производили впечатление хорошо составленных криптограмм».*

В древнем Шумере преобладала десятеричная и шестидесятеричная система исчисления. Для последней исходным счислением был «сосс», равный 60. И потому все числа, упоминаемые в глиняных табличках, или умножались, или делились на 60. За цифрами стояли «воины», «двери», «стороны», «циклы»… И истинное значение цифр открывалось тому, кто знал ключ (сосс).

Разрушительные знания стремились сохранять в тайне от опасных правителей и воинов почти повсеместно. Еще 2000 лет назад один из индийских императоров Ашока создал общество Девяти Неизвестных с целью скрыть сведения о важных средствах уничтожения. Позднее, в новое время, правители запрещали и ограничивали применение даже луков, стрел, дротиков, арбалетов…

Изобретение пороха в Германии монахом Бертольдом Шварцем (1330) привело к тому, что с XIV века стук мечей заменил гром пушек. Но удивительно было то, что задолго до «европейского» пороха он внезапно появлялся в разных частях

света и… исчезал на века.

1257 год: арабы применили порох против испанцев, еще ранее – против христианских стран (690). В VIII веке порох был известен египтянам, а еще до того рецепт пороха попал из Индии в Китай (80-е годы н. э.).

Значит, кто-то «тормозил» распространение пороха по миру? Скрывал это гибельное оружие и запрещал его? Значит, сведения о нем хранились в тайне?

Лейгестерский манускрипт содержит признание Леонардо да Винчи о своем открытии и его уничтожении: *«Как и почему я не пишу о своем способе оставаться под водой столько времени, сколько можно оставаться без пищи. Этого не обнародую я и не оглашаю из-за злых людей, которые этот способ использовали бы для убийства на дне моря, проламывая дно кораблей и топя их вместе с находившимися в них людьми»* (видимо, речь идет о водолазах и подводной лодке?!).

Ученый, изобретатель, автор фундаментальных исследований в области энергетики Земли Никола Тесла (1857–1943) – гений электричества, как называли его при жизни, писал в своем дневнике: *«Уже сегодня могут быть построены беспроволочные энергетические установки, под действием которых любая область земного шара может быть превращена в непригодную для проживания…»* (1908). Но он уничтожил записи, раскрывающие суть открытия. Почему? Он понял, что будущий мир рано или поздно использует это его открытие для убийства.

Об ответственности ученых с их открытиями перед миром задумывался русский и советский ученый Владимир Иванович Вернадский, естествоиспытатель, философ, историк науки, социолог и многолетний президент АН СССР. И здесь особое звучание приобретает гениальная догадка нашего ученого о принципиальной возможности существования в природе таких сил, которые многократно превышают по своей мощности все известные до сих пор человечеству.

Ученому было 24 года, когда он высказал эту мысль в 1887 году. Речь шла о будущем открытии атомной энергии, которая может расширить «возможности новых приложений» сил, но может реально выступить перед людьми в «отталкивающем, пугающем обличье» – как сила страшная.

И Никола Тесла, и Владимир Вернадский были людьми своего времени – вторая половина XIX и первая XX века. И были они учеными «впередсмотрящими»…

Продолжения лекций потребовали и Влад и Ольга:

– Максим, все это весьма убедительно, но, – спросила Ольга, – можно ли об исходной точке всех знаний говорить

серьезно?

А ей вторил Влад:

– И что можно сказать о многих цивилизациях? Были ли они, и где их следы, хотя бы предположительные?

И в тот же день я начал рассказывать кое-что о родине знаний как результате существования цивилизаций более высокого порядка, чем наша.

– Если род человеческий столь долог, то могли существовать цивилизации, познания которых были выше наших… Не правда ли?! – заметил я.

– Если мы знаем, что цивилизации исчезли бесследно, но что-то от них осталось, – вторил мне Влад. – Не все же было забыто?

И Влад привел простенький пример со знанием от времен тысячелетних до наших дней. А я думал: мои спутники по несчастью обретают счастливую возможность приобщиться к прошлому, которое будет будить в них интерес всю оставшуюся жизнь. Итак, мини-рассказ Влада.

– Как-то я читал, листая бумаги, полученные от Максима, и наткнулся на следующее. Оказывается при изготовлении высококачественного стекла и во времена ассирийцев, и в средние века, и во времена Ломоносова, и в недавнее вчера мастера добавляли один и тот же металл. Сегодня результат и мы, и весь мир видит ежедневно – это рубиновые звезды на нашем Кремле…

– А что за металл добавляли все времена? – вопрошала нетерпеливая Ольга. – И причем здесь забытые знания?

Влад выдержал паузу точно по Станиславскому и молвил:

– В том то и дело, что секрет этого чудесного стекла заключался в примеси золота. Зо-ло-та! И секрет теряли несколько раз, и Ломоносов заново его «открыл»…

– Вот мы и приехали! – воскликнул я. – Там – золото, а здесь – Атлантида… Мы верим без следов в доказательства и потому… ищем их?

Со всех сторон посыпалось: «косвенные доказательства», «логика понятий», «кульбит непознанного в познанное»…

– Итак, – охладил я энтузиазм милых моему сердцу коллег, – косвенные доказательства? Да, косвенные доказательства! И пока – только косвенные доказательства…

– Доказательства, что знания двигались по миру? – спросила Рида, оглянувшись на Гора. – Как в случае с золотом?

– Если проследить движение нашего «Аквариуса», то от него остались вещественные следы… И если не исчезнет, например, Равенна, то на бензозаправке останется след от нашей денежно-расчетной карточки… Аналогия? Да, с Атлантидой – только более

сложная…

Он был прав, Гор. Но озадачил нас тем, что чаще всего он помалкивал. И вот – этот его общий вывод из беседы на этом заседании.

– Когда идет разговор о появлении готовых знаний, то древние источники говорили о приходе их, – констатировал я, – по следующим направлениям.

Для Средиземного моря и Ближнего Востока – с Запада?

Для Американского континента – с Востока?

Вывод: не означает ли это – со стороны «нашей» Атлантиды?

И далее, в качестве вопроса: где нужно искать нам Атлантиду? В Тихом океане? Индийском? Или в Атлантике? А может быть, в Средиземном море?

Сразу после заседания эссе уже висело на «Доске истории». Вот оно.

Движение знаний. Необъяснимость появления большинства знаний заставляет предположить, что это остатки познаний, накопленных людьми еще до катастрофы, которую египетские источники традиционно называют «уничтожением человечества».

Косвенные данные (назовем их «косвенные свидетельства») достаточно доказательно дают право полагать, что существовали цивилизации более высокого порядка, познания которых были уничтожены, утеряны или забыты.

Искать следы цивилизаций весьма сложно, ибо за тысячелетия многие участки суши погрузились на дно океанов и морей; исчезнувшие территории с обширными пространствами существовали еще на памяти человечества, например, в Атлантике.

И снова – Платон, который писал о какой-то суше в Атлантическом океане. По его словам, этот огромный остров *«осел от землетрясения и оставил после себя непролазный ил, препятствующий пловцам проникать отсюда во внешнее море, так что идти дальше они не могут».* При этом Платон ссылался на Соломона, узнавшего об этом в Египте.

Греческий философ Крантор (310 год до н. э.), принадлежавший к академии первых платонистов, во время посещения Египта видел колонну, на которой была записана история огромного острова, затонувшего в Атлантическом океане.

Ряд современных исследователей связывает погружение суши в Атлантике с катастрофами, считая, что этот процесс исчезновения ее продолжается. Древние историки и географы говорят не об одном острове, а об обширных островах Кронос, Посейдонос и других к западу от Геркулесовых столбов, которые постепенно также опустились в океан.

О землях, погрузившихся на морское дно, говорится у народов островов вблизи Новой Зеландии, в полинезийских мифах упоминается «Великая Земля» и о том же сообщают предания жителей острова Пасхи.

Исчезнувшие земли и острова, по сведениям древних источников, находились в Индийском океане, у берегов Африки, в Полинезии… Так, индийские историки повествуют о легендарном материке Лемурия в Индийском океане: *«Тамилахам, или родина тамилов, в отдаленном прошлом находился в южном районе большого острова Навалам, который был одной из первых земель, появившихся возле экватора. Туда же входила и Лемурия, этот погибший континент, бывший колыбелью человеческой цивилизации».*

Древние рукописные и устные источники сообщали о приходе знаний для трех цивилизаций того времени: Средиземноморья, Ближнего Востока и Америки, то есть с Востока и Запада. В качестве гипотезы, не означает ли это – со стороны предполагаемой Атлантиды?

…На Европейском континенте происходили важнейшие события истории: здесь формировались культуры, которые легли в основу всей современной цивилизации. Но известно и другое: европейская культура существует считанные тысячелетия, и возникла она из культур в нескольких регионах мира. Взять хотя бы три из них: Полинезия, Индия, Китай… И по сей день считается, что им принадлежат пока неизвестные миру знания.

В замкнутом мире Европы шли тысячелетия, столетия, менялись эпохи и гибли государства. И вот 12 октября 1492 года Колумб открыл новый материк – Америку. Но…

Дадим слово известному путешественнику Туру Хейердалу:

«…Мы, европейцы, как-то уже очень легко забываем, что на берегу его встретили тысячи людей. Что на континенте гостей ждали высокоразвитые государства… Его встретили высокообразованные люди.

Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсерватории…

Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба… Просвещенные и непросвещенные граждане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, рыночными площадями, спортивными площадками, школами, дворцами…

А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские

„открыватели“, потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за мечи…».

Тур Хейердал… Это экспедиция на базальтовом плоту «Кон-Тики» из Южной Америки до Полинезии (1947)! Это экспедиция на «Ра» с идеей, что папирусные лодки Средиземноморья с его Египтом могли достигать Америк. Это лавина вопросов.

Что было в Америке или Океании до европейской эпохи Великих Географических Открытий?

Развивались ли там цивилизации сами по себе, или были между ними какие-то контакты через океан?

Из Америки или Азии пришли через острова Полинезии люди?

И на чем пришли?

Почему в Полинезии и Древнем Египте солнце называлось «Ра»? Почему в Перу, долине Нила, на тихоокеанском острове Пасха сооружались пирамиды, одинаково ориентированные по солнцу?

Факт стойкой памяти о существовании и гибели Атлантиды у десятков народов в разных концах Земли говорит о том, что эта цивилизация имела большое значение в их жизни, возможно, судьбоносное. Не это ли «случайное совпадение» означает наличие у народов некой общности: в государственном устройстве, ведении хозяйства, культуре и внешних связях?

И если взять за точку отсчета гибель Атлантиды и память о ней по всему миру, то, возможно, именно там, в Атлантиде, находились реальные «общие корни» (почему бы и нет?! об этом должны поведать косвенные доказательства – их-то мы ищем…)?!

…Утром последнего, шестого, дня похода к острову Санторини капитан Гор объявил, что до города Тира восемь часов хода. Сразу после него слово взял Брис. И сразу начал с мелкой провокации.

– Тут некоторые альтруисты доморощенного разлива хотят выглядеть пушистыми с невинной окраской… в отношении нас с вами. Они, пушистые, все знают, давят на нас своими НЯПами, а мы терпим….

Все оцепенели, кроме меня. И хотя эта тирада – выстрел в мой адрес, я Бриса понял: он валяет Ваньку. С помощью постановки парадоксального вопроса он тянет одеяло на себя, а проще – уже начал свою часть лекций о знаниях.

– Тут Максим говорил огибели знаний – хорошо…

– Что же хорошего, – возразил Влад. – Знания-то погибли…

– Нехорошо, что ты перебиваешь меня, – усмехнулся Брис. – Но хорошо, что правильно понимаешь: гибель знаний – это нехорошо!

И Брис с пафосом продолжил:

– Так вот, почему-то уважаемый Максим пожалел испанского монаха, жрецов инков, римлян, мусульманских завоевателей… А ведь все они жгли книги, рукописи…

– Я больше не бу-дууу! – встрял я. – А ты-то сам, что можешь добавить?

Раскусив, что эти два старых чудака морочат им голову, остальная пятерка громко призвала нас к порядку. А Бриса постановила наказать:

– Немедленно привести примеры гибели знаний и кое-что рассказать об этих событиях – зачем знания отрицались и отправлялись на костер?

Так случилось, что в последний день перед Санторини мы еще кое в чем разобрались. Речь Бриса на последнем заседании клуба была самой краткой из всех – он послал нас к своим эссе. Его углубленное освещение вопроса появилось на «Доске истории» в виде трех эссе: «Хроника потери знаний», «Зыбкая память» и «„Антинаучные“ идеи в науке».

Итак, брисовские эссе.

Хроника гибели знаний. 1549 год. Территория Мексики. В храме майя обнаружена огромная библиотека. Древние рукописи были сожжены. Сделавший это испанский монах писал: «Книги эти не содержали ничего, кроме суеверий и вымыслов дьявола. Мы сожгли их все». До наших дней из всех библиотек майя дошли только три рукописи…

XVI век. Империя инков. По наветам жрецов правитель запретил письменность? и все письменные памятники были уничтожены, а пользоваться письмом запрещено. Лишь только в Храме Солнца сохранилось несколько полотен с описанием истории инков. Вход в Храм разрешался только посвященным – правителям и жрецам. И все же много лет спустя один из жрецов рискнул «изобрести» алфавит, за что был сожжен заживо. В 1572 году четыре рукописных полотна из Храма были отправлены в Мадрид, но корабль затонул…

Пришли в страну инков, ацтеков, майя белые люди и… В XVI веке в течение нескольких лет под ударами осененного крестом меча погибла самобытная цивилизация, создаваемая веками, – огромное государство с многочисленным населением и четко организованной системой управления. Европейцы столкнулись с новой загадочной культурой. Но, как писал современник испанских конкистадоров великий гуманист Бартоламе де Лас Касас, «Они шли с крестом в руке и ненасытной жаждой золота в сердце…».

В поисках желтого металла испанцы разрушили древние

города местных народов. И изделия талантливых древнеиндейских мастеров были переплавлены и превращены в удобные для транспортировки слитки. За 150 лет из Америки вывезли 180 тонн золота и 17 000 тонн серебра.

И только невиданные по красоте изделия были отправлены в подарок королю и им уничтожены. Один из величайших художников Возрождения Альбрехт Дюрер, увидев в руках короля изделия из Америки, писал: «Со дня появления на свет не видел я ничего подобного, и ничто не волновало мое сердце так, как эти поразительные вещи».

Единицы из этих вещей дошли до нас! Известно, что только три письменных свидетельства из библиотек инков дошло до наших дней. Остальные были преданы церковью огню. И не в исчезнувших ли письменах говорилось о связи культур этих народов с людьми из Атлантиды?

II век до н. э. Библиотеки Карфагена начитывали не менее 500 000 томов. Из них сохранился лишь один, который и был переведено на латинский язык. В борьбе с историей и культурой завоеванного народа римляне библиотеки уничтожили.

V век до н. э. Мусульманские завоеватели изымали чуждые им древние книги и рукописи и уничтожали их. Так оказались сожженными все сочинения греческого философа Протагора.

III век до н. э. Пылали костры из рукописей в Китае, где сжигали сочинения Конфуция. Причем сжигались и почитатели философа.

272 год до н. э. Сирийский царь Антиох Епифан сжег все книги евреев.

I век н. э. Римский император Август приказал сжечь все книги по астрономии и астрологии.

Историческая справка. В силу разных причин из древнегреческого культурного наследия, созданного в V веке до н. э. – I веке н. э., сохранилось только семь трудов Софокла (из 100) и девятнадцать – Еврипида (из 100). Из всех сочинений Аристотеля – только одно, остальное – это записи его современников и учеников. Не в лучшем положении оказались сочинения древних авторов: только пять книг из сорока – Полибия, четыре из тридцати – Тацита, утеряны все двадцать книг Плиния старшего.

Тит Ливий (58 год до н. э. – 17 год н. э.) оставил после себя обширный труд «История Рима» (142 тома) – до наших дней дошло только 35.

Библиотека города Пергама (Малая Азия) имела 200 000 томов сочинений и рукописей. Римский император Антоний вывез ее в Рим и подарил Клеопатре. От библиотеки не осталось

ни следа.

Бесценные сокровища библиотек при Храме Пта в Мемфисе (Египет) и вдали от них в Иерусалимском храме исчезли безвозвратно. Только две библиотеки династии царей Птоломеев хранили 40 000 и 500 000 свитков – они утеряны.

47 год до н. э. Юлий Цезарь и другие римские императоры шаг за шагом уничтожали библиотеки в Александрийской гавани Египта. Мусульманские завоеватели – арабы завершили разгром этих библиотек.

Зачем это делалось? Почему знания (свои и чужие) уничтожались? Сильные мира того опасались, что познания философов и ученых попадут в руки их недоброжелателей, которые с помощью знаний ослабят их власть…

И все же без всякого заседания, а за чаепитием мы получили от Бриса его концентрированное видение проблемы во втором эссе «Зыбкая память».

Я, например, воспринял это эссе как горький упрек в адрес тех, кто чуть ли не по сей день третирует людей, идущих тропою Шлимана. И ни я, ни остальные не ошиблись – Брис был красноречив, хотя и краток:

– Две тысячи лет потомки с зыбкой памятью топтали знания, а сегодня удивляются сами себе, что не верили им! Посыпая голову пеплом и каясь, они пользуются плодами тех, кто, как и Платон, как и Шлиман, как и Никола Тесла, оставили не только сведения о явлениях, но и технологию возможного осуществления их…

А мы на «Доске истории» тихо умилялись, как Брис провел нас, посвятив упрекам всего… одну страницу своего эссе.

«Зыбкая память». Для чего было сломано столько копий в разговоре о мире до и после катастрофы, в результате которой бесследно сгинула Атлантида, оставив о себе только зыбкую память?

Когда речь заходит об Атлантиде, то часто невозможное абсолютизируется, заменяя им непознанное. И в качестве такого эталона выступало религиозное мировоззрение. А до того, в древние времена, кроме религии, доминировала ограниченность знаний в разные периоды жизни человека в так называемом цивилизованном мире. Но ведь давно, да и позднее, остались наблюдения, не поддающиеся оценкам с позиции научной мысли своего времени.

За последние лет двести ученые, специалисты и энтузиасты не раз доказывали: истину можно найти… за столом и, следуя ее логике, выйти на открытие мирового значения. Пример тому – открытие легендарной Трои Генри Шлиманом или неспособность

(правда, пока!) современной ученой мысли в течение ста лет разгадать Тунгусский феномен.

Чтобы возбудить интерес к проблеме Атлантиды, пока не обнаруженной, пришлось говорить о разумном человеке на Земле, о спасенных знаниях и неожиданном появлении их среди людей. И еще о том, как уничтожались рукописи вплоть до настоящего времени или были скрыты, но все же дошли до нас в зашифрованном виде.

До прихода в арсенал современной войны атомного оружия следы его присутствия уходят в глубь тысячелетий. Еще вчера, в восьмидесятые годы, мир помешался на попытках вступить в контакт с внеземными цивилизациями. Что подтолкнуло серьезных ученых к этой еретической мысли? Вернее всего, сведения из древних времен о том, что человек умел летать… И, может быть, сведения о древних НЛО, которые летают в нашем небе по сей день…Летают непойманными, а значит – недоказанными, и без права ими быть!

К спорности вопроса об отрицании факта существования Атлантиды и косвенных доказательств ее бытия, описанных у древнегреческого философа-историка Платона, следует обозреть хронику «научного» отрицания того, что стало нормой сегодняшней жизни.

Мы такого коварства Брису не простили. И в конце концов вывели его на дискуссию по его последнему эссе в адрес «антинаучных» идей. Обвиняя человечество в неблагодарности, он клеймил позором ученых чуть ли не всего мира, обвиняя их в… недальновидности. Самое любопытное заключалось в том, что он был искренен – люто ненавидел силу некомпетентности, которую невозможно, как он говорил, «ни согнуть, ни перепрыгнуть».

Брис рычал, как лев, возмущаясь, что в науке издревле вешался ярлык антинаучных знаний, за которые людей даже сжигали.

– Я перечислил в эссе только несколько отвергнутых таких идей. Ну с Платоном – все ясно. А Троя? Самолет? Вертолет? Радио? Атомная бомба? «Гулящая девка империализма» – кибернетика? Пароход? Гипноз? И наконец, бесконечность Вселенной?! Смотрите эссе внимательно и, если нужно, зовите меня для разговора…

К этому моменту мы смотрели все наши эссе по нескольку раз. А набралось их более десятка.

Итак, кажется, последнее эссе.

«Антинаучные» идеи в науке (хроника отвергнутых «антинаучных» идей или список сомнительных сведений, анафем и

запретов от имени науки).

V век до н. э. – н. вр. Не поверили и не верят до сих пор философу Платону, описавшему цивилизацию Атлантиду.

V век до н. э. Не верили «отцу истории» Геродоту касательно появления в районе Геркулесовых столпов (Гибралтарский пролив) скоростной лодки без парусов.

Метеориты – «камни, падающие с неба». Французская академия наук объявила все подобные сообщения вымыслом, а великий ученый Лавуазье заклеймил их как антинаучные (этот термин – его «изобретение»).

Самолет. Известный астроном С. Ньюк математически доказал невозможность создания летательных аппаратов тяжелее воздуха.

XIX век. Троя. Несколько десятилетий изучения древних преданий привели ученого-самоучку Шлимана к превращению легенды в реальность.

XX век. Вертолет. Авиационные эксперты ряда стран категорически отрицали вероятность его создания.

Радио. «Это невозможно», – утверждал известный ученый Г.Герц, – «Потребуются отражатели размером с континент».

XX век. Атомная бомба. Высшие военные эксперты США утверждали, что это принципиально невозможно.

XX век. Кибернетика. Ученые ведущих стран мира отрицали ее за «искусственность», а значит – невозможность практического применения.

X1IX-XX века. Атомные электростанции. Крупнейший ученый-физик Нильс Бор считал, что практическое использование атомной энергии маловероятно.

Химический состав небесных тел. Французский философ О. Кант категорически утверждал, что человек никогда не сможет это выяснить.

XX век. Плазма. Доказано, что 99 % всей Вселенной состоит из плазмы. В течение 30 лет после ее открытия ученый мир упорно отказывал ей в праве на существование.

Гипноз. Обоснование его существования Месмером было категорически отвергнуто светилами тогдашней науки.

«Ископаемый человек». Французская Академия наук назвала находки каменных орудий этого человека «игрой природы».

Вращение Земли. «А все-таки она вертится!» – за это утверждение о движении Земли вокруг Солнца ученый-философ и астроном Галилей на многие годы был заточен в тюрьме.

XVIII век. Пароход. Изобретателя, французского инженера Р. Фултона, Наполеон изгнал из своего кабинета за идею использования «пара вместо ветра».

1600 год. Джордано Бруно сожжен на костре инквизицией за утверждение того факта, что вселенная бесконечна.

Есть такая особенность у людей и прошлой, и нынешней цивилизаций: с опозданием на века и тысячелетия человечество ставит памятники тем, кто некогда был предаваем анафеме и отлучениям. Человечество пытается увековечить дела и имена таких людей, предавая забвению обиды, страдания и кровь, пролитую ими.

Джордано Бруно погиб на «костре цивилизованного мнения» вначале морально, а затем физически. В своем трактате «О бесконечности вселенной в мирах» он писал:

«Если бы я владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад, чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, стремлюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исправляю ошибки интеллекта – вот почему, кто на меня смотрит, угрожает мне, кто наблюдает за мной, нападет на меня, кто догоняет меня, кусает меня, и кто схватывает, пожирает меня, это – не один или немногие, а многие и почти все».

Что двигает наш «ноев ковчег» по имени «Аквариус» в поисках Атлантиды? А точнее, косвенных доказательств ее существования? Две путеводные мысли из уст великого Альберта Эйнштейна и талантливого исследователя тайн Александра Казанцева. Причем один из их говорит о тайне вообще, а другой о конкретном явлении – феномене XX века:

Самое прекрасное, что мы можем
испытать, – это ощущение тайны.
Она есть источник всякого
подлинного искусства и всей науки.

Тот, кто никогда не испытывал
этого чувства, кто не умеет остановиться
и задуматься, охваченный робким восторгом,
тот подобен мертвецу, и глаза его закрыты.

«Интерес к агадке Тунгусского тела не ослабевает. Трудно признать, что мы имеем дело не просто с феноменом природы, а с результатом чьей-то разумной деятельности. Отбрасывать без рассмотрения такой вариант было бы ненаучно…»

…Послеобеденный сон шестого дня пути был прерван голосом Бриса:

– Большой сбор. Через пятнадцать минут всем собраться в

кокпите, Форма – парадная!

Приказ – категоричный, как всегда, неожиданный, с намеком на сюрприз. И он произошел. И Брис превзошел сам себя:

– В связи с окончанием кратких курсов по Атлантиде – ликбеза по ликвидации некомпетентности, членам клуба вручаются дипломы разных степеней… Диплом подписан всеми членами клуба…

Меня насторожила фраза: «Вручаются дипломы разных степеней». Как он сможет эти степени определять? Да еще в одиночку? Даже меня, ученого секретаря клуба, в известность не поставил?

А Брис продолжал:

– Я не буду называть степень диплома – сами увидите, а пока – приступим.

И он зачитал текст диплома: *«В ознаменование окончания кратких курсов географического, археологического и прочая-прочая клуба по истории человечества до, во время и после Атлантиды дипломом 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й степеней награждается…»*.

И подписи: Брис, руководитель клуба; Максим, ученый секретарь; Стоян, летописец; Ольга, архивариус; Влад, Рида и Гор – энтузиасты.

Хлопки в ладоши, и у каждого в руке оказался бумажный стаканчик с шампанским. Мы радовались и удивлялись, что все это про нас.

– На горизонте остров Санторини! – торжественно провозгласил Гор. В этот день Брис приподнёс нам еще один сюрприз: он тайно подкорректировал «Доску», добавив кое-что: «Доска истории знаний»…

Два реальных претендента

Хроника «известных» катастроф

В результате работы ученых – историков, археологов и других специалистов – находки выстраивались в цепочку звеньев: извлеченные из забвения неизвестные ранее события из жизни народов, государств и целых цивилизаций.

Середина 5000-летия до н. э. В Мексике найдена пирамида, значительная часть которой покрыта лавой. Геологи, исходя из даты появления лавы, утверждают, что пирамида была воздвигнута в то время, когда, по мнению археологов, столь высокоразвитая цивилизация не могла существовать. Тем не менее, радиоактивный анализ основания пирамиды показал, что она была покинута людьми еще в 2160 году до н. э.

Шумерский период. Несколько поколений исследователей ведут широким фронтом работы в Двуречье. Но до сих пор раскопано не более 1 % всех городов, существовавших когда-то на этой земле. Остальные лежат погребенными уже не одно тысячелетие.

Библейские тексты и шумерские таблички. В табличках были названы пять городов: Эриду, Баб-Тибра, Ларак, Сиппор, Шуруппак, и они утверждали, что города существовали до потопа. Долго веры табличкам не было, но… уже три города из них найдены. Раскопки показали, что этот район постигло сильное наводнение. И был сделан вывод: библейские тексты подтверждены сведениями на шумерских табличках – реально города были, как было и наводнение.

12 042 год до н. э. Этой датой определяется существование некой цивилизации в Центральной Америке, которая возвела каменную стену с изображениями. Там же имеются, как предполагают, и более древние изображения и надписи.

4 000, 17 000 и 30 627 лет до н. э. Такова динамика представлений ученого мира о возникновении первых государств в долине Нила. Так утверждал «отец истории» Геродот и его современники на основе египетских письменных источников. Но с последней даты начинает историю Египта жрец Манефон (IV век до н. э.).

36 525 и 48 863 года до н. э. Эти даты приводятся в трудах византийского историка Спеллиуса, опирающегося на «Древние хроники» египтян, которые вели с этого года египетские жрецы (дата первая). Вторую дату приводит греческий историк Диоген Лаэртский (III век н. э.), утверждавший, что египетские жрецы хранят записи, уходящие в прошлое до Александра Македонского.

70 000 лет назад. В долине Нила обнаружены каменные

орудия, свидетельствующие о присутствии в этих местах человека.

2 000 000 и 4 000 000 лет назад. В Южной Эфиопии (1969) новые находки экспедиций бельгийских, французских и американских ученых снова удлинили время существования человека на Земле.

30 000 000 лет назад. Найдены материальные следы существования человека: на дне озера Титикака в Андах на высоте 4 000 метров обнаружены остатки построек и стен, состоящих их огромных глыб, а также мощеная мостовая длиной в километр… Но подъем этой части суши и появление гор происходили… в третичном периоде, когда, считалось, человека еще не было.

В начале XX века утверждалось, что, например, в Америке человек появился 4 000 лет назад, потом – 10 000, 25 000 и, наконец, 40 000. Затем прозвучала цифра 100 000 лет назад. И вот теперь существуют материальные свидетельства, говорящие о прошлом в 4 000 000 лет! И еще раньше…

Предыстория человека оказалась значительно продолжительнее. И не потому ли тем самым возможность жизнедеятельности на Земле неизвестных нам ранних цивилизаций подтверждается? Умножают доверие убедительные факты: древние находки и длительность существования человека.

Столь большой срок жизни человека на Земле позволяет достаточно уверенно предполагать, что в этот период он мог наблюдать многочисленные катастрофы, в разной степени угрожающие для его среды обитания и формы общественного устройства. Это находило место в его письменных материалах, которые до нас в большинстве своем не дошли, а устные обрастали значительными искажениями.

Тем не менее, истоки земных катастроф удается все же проследить по скудным прямым и косвенным доказательствам. И среди них – метеоритные и астероидные атаки Земли, лунные наводнения и даже сведения о цикличности земных катастроф планетарного масштаба.

Так что можно сказать об истоках земных катастроф с позиции сегодняшних сведений о них? Особенно много о катастрофах на Земле говорили лет сто пятьдесят назад. Идею периодичности катастроф предложил талантливый французский палеонтолог Жорж Кювье.

Свое видение причины гибели от катастроф бесчисленных видов живых существ он формулировал так: *«Одни, обитатели суши, были поглощены потопами, другие, населявшие недра вод, оказались на суше вместе с внезапно поднятым дном моря…».*

За последние два столетия выдвинуто три основных гипотезы происхождения катастроф: геологическая (движение рифов и наводнения), вулканическая и космическая (метеориты и астероиды).

Локальные наводнения случались в районе Средиземного моря. Там тысячелетиями растущие горные цепи перекрыли ему сообщение с Индийским и Атлантическим океанами. Из-за недостатка воды это море постепенно пересохло, местами до пяти километров в глубину. Безводный кризис закончился внезапным прорывом в море атлантических вод через Гибралтарский пролив. Это случилось в результате воздействия трех факторов: подъема уровня океана, тектонических процессов и эрозии стенок котлована. На заполнение моря водой ушло до 20 000 лет, и закончилось оно где-то 5 330 000 лет назад. Колебание уровня Мирового океана зависит от двух основных земельных явлений: во-первых, изменения площади материковых льдов, и во-вторых, расширения в центральных частях в с е х океанов срединоокеанических хребтов. Что это значит?

Массы воды питают ледники, набирая ее в океанах и тем самым осушая шельфы суши. И обратный процесс – ледники тают, и их масса воды давит на дно, порождая новые сети гор и выталкивая воду из чаши океана на сушу. Но океан шаг за шагом отвоевывает у суши в год… по миллиметру. И потому живой мир успевает приспосабливаться к новым условиям и массового вымирания не происходит.

Если говорить о XXI веке, то в результате потепления карта возможного затопления территории Евразии (при подъеме за все столетие на 1 метр) не скажется серьезно на береговой линии стран. Подтопление станет значительным при уровне в 5 метров: в Голландии, Бельгии и Дании, в Венеции, в России – в районе Краснодара, в море Лаптевых; в Китае – на восточном побережье (Желтое море).

Но если подъем воды достигнет 25 метров, то в России под воду уйдет вся Прикаспийская низменность и многие заливы-губы Северного Ледовитого океана.

Общие потери прибрежных государств Евразии составят от 10 до 20 % суши.

Теперь о метеоритах и их падении на Землю. Опознана людьми лишь ничтожно малая часть следов падения метеоритов. За миллиарды лет существования Земли большинство падений космических тел приходилось на моря и океаны, которые составляют 70 % ее поверхности.

За этот период обширные участки суши и целые материки, опускались и становились дном океанов. Другие районы Земли

поднимались, образуя сушу. Так время и геологические процессы постепенно стирали следы падения на Землю космических тел.

И если против жизни на Земле выступала какая-то сила, то это чаще всего были катастрофы, вызванные космическими причинами.

Справка. 250 000 000 лет назад. В Южной Америке была признана метеоритной гигантская чаша диаметром в 40 километров. Она возникла в результате падения большого тела, вызвавшего взрыв, равный силе крупной водородной бомбы.

Десятки тысяч лет назад. Устные предания индейцев племени навахо говорят о боге, который *«спустился с неба в долину в огненном столбе, уничтожившем все вокруг»*. На месте «приземления бога» оказался огромный метеоритный кратер глубиной свыше100 метров и почти 1500 метров в диаметре.

1847. В Богемии, Германия, метеоритный камень упал на дом, серьезно разрушив его.

1868. В районе Варшавы прошел метеоритный дождь – «выпало» 100 000 камней весом до 10 килограммов.

1908. В районе Подкаменной Тунгуски, Сибирь, в небе взорвалось огненное тело, повалив лес на площади в 2200 квадратных километра. В момент падения наблюдался огненный столб высотой в десятки километров.

24 июня 1938 года. В Питтсбурге, США, над городом произошла вспышка яркого света и оглушительный взрыв от упавшего вблизи метеорита.

1790–1954. В Центральной Европе зафиксировано 27 падений крупных метеоритов на дома.

1980–2000-е годы. Сведения нашего времени, причем из России. Поиск следов, оценка находок и выводы по Тунгусскому «метеориту» так и не вскрыли природу падения на Землю этого огненного тела. «Посещение» Тунгусом увязывается с прохождением вблизи Земли кометы Энке или Галлея – «косматой звезды», как назвали ее еще древние греки. Комету Галлея ученые стали наблюдать с XIV века по сей день: она циклично появляется на нашем небосклоне каждые 77 лет. Кое-кем считается, что из ее хвоста «выпало» Тунгусское космическое тело. Более того, ученые предполагают, что ядро кометы (газопылевое-твердое-ледяное) может достигать нескольких километров в диаметре!

Но если ТКТ было «давно» и «далеко» от людей (1908), то падение Витимского болида в Восточной Сибири (2002) описывают наши современники фактически так же, как в летописных преданиях: «появление в небе огнедышащего змея». Ну, а вывод по Витимскому болиду?

«Хотя на месте падения болида побывало несколько экспедиций, в опубликованных отчетах нет ответа на вопрос: какова природа Витимского космического тела?» Сводки с фронта борьбы за раскрытие тайны Тунгусского феномена не добавили чего-либо нового при обследовании падения и Витимского, и Красноярского, и Калужского метеоритов…

Что же тогда говорить о древних людях, которые, например, в падении метеорита 2 500 лет назад на острове Сааремаа видели того же «огнедышащего дракона»? Не правда ли, это такое же свидетельство, как и от людей нового тысячелетия: древние «огнедышащие драконы» – это увиденная и сохраненная для нас правда о падении космического тела: то ли метеорита, то ли астероида…

Что такое легенда о Фаэтоне? Речь идет о падении на Землю то ли метеорита, то ли астероида. Предположения астрономов: легенда о Фаэтоне повествует о падении на Землю огромного метеорита.

Вокруг Солнца, кроме планет, вращается пояс довольно крупных небесных тел – астероидов. Астрономы подсчитали общую массу пояса и «сложили» ее в одно тело. Получилась «планета» диаметром около 5 900 километров. Был сделано предположение: возможно, такая планета существовала и была одним из спутников Солнца – меньше Марса и больше Меркурия. Считается, что эта гипотетическая планета, названная Фаэтоном по имени мифического героя, погибла в результате какой-то космической катастрофы.

И еще – уже не вывод, а серьезное предупреждение: ее обломки несут угрозу Земле! В мае 2006 года в мире появилось предупреждение: к нам летит метеорит, оказавшийся астероидом из списка особо опасных внеземных объектов НАСА, открытым в конце апреля.

800-метровый астероид летел в сторону нашей планеты с вероятностью столкновения один к шести миллионам. В этот раз «камушек» пронесся рядом – в 432 тысячах километров (это чуть дальше, чем до Луны). Падение? Ну и что?

Но встреча с астероидом такого размера может мгновенно изменить климат на всей территории нашей Ппланеты. При падении в океан астероид может вызвать цунами высотой в десятки метров и выброс миллиардов тонн пара в атмосферу. Прибрежные города были бы сметены огромными водяными массами. При падении на сушу астероид поднял бы в воздух пыль, которая затруднила бы доступ солнечных лучей к поверхности Земли. А это уже – зима…

…Было определено, что размер пролетевшего мимо

небесного тела – 410 на 929 метров. И вот сегодня «под контролем» НАСА находится более 700 опасных космических тел из 1100 предполагаемых.

И что по этому поводу говорят древние и не слишком давние наблюдения?

Солон – Платону (VII–VI и V–IV векf). Египетские жрецы рассказывали Солону, что под мифом о Фаэтоне «скрывается та истина, что светила, движущиеся в небе и кругом Земли, уклоняются с пути и через долгие промежутки времени истребляется все находящееся на Земле посредством сильного огня».

В М книге «Сиббилы» говорится о появлении на восточном горизонте какого-то огненного тела, свет которого затмил свет Солнца, и которое затем обрушилось в океан.

Ирландские предания говорят о странных «облаках», возникших на небе после потопа, которые распадались и падали на Землю, причиняя величайшие разрушения.

Индийские предания утверждают, что после потопа на небе взошло семь Солнц, а потом «одно Солнце пожрало шесть остальных».

Из легенды кодекса майя «Чилам Балам»: *«Шел огненный дождь, земля покрылась пеплом, деревья клонились к земле. Камни и деревья были разбиты. С неба сорвался Великий Змей… Небо вместе с Великим Змеем рухнуло на Землю и затопило ее».*

Китайские предания и тексты упоминают, что во время катастрофы море далеко отступало от побережья, а на противоположной стороне поднялась огромная приливная волна.

Итак, метеориты и астероиды, возможно – кометы. Недавно болгарский астроном Н. Бонев высказал предположение: если астероид Эрос (17 км в диаметре) или Церера (770 км в диаметре) проходили на расстоянии шести земных радиусов (около 30 000 км, что более чем в 10 раз ближе, чем Луна), то они могли создавать приливную волну в 10 раз сильнее обычной.

А вот предсказание американского астронома Г. Юри: встреча с ядром кометы способна причинить Земле бедствие, равное по масштабу энергии взрыва 500 000 водородных бомб (для сведения: падение Тунгусского метеорита по вывалу леса оценивается только в 1000 атомных бомб!).

Предположения и предсказания? На основании чего? Известный астроном Багров, д. ф-м.н., ведущий сотрудник отдела космической астрометрии Института астрономии РАН не исключает, что однажды астероиды могут подлететь к Земле ближе… Если орбита астероида заходит внутрь орбиты Земли…

Но, по мнению ученого, в истории земли было много случаев

космических катастроф. Несмотря на миллионы лет эрозии, на поверхности нашей Планеты обнаружено около 20 «звездных ран» – гигантских кратеров от 20 до 300 километров в диаметре. Правда, он считает, что *«наносили эти „раны“ не астероиды, а кометные ядра(?), которые были больше по размеру и составу последнего небесного тела, миновавшего нас».*

Почему знак вопроса? Известно, что обычное ядро кометы – это, образно выражаясь, большой ком грязного снега и льда, а астероид – это глыба из камня и железа. Наиболее знаменит в истории человечества случай с падением космического тела 65 миллионов лет назад, после которого образовался кратер – ныне Мексиканский залив. С этим «нашествием» связана гибель динозавров и около 95 % всех живых организмов на Планете…

Луна – источник катастроф? Бытует мнение, что Луна – аномалия в космической системе. Среди астрономов существует идея захвата Луны Землей. Период «захвата» сопровождался возникновением на планете приливной волны в несколько километров, что приводило к катастрофам.

Смутные отголоски такого события, когда на ночном небе Земли не было Луны, находятся в преданиях майя в их хрониках, уходящим традициями в допотопные времена, когда *«небо освещала Венера».*

В карело-финском эпосе «Калевала» и в южноамериканских преданиях считают Луну причиной происходившей космической катастрофы. Бушмены Южной Африки в мифах о катастрофе утверждают, что до потопа Луны не было.

В Греции на юге Пелопоннеса была легендарная страна Аркадия. В этой стране бытовало повествование, что *«потоп был давно, до появления Луны»,* которая возникла после катастрофы и «не сияла на небе».

Апполоний Родосский (III век до н. э.), главный смотритель великой Александрийской библиотеки, писал, что некогда на небе Луны не было. Этот факт смотритель нашел в древнейших рукописях и текстах, впоследствии потерянных или погибших.

Анаксагор (V век до н. э.), греческий математик и астроном, отмечал, что Луна появилась на небе позже возникновения Земли.

Ряд ученых выдвинул гипотезу о существовании «первой Луны», которая упала на Землю и вызвала катастрофу. Масса ее вещества обнаружена на большом пространстве: в Центральной и Южной Америкt, на дне Тихого океана, где найдены однородные слои белого пепла в 5-30 сантиметров и избыток никеля…

Повторение катастроф? Об этих событиях говорят библейские тексты. После указанного выше, когда этим текстам серьезные ученые не верили, а ряд сведений из них подтвердися,

к ним начинаешь относиться по-другому.

В текстах, в частности, сообщается следующее: *«Солнце померкнет, и Луна не даст света своего. И звезды спадут с неба, а силы небесные поколеблются… О дне же том и часе никто не знает…».*

В Индии арии, пришедшие из неизвестной прародины, потрясенные катастрофой, в священных гимнах просят бога *«твердо держать Землю».* В мыслях о возвращении катастроф прошла вся жизнь майя.

Ожиданием новых катастроф проникнуты пророческие тексты Вавилона. О цикличности катастроф писал Талмуд. У книги индейцев «Пурины» утверждают цикличность таких бедствий, которые могут произойти.

Индийский эпос «Махабхарата» говорит о том, что грядет день, когда *«бурлящие воды нового потопа поглотят Землю».*

Египетские жрецы – Соломону (VII–VI века). *«Вы помните только один потоп, а их было много до этого. Время от времени наша цивилизация, как и другие народы, уничтожается водой, которая обрушивается с неба… Человечество постигли в прошлом и еще постигнут в грядущем многочисленные катастрофы…».*

Опираясь, в частности, на сведения, оставленные Соломоном и Платоном, римский историк Цензориус (III век до н. э.) пытался назвать периодичность подобных катастроф: *«Земля переживает такие катастрофы каждые 21 600 лет…».*

…К чему бы это «отклонение» от «темы»? Да все к тому, что, соглашаясь на право существования катастроф (*геологических, вулканических, космических)* на Земле в виде наводнений, землетрясений и вулканической активности, мы можем с уверенностью говорить о том, что и Атлантида могла погибнуть таким образом. А среди упоминаний о гибели цивилизаций с развитыми знаниями, вполне возможно, говорится об Атлантиде.

Итак, длительность существования человека, следы прежней жизнедеятельности цивилизаций и катастрофы, их уничтожившие, – это звенья одной цепи. И Атлантида вписывается в эту цепь в виде косвенных свидетельств, причем не только от Платона…

Парадокс двух Атлантид

Как видно из предыдущих записей, о самой Атлантиде говорилось пока мало. И это не случайно. Ведь коллеги по поиску косвенных доказательств существования этой цивилизации (когда, где, как погибла) должны были пройти «ликбез компетентной грамотности» о делах Земли, причем до, во время и после Атлантиды. И они этот курс прошли и даже дипломы получили.

После оповещения капитаном Гором, что «на горизонте остров Санторини», мы оказались перед выбором: где искать Атлантиду – в Средиземноморье или за Геркулесовыми столпами?

Чем наш коллектив располагал? Своеобразной «дуэлью» двух районов существования Цивилизации Атлантида. Причем чаша весов пока была на стороне Платона.

– Что будем делать? – спросил Влад. – Мы ведь уже полюбили свою версию, «Атлантиду Платона»?

– И я уже присох к этой версии, – вторил Стоян.

– А я – против! – решительно заявила Ольга. – Как архивариусу географического клуба, мне удалось покопаться в максимовских НЯПах, особенно в журналах и брошюрах…

– И что же ты нашла? – спросила Рида, все более активно участвуя в наших «атлантделах».

– Понимаете, много еще из темы знаний осталось вне наших голов, – выпалила Ольга.

Ее поддержали Брис и я, говоря, что мы копнули только факты о знаниях для людей.

– Причем речь идет о количественной стороне дела, – сказал Брис. – Но мы не всегда давали качественную оценку с учетом связи разрозненных фактов по месту и времени…

– Значит, Ольга накопала кое-что о качественной стороне? – спросил я. – И что же?

И был поражен, когда Ольга решительно заявила:

– Да, вот я такая! Накопала, но не только в рамках «количество-качество», а глубже… Это, это…

– Ольга, не об этом ли ты говорила недавно? – пришел ей на помощь Влад.

Ольга напряглась и с грустью сказала, обращаясь ко мне:

– Если вы меня не поддержите, то я выйду из членов клуба навсегда!

Смех был гомерическим, и он был столь силен в этой трагико-комической ситуации, что Ольга включилась в общее

веселье и захохотала. Правда, сквозь слезы. Я с одной стороны, а Брис – с другой, обняв, в один голос «обозвали» нашу непоседу «птахой». И попросили признаться: что же она узрела между понятиями «количество» и «качество» в оценке фактов?

– Логику! – выпалила Ольга. – Логику в пользу нескольких фактов в момент их качественной оценки.

– И ты можешь привести пример? – просил Стоян, молчавший до сих пор то ли от удивления Ольгиной прытью, то ли от собственного прозрения.

От волнения Ольга даже встала и, держась за леер, объяснила:

– Помните, в «убедительных предположениях» американская дуга в Атлантике? И сколько было попыток увести нас в иные «Атлантиды»? Но мы не поддались – дуга говорила сама за себя!.

– Итак, дети Шлимана, за работу, – призвал Брис. – Властью, мне данной, указываю: все на фронт, в помощь Максиму….

* * *

С этого момента и до прихода в Тиру на Санторини я из каюты не вылезал. И шесть часов лавирования галсами с видом на остров дали мне возможность разобраться в главном – как строить мост: вдоль реки или поперек (это у меня хотя шутливый, но хорошо апробированный подход к дилемме)?

Речь шла от обратного, то есть объявить самим себе, что мы с «атлантической» Атлантидой – неправы! Считая, что место Атлантиды за Геркулесовыми столпами, мы поверили Платону, но нужно было поломать голову над точкой зрения ученых, информированных на уровне сегодняшнего дня.

А они, серьезные ученые-атлантологи, категорически исключали Атлантиду атлантическую! Они чуть ли не хором заговорили об острове Санторини, связывая его с судьбой и гибелью Атлантиды. А тут – ну не странно ли! – какие-то дилетанты за основу будущих логических измышлений в судьбе цивилизации берут не ее деятельность, а призрачные факты и обстоятельства гибели.

Атлантолог Н.Ф. Жиров, крупнейший специалист в этой области и сторонник Атлантиды в Атлантике, однажды заявил: *«Мы твердо убеждены, что проблему Атлантиды прежде всего следует рассматривать как проблему геологическую…».* Это означает, что решающее слово в вопросе о том, была ли в Атлантике Атлантида, – за геологией и геофизикой.

Значит, дилетантам здесь делать нечего? Тем более, что к

1975 году во время десятилетнего изучения Атлантики ученые продвинулись далеко вперед. И вывод обосновали: *«…на дне центральной части этого океана и, в частности, на срединно-океаническом подводном хребте погрузившейся Атлантиды не имеется».*

А пока я пересматривал страницы с атлантической окраской. Вот они передо мной – часть из них уже побывала в руках моих коллег по «бумажному поиску» Атлантиды и древних знаний. Книг – 11, журналов с газетами – 18. И все они, начиная с 1963 года, с темой «Атлантида» в тексте – хотя бы строчкой. Конечно, будут повторы, и потому я отберу 5–7 источников сведений об этой не оставившей следов цивилизации.

Есть и тайный умысел: ищу сведения об Атлантиде, а думаю о Санторинеи– обе цивилизации погибли, казалось бы, одинаково, правда, со значительной разницей во времени.

Чьи издания попали мне в руки (датированы они 70-ми – 80-ми годами)? Это – «Знание», «Наука» и «Искусство»; «Молодая гвардия», МГУ и даже «Детская литература». И везде – об Атлантиде и связанных с ней событиях: до, во время и после нее.

Огромное желание сразу засесть за источники, особенно полные сведениями о ней. Но есть еще газеты, журналы, брошюры со статьями о ней. В них много говорится о том, где она была, как погибла и даже об «осколках» Атлантиды. Но начинать нужно все же с малого и менее значимого для «бумажного поиска». Хотя часто обзор прессы дает только общее направление сенсационных оценок судьбы Атлантиды. Это как телеграфный столб: гудит, но никакой информации не передает.

И останавливаюсь на трех скромных брошюрах – триаде общим числом в 250 страниц тиражом от 100 000 до 2 000 000. В одной из них об Атлантиде говорится, что это одна из загадок древней истории; в другой – не исключается реальность ее существования, в третьей пишут о всемирной катастрофе, вероятно, погубившей ее.

Начинаю с катастрофы – от чего могла погибнуть Атлантида? И нахожу оценку атмосферы, в которой работали и работают энтузиасты над гипотезами:

«Если оглянуться назад на историю науки в последние два-три столетия, то видим с немалым удивлением, что почти каждое великое открытие, почти каждая плодотворная идея встречала в научных корпорациях самое грубое непонимание, самое недобросовестное преследование» (Дмитрий Писарев, русский публицист и критик).

Мне представляется, что моим коллегам по «атлантидовому цеху» следует знать мнение историка и писателя Ивана Ефремова,

который считал *«подлинно отважными людьми тех, кто находит в себе силы биться с трехглавой гидрой из трех „Н“ – гидрами Неожиданного, Неизвестного и Неблагоприятного…»*.

Теперь – от слов к делу. Есть гипотеза о комете как загадке Солнечной системы, и конкретно – о комете Галлея с ее «сестрами». Катастрофы в истории Земли уже давно отнесли к «астропроблемам». Но речь идет о возврате к теории периодичности катастроф, более того – это взгляд на учет землянами изменений их в их периодичности.

Ведь и Атлантида могла быть жертвой кометы или метеорита. И тому есть доказательства – метеоритные кратеры, которые видели на Луне, Марсе, Меркурии… И только совсем недавно в массовом порядкеобнаружили на…Земле. К 60-м годам их насчитали 100: в Европе – 30, Северной Америке – 26, Африке – 18, Азии – 14, Австралии – 9 и в Южной Америке – 2. Но являются ли метеориты родными братьями комет?

Атлантида погибла (по Платону) от землетрясения, вулканов и потопа, ими вызванного. А как быть с энергией, выделяемой в доли секунды при столкновении крупного метеорита с Землей? Эта энергия будет во много раз превосходить энергию, возникающую при разрушительных геологических явлениях – землетрясениях и извержениях вулканов. Вот и получается, что сегодняшнее состояние поверхности Земли во многом определятся историей ее бомбардировок астероидами и метеоритами. И это может иметь прямое отношение к гибели Атлантиды…

И вот эти рассуждения с большой долей сомнений в те самые шесть часов добровольного затворничества я довел до ведения моих коллег по поиску.

– Будем надеяться, что на острове Санторини мы встретим что-либо неожиданное, узнаем еще не известное, а возможно, найдем факты неблагоприятного для той или иной версии в интересах Атлантиды – то ли атлантической, то ли средиземноморской…

Брис поддержал меня:

– С этого момента в нашей аргументации всех видов доказательств появилась устойчивая дилемма: возможность существования Атлантиды стлантической или Атлантиды средиземноморской.

– А не приведет ли нас следование этой дилемме к действительно неожиданным выводам? – задумчиво молвил Стоян.

– Неужели мы находимся на грани открытия? – воскликнула Ольга. И ее поддержал Влад:

– Вот бы соединить две Атлантиды – атлантическую и средиземноморскую!

– Неужели мы близки именно к этой гипотезе? Но где доказательства? Может быть, после визита на Санторини и Крит они появятся?! – решительно прекратил дискуссию Брис.

А пока мне пришлось рассматривать временные рамки гибели Атлантиды как некие признаки ее существования.

Время гибели – фактор реальности Атлантиды?! Земные цивилизации имеют удивительное совпадение начальных точек отсчета своего существования в рамках летоисчисления. Это – циклы древнегреческого Солнечного календаря в 1450 лет. Это – древнеассирийский календарь с лунными циклами по 1805 лет (шесть циклов назад дают опять – 11542 год до н. э.). Это – древнеиндийский лунно-солнечный календарь с циклом в 2850 лет (три цикла назад – опять 11542 год до н. э.). У древних майя календарный цикл составлял 2760 лет (отложив три цикла назад, получим 11653 год до н. э.).

Не под эти ли циклы катастроф попала Атлантида? Как известно, история Атлантиды изложена только в трудах Платона. И ему приписывают, что его рассказ об этой цивилизации – якобы вымышленный, для того, чтобы… подкрепить свои философские рассуждения. Платон дал миру свою версию, и мир с тех пор спорит не только о местонахождении Атлантиды, но и о самом факте ее существования.

Платон поведал миру об Атлантиде примерно в 355 году до н. э. Но потом, в новой эре, на тысячу лет о ней забыли. И лишь где-то две сотни лет назад снова стали уделять внимание главному вопросу: была – не была, за Гибралтаром или до него?

Искали на дне Атлантики и Средиземного моря, Индийского океана и Балтики, в водах Черного и Каспийского морей. В конечном счете пришли к выводу: не это обстоятельство самое главное в проблеме атлантологии. Здесь наиболее слабым звеном стало отсутствие правдоподобной научной теории глобальных земных катастроф, зная о которых, можно было бы выявить как присеклось существование государства могущественных атлантов.

Есть мнение, что гибель Атлантиды от потопа якобы был вызвана «случайным ударом кометы» Галлея. В подтверждение этого приводят мнение атлантолога И. Донелли (80-е годы XIX века), который обратил внимание на довольно странное совпадение. Речь идет о начале летоисчисления у древних народов Египта и Ассирии, Индии и Месопотамии. Оно замкнулось практически на одной дате – времени точки отсчета их календарей и гибели Атлантиды.

Итак, *напрашивается многоговорящий вывод:* пролет кометы

Галлея, глобальная катастрофа, гибель платоновской Атлантиды и летоисчисление древних народов крепко привязаны к одной дате – 11542 году до н. э.

Причем поражает тот факт, что у народов, никак друг с другом не связанных, – шумеров, полинезийцев, американских индейцев (и других) – родились предания и легенды о всемирном потопе! Указанное выше говорит о том, что это не могут быть просто совпадения, связанные с злополучным периодом – серединой XII тысячелетия до н. э.!

И снова вывод: все это свидетельствует об одном – гибель Атлантиды могла произойти от неблагоприятного сочетания нескольких маловероятных и непредвиденных обстоятельств космического и геофизического характера…

Написав эти строки, я поймал себя на мысли, что рассуждаю об Атлантиде, как о доказанном факте ее реального существования. А почему бы и нет? Вот и пришлось мне рассматривать указанное выше как косвенные доказательства гибели Атлантиды. Более того, в бумагах моих НЯП нашлось и косвенно-прямое доказательство ее существования: им оказался… простой кирпич!

Эта деталь – время «рождения»… обожженного кирпича. Его появление приходится на расцвет Атлантиды, то есть на 14 тысяч лет назад. Именно к этом возрасту отнесены развалины сооруженных из такого кирпича стен в Египте.

Представляется, что следует верить «отцу истории» Геродоту, сообщившему о 345 поколениях египетских верховных жрецов (книга «Истории»). Это из расчета, что за сотню лет правило три поколения жрецов. Простой подсчет дает величину, предвосхищающую дату гибели Атлантиды – где-то 11 968 лет до н. э.

Античный писатель Диоген Лаэртский (первая половина III века н. э.) отмечал, что у египтян имелись записи о 373 солнечных затмениях и 832 лунных. Такие наблюдения египетские жрецы должны были вести не менее 10 тысяч лет.

И что же в остатке? Выходит, что Платон был вовсе не выдумщиком, а мудрым прозорливым летописцем и глашатаем?! И оставил он эту красивую легенду об Атлантиде неспроста.

Поэт Валерий Брюсов о диалогах Платона писал:

«Если бы хотели считать этот рассказ лишь плодом фантазии Платона, нам пришлось бы наделить его прямо-таки сверхчеловеческой гениальностью, благодаря которой он сумел предугадать научные открытия, которые были сделаны спустя тысячелетия».

Пока я работал с печатным словом, наш архивариус Ольга

нашла для меня подтверждения более высокого уровня, чем косвенные доказательства. Речь шла о «камнях Кабреры», перуанского ученого, нашедшего своеобразную доисторическую библиотеку в виде каменных книг с историей всего человечества.

Археологическая справка. С момента находки «камней Кабреры» в 1975 году ученые мира исследуют тайну черных овальных камней из перуанского города Ики. Ученые озадачены появившимися в их руках изображениями, тонко выгравированными на камнях. А обилие информации на них просто поражает: операция врачей на сердце, учителя с телескопом, древний географический атлас с доисторической конфигурацией континентов мира (Африки, Европы, Австралии и… легендарной Лемурией).

Но разве это не сенсация в копилку «дела Атлантиды»? На одном из камней рядом с Америками изображена… Атлантида и еще легендарная страна Му!

16 тысяч камней с возрастом более 10 тысяч лет… Не попытка ли это древней перуанской культуры оставить о себе память в преддверии грядущей гигантской катастрофы? Катастрофы, ожидаемой то ли с неба, то ли от катаклизмов на Земле? И полтора десятка тысяч камней говорят, что культура-то была весьма высокоразвитой и, как и в Атлантиде, нам неизвестной!

Сам же Кабрера утверждает, что на камне изображена именно Атлантида. И смутные воспоминания о ней остались у древнеегипетских жрецов и были переданы окружению Платона до его диалогов, гениальных своей кажущейся «прозорливостью»…

* * *

Если встать на точку зрения тех, кто считает гибель Атлантиды следствием очередного пролета возле Земли кометы Галлея в середине 12-го тысячелетия от сегодняшнего дня, то мы должны согласиться с «букетом» возникших геофизических последствий – землетрясениями, извержениями вулканов, ураганами, потопами и другими неприятностями.

Взаимно усиленные, эти явления привели к гибели то ли небольшого материка, то ли большого острова – Атлантиды. Ведь во всех сказаниях и мифах обозначается космическое влияние на указанные явления. А периодичность их, контролируемая даже возможностями того древнего времени, прямо говорит, что этому «хвостатому змию» сегодняшнее имя – комета Галлея. Да и слова

жреца из столицы Египта того времени – Саивса, сообщенные Платону, говорят о периодичности катастроф:

«…многим и различным катастрофам подвергались и будут подвергаться люди… Ведь и у вас передается сказание о Фаэтоне – рассказ, конечно, в виде мифа, но под ним скрывается та истина, что светила, движущиеся в небе и кругом Земли, уклоняются с пути и через долгие промежутки времени истребляют все находящееся на Земле…».

Если брать точкой отсчета гибель высокой цивилизации атлантов, то этим событием можно было бы объяснить многие неясности на Земле, в том числе стремительное появление затем иных цивилизаций.

В хронологическом и событийном характере это можно представить в следующем виде. Итак, около 12 000 лет назад, согласно гипотезе, столкновение Земли с космическим телом привело к катастрофическим последствиям:

– изменение климата (быстрое повышение температуры, отступление ледников);

– «помутнение атмосферы» на срок до 2000 лет;

– мифы о первозданном хаосе: «из единого целого произошло разделение света и мрака, неба и земли»;

– утрата многого из прежних достижений и завоеваний человечества;

– IV–III тысячелетия до н. э. – период возрождения хеловечества с гигантским скачком в начальном формировании новых цивилизаций и государств на обширном пространстве, причем вдали друг от друга;

– главных очагов цивилизаций появилось три: Египетскиц (долина реки Нил), Шумерская (долина рек Тигр и Евфрат) и Индийская (долина реки Инд), которые затем перешли рубеж от первобытности к цивилизации;

– II тысячелетие до н. э. – исторический период превращения в более развитые ряда цивилизаций – древнегреческой, малоазиатской, восточно-средиземноморской, северо-месопотамской, южной и среднеазиатской, иранской, древнекитайской и американской.

Но вернемся снова к предмету нашего обожания – Атлантиде. Версия о ней заслуживает внимания хотя бы потому, что хотелось, чтоб так и было!

Мнение атлантолога. Американский ученый И. Доннели считает, что жители Атлантиды могли подняться до уровня цивилизованного человека. Ибо она вышла далеко за пределы своего города-государства – это могла сделать только хорошо образованная страна.

Цивилизация распространила свое влияние, более того, явно подчинила себе население берегов Европы, Африки и Средиземноморья, Египет и Двуречье, берега Черного и Каспийского морей, а на севере – Балтийского; в поле зрения попали Южно-Американские берега Тихого океана и население Мексиканского залива.

Отличительной чертой этих мест стала письменность, древние крупные города, монументальные постройки… Это имело место в основанных атлантами колониях. И не напрашивается ли вывод, что самой древней колонией атлантов стал Египет?

Не Египет ли копировал во многом цивилизацию атлантов? Можно считать, говорит ученый, что Атлантида явилась прародиной всех народов. Алфавит атлантов породил алфавит финикийцев, который стал прародителем всех европейских алфавитов (вопрос на засыпку: а почему египтяне имели клинопись?).

Первоначальная религия атлантов, поклонявшихся Солнцу, воплотилась в мифы Египта и Перу. Отсюда боги и богини у древних греков, финикийцев, индусов и скандинавов – это обожествленные люди, цари и царицы, а также герои Атлантиды.

Действия атлантов – это искаженные в мифах и легендах воспоминания о некогда проходивших реальных событиях. И рассказы о произошедшей катастрофе донесли атланты, малое количество которых избежало гибели и добралось до суши на западе и востоке от погибшей Атлантиды.

У всех народов в легендах говорится о «бородатых людях», населявших Южную и Центральную Америки – от Перу до Мексики (не потому ли, приняв «бородачей» за богов, индейцы не оказали сопротивления жестоким испанцам?).

Древняя Атлантида была могучим государством (или группой государств) и оставила свой след в виде циклопических построек на берегах многих приморских стран и крупных рек.

Соприкасаясь с пространством Атлантического океана, Атлантида стала могучей морской державой. А этот факт стал стимулом к расширению колоний на континентах и даже в Антарктиде…

И чем, кроме этого обстоятельства, можно объяснить появление дошедших до нас древних карт, на которых контуры материков могли быть нанесены с учетом сведений, собранных кем-то, но почему-то не атлантами?

Один из писателей-популяризаторов В. Щербаков говорит о платоновской Атлантиде следующее (и опять в защиту нашей версии):

«…самое поразительное, что его сочинения так точны в деталях, что сами по себе уже дают пищу для серьезных раздумий. Так, с острова Атлантида, как сообщили египтяне, тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов – на весь противолежащий материк, который охватывал то море… Острова в Атлантике за Гибралтаром. Противолежащий материк. Море в собственном смысле слова, т. е. океан.

Все это в тексте Платона не может не вызывать изумления. Ведь „другие острова“ – это Вест-Индия, открытая Колумбом две тысячи лет спустя. Противоположный материк – Америка, открыта им же и его последователями. Истинное море – Атлантика. Да, египтяне знали обо всем этом, им было достоверно известно об Америке и о многом другом (остальное человечество обретет эти знания лишь гораздо позднее). Не потому ли знали египтяне об Атлантиде, что Египет был владением атлантов? Ведь об этом сказано у Платона!»…

Когда я привел эти слова атлантолога Щербакова, мои коллеги заволновались. Но пока я им не мог сказать что-либо вразумительное. И верно – это мнение нынешнее, а современники Платона? Что они говорят об Атлантиде? И я честно признался:

– Читая эти строки у Щербакова, я задумался: не выбиваю ли я из-под ног у всех нас, моих коллег, веру в нашу гипотезу, в то, что она, Атлантида, имела место быть?

И я пояснил: разве мнение египтян не «косвенное доказательство»? Или «камни Кабрера»? Или предания, мифы, легенды об «огнедышащем змее»?

Но когда мы добрались до судьбы острова Санторини в Эгейском море, то только укрепились в правоте нашей гипотезы. Правда, раздвоив свою веру на две Атлантиды.

Суть «укрепления» лежит в названии этой главы – «Два главных претендента». А серьезно обнадежил меня в этом вопросе греческий сейсмолог Галанопулос (60-е годы). Он выдвинул гипотезу о том, что катастрофическое извержение вулкана на острове Санторини и сопутствующее ему землетрясение… вдохновили Платона на создание легенды об Атлантиде!

Мнение греческого сейсмолога. В изложении греческого ученого Галанопуласа звучат мысли Платона, который говорил, что гибель Атлантиды произошла примерно за 9000 лет до его рождения, и что она занимала территорию в сотню квадратных километров.

Греческий сейсмолог склоняется к следующему мнению: знаменитый греческий философ зачем-то преувеличил хронологическую и территориальную характеристику Атлантиды

ровно в 10 раз! Он говорит: взять хотя бы размеры канала – 1850 км длина и 185 метров ширина. Зачем такие невероятные размеры для сооружения, не имеющего практического значения? Сейсмолог проверил и другие измерения Платона, названные им, и пришел к выводу: все они завышены в 10 раз!

Этот вывод повлек за собой другой, еще более существенный: Платон имел сведения о сравнительно небольшом острове. И это – остров крито-микенской культуры (или минойской), который он превратил в легендарный чуть ли не континент, цивилизация которого занималась почти неправдоподобной деятельностью.

Эврика! Платон имел сведения о… двух Атлантидах? Мы были потрясены простотой в открытии «ящика Пандоры». Значит, будем искать компромисс?! Какой? Возможно, это подскажет нам посещение Санторини и Крита…

Когда я рылся в бумагах об Атлантиде, меня все чаще посещала мысль, что для цивилизации Атлантида не нашлось своего Шлимана. Уж он бы докопался и до косвенных доказательств, и до убедительных предвидений, которые перевел бы в категорию косвенных признаков, правда, в виде реальностей.

Итак, снова – что мы имеем в остатке?

Во-первых, довольно четкую картину с двумя Атлантидами. Первая Атлантида (ее называют еще Платонидой) погибла в Атлантике примерно за 10000 лет до эпохи Соломона, а вторая (или Эгеида) исчезла в пучине Средиземного моря за 1100 лет до создания Платоном своих диалогов.

Во-вторых, внося корректировки в диалоги Платона, можно предполагать, что остров Атлантида был меньше, а Минойская цивилизация с ее эгейской культурой – больше.

В-третьих, Атлантида – далеко в океане, и следы ее еще не найдены, а эгейская культура сегодня перед нами, и ее артефакты, обнаруженные в результате раскопок, можно потрогать.

И снова вопрос: найдем ли мы Атлантиду такой, какой нам подал ее Платон и хотят видеть поклонники его версии? Найдем! Ибо мы и другие «дети Шлимана» верим, что на нашей планете еще не найдены города атлантов и следы других цивилизаций. Пока не найдены! Тем более, что города их предков уже найдены, только мы не знаем, что это потомки атлантов.

Но это не доказано… лишь пока!

Вот на этой оптимистической ноте и было закончено мною эссе с ободряющим названием «Почему две Атлантиды?». И с легким сердцем я попросил Риду сделать небольшой по размерам, но емкий по содержанию лозунг.

Я успел обработать уйму материалов еще и потому, что

Эгейское море встретило нас штормом, и мы вынуждены были почти на двое суток задержаться в уютной бухте маленького острова с видом на гористый Санторини и город на вершине его.

А пока моя душа ликовала: углубиться в тайну Атлантиды – не это ли «рыбацкое счастье» для ищущей души? Счастье испытать прикосновение к тайне, как говорил великий Эйнштейн.

И вот на «Доске истории знаний» появилось изречение поэта-декадента Брюсова:

«Атлантида нужна истории и поэтому должна быть отрытой!».

Тогда я еще не ведал, что опыт плавания по волнам в – поиске Атлантиды через десять лет увлечет меня в русло тайны Тунгусской катастрофы и приведет к появлению книги, которая выдержит четыре издания… Почему? Там также шла речь о нетрадиционном взгляде на этот столетней давности феномен!

Санторинская «Помпея»

Сообщение о двух Атлантидах на экстренном заседании клуба во время перехода к острову Санторини вызвало то ли спор, то ли уныние. Но только до момента подробного оглашения обеих версий.

И опять Брис:

– А почему бы нам не взять на вооружение обе гипотезы: катастрофа от метеорита при столкновении планетоида с Землей или катаклизм в Атлантике и катастрофическое извержение вулкана Санторини к северу от острова Крит с его культурой?

– Одна гипотеза – астронома Мука (1979 год), а другая – нашего соотечественника академика Норова, высказанная еще в середине девятнадцатого века, – поддержал я Бриса.

И вдруг вскочила и, чуть снова не упав за борт, заявила Ольга:

– Это же находка – две Атлантиды означают два… похода. Целых два… Правда, при одном условии: я буду участвовать во втором…

Взвился Влад:

– Это значит, снова увидимся вместе и… «в дорогу дальнюю»!

Стоян с грустью смотрел на нас, и я спросил его:

– Ты-то – с нами или без нас?

– Да, мне грустно, что придется расстаться с вами, хотя бы ненадолго…

И клуб принял решение: обязать ученого секретаря подготовить доклад об академике Норове и его видении проблемы средиземноморской Атлантиды. Я засел за бумаги…

Справка об альтернативе. Для восстановления исторической справедливости следует указать, что «эгейский вариант» впервые был рассмотрен русским академиком А. Норовым в работе «Исследование Атлантиды» (1854).

Он писал: *«Острова Крит и Родос должны были так же вместе составлять одно целое с Атлантидой; древнее имя Крита, Родоса и даже Лесбоса было одним с Критом: они назывались Атлантида».*

Основываясь на древних текстах, академик определил дату катастрофы как 1450 год до н. э. Но эта работа долгое время оставалась малоизвестной.

И вот в 1900 году английский археолог А. Эванс начал раскопки в критском городе Кноссе. Находки поведали миру о древнейшей в Средиземноморье цивилизации, названной критско-микенкой (минойской). Ее гибель пришлась на середину

второго тысячелетия до н. э. Следующий шаг сделали шведские и американские исследователи (50-е годы).

В глубоководных отложениях остаточной части моря было выявлено наличие в грунте толстого слоя вулканического пепла. А его территориальное равномерное распределение и последующий анализ говорили о том, что вулкан Санторин (120 километров к северу от острова Крит) взорвался 3400 лет назад.

В 1956 году на самом большом острове Санторинского архипелага – Тира – проводились раскопки греческим археологом С. Маринатосом. Он обнаружил под 30-метровым слоем вулканического пепла развалины большого, некогда цветущего города, существовавшего во времена расцвета Минойской культуры. В свою очередь, советский исследователь И. Резанов нашел в легендах и мифах Древней Греции сведения, говорящие о грандиозной вулканической катастрофе.

Итак, налицо были три мнения приверженцев катастрофы на острове Санторини – академика Норова, сейсмолога Галанопулоса и археолога Маринатоса. Они сошлись на том, что платоновская Атлантида есть не что иное, как древняя критская держава.

И тогда, согласно их гипотезе, Санторин – это крупный город атлантов. Примерно в 1400 году до н. э. вулкан, до этого дремавший (вспомним Везувий и Помпею!), взорвался, середина острова рухнула на дно, по морю прокатилась разрушительная волна. На острове, вокруг на море и на соседних островах выпало вулканического пепла в среднем до 10 см толщиной.

Пеплопад принес островам Минойского царства окончательное опустошение, первоначально вызванное землетрясением, взрывной волной и цунами. Цветущий край на многие десятилетия превратился в бесплодную пустыню. Само государство пало под натиском ахейских племен.

А как быть с несоответствием эгейской версии с диалогами Платона? Если вместо 900 лет до рождения Платона поставить 900 лет, то датой катастрофы на Санторини окажется… 1470 год до н. э. И тогда катастрофы с участием вулканов вписываются в логическую цепочку: Кракатау (1883 год), Лиссабон (1755 год н. э.), Везувий (79 год н. э.)… Санторини (1470 год до н. э.), Атлантида (8499 год до н. э.).

В одном случае виновны небеса, а в другом – земные недра. Правда, от этого земным цивилизациям не легче.

Очередной «окончательный» вывод: свидетельства о катастрофе на острове Санторини сохранились в памяти народов. Причем по поводу гибели минойской цивилизации есть прямые доказательства, которые лежат во многих музеях мира!

После последних строк мне стало легче: коллег не разочарую – будем работать по всей триаде свидетельств, выведенной нами еще в начале пути – от предположений к косвенным доказательствам и признакам! Чего? А того, что Атлантида могла быть на Санторини, и мудрец-философ Платон привлек особое внимание к ее проблеме путем зашифровки в своих диалогах судеб сразу двух цивилизаций.

Неожиданно в обсуждение проблемы Атлантиды вмешался Гор. Чаще всего он был вне наших бесед, разве что внимательно слушал. Его задача была провести нас «по пням и кочкам» морей на маршруте, по которому двигался наш «Аквариус», – Черному, Мраморному, Эгейскому, Ионическому, Адриатическому и снова Эгейскому морям.

А он, оставаясь на шлюпе в дни наших путешествий по суше, кое-что в бумагах накопал. Более того, делал выписки и превращал их в маленькие эссе. И вот теперь, когда мы вплотную подошли к Санторини, «конкуренту» Атлантиды в океане, Гор подбросил нам новенькие сведения. Он не хотел публично выступать, но мы его настойчиво просили, и он сдался.

– Пусть вам будет хуже – буду читать по бумажке на русском языке и потому…

– …и потому все ошибки пойдут за наш счет! – поддержала Гора Ольга.

А я смотрел на Риду – она сияла, вернее всего, потому, что это была ее работа – она уговорила мужа лично высказать свое мнение в дополнение к нашим спорам. И, зная его характер, была уверена – он найдет свой угол зрения на Атлантиду. Рида не ошиблась.

Его два эссе были короткими, но весьма конкретными.

Эссе Гора (о «геологии» взрыва для обеих Атлантид). Выяснение максимально возможной силы геологической катастрофы (вулканы, землетрясения) имеет исключительное значение для решения проблемы Атлантиды – на сегодняшний день это выводы ученых.

Во-первых, следуя тексту Платона, свидетельствующему, что Атлантида была «больше Ливии и Азии вместе взятых», для полного уничтожения такой огромной страны необходима геологическая катастрофа в тысячи раз больше, чем известные. Подобных катастроф ученые предполагать не могут.

И, следовательно, атлантологи вынуждены признать: если Атлантида существовала и была уничтожена каким-то катастрофическим природным явлением, то размеры ее как города-страны и даже цивилизации, созданной ею вокруг себя, должны быть много меньше. Даже на порядок меньше.

Во-вторых, для дальнейших выводов чрезвычайно важно, что извержение вулкана на Санторини, увязываемон с гибелью минойской морской державы, является одним из возможных геологических катаклизмов.

Значит, если нужно объяснить уничтожение Атлантиды геологической катастрофой, санторинское извержение по силе взрыва и площади опустошения подходит для этой цели больше, чем что-либо иное.

Характерным является следующий факт: самое сильное (минойское) извержение вулкана Санторини не было известно в классическую эпоху – ни в гомеровский период (XI–VIII вв/ до н. э.), ни во времена греческой архаики (VII–VI вв до н. э.) и греческой классики (V–IV вв/ до н. э.), ни в эпоху эллинизма (конец IV–I вв/ до н. э.).

Более того, даже в средние века лишь изучение геологического строения острова Тира в Санторинском архипелаге в конце XIX века и последующие морские исследования в Восточном Средиземноморье позволили обнаружить это грандиозное геологическое явление.

Вулкан Санторин, по меркам вулканологов, очень молод – всего 100–200 тысяч лет. Рассчитано, что первое извержение Санторина произошло в доисторическое время – 25 000 лет назад. Об этом говорит пепловый горизонт – тогда взорвался первый конус, и произошло образование кальдеры этого архипелага.

Затем, около 1400 лет до н. э. его активность усилилась и вылилась в грандиозное событие, связанное с гибелью культуры критской цивилизации. Но «минойское извержение» (1450 год до н. э.) не было последним в истории архипелага. 1200 лет вулкан молчал и заговорил вновь, причем многократно: 197 год до н. э., 726 год н. э., 1573, 1650, 1707 годы.

И вот, сравнительно недавно, на памяти людей, в 1886 году дал о себе знать один из древних конусов архипелага на острове Неа-Каймени. Его пробуждение замечали люди острова с конца января и далее в течение года: с горы катились камни, вода в бухте теплела, появлялись облака пара, носился запах серы, и слышен был подземный гул… Чем ближе к катастрофе, тем чаще стали появляться трещины в земле, трясение, от слабого до сильного, трещины в домах… Перепуганные жители, ища спасения, перебрались на самый большой остров архипелага – Тиру.

Оттуда, с высоты трехсот метров, люди наблюдали, как из воды показались окутанные белым паром скалы, и над островом появилось красное зарево. Температура воды стремительно росла – от 40 до 80 градусов. На их глазах рождался новый остров

Георгиос. Он просуществовал три недели и взорвался: столб пепла и пара поднялся на высоту несколько сотен метров, а куски раскаленной лавы – на 500 метров…

Люди наблюдали – значит, могли наблюдать и те, кто спасался при взрыве вулкана три с лишним тысячелетия назад?! Они-то и донесли сведения до тех, кто потом поведал их Платону!

Последовали наши поздравления Гору, и оба его эссе заняли достойное место на «Доске истории знаний». Правда, не на специальном крючке, а рядом – в особой коробочке, похожей на почтовый ящик.

* * *

Мы подходили к Санторинскому архипелагу с севера. Задержавший нас шторм еще колыхал море и, сидя в кокпите, мы видели весь главный остров с городком на его вершине.

Брис спускался в рубку и вел с кем-то переговоры по рации. Как я понял, он держал связь с кем-то на берегу. И когда наш «Аквариус» подошел на пушечный выстрел (это три километра), от пристани города Тира навстречу нам выскочил надувной катер. Мы его вычислили, потому что он оставлял после себя пенистый след, который, словно стрела, указывал на нас.

На борт поднялась бородатая личность с повязкой на голове и ослепительной улыбкой, нацеленной, вероятно, на лучшую половину нашего экипажа.

– Брис, друг, рад тебя видеть! – бросился «пират» в объятия нашему руководителю. Стал его трясти крепкими, загорелыми руками, вслух перемежая греческие и английские слова. И обращаясь к нам всем, воскликнул:

– Диодор! Или просто – Дор…

Он пожимал наши руки поочередно и удивлялся нашим именам, безошибочно узнавая нашу национальность:

– Стоян? Вы – болгарин… Влад? Вы – славянин… Максим? Неужели русский?

Риду и Гора признал за своих сразу. Задержал руку Ольги дольше и, закинув голову назад, воскликнул:

– Ольга? Русская? Афродита…

А «Афродита» не преминула пошутить с новым нашим знакомым, явив свой коронный номер.

– Я не поняла: вы – Диоген или… И тогда: где ваша бочка?

«Пират» озадаченно закрутил головой и хотел разъяснить. Но… коронный номер сделал свое дело – от крепкого рукопожатия Ольги он даже присел и замахал рукой.

Пока шло представление, я спросил Бриса: это его старый знакомый?

– Что ты, первый раз вижу, но рекомендовал его мне хороший человек… Сам Спиридон Маринатос, греческий археолог из Афинского университета…

– Откуда ты археолога знаешь?

– Он гостил в моем бунгало, на Закинфе… Любопытная личность… Профессор с большой буквы… О нем ты еще услышишь здесь, на Санторини…

Диодор все еще потирал «ушибленную» Ольгой руку, но в кокпит сел, и мы стали обсуждать план знакомства с островами. План был прост: Тира, вокруг Тиры, острова Камейни, Акротира…

– Друзья, Акротира исключается – это запрет моего учителя Маринатоса… Пока никому до местной «Помпеи» подхода нет… Извините! – ничуть не смущаясь, заявил Дор.

Позднее выяснилось, что Дор – ученик профессора и «болеет» археологией. Фактически стал главным представителем Афинского университета на архипелаге.

В два захода Дор вывез нас на пристань. На шлюпе, как всегда, остался один Гор. И пока мы со скоростью в пятьдесят километров прыгали на волнах, Дор раздал нам любопытную рекламную листовку. Это было одно из обращений местной туристической компании к посетителям. Вот оно.

> «Автобусная лига предлагает экзотическую прогулку на…
>
> Вы прибыли на главный остров Санторинского архипелага и его столицу Тира.
>
> Вы увидите научное открытие – именно здесь в середине второго тысячелетия до новой эры катастрофическое извержение вулкана привело к гибели Атлантиды.
>
> Туристов много, а транспорта мало. Мы вам поможем – к вашим услугам четыре вида передвижения: пешком полторы тысячи ступеней вверх, на автобусе, в седле мула и на ослике в одно посадочное место.
>
> Выбор за Вами!»

Когда мы получили в руки этот любопытный документ, читать его не было возможности – лодка прыгала по волнам. И мы попросили сбавить ход. Конечно, не из-за рекламной листовки: хотели испытать встречу с островом трагической судьбы, не торопясь с чувством трепетного приближения к тайне возможного присутствия на дне легендарной Атлантиды.

И вот мы вблизи узкого каменного причала, выдолбленного в

отвесной скале, на вершине которой прилепились белые строения Тира, столицы архипелага. Город снизу выглядел похожим на щеточку усов седого пенсионера. У каменной стенки мускулистые руки археолога-землекопа ловко подхватывали каждого из нас и доставляли на берег.

– Вам помочь или вы сами прыгнете? – спросил Дор Ольгу и спрятал руки за спину.

– Ладно уж, давайте руку, – дружелюбно заметила Ольга и взвилась над причалом от сильного рывка «пирата».

Как мы уже знали, подняться к Тире можно на разного вида «транспорте», но все же по тропе, которая едва вмещала одного человека. Дорога извивалась ломаными зигзагами с 600 широчайшими ступенями, высеченными в скальном грунте. Мы сели верхом на мулы, а Ольга – на ослика…

Вот как она сказала:

– Не могу же я оставить этого симпатягу без работы? И лучше я, чем… Максим, – засмеялась Ольга, намекая на мой внушительный вес.

Нас сопровождали погонщики, подстраховывавшие всадников. Панорама архипелага открывалась постепенно, все более и более восхищая нас видом бездонного колодца, на дне которого были разбросаны бесформенные куски суши – гористые и малолюдные с крохотными деревушками.

На вершине горного массива в триста метров тесно жмутся друг к другу белые каменные домики санторинцев. Между домами вписаны многочисленные церквушки причудливой архитектуры – их на островах более трехсот.

– Десять лет назад здесь начал работать Жан-Ив Кусто, французский следопыт океанских глубин, – поясняет Дор. – Здесь, у пустынного острова Диа, он обнаружил след погибшей цивилизации и подтвердил, что она была уничтожена катастрофическим взрывом вулкана примерно за полторы тысячи лет до нашей эры…

– И что думает Кусто по поводу общеизвестной гипотезы о том, чтоАтлантида была в океане? – спросил Влад.

– Он работал много… Его мнение такое: гипотеза, что Атлантида была скромным островом в Эгейском море, не нова… А привели его сюда работы его соотечественника – археолога Луи Фигье, который еще в 1872 году высказался по поводу Санторина как «родины» Атлантиды… Он – сторонник Атлантиды средиземноморской…

Мы смотрели на величавый вид когда-то цельного острова. А Дор говорил об оценке Кусто, данной нынешнему состоянию архипелага:

– Разве не прав Кусто, назвав эти развалины острова так: «… огромный расколотый кубок диаметром в 16 километров… Его неровная окружность – это все, что осталось от большого вулканического острова, взорвавшегося примерно в 1500 году до н. э.…».

Я поразился наблюдательности и образности Кусто и зрительно «сфотографировал» все десять островов, включая мелкие осколки скал.

Последующий рассказ Дора вводил нас в историю жизни архипелага. Суть его такова.

Справка о «жизни на вулкане». Для восьми тысяч жителей Санторинского архипелага крылатая фраза «живем как на вулкане» имеет не переносное, а самое прямое значение. Острова рождены вулканом, единственным из действующих в Греции и поныне.

О том, что опасность подстерегает островитян, время от времени напоминают его извержения, а еще чаще – землетрясения. В сейсмической летописи Санторини особо трагичными были последствия извержения вулкана и сопровождавшего его землетрясения. Это случилось в июле 1956 года: 48 погибших, 200 раненых. Две тысячи домов Тира были обращены в руины и сброшены в море.

Легкое предупреждение о том, что вулкан только дремлет и все еще кипит в неведомых глубинах – это пар, слабое трясение, дымок из трещин… Во время его пробуждения в 1925–1926 годах, когда образовался новый кратер, из его огнедышащих недр было выброшено 100 миллионов кубических метров пепла и каменных глыб!

С оглядкой на его опасный норов проходит вся жизнь греков. Ведь их страна расположена в зоне активной сейсмической деятельности. Афинская обсерватория регистрирует в среднем за месяц до 600 подземных толчков.

И тем не менее, жизнь на Санторини идет свои чередом. Чтобы заставить плодоносить свой суровый остров, приходится обращаться за водой за пределы архипелага. Здесь, на острове, нет ни одного источника воды.

Для полива скудных земельных угодий санторинцы запасают дождевую воду и хранят ее в специальных цистернах. А питьевую доставляют на судах с острова Парос.

И все же Санторини чем мог отблагодарил местных жителей за их тяжелый труд: в вулканической почве отлично прижилась виноградная лоза. Из овощей хорошо растут томаты.

Но главный доход в казну острова и семейные бюджеты островитян поступает от туризма и продажи заморским

заказчикам вулканического пепла. Так случилось, что лучший цемент – из пепла Санторини. Все цементные заводы – заказчики острова. Кто бы подумал: вулкан и ценное сырье?!

Чтобы не совсем разочаровывать своих коллег, я решил продолжить упирать на тот факт, что мы договорились считать Платона носителем в его описаниях отдельных реальных фактов. Но новые данные о Санторини и Атлантиде мы не имели права игнорировать. Тем более, уже для себя оговорили: две Атлантиды – это лучше, чем одна.

…Столица архипелага Тира сверкала под лучами солнца, купалась в свежем ветре и чистейшем морском воздухе, а потому казалась промытой ими до блеска. Чистота, аккуратность, несуетность – вот главное впечатление от этого трагического для нас уголка земли.

И конечно, все – для туристов. Правда, отель всего один – «Атлантис», но множество маленьких частных гостиниц вроде тех, что мы видели в Альпах. Почта, телеграф, банки… Рестораны и рестроранчики, таверны и кафе – национальное меню к услугам прихотливых и не столь привередливых посетителей.

Зашли в лавку букиниста, а проще – в книжно-сувенирный магазинчик: купили толстый путеводитель по островам и буклет, стали выбирать сувениры. Дор прервал нашу попытку, глазами указав нам на дверь.

Главная торговля изделиями местного ремесла – сувенирами – шла на площади сразу с пятью церквями. Это был шквал «артефактов» эпохи, описанной античным авторами с множеством намеков на Атлантиду. А кое-какие вещи предлагались с явной попыткой использовать «античную» тему. И получалось, что продавцы имели якобы на руках вещи из… «коллекции» Платона!

Но делали они это столь виртуозно и с веселым задором, что обе стороны, понимая и принимая игру, оставались довольными. Сувениры выражали свое отношение к месту, где мы были: орнаментами, рисунками, скульптурами, гончарными изделиями, коваными поделками, ювелирными работами – и чаще всего с подтекстом: это память об Атлантиде.

– Весной шестьдесят седьмого года мой учитель начал основательные раскопки у деревушки на острове Акротири, – рассказал Дор. – Туда его привел местный крестьянин. Случилось так, что его ослик, бродя по винограднику, пробил копытом верхний слой почвы. Оказалось, что он проломил крышу строения… Этот дом был спрятан от людей под слоем пепла почти 3500 лет и сохранил тайну покинутого жителями города… Это и есть наша санторинская «Помпея».

Слово о санторинской «Помпее». Пепел оказался еще и

отличным «консервантом». Именно благодаря вулканическим выбросам пепла на острове сохранились следы, возможно, древнейшей цивилизации, которую атлантологи связывают с исчезнувшим городом-страной Атлантидой.

Менее сорока лет назад у санторинцев появилась своя «Помпея», вблизи крохотной деревушки на острове Акротири. Именно там, причем совершенно случайно, было сделано археологическое открытие мирового значения и подлинной научной сенсации! Правда, ученые полагают, что раскопки на Акротири привели к открытию крито-микенской цивилизации.

В санторинской «Помпее», полагают ученые, проживало 30 тысяч человек. В период его расцвета художники расписали великолепными фресками внутренние стены домов. А вулканический пепел словно «забальзамировал» древний город. Сохранились не только его строения, но и обстановка жилищ, вплоть до утвари, предметов быта и повседневного обихода.

Однако, в отличие от итальянской Помпеи, в санторинской не обнаружено ни одного человеческого скелета. Археологи обратили внимание и на почти полное отсутствие в домах предметов украшений и драгоценностей. Предполагается, что жители успели покинуть родные очаги и остров перед страшным взрывом или, вероятнее всего, погибли под гигантским валом цунами. Было ли это концом Атлантиды?

Раскопки возле деревушки Акротири продолжаются. И археологам, историкам, атлантологам предстоит, видимо, дать ответ на ряд вопросов за или против существования здесь Средиземноморской Атлантиды.

…Но вернемся к нашему пребыванию на архипелаге. Сверху мы видели черный глаз вулкана, смотревший в чистое небо из центра бухты. Мне показалось, что он подернут дымкой. Закралась мысль, что греха таить, а вдруг это начало – ну, того самого…

Мы стали спускаться вниз, чтобы посетить центр бухты и посмотреть этот «глаз» вблизи. Нас принял на борт шестиместный катерок, который неторопливо понес нас к острову Камейни.

Когда мы высадились на чуть поднятый над водой берег – вершину вулкана, нас поразила странная картина: ни клочка земли, вокруг самого большого кратера вздыбился хаотично спекшейся сплав темных пород. По соседству, на склонах более мелких кратеров этого островка, кое-где из трещин курился легкий дымок. Это вулкан давал о себе знать, как он уже делал это в двадцатые и пятидесятые годы…

– Мне удалось поработать с двумя крупными греческими археологами, – говорил Дор. – Это мой учитель Спиридон

Маринатос и Лахаорос Колонас. Однажды я присутствовал на встрече Колонаса с Кусто – они вместе работали…

– Вы работали с ними здесь, на Санторини? – спросила Ольга, обращаясь к Дору, который при этом демонстративно прятал руки за спину.

– Не здесь, а на севере Греции… Так вот, тогда Колонас сказал, обращаясь к Кусто, приблизительно так: «…мы греки, опасаемся землетрясений больше всего на свете. Недаром наши предки считали Посейдона не только морским владыкой, сколько ужасно обидчивым „колебателем земли“»…

– Эх, побывать бы на раскопках Акратира – тяжело вздохнула Ольга. – Но…

И, видя разочарование на наших лицах, Дор не стал нас мучить, а, широко улыбаясь, заявил:

– Вы – гости моего учителя! И потому будете его и моими гостями в стенах санторинской «Помпеи»!

Оставив остров Кампейни, мы направились к острову Акратира, что лежал в пяти-шести километрах южнее.

И вот мы на его земле размером два километра на три. Причал – блоки на блоках из местного базальта и мраморных глыб, видимо, они здесь были приспособлены достаточно давно. Его стенки покрылись темно-зелеными мохнатыми бородками, которые нежно и беззвучно перебирали местные воды моря.

– В деревне под десятками метров пепла раскопали поселение городского типа площадью в квадратный километр… Остальное увидите сами, – многозначительно заметил Дор.

Перед нами открывались очищенные от пепла постройки в два и три этажа, часть которых сохранилась с крышами, опирающимися на колонны. У одних при входе – небольшие лоджии, у других – вестибюли с каменными скамьями…

– Обратите внимание на высоту стен коридоров, – говорил Дор. – Они ведут во внутренние комнаты… Видите многочисленные ниши и выступы – это для ваз…

– И все оштукатурено! – воскликнула Ольга.

– Смотрите, – показала Рида на более вместительную комнату, – тут камин…

– Все это – летний дворец! – торжественно произнес Дор.

И стало понятным, почему такая торжественность: ведь этот город тянулся поперек всего острова и, как предполагают археологи, заканчивался гаванью.

– Мы видим лишь одну треть города, в котором в доисторическое время жило до 30 тысяч человек… Жили на краю кратера, – серьезно произнес Дор последнюю фразу.

– А где остальная часть? – спросил Стоян. – Ее нашли?

– Археологи разобрались и с этим: при взрыве вулкана и погружении кольдеры архипелага северная часть погибла, южная оказалась, к нашему счастью, засыпанной пеплом, но все же частично ушла под воду, – пояснил Дор.

– «Морскую часть» нашли? – не преминула спросить Ольга.

– Нашли, нашли… На глубине всего двадцать метров лежат остатки городских строений, – заметил Дор.

Вдалеке, за концом раскопок, виднелось огромное дерево – могучее и разлапистое. На него мы обратили внимание Дора, и он рассказал.

– Еще в начале первых раскопок в тридцатые годы и затем в пятидесятые на острове было только это единственное дерево и виноградники… А ведь вы видели, что дерево широко использовалось в строительстве домов – без этого нельзя было обойтись из-за частых землетрясений… И люди того времени это знали…

– Это дерево напоминает сосну, – высказался я. – Но не вашу пинию, а нашу крымскую.

– Это и есть сосна Станкевича, столь редкая даже для этих мест и акватории всего моря. Она – кряжистая и стойкая к ветрам благодаря своим длинным тридцатисантиметровым иглам, – сказал Дор.

А я подумал, что только в Феодосии, в городе моего деда, растет несколько гектаров такой сосны, посаженной в дар горожанам нашим художником Айвазовским в конце девятнадцатого века. И на Кавказе – такие же сосны в районе Геленджика. Там вообще – километра четыре на два по площади…

– Идите сюда, – позвал Дор, ведя нас по узкой улочке к еще одной стороне летнего дворца.

Ошеломленные, мы застыли – на фреске во всю стену дома была представлена процессия женщин, как пояснил Дор, со священными дарами. Фигуры в натуральную величину! И краски свежи, а фреска фактически целая, сохраненная «консервантом» из пепла!

Другая фреска того же дворца поразительна по содержанию и размерам – 16 квадратных метров! Это была фактически «фотография» панорамы-пейзажа острова… до извержения: холмы, конусы вулканов, красные лилии на ветру, летящие ласточки…

И опять, еще одна фреска – с антилопами, которые в наши дни сохранились только в Африке. А фреска с мальчиками-боксерами… И комнаты, расписанные лилиями – на стенах и керамике…

Дор не тревожил нас своими пояснениями – каждый переживал увиденное по-своему: Брис молчал, набычившись; Влад открыл рот, правда, чуть-чуть; Стоян стоял, скрестив руки на груди в задумчивости; Ольга – по-детски прижав руки к груди и широко открыв глаза; Рида – в позе застывшей статуи…

Это тоже надо было видеть: люди, ничему не удивляющиеся в наш техногенный век, робко взирали на шедевры культуры, пришедшие из глубины трех с лишним тысячелетий.

– И вот главный вывод – Атлантида это или нет, но одно ясно: здесь, в кальдере Санторинского архипелага, на нескольких островах располагался крупный город… И здесь, где мы стоим, жила привилегированная часть общества, – высказался Дор.

– Какого общества? – спросил Стоян.

– Конечно, эпохи расцвета крито-минойской культуры, – ответил Дор.

– Мы еще не были на Крите, – заметил Влад. – Но если это – Атлантида, то что же тогда такое столица Крита – Кносс?

– Но это же одно целое! – воскликнула Ольга. – Как ты не понял, Влад? Критская цивилизация! Это – сам Крит, Санторини, другие острова вокруг и вдалеке, берег Средиземного моря…

Вот это да! – подумал я, радуясь обобщениям Ольги и широте ее знаний. Мы, она и все, говорили с профессионалом на одном языке!

– Очень верно подмечено, – сказал Дор. – Если учесть, что многоэтажные дома с замечательными фресками не уступают по красоте исполнения фрескам в Кносском дворце…

Когда мы плыли к центру архипелага, главный остров оставался сзади. Теперь мы приближались к нему лицом к лицу. Отвесная скала зловещего черноугольного цвета высотой в триста метров вставала перед нами из моря вертикально – это ошеломляло и подавляло. Казалось, стена на нас валится, и мы притихли, пока моторка не обогнула остров с юга и не пошла вдоль пологого берега.

Всех нас волновал вопрос: как могла «Помпея» сохраниться здесь, в эпицентре взрыва вулкана? И стоило Дору затронуть вопрос о минойской цивилизации, как мы увели его в сторону «Помпеи».

– Крит с его минойской культурой – далеко, 120 километров от вулкана. Критская цивилизация погибла от вулкана, землетрясения и цунами… А «Помпея» сохранилась, хотя и была рядом?! – начала заводиться Ольга.

– Действительно, как могла «Помпея» сохраниться в десятке километров от вулкана? – воскликнул Стоян.

– А как сохранилась Помпея возле Везувия? – встрял Влад.

Дор молча наблюдал нашу дискуссию по хорошо ему известному предмету – Санторини и его «Помпея».

– Пепел! – крикнула Рида.

– Конечно, пепел, пепел и пепел, – подхватила Ольга. – Пеплопад препятствовал потокам лавы…

– А был он у нашей «Помпеи» в 30 метров толщины… 30! – заметил Дор.

– Лава не дошла до итальянской Помпеи и до этой, на Санторини… Лаве предшествовал пеплопад, – заметила Рида. – Пепел, хотя и горячий, многое предохранил – и дома, и утварь, и людей, точнее их останки… Но это – на той Помпее… Здесь люди успели уйти… Пытались успеть уйти от волны…

– Главное, греческий археолог установил, что его «Помпея» погибла от грандиозного взрыва вулкана в год, который увязывают с гибелью минойской цивилизации и здесь, и на самом Крите, и на островах вокруг, – завершил дискуссию Брис.

Мы распрощались с нашим добрым гидом-ученым Диадором и каждый ему передал что-то на память – брелок, ручку, блокнот, открытку… А еще – фото общего вида архипелага с нашими подписями и пожеланиями на трех языках – греческом, болгарском и русском.

В конце дня мы вышли в море, и еще долго на фоне заката мы видели три высокие, все уменьшающиеся скалы Санторинского архипелага, о которых в легендах и мифах говорится, что, возможно, эта триада скал – трезубец Посейдона. Впереди нас ждал путь почти в сто миль или до десяти часов по времени.

И раз уже мы говорим о Санторини, то в тот же вечер я собрал всех в кокпите и зачитал короткое мнение великого открывателя, исследователя океанов и морей, мудрого ученого Жан-Ив Кусто. Вот оно, вычитанное мною в одной из газет. После экспедиций на Санторини и Крит Кусто высказал следующее:

«… Мне захотелось проверить одну из гипотез, касающихся Атлантиды. Эту гипотезу сейчас (1970-е. – Прим. авт.) *считают одной из наиболее обоснованных, и ее авторы полагают, что затонувший материк располагался в Средиземном море, а не за Геркулесовыми столбами (ныне пролив Гибралтар), как писал Платон.*

Согласно этой гипотезе, народ атлантов отождествляется с критянами, создавшими великолепную минойскую цивилизацию, погибшую внезапно примерно за полторы тысячи лет до нашей эры.

Наконец, она объясняет, что гибель ее была следствием серии геологических катастроф, самой мощный из которых оказался разрушительный взрыв вулкана на острове Санторини (Тира)».

Итак, мы все более уверовали в следующее:

• Средиземноморская Атлантида имеет право на существование *(во-первых)*;

• ее культура могла быть известна Платону *(во-вторых)*;

• заслуга Платона в том, что, вероятнее всего, он соединил сведения о двух Атлантидах в одну повесть и изложил ее в своих двух диалогах *(в-третьих)*.

Собственно, этим он обогатил нашу память и привлек вимание к тайне на многие годы многих людей – от специалистов до любителей.

И за это ему спасибо!

«Бунт» по поводу трех «альтернатив»

Пока мы шли к Криту, предстояло осмыслить собранные сведения по Критской цивилизации, причем на примере Санторинского архипелага в пользу средиземноморской Атлантиды.

Для обсуждения мы, как обычно на заседаниях клуба, собрались в кокпите.

– Друзья, наше путешествие в защиту сказания Платона подходит к концу, – обратился я к коллегам-единомышленникам-знатокам. – Мы в свое время рассмотрели 22 косвенных признака, 10 убедительных предположений и 5 косвенных доказательств…

– Но ведь в основном речь шла о местоположении Атлантиды? – встряла торопыга Ольга. – Верно, из последней пятерки только одно доказательство говорит о времени гибели, а остальные больше касаются вопроса о том, где она, Атлантида? – заметил Стоян.

– Причем вся эта пятерка не противоречит науке… Не правда ли?! – спросил Влад.

Мы переглянулись и, как бы в растерянности, готовы были искать лазейку в куче вопросов: что делать теперь? Как найти объяснения фактам из многих ручейков сведений, причем «за» или «против» нашей Атлантиды?

– Хватит отступать от главной линии: мы – за нашу Атлантиду! – решительно заявил Влад, опередив Бриса, готового что-то сказать.

– Хватит?! Хватит! Хватит, – даже встал Брис. – Нет, не хватит… Нам нужно что-то делать с массой фактов, полуфактов и фактов в мифах!

Кажется, Рида решилась сказать то, что мы думали все:

– Мы не можем отказаться от Платона, мы не смеем… И не должны… Он слишком велик, чтобы не верить ему… Но мы не можем не учитывать факты сегодняшнего дня… Мы узнали их только что, здесь, на Санторини и в ходе нашего «бумажного поиска»… Не так ли?

Мне была понятна точка зрения моих коллег по углублению в тему – они опасались расстаться с греющей их идей пройтись по фактам в пользу Платона. Я взглянул на Бриса, и он понял мою тревогу, сказав:

– Вы помните присказку: Если не догоним, то хотя бы согреемся! Все кивнули и еще внимательнее стали слушать главу экспедиции. Думаю, никто не ожидал от него сюрприза – было не до него.

– Мы согрелись? – спросил он и сам ответил. – Еще как… Мысль об Атлантиде подвигла нас на поход за три моря и даже в Альпы…

– Уж не искали ли мы в Альпах нашу Атлантиду? – съязвил Влад.

– Не искали… там! – отрезал Брис. – А вот в Андах могли бы поискать… Ее следы или ее влияние на цивилизации… по ту сторону океана… Но с таким настроением – лучше оставаться дома…

Что-то нехорошее стало звучать в этой дискуссии – назревал бунт, правда, крошечный. Хотя все готовы были продолжать поиск, если не Атлантиды, то ее следов или ее собратьев. Нужно было переломить ситуацию, и тогда, как поется, «хорошее настроение не покинет больше нас…».

И я решился громогласно объявить о трех парадоксальных моментах в наших поисках, но все же начал не с этого:

– За бунт на корабле во флоте всех наций вешали на реях (к счастью, их у нас нет!) или выбрасывали за борт (воды у нас хватает!); на худой конец, высаживали на необитаемый остров… Предлагаю выбрать наказание самому себе. И если это остров, то их здесь множество… Лично я – за Крит, друзья! Записывайтесь и… не надо оваций, пожалуйста!

И мы поняли, что «лед тронулся, господа присяжные заседатели», причем нашего шлюпочного разлива. Под несмолкающие смешки я продолжил:

– Вот что, друзья! Где мы сейчас с идеей нашей Атлантиды? Говорите…

Пауза, и первой выступила Ольга:

– Влад, не ты ли мне клялся, что в нашем деле пойдешь до конца? Даже если убедишься, что Атлантида, как ты говорил, – гигантский миф?

– И что же? – переспросил Влад. – Я и сейчас с тобой… И не против нашей Атлантиды…

Чтобы погасить зарождающийся шквал пререканий, пришлось использовать преподавательский прием – вызвать огонь на себя… парадоксальной постановкой вопроса:

– Итак, три альтернативы, – начал я, но меня перебил Влад, сказав, что альтернатив может быть только две.

– И все же я буду говорить о трех, трех вопросах…. Первый: Атлантида есть или ее нет – это согласно нашей вере Платону? Второй: Атлантида – это Санторини и Крит? Третий: Атлантида по Платону – и атлантическая, и средиземноморская; тогда получается, что Платон соединил две Атлантиды в одну? А теперь прошу высказаться…

Высказывались от младшего к старшему. Я напомнил, что это морское правило в кают-компаниях офицеров флота всех стран и морей: первым высказывается младший, чтобы старшие не давили на него своим авторитетом. Все согласно кивнули, но… кто будет первым младшим? Выход нашла Рида, взяв на себя, как она сказала, эту почетную миссию.

– Хочу и верю: Атлантида Платона – да, Атлантида Средиземноморья – да, смесь Атлантид Платона – да!

Встала Ольга и торжественно заявила:

– Хочу и верю: платоновская – да, но в форме третьей, смеси; средиземноморская – это другая Атлантида или вовсе не Атлантида, потому – нет!

Встал Влад из младшего поколения:

– Платону верю – да; смеси Атлантид – нет; Санторини и Крит – хочу, чтобы это была не Атлантида – нет!

Захотел высказаться и Гор:

– Хочу и верю! – повторил он ридовскую преамбулу. – Платоновская – да, Средиземноморская – да, платоновская смесь – нет!

Нужно было подбивать итоги – вот они, в виде «молодежного» счета: за Атлантиду Платона – 3 «да», за средиземноморскую – 2 «да», за платоновскую смесь – 2 «да».

Настала наша очередь – то ли старших, то ли стариков. Первым слово взял Стоян:

– Хочу и верю в самостоятельность двух Атлантид и объединенных Платоном в одну… А потому: да, да, да!

Стоян поклонился в сторону Риды, приложив руку к сердцу в знак признательности, видимо, за союз двоих (позднее он скажет мне: «Я был не столь уж бескорыстен – как журналист, репортер и ведущий телепрограммы». Он объяснил это так: сказав трижды «да», он продлил интерес к теме моих зрителей. Но он честен перед самим собой: сведения по всем трем Атлантидам не убедили его настолько, чтобы он стал отрицать хотя бы одну из них…).

Наступила очередь Бриса, и он преподнес сюрприз с выпадом против меня:

– Конечно, в этом вопросе, как говорится, старший на рейде – Максим! И более старший в делах с Атлантидой тот, кто обладает знаниями большими, чем остальные…

Мы переглянулись и замерли. Такого от Бриса никто не ожидал. Меня же распирало любопытство, ибо я понимал: мой школьный друг раскручивает новую интригу. А он продолжал:

– Почему мифы по миру повторяют легенду об Атлантиде? Почему обычаи народов так схожи? Почему знания пришли из

одного центра – атлантидского? Почему много косвенных доказательств в пользу Атлантиды из Атлантики?

– Действительно, – поддакнул Влад, – мы рассмотрели аргументы против Атлантид Платона, причем с позиции Средиземноморья. А там, за океаном…

– Вот именно! Там, за океаном, еще масса фактов – косвенных признаков, косвенных доказательств, складывающихся, дай Бог, в убедительные предположения! – завершил Брис.

– И что же дальше? Твое мнение, Брис? По трем альтернативам? – спросила Ольга.

– Я – за Платона и против всяких смесей и новых Атлантид, – сказал Брис. – Прав Влад, даже в суде рассматривают мнения всех сторон, а мы выступаем с позиции обвинительной версии – средиземноморской!

Тут все вспомнили обо мне и обратили свой взор в мою сторону, причем поднятием вверх руки с растопыренными пальцами в пользу своего счета. Поднял руку и я:

– Только так! – и показал только один палец, утвердив свое согласие с версией Бриса, но добавил словами великого комбинатора, что заседание продолжается, господа присяжные заседатели.

Ольга радостно подпрыгнула и бросилась мне на шею, воскликнув: – Даешь поход за океан! В Мексику! В Перу…

И вдруг – трезвый голос Гора с печальной ноткой:

– А как же Средиземноморье? Разве все это – поход, «бумажный поиск», Санторини, споры… Все это – зря?

Мы замолчали, и все уставились на Гора. А я, указав на Бриса, решительно и с издевкой сказал:

– Пусть он нам ответит: идем или нет на Крит? Продолжим ли работу по всем трем версиям?

– Да, да, да! И пусть меня слопает кошалот… вместе с вами, если нет, – в сердцах выпалил Брис.

– В конечном счете, и младоискатели, и мы, старшие, имеем право продолжить сбор сведений «за» и «против» исследуемых трех версий! Согласны? – завершил дискуссию Стоян.

– Да! – выдохнули мы, почти одновременно.

А Ольга по-будничному призвала всех отойти ко сну. Что мы с удовольствием и сделали. Но еще долго было слышно, как на штурвале шушукались Рида и Гор, явно переживая бурное заседание клуба с конфликтной ситуацией. Ворочались Ольга и Влад. А Стоян встал и ушел на нос шлюпа. Лишь мы с Брисом вели себя, казалось бы, спокойно. Но именно отсутствие даже звуков нашего дыхания говорило за то, что мы думали свои думы.

В полудремоте, как это часто бывало со мной, нашлись

полезные советы. В этот раз вспомнились пожелания из суворовских назиданий. И, в частности, о том, что солдат всегда должен быть занят делом.

В голове крутились слова, понятия, имена – в одиночку и группами. И среди них все четче высвечивались: Гомер-Шлиман-Троя… Соломон-Платон-Атлантида… Платон-мифы-предания… мифы-археология– геология… Платон-археология-геология…

К утру в полудремоте вдруг стало понятным, что нужно всех вовлечь в обобщение узнанного через триаду реалий. Вот они: реалии Платона, реалии мифов и преданий, реалии археологии и геологии.

Еще все спали, а на «Доске истории знаний» было вывешено предложение о работе в «бумажном поиске».

По Платону значились: Стоян – «Исторические предания и Платон»; Влад – «Археология и Платон»; Брис – «Геология и Платон».

По мифам, археологии, геологии: Ольга – «Археология и мифы»; Рида – «Геология и мифы»; Максим – «Археология и геология».

Ко всему этому к «Доске» была приколота небольшая приписка: «После завтрака прийти за материалом к Максиму». И все пришли, даже выстроились в очередь. Каждый получил что-то из брошюр, статей, книг и журналов. И еще – указание по срокам и предложение о моей консультации…

Как и с визитом на Санторини, Брис связался со знакомыми из Афинского университета, и потому на Крите нас должны были ожидать. Крит открылся перед нами к полудню.

Вначале узкой полоской на горизонте, чуть приподнятой в центре. Затем остров стал уходить краями в сторону и предстал перед нами огромным трезубцем: в центре – гора Ида метров 2500 высотой и с облаками вокруг нее; слева и справа – горы поменьше, но и они терялись в дымке. Прямо по курсу – главный город острова Гераклион.

Первую ночь на Крите мы решили провести на борту шлюпа. И Брис направил «Аквариус» в известную ему бухточку на острове Дия, прикрывавшем вход в порт. За нами должны были прийти утром.

Нам передышка в этой бухточке нужна была по нескольким причинам: довести наши эссе до логического конца и рассмотреть преамбулу к визиту на Крит в ходе очередного заседания клуба.

Оно состоялось в часы уходящего дня, когда море и все вокруг окрашивалось в пурпурные цвета. Тишина, отражение огней шлюпа на глянцевой воде, даже не слышно шопота волн у бортов – и мы в кокпите со своими беседами на тему.

Вот о чем я рассказал в преамбуле.

Подвиг английского археолога. Открытие – открытием, но до начала XX столетия об этой замечательной культуре человечество абсолютно ничего не знало.

Все же нужно быть справедливым – первый шаг к открытию крито-минойской (или эгейской) культуре сделал Генрих Шлиман. Это именно он поверил в реальности, изложенные в древнегреческом мифе Гомером, и начал искать легендарную Трою. Казалось бы, ее нашел в 1873 году, но умер, так и не узнав, что раскопал слои догомеровской Трои, культура которой возникла ранее на целые тысячелетия.

И вот пришел март 1900 года. На Крите начал раскопки археолог Артур Эванс. Он имел богатый опыт музейных работы, этнографических и археологических исследований на Сицилии. В своих поисках он опирался на древнегреческие предания, рассказывающих о критской морской державе.

Историкам были известны предметы из этих мест в виде критских печатей с животными и письменными знаками. Это наводило на мысль, что Крит, а возможно, и Восточное Средиземноморье, могли располагать залежами находок, пока не тронутыми археологами…

И вот первые дни и месяцы работы на северном побережье острова в Кноссе – и потрясающий результат: обнаружены развалины огромного дворца с великолепными фресками, античные вазы, статуэтки… Но великое изумление пришло от того факта, что эти искусные изделия не были… похожими на известные ранее!

Спустя несколько дней после начала раскопок Эванс писал в своем дневнике: «Поразительно, ничего греческого, ничего римского…». И он делает первый вывод: это совершенно новая, доселе неизвестная культура Средиземноморья, на тысячелетия опережающая знаменитую и классическую культуру Греции.

В четырех километрах к югу от побережья на склоне горы Юкотас был обнаружен еще один огромный дворец: масса помещений, центральный двор, переходы, коридоры, лестницы… Ну прямо лабиринт из древнегреческого мифа о Тесее!

Раскопки расширялись и вышли за пределы Крита – на Кикландские острова, Балканский полуостров и в Малую Азию. Так мир узнал о существовании некогда могучей морской державы на Средиземном море в III–II тысячелетиях до н. э.

Яркому развитию культуры в Восточном Средиземноморье способствовало его благоприятное географическое положение – изрезанные берега с удобными для мореходства заливами и бухтами. А еще – миролюбивое население по берегам моря…

Древнюю историю Крита Эванс подразделил на три периода, назвав их по имени легендарного критского царя минойскими:

раннеминойский (раннебронзовый) – 3000–2000 гг. до н. э.;

среднеминойский (медно-каменный) – 2000–1600 гг. до н. э.; позднеминойский – 1600–1200 гг. до н. э.

Но бассейн Эгейского моря (Восточное Средиземноморье) был хорошо заселен еще с эпохи VI тысячелетия до н. э. Раскопки это подтвердили.

Удивителен факт, что Кносский дворец стоял на остатках зданий из… обожженного кирпича. В то время как сам раскопанный дворец был из камня и кирпича-сырца.

В раннеминойский период начинает формироваться архитектурный стиль: дома в два и три этажа на каменном фундаменте, но все же из кирпича-сырца; помещения укрепляются деревянными брусьями для сопротивления землетрясениям; световые колодцы сверху донизу для всех этажей… И конечно, посуда – керамическая, с темно-коричневыми орнаментами на кубках, кувшинах, сосудах разной емкости…

Расцвет крито-минойской культуры наступил во II тысячелетии до н. э. – незадолго до гибели этой державы. Так, архитектура Эгейской культуры именно в этот период разделились на эпохи старых и новых дворцов. Старые дворцы погибали во время землетрясений, и на их месте возводились новые.

Раскопки старых были затруднены, но все же кое-что удалось найти: зрелищные площадки для ритуальных игр с быком, красивые вазы, сосуды для хранения продуктов…

Новые дворцы, будучи разрушенными, все же «выжили» и дошли до наших дней – раскопаны четыре: в Кносе, Фесте, Маллии и у селения Като Закрос. Последний был раскопан только в 60-е годы. Но они были разрушены очень сильно, ибо большинство культурных центров острова не смогли от одного из землетрясений оправиться. Теперь исследователи датируют эту катастрофу примерно 1500–1450 гг до н. э.

К землетрясениям критяне приспособились, но имела место иная геологическая катастрофа именно в эти годы, которая остановила развитие минойской державы. Теперь известно: извержение на Санторинском архипелаге сопровождалось обильным пеплопадом и огромным цунами. Это было не рядовое извержение и не рядовое землетрясение – это была геологическая катастрофа со всеми последствиями природного катаклизма.

– Вот и все, – сказал я. – Теперь ответьте на ряд вопросов, сообща, конечно. Из них первый: почему Критская культура

тысячелетиями выживала?

– Если землетрясения, то разрушались постройки, но их восстанавливали; на полях от землетрясения вреда было мало, и скот обычно страдал незначительно, – первой откликнулась Ольга.

– Флот оставался на воде, – сказал Влад.

– Верно, ведь и сейчас при угрозе сильного шторма с большими волнами корабли уходят в море – там безопаснее, – заметил Гор.

– … флот также не должен был пострадать, – продолжила Рида.

– А дворцы? – спросил Стоян, и сам себе ответил, – их можно было отстроить заново…

И вот мой второй вопрос:

– И все-таки, что ликвидировало всю критскую цивилизацию?

– Не просто землетрясение, а катастрофа – как на острове Атлантида: землетрясение, вулкан и потоп, – молвил Стоян.

– А пеплопад? – уточнила Ольга.

– Ну и что? – спросил Брис. – Все четыре компонента уже наверняка бывали в этих местах. Один Санторини трясет тысячу лет и до сих пор…

– Но масштабы?! – воскликнула Рида. – Греция – как пороховая бочка из вулканов и землетрясений…

– Но все эти природные явления не в одночасье случаются и в других местах, – уточнил Стоян. – А тут?

– Подведу итог нашим рассуждениям, – встал Брис. – Два момента в этой трагедии оказались решающими – это геологический катаклизм иного рода… Как говорят, в одном стакане все четыре фактора, а еще, как говорит Рида, масштабы…

Брис обвел всех глазами и увидел серьезность лиц, столь небезучастных к давней трагедии и столь озабоченных ею.

– …но это еще не все: бедствие настигло всю ог-ром-ную стр а-ну – Санторини, сам Крит, острова, побережье… И критская цивилизация оправиться от этого удара уже не смогла. Лет сто пыталась, но пришли ахейцы с континента, и держава потеряла свое владычество на суше и море…

Мы молчали, искренне переживая трагедию давностью в три с лишним тысячелетия назад.

А я подумал о своем отечестве, России: не было войны, эпидемий и мора, триады, как у Крита, – землетрясения, вулкана и потопа… А держава пала, и ста лет не потребовалось – за считанные дни. Вот и получается, что к трем напастям можно и нужно добавить еще одну – государственную: предательство верхов, коим люди моей страны доверили свою судьбу…

Там, на горизонте, в южной части неба что-то светилось – это были огни Гераклиона. Кажется, мы вступали в последнюю стадию нашего поиска, ибо мы запутались в трех соснах: Платон, Санторини платоновская смесь.

Теперь нашу гипотезу мог спасти поиск не «бумажный», а логический. Возможно, мы приблизимся к ответу, когда разберемся с нашими новыми шестью эссе, в каждом из которых и факты, и логика – чужая и своя.

Когда непохожее – похоже…

Утро выдалось свежайшее. К шести мы выспались, и нас буквально распирало от желания видеть друг друга. Чуть ли не каждый искал повод перебросится парой слов.

Как всегда, завтрак делал дежурный по камбузу. В этот раз им была Ольга. И как всегда, ей помогала не дежурившая Рида – мы же, мужской клан, в женские дела с плитой и посудой не вмешивались.

К восьми ждали катер для выхода на берег, и он прибыл точно в срок. У шлюпа остановилось элегантное судно с плавными обводами, явно более комфортабельное, чем тот катер, который неторопливо возил нас по лагуне Санторинского архипелага. Катер пришвартовался к борту, и на нашу палубу выпрыгнул мужчина лет сорока, напоминающий героев из кассовых фильмов шестидесятых годов с любовным уклоном. Но уже первые слова и обращение к нам говорили, что внешний вид его обманчив. Хорошее, немного скуластое лицо выдавало в нем то ли прибалта, то ли скандинава. Весьма значительно коверкая русские слова, он, как мы поняли, из уважения к гостям приветствовал нас по-русски.

Трудности с представлением взял на себя Брис, выступив ему навстречу.

– Грегори, рад вас видеть на борту нашего шлюпа «Аквариус»! – протянул Брис руку элегантной личности. – Это наши путешественники, а с этой минуты – ваши ученики…

– О-оо-ооо, я рьяд не-мно-ж-ко так же, – запинаясь, приветствовал Грегори.

Он протянул руку Брису и затем – всем нам, начиная с Ольги и Риды. В нем подкупало все: естественная элегантность, искренность взгляда и манера на немецкий лад смотреть в глаза, скромность в жестах и деликатность в пожатии руки.

От предложения отведать кофе он не отказался, но сделал так, что мы о кофе забыли.

– Лет двадцать назад случилось печальное событие – новое открытие поколебало веру в выдуманного Минотавра, – несколько смущенно сказал Грегори. – Но об этом – потом, на месте… А пока: прошу в «морской лимузин».

И он первым прыгнул в катер, встал на планшир и протянул руку Ольге. Волнение было небольшим, руки их сцепились, а потом резкий и сильный рывок – и Ольга оказалась на катере. Эту процедуру Грегори проделал с каждым. Мы разместились в открытой части катера.

– Меня зовут Грегори Косис, мои предки по отцу – с острова Кос в Эгейском море. Археолог, доцент университета в Афинах. Защищал диссертацию по гибели минойского морского государства…

Грегори сделал паузу и, обращаясь к Брису, добавил:

– Рекомендован к вам… С удовольствием предложение принял… Как просил сам академик Спиридон Маринатос, помогу… Вам всем большое от него пожелание: узнайте, пожалуйста, много нового о критской культуре…

А пока катер стремительно мчался к причалам, где виден был лес мачт парусных судов. Красивой дугой мы вписались в место, где катер встал у пирса, как вкопанный. Так была продемонстрирована элегантная швартовка.

И вот мы на берегу. Подошли к полуоткрытому микроавтобусу, за руль которого сел сам Грегори.

– Вон там, – указал Грегори на видневшуюся в нескольких километрах от нас гору, – на склоне мы раскапываем Кносский дворец… Копаем уже с 1900 года, когда Артур Эванс впервые коснулся лопатой этой священной для каждого археолога земли… Это – рядом, шесть километров…

Мы быстро миновали малолюдные улочки Гераклиона и начали петлями взбираться вверх. Дворец открылся неожиданно, из-за очередного поворота. Грегори притормозил, и мы высыпали из автобуса, как пробка из бутылки – так быстро хотелось объять столь необъятное зрелище.

– Три с половиной тысячи! Три половиной тысячи лет назад? – шептал Влад.

Дворец огромен даже с расстояния в полкилометра и даже по сегодняшним масштабам строительства – чуть ли не три футбольных поля. Много камня, как полуразрушенного, так и правильной формы. И все в прямых линиях – помещения, лестницы, проемы окон и дверей. Холм, на котором стоит дворец, дополнял его величие – дворец как бы вырастает из земли.

Грегори повел нас к дворцу пешком по какой-то тайной тропе, явно не для туристов.

– Это моя любимая дорога, – говорил он. – Дворец как бы надвигается на меня, заполняя все пространство и затем прямо-таки заглатывает меня… Когда я вхожу в его прохладные помещения – залы, коридоры, лестницы, подвалы, склады…

И мы это почувствовали, но никак не могли понять, почему эти величавые руин не давят на нас.

Брис бывал здесь ранее, и он шепнул мне на ухо:

– Спроси Грегори, почему он любит эту архитектуру, не столь египетскую?

Я спросил, но, конечно, не так прямолинейно:

– Грегори, мне не пришлось побывать в Египте, но что-то говорит: там человек – мошка, а здесь – у себя дома… Не правда ли?

Все заулыбались, а Стоян воскликнул:

– Все мы – мошки рядом с таким величием: и там, в Египте, и здесь…

– Вы верно подметили, Максим, – сказал Грегори, – как, собственно, и вы, Стоян… Мошки? Да, но именно «мошки» сделали и там, и здесь эти чудеса… Но вы, Максим, правыдважды: если мы – мошки, то действительно чувствуем себя рядом с этими замечательными развалинами частью их, мы действительно здесь у себя дома…

Далее, не ущемляя нашего самолюбия дилетантов от археологии, Грегори пояснил, что, в отличие от монументальности в Египте, Кносский дворец не имеет четкого продуманного плана. Он естественно связан с окружающим пейзажем, а далее идут достройки, надстройки, переделы…

– Но в расположении внутренних помещений чувствуется свобода и живописность… Размер дворца – 120 на 120 метров, а центральный большой прямоугольный двор – 60 на 28. Он выложен плитами. Остальные помещения примыкают к нему, причем на нескольких уровнях. И все это строилось годами, десятилетиями… После очередных землетрясений…

– Нижние этажи – для вспомогательных помещений? – спросил Влад.

– И да, и нет. Можно ли назвать вспомогательными помещениями мастерские? Наверное, нет… Хранилища, конечно, можно…

– А что такое световые колодцы? – спросила Ольга.

– Они прорезали все здание сверху донизу, выглядели внутренними маленькими двориками, – пояснил Грегори.

– Для света – это понятно, а еще для чего? – спросил Стоян. – Может быть, это противопожарное устройство?

– Все проще – это для воздуха. Колодцы спасали от палящих лучей солнца в комнатах, которых здесь сотни…

Мы уже вошли во внутренние помещения.

– Вот это, – указал Грегори, – возможно, самая древняя система канализации…

Переходя в большие и малые помещения, мы поражались богатству фресок – вся палитра красок была здесь, а рисунки – выше всяких похвал. Точность живописцев – за счет удивительной зоркости и способности видеть: птицы, животные, цветы…

– Фрески сильно пострадали в момент гибели Кносского

дврца – они горели в огне пожаров, утратили свежесть и сочность красок, – говорил Грегори. – Но многое удалось восстановить – сами видите…

Грегори провел нас к «Парижанке». Мы что-то о ней слышали, но увидеть в натуре не ожидали. Я почему-то думал, что эта фреска находится где-то в музее.

Мы замерли, и каждый по-своему воспринимал увиденный портрет, извлеченный из глубины веков, сохраненный временем и восстановленный специалистами. Молодая женщина, на ней отрытое платье из тонкой прозрачной материи. Высокая модная прическа, как было принято у критян, острый силуэт лица… Краски – приглушенные: черные, оранжевые, зеленые и красные, а в целом – теплый тон всей фрески…

Короткий переход по лестницам по пути известному только Грегори, и мы снова у шедевра: «Игры с быком». Это любимое развлечение юношей и девушек – хрупкие тела их рядом с могучим быком. Все говорит, что игроки должны быть милыми и бесстрашными. И рядом с этим прекрасным панно – кладовая, где собраны вазы и сосуды.

– В начале II тысячелетия до новой эры из гончарных мастерских Крита выходили сотни разнообразных по форме ваз с росписями светлой краской по темному фону, – пояснил Грегори, указывая на изделия вдоль стены помещения.

– А почему они не целые, а склеенные? Из-за землетрясения? – спросил Влад.

– Из-за… воров, – просто ответил Грегори, – целые отданы музеям…

– А росписи на сосудах? Они были стилизованными? Или разные? – уточнила Ольга.

Мы заулыбались, вспоминая наш «ширпотреб», который можно было тиражировать по городу, району и стране.

– Конечно, разные узоры: из цветов и листьев, лягушек и рыб, морские чудища, спирали… Я не помню ни одной вещи с повтором узора, а держал я в руках их сотни…

Мы ходили по Кносскому дворцу до дрожи в ногах и сумерек. И только Грегори прекратил это приятное истязание. Ольга, почему-то шепотом, спросила его, не каждый ли день он так бродит по дворцу? Тот ответил, что каждый:

– И если я сюда прихожу, то ног не чувствую… от радости общения с этим богатством человеческого духа… Ноги – это потом, вечером и даже во сне…

Ко второму дню мы подготовились основательно, сняли усталость, встав лишь в девять утра. Снова прошлись по Кносскому дворцу. И где-то после шести оказались в таверне на

склоне холма с видом на море, бухту и город.

День медленно угасал, как и наши разговоры: то велись длинными тирадами, то короткими фразами. В общем, как говорят, разговор не клеился. Даже Ольга пригорюнилась. На что ей указал Брис.

– Папу вспомнила – он у меня больной, даже на почту не ходит…

И вдруг она оживилась:

– Наш домик, как и здесь, беленый, стоит на высоком краю устья горного потока… Вот как раз сейчас там в горах тают снега, и за стеной домика бурлит вода, стекая в море… Где-то ближе к скале Алчак… Вода ворочает камни и стучится в берег волнами… А мы ночью ждем, когда шум воды станет слабее – это значит, что вода пошла на убыль…

– А мой домик далеко от воды. И от моря, и от весенних потоков, зато и вид из него отличный: спереди – вся бухта с Алчаком слева и скалой Сокол справа. И на виду – генуэзская крепость на вершине огромной горы-скалы, пологой от меня и обрывистой к морю, – на одном дыхании выпалил Влад.

Брис молчал. Стоян внимательно слушал, улыбался и, наконец, решился.

– Дом свой помню хорошо и долго по нему скучал, когда мы переехали в городскую квартиру… Лет пять мне было, когда я рассматривал на окраине города далекие синие горы. Решил до них добраться. Наметил путь по прямой и пошел к одной далекой вершине со снегом.

Шел весь день, пробираясь по склонам оврагов и пологим полянам, а горы не приближались… Меня подобрали на лесной дороге местные крестьяне и на арбе, огромные колеса которой я хорошо запомнил, привезли прямо домой, опрашивая встречных о моей семье…

Брис молчал. Ассоциации – страшное дело и я не удержался.

– Я ведь тоже однажды потерялся, – сказал я. – Среди лопухов… Это путешествие я до сих пор называю про себя лопух среди лопухов… Меня отец называл Лопушком… Мне трех лет тогда не было… Запомнил и беленый домик, и двор с курами, драчливой козой, доброй собакой и агрессивным петухом…

– Максим, не отвлекайся, – направила мое воспоминание Ольга в нужное русло. – Так почему все же Лопух?

– Вы знаете, отец у меня был геологом. И случилось это на Украине, в самом ее центре, в городке Ромны… Там протекает река Роменка, которая к лету пересыхает и ее русло зарастает лопухами… Огромными – на один лист можно лечь, а другим прикрыться… Бегал я по городку во все стороны, и меня

приводили домой всегда… А тут – пропал. Нигде нет… Жители всполошились: у инженера пропал сынишка! А случилось следующее: я забрался в лопухи и заблудился в них… Устал и заснул, а когда проснулся, то пошел на крики: меня звали, аукали и просто кричали…

Брис молчал. Безучастный, казалось бы, Грегори также оживился.

– У меня еще в Дании… Мама у меня оттуда, точнее из страны оленьей – Лапландии, что на севере Финляндии… Так вот: меня так же искали, всей рыбацкой деревней, где мы на лето снимали домик… Между прочим, такой же беленький… Большая лодка стояла, уткнувшись в берег моря, и я, как и ты, Максим, заснул в ней, укрывшись от ветра… Было мне лет семь… Волнами лодку раскачало и унесло в море… Но меня не искали – искали лодку, а нашли меня…

Эти посиделки после визита в древность выдавали в нас ностальгию по дому, укладу нашей жизни и неуверенность в завтрашнем дне.

Брис молчал не случайно: его детство и юность проходили под Житомиром, где семью застала война, и в Подмосковье, а потом был Израиль. Сейчас перед нами же выступал удачливый делец греческого происхождения.

Третий день был завершающий: мы посетили другой дворец, такой же монументальный, но не такой прибранный, что ли. Если в Кноссе велись реставрационные работы, то здесь – только раскопки. Фрески вообще фактически лишь проглядывались.

Еще были дворцы на южном побережье Крита, но они лежали в десятках километров от Кносса. В общем, визит на Крит мы завершили.

В местном музее получили короткую консультацию о последствиях взрыва вулкана на Санторини – кое-что о слоях пепла на острове.

И вот, сидя в таверне с видом на залив, мы обсуждали познанное здесь. Грегори был задумчив особенно. Он отвечал на наши вопросы короткими фразами. Чтобы расшевелить его, был избран безотказный прием: заговорить о детях. Их у него оказалось пятеро, что, естественно, заинтересовало нас.

– В Греции семьи большие, особенно вне городов… На острове Кос, где жил мой отец, в его семье было восемь детей. Причем в самое трудное послевоенное время… А пятеро – это не все мои, точнее – теперь все мои, но двое приемных…

– А у меня только двое, – сказала Рида. – Я почему-то боюсь за них, когда бываю дома… Все время хочу видеть рядом…

– Скучаешь ты по ним, Рида, – вот и думы… А у меня никого

такого нет, пока, конечно, – молвила Ольга.

– Будут, скоро будут, – коротко сказал Влад.

Торопыга Ольга промолчала и лишь взглянула в его сторону.

У меня екнуло сердце. По-радостному: а вдруг будет свадьба?!

– Сегодня мы соприкоснулись с вечностью, – произнес я, разряжая обстановку с оттенком ностальгии. – И что такое вечность? Как ее попробовать «на зуб»? Расскажу-ка я вам случай, когда я, можно сказать, впервые задумался о вечности… Это случилось в Ираке… Там я был по делам внешторга…

И я им поведал следующее.

Рядом с тенями прошлого. Это случилось в семьдесят шестом году. За два года до прихода Саддама Хусейна. Сам Багдад – это из сказки, хотя сегодня – тридцатикилометровый современный город вдоль знаменитого Тигра.

Быть в Ираке и не побывать в Вавилоне?! И вот я там, возле основания Вавилонской башни, которое столь велико, что пальмы по его периметру кажутся кустиками. Рядом с одним из семи чудес света – висячими садами Симирамиды…

Побродив среди теней ушедших поколений, мы – меня привез туда сотрудник торгпредства – двинулись к Евфрату. И вот мы на его берегу – этой реки множества народов. Чего только не видели эти воды за тысячи лет истории Двуречья!

Меня удивило, что по сравнению с Тигром, который широк в районе Багдада, Евфрат был значительно уже, метров триста. Правда, вдали было еще какое-то русло… Но он был полноводен необычно – вода стремительно бежала почти вровень с плоским, покрытым густой травой берегом.

Деревушка Вавилон притулилась рядом. На другой стороне – пальмовые рощи, густые и зеленые. По реке быстро сносило вниз две лодки, длинные и низкие, с изогнутыми кверху носами и кормой. В каждой был рыбак, который методично забрасывал в воду сеть, квадратом растянутую на брусьях.

У реки играли дети, которые не обращали на нас никакого внимания. Молодая женщина, хрупкая и гибкая, не торопясь, мыла в реке посуду из темного металла, похожего на серебро: кувшины, какие-то блюда, ковшики…

Выше по течению другая женщина, аккуратно придерживая бурнус из легкой черной ткани, шелковистой и полупрозрачной, набирала воду в кувшин из глины. Недалеко от нее, еще выше по течению, в реку пускал струю мальчонка лет семи, черноглазый и черномазый. Он высоко задрал грязную рубашку-галабию и не смущался ни женщин, ни нас…

Время двигалось ближе к концу дня. Закат наступал на

дальний заречный горизонт, заливая шафрановым цветом все вокруг. С восточного края небо быстро темнело и переходило в глубокие фиолетовые и синие тона.

Все это и тишина вызывала умитворяющее ощущение… вечности. Мы молча взирали на эту сотворенную тысячелетиями гармонию. Зелень травы на берегу, окружающие нас изящно изогнутые стволы пальм хорошо вписывались в фон с глинобитными тонами домиков деревушки, рыжий цвет которых выделялся на фоне темнеющего неба. По деревне мелькали фигуры мужчин и женщин. Как тени, сновали они среди грациозно изогнутых стволов пальм.

Мне казалось, что роща – та же самая, что и тысячи лет назад. Среди этих деревьев люди из поколения в поколение жили, поднимали на ноги детей, покидали этот мир… А эти, что передо мной, были потомками жителей одной из величайших цивилизаций. Они были вавилонянами – и это говорило о многом…

Я закончил рассказ и вывел всех из задумчивости фразой:

– И этот мальчик на берегу символизирует для меня мир людей сегодняшнего дня. Его будущее – это наша радость и наш упрек, упрек сытости, в которой мы живем… И если бы только сытости желудка! Духовной сытости, как у Эллочки-людоедки из «Двенадцати стульев», только заключенной в трех или более прописных истинах…

Меня прервал Брис:

– Все верно, Максим, кроме одного… Ну а ты видишь эту сытость в нашей среде? Можешь не отвечать – это ты грызешь себя за то, что не все удалось сделать, когда ты что-то мог… Точнее, мы все вместе могли…

Этой загадочной фразой, но не для меня, завершились бы наши воспоминания, если бы не Грегори.

Он напомнил нам первый день прихода на Крит и загадочное сообщение о неком открытии.

– Я хочу рассказать вам об этом… Вы должны знать, иначе вы бы считали меня неискренним в общении с вами… Мы, археологи, наложили на себя знак молчания – договорились тщательно проверить это открытие. И только потом, пока в узком кругу, начать готовить мир к сенсации о предании с быком Минтавром…

Вот что рассказал Грегори.

Минотавр был?! В 1979 году профессор античной археологии Бристольского университета Питер Уоррен сделал мрачное предположение.

Во вновь открытом подвале дворца, наряду с ткацким

станком, бусинками, орудиями труда и керамикой, был обнаружен большой котел с обожженной землей, остатками съедобных улиток и моллюсков, а также с тремя человеческими костями. И рядом в комнате нашли еще около четырехсот человеческих костей детского возраста. А затем – еще и еще…

Надрезы на них говорили о том, что с костей удаляли мясную плоть, как это делается при подготовке в пищу животных. Разобрались и с тем фактом, что это не был похоронный ритуал. Здесь имела место какая-то другая культовая деятельность. И вывод ученых был ужасающим: имело место жертвоприношение… детей, которых затем употреблялись в пищу!

И Грегори заключил:

– Это объяснение ученого до сих пор, к сожалению, остается лучшим, хотя наносит удар по «мирной» минойской цивилизации… Вот и думается, не это ли является подтверждением факта, что мифы не произрастают из ничего?!

– Да, – задумчиво молвила Рида, – Шлиман, Эванс, Мартиранос… и вдруг – Уоррен?

– Правде, казалось бы, все были рады, – сказал Влад.

– Но такому ли открытию? – уточнила Ольга.

Ни есть, ни пить в таверне уже не хотелось. Но это была наша последняя встреча с Грегори! И он, понимая, что огорчил нас, извинился и хотел уйти. Но русские не были бы русскими…

Прощание с Грегори затянулось за полночь и уже на борту нашего шлюпа, который еще позавчера Гор привел из бухты острова Диа в порт Гераклион, существовавший еще во времена катастрофы.

Застолье на борту «Аквариуса» прошло на высоком уровне. Обе стороны – греческая в лице Грегори и наша в лицах экипажа – не позволили себе перейти грань, вроде «Пей до дна!» или «Ты меня уважаешь?». Удалось серьезно углубиться в вопросы «Почему греки так любят русских» и «Как греки вместе с русскими победили Гитлера». Из песен особой симпатией пользовались «Хотят ли русские войны?» и всемирно известная, по мнению Грегори, греческая партизанская песня «Катюша»…

Я и сейчас помню анекдотическую ситуацию под лозунгом «Полиция и народ едины». Грегори собирался сесть за руль, но… Возле его машины стоял полицейский с мотоциклом. Они поздоровались за ручку. Полицейский покивал головой, помотал ею в знак несогласия с чем-то и втолкнул Грегори в машину. Затем полицейский сел за руль, крикнул нам, чтобы мы покараулили его мотоцикл, и уехал в неизвестность. И остались в памяти красные огоньки машины, увозящей греческого археолога, и еще надежда, что не в полицию, а домой…

Говорят, что утро вечера мудренее. Так оно и случилось – мы проснулись от качки далеко в море, но в отличной форме – сон сделал свое дело.

Время расстановки акцентов

Триада «доказательств»…

Выйдя на палубу, я взглянул на курс шлюпа. Он был явно не на норд-норд-ист, то есть в Эгейское море, в сторону Дарданелл. Но вовсе наоборот – почти на вест, то есть в сторону Ионического моря!

Подумалось: что-то колдует наш Брис. И когда после завтрака все собрались в кокпите, наш «человек-сюрприз» Брис не заставил долго ждать:

– У нас осталось еще около десяти заседаний клуба. Мы можем стать на якорь и в два-три дня разобраться с нашими эссе, сделать выводы и принять решение, как строить мост – вдоль или поперек? Опираясь на логику, «поперек» – это как правильно и хочется! А «вдоль» – это означает… разбежаться по домам! «На зимние квартиры»… И пусть меня проглотит кашалот!

Брис обвел всех взглядом, встретился глазами с каждым и, после паузы, молвил:

– Ну, как насчет моста?

Видимо, он что-то прочел в наших глазах. Вернее всего, увидел колебания в выборе. И он с горечью предложил:

– Давайте голосовать тайно… Гор, дай твою капитанскую фуражку… Она с твоей честной головы… Влад, готовь семь «за» и семь «против»… Вскочил Влад:

– А за что будем голосовать? Какой-то «мост», что-то «вдоль» или «поперек»… Говори яснее, Брис? Что придумал?

– Действительно, мы от тебя столько получили сюрпризов, слава Богу, в хорошем смысле слова и дела, – уточнила Ольга. Повеселевший Брис, послав Ольге воздушный поцелуй, а Влада погладив по голове, произнес:

– «Замахнемся-ка мы на самого Вильяма, понимаешь, Шекспира», как говорил герой фильма «Берегись автомобиля!».

– А кто у нас Шекспир? – стали спрашивать мы друг у друга, хотя уже догадывались.

Вернее всего, это новый поход, но куда?

Упреждая конкретное предложение Бриса, я поднялся и заявил:

– Курс-то у нас на Запад, но, как я понимаю, не за Гибралтар – к этому мы еще не готовы… Значит…

– …значит – Закинф! Ко мне, в бунгало… Триста миль пройдем дня за два-три и по пути разберемся с заседаниями клуба…

Все вздохнули с облегчением – атмосфера неясностей разрядилась в пользу… всех сторон. Через несколько минут на

«Доске история знаний» появилось расписание заседаний Клуба:

Максим: «Как это могло быть»
(реставрация гибели цивилизации).
Стоян: «Преданья старины глубокой…»
(историческое у Платона).
Влад: «Археология: за или против Платона?»
(кто во что добавил своего?).
Брис: «Геология: и за, и против Платона»
(в чем сходство).
Ольга: «Археология – за мифы!»
(без веры в мифы не было бы «шлиманов»!).
Рида: «Геология: спасибо мифам!»
(символ Атлантиды).
Максим: «Археология и геология: вроде бы не против?!» (компромисс: а если у Платона – это смесь двух цивилизаций?!).

* * *

Еще отправляясь из Равенны, я задумал подвести итог нашему путешествию в какой-то необычной форме. Но однозначный вывод – «да» – сформировался из двух доказуемых моментов: это – Санторини и Крит, точнее, их жизнь и гибель. Мы как бы ходили вокруг и около самой катастрофы. Но как она протекала?

И вот тут-то маленькие квадратики плотной бумаги с выписками стали тем самым «пасьянсом», который их количество превратил в качество. Так на свет появилось более-менее стройное описание гибели Средиземноморской цивилизации в середине II тысячелетия до новой эры.

– Итак, друзья, – обратился я к коллегам по цеху, – делается попытка вообразить истинные масштабы геологической катастрофы, произошедшей 35 веков назад в Эгейском море (оно, правда, тогда так не называлось!). Катастрофе, послужившей причиной гибели минойского царства…

Вот о чем я рассказал на заседании и затем представил на «Доске…».

Как это могло быть… Извержению Санторина предшествовал длительный период затишья. Раскопки на острове Тира показывают, что за несколько лет до гигантского извержения там происходили малые землетрясения, разрушавшие здания.

Случались и вулканические извержения: так, на слоях пепла и пемзы, покрывавших обломки результатов землетрясений, были

заметны следы жизни, которая явно продолжалась после стихийных бедствий.

Во время гигантского извержения, несмотря на силу его и близость кальдеры, дома минойских поселений на Санторинском архипелаге под слоем пепла сохранились сравнительно в хорошем состоянии. И потому исследователи предположили: перед самим извержением не было сильных подземных толчков.

Значит, катастрофа началась внезапным мощным выбросом пемзы и пепла, засыпавшим селения вокруг кальдеры. И еще значительный вывод: «подготовительный период» был непродолжительным – несколько часов или дней. А выброс – мгновенным. И этому есть веские объяснения:

во-первых, вулканическая катастрофа;

во-вторых, в отличие от трагедии в Помпее, здесь не обнаружено человеческих останков (только останки домашних животных);

в-третьих, значит, люди успели уйти.

Если это Атлантида, то жители смогли бежать из города и захватить с собой самое ценное, даже глиняные сосуды, которые не увезли собой и оставили на берегу. Почему они бежали?

Трещины в земной коре послужили путями выхода на поверхность разогретых газов. Вулкан начал дымиться. И жители в панике стали покидать острова архипелага. Быстроходные корабли вывозили их на Кикландские острова, на Крит и, возможно, на африканский материк. Но не в Грецию, с которой они находились, судя по Платону, в состоянии войны.

Здесь хотелось бы оговориться: можно исходить из той посылки, что Платон описывает минойскую цивилизацию, но он переносит ее за Геркулесовы столпы, в Атлантику. Более того, описывая минойскую державу, он привнес в это описание сведения, ставшие ему известными об Атлантиде атлантической! Подземные толчки на Санторини становились все сильнее и сильнее. Слышался нарастающий гул, камни и пепел выбрасывались на все большую высоту. Наконец, судя по Платону («в один день и в одну бедственную ночь…»), когда перегруженные корабли с людьми были еще в пути, разразилась катастрофа – гигантский взрыв потряс все Восточное Средиземноморье!

Итак, первая причина разрушений на Крите – это землетрясение с его донной волной, а затем – воздушная волна и обширный пеплопад. И главная разрушающая сила – цунами, которое прошло по всему морю.

Так, на острове Анафи (25 километров от Санторина) в верховьях одной из долин на высоте 250 метров обнаружен слой

осадочной породы толщиной в 5 метров. Слой был на дне моря, а затем волной занесен на сушу.

Взрыв Санторина не был виден в странах Ближнего Востока, Африки Европы, но народы этих стран могли быть очевидцами разных атмосферных явлений, возникших в результате извержения. Но грохот был слышен и там, а поднятый пепел вызвал тьму надо всем Средиземноморьем. Свечение атмосферы же распространилось по всему земному шару.

Катастрофа, постигшая Минойскую державу, отразилась на культурном развитии всего Средиземноморья. И что характерно, области вблизи эпицентра взрыва пришли в упадок, зато в находящихся вдали наступил период пышного расцвета искусств. В этом немалую роль сыграли оставшиеся в живых минойцы, которые успели покинуть Крит. А располагали такой возможностью, видимо, наиболее богатые люди. Они смогли захватить с собой самых талантливых мастеров, хранителей знаний-ученых и хороших управляющих.

Археологи обратили внимание, что высокая культура Сицилии, Липарских и Кикландских островов внезапно закончила свое развитие. Но удаленный от Крита остров Кипр (550 км) становится одним из самых главных очагов культуры. В середине II тысячелетия до н. э. появилась письменность, получившая название кипро-минойской. Она не расшифрована до их пор. Причем ее появление связывают с выходцами с Крита.

Заканчивая свое вступление, я сделал обобщение и обращение. Говорил о гибели цивилизации:

– Так очень редкий по своей повторяемости вулканический взрыв оборвал жизнь одной из величайших цивилизаций мира. 200 веков вулкан молчал, но собирал силы, чтобы в течение считанных дней извергнуть лавину каменных глыб и тучи пепла, породить цунами и оставить после себя безжизненную пустыню…

– Максим, – как-то подозрительно обратился ко мне Влад. – Я что-то не понимаю: ты что, уже встал на позицию смеси Атлантид?

– И да, и нет, Влад. И это мой второй вопрос, который я хотел бы обсудить. Готовы меня выслушать?

Все напряглись: как потом мне говорили, что чаще ожидали необычное от богатого на сюрпризы Бриса. А тут, говорили, ты – Максим, наш ученый секретарь…

– Так вот, друзья, помните нашу полемику с тремя альтернативами? И вот, когда я работал над всеми материалами, меня стала преследовать навязчивая идея, точнее, зрело внутреннее убеждение: мы действительно имеем дело с тремя оценками Великого Сказания Платона… Произношу эти три

последних слова с большой буквы!

И я обратился ко всем с просьбой повторить вслух название их личных эссе.

– Заголовки вы сделали сами, а подзаголовки? Их поместил я, и неспроста… Что в них заложено, когда вы знакомились с подзаголовками? Скажите, каждый из вас – одним словом?

– Мне кажется, – медленно стала говорить Рида, – это неуверенность в собственном эссе.

– Более того, сомнение в написанном, – заметила Ольга.

– А я твердо сказал, привел только факты, – заметил Влад.

– Вернее, было бы правильным сказать, что в подзаголовках Максим привнес в наши души не неуверенность в сделанном, а уверенность в том, – заколебался Стоян.

– …что поиск продолжается, извини меня, Стоян… Не это ли ты хотел сказать? – перебил Стояна Брис.

Стоян согласно развел руками.

– Очень верно… Мы – на новом пути, и все в том же векторе Атлантиды. А потому слушайте, – попросил я тишины у моих коллег.

И я указал им на необходимость сделать выводы в своих эссе по трем пунктам.

– Но опирайтесь на свой заголовок – он вами выстрадан – и на мой подзаголовок… Я ведь тоже их выстрадал…

– Это какие-то три пункта, в которые, как в воронку, мы вынуждены будем вгонять свое мнение по эссе? – возмутился Влад.

– Ну что ты заводишься? – сказала Ольга. – Давай послушаем… И если Максим перегнул палку, то за тобой право: не следовать его советам…

И уже весело Ольга добавила:

– Ну как ты будешь смотреть всем в глаза, отказавшись от возможности еще раз потренировать мозги?!

И ко мне:

– Максим, Влада я беру на себя – он хороший мальчик…

В этой перепалке чуть не забыли о моих трех вопросах. Все встали и хотели разойтись.

И только Рида жалобно воскликнула:

– А вопросы… Максим, где вопросы?

Вопросы были весьма конкретными:

– Вы сделаете однозначный вывод из своих эссе, хотя и с оговорками – «да», «может быть», «не исключено»… И наконец, «не противоречит науке!» – это высшее заключение…

И я продиктовал все три вопроса.

Платон располагал сведениями об Атлантиде атлантической?

Платон описал Атлантиду атлантическую частично?

Платон описал Критскую цивилизацию под именем Атлантида (привнеся сведения об Атлантиде атлантической)?

Эта триада давно уже витала в наших беседах и потому никого, казалось бы, не удивила. Но здорово озадачила. Ибо не было ни оваций, ни топания ногами в знак протеста.

После полудня первый по списку докладчик Стоян сказал, что он готов сделать свое сообщение. Начал он с привлечению внимания коллег к подзаголовку:

– Мне Максим, конечно, подзаголовок навязал… Он соединил мой заголовок со своим видением проблемы. И что получилось: «Преданья старины глубокой…» или «Историческое у Платона»… Я, конечно, уважаю Пушкина, потому и привел эти слова из «Руслана и Людмилы», но…

Стоян, демонстрируя наигранное возмущение, решительно заявил:

– Какое счастье, что поход подходит к концу, и какое несчастье, что наш ученый секретарь не будет больше нас терроризировать!

Были аплодисменты, правда, непродолжительные. И еще было не совсем понятно: они за или против меня?

Брис шепнул мне на ухо:

– Крепись, старик, еще не такое будет… Видимо, мы им здорово поднадоели…

– Вовсе не надоели – это Стоян так топорно шутит! – подслушав нас, выкрикнул Влад и получил от Ольги подзатыльник.

А Стоян, не моргнув глазом, продолжил свое выступление. Вот оно в том виде, в каком появилось на «Доске…» – короткое, но емкое по смыслу.

«Предания старины глубокой…» (историческое у Платона). О высокой культуре Крита и его царе Миносе говорится не только в мифах, но и в трудах египетских, греческих и римских историков, в частности, у Геродота и Фукидита. О Миносе они отзываются как о мудром правителе, строителе городов и создателе первых писаных законов.

Значит, минойское государство имело письменность? Да, это подтверждается при раскопках на Крите, островах и на материковой части царства. Но парадокс заключается в том, что минойцы владели не просто письменностью, но первой в Европе слоговой, которая пришла на смену… иероглифам! И об этом Платон говорит:

«*Каждый из десяти царей господствовал в своем уделе…*

взаимные же их отношения и общение … определялись предписаниями Посейдона, как их передавал закон, и надписями, начертанными еще предками на орихальковом столпе…».

А это означает, что диалоги Платона и записи историков древности свидетельствуют об одной и той же стране, где существовал мудрый правитель. Именно он впервые ввел законы и начертал их на столпе для всеобщего ознакомления.

Русский ученый Норов еще в XIX веке писал:

«Атлантида, по нашему предположению, занимала пространство Средиземного моря от острова Кипр до Сицилии, возле которого на севере были Тирренское море и Тиррения. Это пространство совершенно соответствует тому, которое Платон определил для Атлантиды, а именно 3000 стадий в длину и 2000 в ширину…».

Норов привел, по его мнению, убедительные возражения против версии о том, что загадочная страна Платона располагалась в Атлантическом океане. *«Можно ли искать,* – говорил он, – *Атлантиду древних за теми столпами Геркулеса, которые обыкновенно ставят в проливе Гибралтарском, тогда как часть земного шара за проливом Гибралтарским не принадлежит истории первобытной? Одно это рассуждение должно было удержать от подобных предположений».*

Получив долю восхищения об услышанном от благодарных слушателей, Стоян ответил на все три вопроса положительно: «да» – Платон располагал сведениями об Атлантиде атлантической; «да» – Платон описал частично эту Атлантиду; «да» – Платон описал критскую цивилизацию под именем «Атлантида» и привнес в это описание сведения об Атлантиде атлантической.

Вопрос к оратору был только один.

– Ты ведь, Стоян, знаешь по теме больше, чем написал? Там, за пределами этого эссе, имеются такие же веские исторические доказательства в пользу «комбинированной» Атлантиды? – спросил его Влад.

Ответ был категорически положительный.

Я вызвал к барьеру Влада и сказал, что это ему в наказание за вопрос к Стояну. Влад шутку не принял. Он знал, что порядок выступлений обоснован логикой, которую можно было бы назвать: «загнать противника нашей идеи в три лузы одним ударом».

Влад не стал обвинять меня в узурпаторстве власти над умами, а сразу взял быка за рога.

– Моя тема связна с археологией и Платоном, а подзаголовок – просто блеск: «Кто во что добавил своего?».

– Это что? Максим так сформулировал? – спросила Ольга. – И ты, Влад, в этом разобрался?

Влад на выпад не отреагировал. Его эссе было весьма короткое, но тему он раскрыл.

«Археология: за или против Платона?» (кто во что добавил своего?). Греческие мифы, легенды Древнего Рима и Египта говорят о геологической катастрофе, и это совпадает с описанием Платона.

Последние археологические раскопки еще раз подтверждают реалии Платона. А именно: платоновская Атлантида и цивилизация Эванса существовали в период расцвета позднего бронзового века.

Дворцы атлантов – храм Клито и Посейдона – напоминают руины критских дворцов эгейской культуры середины II тысячелетия до н. э.

Более конкретно: Платон описал игры атлантов с быком и изображения их на вазах, кубках, стенах… И это же можно видеть на одной из фресок Кносского дворца. «Культ быка» повторен многократно на найденных сосудах-ритонах даже за пределами острова.

Платон говорит о широком развитии земледелия на Атлантическом острове, а на Крите открыли огромные кладовые, где в сосудах хранилось зерно. На одном из сосудов изображена процессия крестьян, направляющихся на сбор олив.

Он отмечает, что атланты имели огромный флот в 1200 кораблей, а раскопки на островах и берегах Средиземного моря дают неопровержимые доказательства морского могущества минойского государства. Оно торговало с Египтом, Вавилонией. Из Северного моря на Крит поступало олово и янтарь…

– У меня – все, – со вздохом облегчения закончил Влад.

И было от чего запыхаться – он выбрал такой темп своей речи, что чуть не задохнулся, как при беге на короткие дистанции. И, не дожидаясь моего призыва сказать свое мнение по триаде, махнул рукой и заявил:

– Я на все три вопроса отвечаю: «да»!

– Итак, – воскликнула Ольга, – пока три-ноль в пользу нашей но-вей-шей версии… Новой версии – о смеси Атлантид…

Мы уже вышли из Эгейского моря, и наш курс был на север-север-запад. Остался справа полуостров Пелопоннес – его южные границы мелькали вдалеке.

В этот день ветер крепчал, и было не до разговоров – все работали с парусами и следили за морем. Наконец шторм стих, и мы опять могли собраться в кокпите, а не в кают-компании, и продолжить разговор об Атлантиде.

К этому времени я уже понял и обсудил с Брисом мое открытие: ребятам нравились все эти беседы, казалось бы, навязанные им другим человеком, причем с позиции возраста, опыта и явного честолюбия. Об этой самокритике узнали все – на таком утлом суденышке любое слово слышно насквозь!

– Итак, к барьеру вызывается Брис… Как выражаются мои флотские коллеги по морской артиллерии, мы будем иметь дело с главным калибром… Прошу, – указал я рукой на Бриса.

– Я жаловаться на Максима не буду… И жаль мне не его, а вас… Конечно, вы – овцы… по своему послушанию. – Он посмотрел на меня и продолжил.

– Мы с Максимом ожидали бунта еще в Адриатике, когда стали навязывать вам не эссе, а сюрпризы с изменением курса… Но, как говорил поэт, «терпелив наш народ»… Спасибо вам, а если серьезно – очень трудно сплотить коллектив столь разных людей… Но нам это удалось. И не потому ли мы уже начали скучать друг без друга, еще не распрощавшись…

И обратившись к Владу:

– Утри слезы умиления и сопли восторга… Едва ли ты думаешь по– другому… Вместе с Ольгой… А теперь – к «нашим баранам»…

И Брис поведал свое видение геологии в отношении Платона.

Геология: за и против Платона (в чем сходство?). Платон описал рельеф Атлантиды, напоминающий строение вулканической кальдеры – кольцо вулканических гор, отделяющих остров от моря. И внутри – лагуна с более мелкими конусами вулканов. Не это ли можно видеть на Каймени?! И действовал он совсем недавно, в 1707 году.

И там, и здесь – это явно вулканическая кальдера. Платон говорит о небольшой горе в центре Атлантиды. И еще удивительное совпадение: Атлантида имела форму продолговатую. Но известно, что вулканическая кальдера обычно круглая, если бы не … Санторинский архипелаг – он имеет соотношение 2:3, как и Атлантида!

Археолог-сейсмолог Галанопулос «уменьшил» размеры Атлантиды в 10 раз, и это привело к тому факту, что платоновская цивилизация оказалась всего в два раза больше Санторинского вулканического архипелага. Вот и получается, что рельеф Атлантиды, по Платону, напоминает строение кальдеры Санторини. Причем, судя по геологическим данным, какой она была до минойского извержения. И еще: и там, и там – источники с теплой водой. Но известно, что на Санторини они – вулканического происхождения…

– И какой однозначный твой вывод? – спросил Стоян. –

Аргументированный, конечно?

Брис мотнул головой и решительно заявил:

– Легенда об Атлантиде приобретает реальность, если мы перенесем ее из Атлантического океана в Восточное Средиземноморье…

– Но это же означает перенос Атлантиды… из X во II тысячелетие до н. э., – с ужасом молвила Рида.

– Это твое мнение, Брис? – спросила Ольга.

– И мое тоже… Большинство атлантологов упорно не хотят видеть этот почти факт…

– Может быть, они субъективное ставят выше объективного? – спросил я, фактически в душе уже капитулировав перед Атлантидой средиземноморской, хотя и с оговоркой.

– Именно так! – сказал Брис. – По их мнению, такая операция с переносом Атлантиды просто разрушает предание о ней!

Затем Брис коротким «да» ответил оптом за всю триаду в адрес Атлантиды.

После обеда, как положено на флоте, все разбрелись на отдых. На палубе остались только мы с Брисом. Лежа у основания грот-мачты, что ближе к носу, мы неторопливо обсуждали наши дальнейшие планы.

Брис, обуреваемый сюрпризной темой, сказал:

– Нужно что-то такое, чтобы наши подопечные, за судьбу которых мы отвечаем, услышали бы супер-сверх-экстраординарное…и ахнули…

– …крякнули, почесали бы в голове, умилились тебе и мне, а затем встали на колени и хором попросили: «Дяденьки, сделайте, чтобы то, о чем вы шепотом говорите, свершилось…».

– Очень похоже… Это твое ерничание, Максим… Но в этом что-то есть… Ладно: будем думать и удивлять…

– …только так и только в их же пользу! – примирительно воскликнул я. И с деланным преувеличением захрапел.

Утомленный сном и ожиданием нового заседания клуба, экипаж «Аквариуса» собрался в кокпите без напоминаний. Ольга уже сидела там и перебирала листики с записями. Я ее спросил:

– А готовое эссе имеется? Для «Доски»?

– Да, да. Конечно, не мешай – мысли растеряю…

Я встал и провозгласил:

– Слово имеет Ольга, крупный специалист по всяким неправдам, полуправдам и даже немногим правдам… Прошу к столу!

Ольга напряглась и молвила:

– А я Максиму благодарна…

– Ладно, не подлизывайся – не ты одна! – выкрикнул Влад.

А Ольга продолжала:

– Заголовок – полностью мой! Максим просил придумать что-нибудь «стреляющее»… Но его подзаголовок звучит как залп орудий, помните, он говорил, – главного калибра. Слушайте: без веры в мифы не было б «шлиманов»… Ну что?!

Ее эссе было не длиннее остальных.

Археология – за мифы! (Без веры в мифы не было бы «шлиманов».)Раскопки на Крите подтвердили, что греческие мифы отражали реальные события на этом острове. По моему мнению, громовержец Зевс был родом с Крита, он обоснованно считался сильным и могучим властелином, которого народные предания возвели в бога.

Мифы говорили о критском царе Миносе и лабиринте, а Эванс фактически его нашел. И сражение Тесея с быком – это демонстрация мужества и силы.

Миф о художнике Дедале сообщает, что он приехал на Крит издалека. Но слава о нем шла далеко как об архитекторе замечательных зданий. Ему же, судя по мифу, принадлежит возведение лабиринта.

А вот со статуями – неувязка: дело в том, что на Крите статуи не найдены. Панно, фрески – да, а статуй нет. Хотя Дедалу приписывают: «статуи все как живые». Так это или не так, но вернее всего, Дедал был реальной фигурой, потому и вошел в народные предания.

И еще сенсация: с Минотавром! Именно по его вине погибали на Крите подростки (в мифах речь идет о подростках из Афин). Ну а если рыскавший в лабиринте Минотавр был не просто символом опасных игр, а принадлежал к религиозному культу? Археологи доказали, что легенда о Минотавре имеет под собой веское основание: дети, посылаемые в Кносс каждые семь лет, действительно предназначались в пищу Минотавру! Вот и хочется повториться, вслед за Грегори: не это ли является подтверждением, что мифы не произрастают из ничего?!

Всех развеселил Влад, прервав сообщение Ольги:

– Что эти критяне возились с Минотавром? Не приносили бы жертву, а по-нашему – жратву, он бы и издох…

– Хулиган! – таким восклицанием в его адрес закончила свое эмоциональное и короткое выступление наша любимица Ольга. Она искренне торопилась жить и часто бежала впереди паровоза. И как ни странно, обгоняя его.

– И не смотри на меня вопросительным взглядом, – опередила меня наша непоседа вопросом по триаде. – В отличие от вас, по Атлантиде атлантической скажу «может быть», а по остальным – «да».

Вечер застал нас за приведением в порядок наших жилых и рабочих мест. В этом вопросе старшим был Гор. Ведь за Брисом закрепилась роль командора «экспедиции», за мной – секретаря, то за Гором – капитан.

Он поставил за штурвал Риду и многократно обходил места, где мы елозили по палубе швабрами, чистили закоулки в рундуках, перебирали постели, искали «морскую» пыль на полках и бимсах. Особое внимание уделили общей и одновременной работе по обтяжке снастей.

Вот тогда-то я впервые увидел несколько работ Риды: карандашные наброски береговой линии, попытка зарисовать неуловимое море – волны, взгляд на берег через снасти нашего шлюпа.

С небольших листов ватмана смотрели на меня чайки – именно смотрели. Это были десятки быстрых набросков чаек в полете, но у всех глаза или глаз направлены на зрителя. И я понял, в чем дело: Рида помещала чайку в центре листа. Это давало «эффект слежения» – взгляд как бы следовал за вами…

А вот и мы, но когда и где сделаны были эти рисунки? Рида никогда не была рядом с нами с карандашом в руках! За моей спиной оказался Гор:

– Нравится? Ваши портреты она делала по памяти… Но она боится показывать всем свои работы… А зря! Уговорите ее, и пусть все порадуются ее труду.

– Конечно, Гор, сделаю, по возможности, деликатнее… Она… она, – не находил я слов, – она – человек с золотыми руками и светлой душой… Тебе с ней здорово повезло, Гор!

И тут я взглянул ему в лицо – оно сияло. Можно сказать, он светился. Прожив более шестидесяти лет, я редко встречал такие просветленные лица. Хотя… Может быть, они мне не попадались, или я их не замечал…

За ужином я спросил ребят: стоит ли сегодня загружать себя еще одним эссе? А раз возражений не было, заседания клуба продолжались.

– Сегодня мы заслушаем Риду по двум вопросам, – начал я и посмотрел на Гора, возвышавшегося над нами со штурвалом в руках. Кажется, он мой намек на разговор о рисунках Риды понял и коротко кивнул в знак согласия.

Рида волновалась, хотя знала нас уже не один месяц. Но волнение – это признак добросовестности и ответственности. Я подбодрил ее полуулыбкой, чуть прикрыл глаза и кивнул, давая знак к началу выступления.

– Вернее всего, следовало бы начинать не со «спасибо мифам», а спасибо всем вам за доброе отношение к нам с Гором…

Но «спасибо» имеется и в названии моего эссе. И Максим сказал свое слово: символ Атлантиды. Красиво, но, кажется, непонятно! Однако, возможно, удастся взглянуть на этот подзаголовок по-другому после моего эссе.

И Рида выразила свою точку зрения на заданную тему. Вот она.

Геология: спасибо мифам! (Символ Атлантиды.) Мифы Древней Греции и результаты геологических исследований совпадают в отношении характера катастрофы, случившейся в Эгейском море. И мифы, и геология говорят о вулканическом извержении, взрыве и пеплопаде. Интересующиеся проблемой Атлантиды заметили весьма любопытное в вопросе о происхождении трезубца Посейдона, брата Зевса и властелина морей. Один из исследователей тайны Атлантиды даже отмечал: *«…трезубец сопутствует всем его изображениям и скульптурам. Трудно понять, почему Посейдон постоянно держит в руке эти большие вилы…».*

И вот приговор: трезубец – это трехглавые вершины острова над водой. И виден он издалека как прекрасный ориентир для судов на море и в океане. И исследователь-атлантолог решительно заявил: «Он-то и стал символом Атлантиды». Более того, уже сегодня известно, что «трезубец» во многих языках означает «гора».

Если Атлантида – это вулканическая кальдера, то Платон описал ее как остров, окруженный высокими горами с крутыми обрывами в сторону моря. Говоря о критской цивилизации, следует обратить внимание на контуры вулканической кальдеры на Санторини, который выглядел именно так: три торчащих из воды вершины. Причем когда плывешь к нему от Крита или с севера – всегда видны три.

Появление на горизонте трехглавого острова говорило мореплавателям: близок конец пути, они приближаются к столице властителя морей – Посейдона, живущего на Крите.

– Мое мнение о триаде, – завершила сообщение Рида, – «может быть» и два «да»! Поймите меня, я всей душой хочу верить, что смесь Атлантид – это и есть гениальное изобретение Платона, посланное нам из глубины веков…

Влад крутил головой, Ольга открыла рот, Стоян задумчиво смотрел на Риду. Они поддались на ее страстный призыв поверить ей в том, что ее вера – искренняя!

Моя натура пела: Боже мой, как многое изменилось в душах моих случайных друзей за несколько десятков дней совместного плавания!

– Не это ли момент истины? – задумчиво молвил Брис. – Мы

на пороге нового и категорического открытия… Пусть даже нашего «аквариусного разлива»… Спасибо Рида, спасибо вам, мои друзья!

Готов был сегодня высказаться и я. Однако атмосфера была столь лояльна к Риде, что мне не хотелось комкать милое умиротворение, достигнутое ею. И не стал я говорить о ее рисунках, надеясь дождаться более удачного момента.

Утром следующего дня было объявлено, что к вечеру мы подойдем к острову Закинф. А пока оставалось мое сообщение, как бы в одномфлаконе – археология и геология. Оно подводило итог всем нашим мнениям для внутреннего пользования.

– Друзья, не буду краток – материала много. И то, о чем я буду говорить, подается в виде тезисов. Выводы напрашиваются сами с опорой на авторитеты в области атлантологии и собственного мнения. Итак, моя тема…

Археология и геология: вроде бы не против (Компромисс: а если это смесь из двух Атлантид?). Эти два источника сведений об Атлантиде вступили в спор совсем недавно, с середины девятнадцатого века.

Но оба свидетельствуют, что в Восточном Средиземноморье за 1400 лет до н. э. произошло разрушительное извержение вулкана Санторин, ставшее причиной гибели, как говорят сейчас, Эгейской цивилизации. Правда, раскопки Эванса на несколько десятилетий опередили геологические изыскания. Эванс исследовал и описал развалины Кносса, десятков городов и селений на северном и восточном побережьях Крита. Все они лежали в руинах и на тысячелетия были укрыты слоем пепла.

И тем не менее, Эванс и его последователи связывали гибель минойского государства с вторжением греков-ахейцев. И только более поздние геологические исследования подтвердили версию археологов о вулканческой катастрофе, приведшей к гибели этой цивилизации.

Реальность Атлантиды, говорят реалисты, обогащенные новыми знаниями, – это перенос ее из Атлантики в Восточное Средиземноморье, то есть на 8000 тысяч лет позднее!

Конечно, имеются огромные трудности доказательств, что Атлантиду Платон поместил в Атлантику. Конечно, но… ссылка на исторические факты против Атлантиды атлантической – еще не аргумент, ибо факты беззащитны, если их не поддерживают люди. Атлантолог Н.Ф. Жиров отмечает: *«…предание об Атлантиде беспрецедентно в истории человечества. Между временем существования цивилизации атлантов и современностью огромный и единственный в своем роде разрыв во времени – целых двенадцать тысячелетий! Немалым кажется разрыв во времени*

между цивилизацией Атлантиды и древнейшими из известных пока нам и хорошо датированных цивилизаций мира (например, шумерской и египетской), исчисляемых несколькими тысячелетиями…».

Но ему противоречит океанолог О.К. Леонтьев: *«Если… следует признать, что 12 тысяч лет назад произошло в течение очень короткого времени погружение на дно океана массы объемом более 3 млн. куб. километров… То это должно было бы вызвать понижение уровня океана на 7 метров, что не могло бы остаться незамеченным…».*

Вот как формулируют атлантологи нестыковки в «показаниях» Платона с археологическими раскопками и геологическими исследованиями.

Во-первых, по Платону Атлантида была в бронзовом веке, но он наступил в Европе, Африке и Азии, согласно раскопкам, лишь через 6000 лет после гибели Атлантиды. И потому умение атлантов работать с металлами и сплавами (железо, бронза, латунь) говорит в пользу того факта, что атланты существовали позднее, в бронзовом веке – возможно в III–II тысячелетиях до н. э.

Во-вторых, Платон говорит о войне атлантов с греками. Но древнегреческие (ахейские) племена появились на юге Балканского полуострова во II тысячелетии до н. э., спустя 8000 лет после гибели Атлантиды!

В-третьих, Платон поясняет, что после катастрофы море было несудоходным из-за окаменевшей грязи, оставленной осевшим в океан островом. Если речь идет о многократных опусканиях, то нужны факты в пользу этого, а их нет.

В-четвертых, тексты Платона сообщают, что гибель Атлантиды произошла за 9000 до визита Соломона в Египет. Но как египтяне измерили это время, если 365-дневный год был там введен около 4240 года до н. э.?

История возникновения цивилизации на нашей планете сейчас достаточно хорошо изучена. 9000 лет – это означает, задолго до истории Двуречья и Египта, то есть на семь тысячелетий раньше появления поселений в Верхнем и Южном Египте… И опять – бронзовый век: о его изделиях известно с IV тысячелетия до н. э., значит, спустя 6000 лет после гибели Атлантиды.

Какие же выводы следует сделать из рассмотренных нами источников сведений об Атлантиде – сказание, мифы и исторические данные, археология и геология?

Первое: рассказ Платона – не выдумка, а описание реально происходивших событий, но… в небольшой степени искаженных.

Второе: рассказ Платона не противоречит представлениям о том, что его Атлантида – это критское государство, погибшее вследствие катастрофического извержения вулкана Санторин.

Третье: раскопки Эванса и его последователей дополняют описание Платона, помогая представить себе легендарную страну и установить обстановку на момент ее гибели.

– Кажется, все! – закончил я сообщение.

И сразу вопрос со стороны Влада:

– Ты говорил о египетских жрецах, которые где-то только в четвертом тысячелетии взяли на вооружение 365 дней в году?

– Верно, Влад! – встряла Ольга. – Вот я зачитаю: ты говоришь об общей точке зрения, что в долине Нила возникли первые государства в IV тысячелетии до н. э. Но ведь историк Геродот утверждал, что сохранившиеся источники египтян уходили в прошлое на 17 000 лет? Еще более раннюю дату называет Манефон (IV век до н. э.), египетский жрец, написавший историю Египта. Он начинает свою хронологию от 30 627 года до н. э. Об этом же говорят византийский историк Снеллиус, грек Диаген Лаэртский, в частности, о хронологии от 48 863 года до Александра Македонского.

Ольга перевела дух и скрутила бумажку, по которой читала свой контраргумент.

– Все верно, но я говорил о том, что высказывают атлантологи… А у нас есть право переголосовать в рамках триады, – возразил я. – Так сказать, в свете вновь открывшихся обстоятельств…

– А ты как сам считаешь, Максим? Твоя оценка триады? – спросил доброжелательно Стоян.

– Моя? Конечно, все три «да»!

Встал Брис:

– Уже сегодня Максим показал мне цитату из журнальной статьи со ссылкой на академика Норова, ученого из девятнадцатого века, атлантолога… Я ее записал и сейчас удивлен, почему Максим не привел ее в пользу Атлантиды средиземноморской. Почему, Максим?

– Это было бы давление сверху вниз, причем двойное: от меня и от академика более чем столетней давности!

Смех смехом, но, кажется, мы проблему Атлантиды рассмотрели достаточно широко. Слово взял Брис и сказал, что по Норову Средиземное море ранее именовалось Атлантическим, и он приводил подтверждение своей точки зрения рядом исторических материалов.

– Вот его заключение:

«А еще большим вероятием можно признать за Геркулесовы

столпы, о которых упоминается в рассказе об Атлантиде, те скалы Босфора Фракийского, находящиеся при выходе в Понт Евксинский».

И Брис пояснил дальше:

– То, что Соломон называет собственно Понтом, есть Понт Евксинский (т. е. Черное море), считал Норов, а собственное море – это Средиземное море, ранее по имени Атлантических островов именовавшееся Атлантическим…

Вот так, с помощью Бриса, мне удалось выйти сухим из воды в сложной перепалке с моим учеными коллегами. Да, зубастые стали мои ребята – в рот палец не клади!

Уже совсем на подходе к острову я все же решился затронуть еще одну проблему, как бы забросить удочку для рассуждений и сомнений. Не все же Брису приподносить сюрпризы? И потому…

Ничего никому не говоря, на «Доске» я разместил сенсацию: «Арктида». Как потом говорили коллеги, эта провокация растрясла их души!

Вот содержание «провокации».

*Арктида (*2000-е годы). После подземных толчков в Ледовитом океане фотосъемки из космоса в районе островов Шпицберген и Земли Франца-Иосифа ясно показали очертания какой-то неизвестной земли.

Институт физики Земли АН подтвердил возможность подъема и опускания поверхности Земли под воздействием подземных сил. Но…

На сей раз природа преподнесла сюрприз. Свидетелями столь необычного явления стали экипажи каравана судов, идущих из Мурманска в порт Певек, и сопровождавшего их ледокола «Георгий Седов».

Они увидели ломающийся лед и «кипящую воду», из которой возник остров с… руинами. Массивные колонны на манер египетских перемежались сложенными из огромных блоков исполинскими постройками. Из-под расколовшихся льдин торчали груды каменных обломков. «Улицы» древнего города заполняла илистая жижа, стекавшая в океан. Над всем этим хаосом возвышалось огромное сооружение правильной геометрической формы.

Подходить к такому острову было весьма опасно. Но спустя несколько минут остров стал медленно погружаться в океан.

Штаб-квартира Международной ассоциации по исследованию бассейна Ледовитого океана (Лондон) опросила очевидцев события, а отделение ассоциации в России сообщило следующее: *«Именно в тех широтах полтора десятка тысячелетий назад существовала одна из высоких культур. Это так называемая*

Арктида. Некогда в результате глобальной катастрофы ее постепенно затопили воды Ледовитого океана…».

Свидетельства об Арктиде сохранились в мифах и легендах разных народов. И видимо, не случайно из пучины поднялся именно этот участок морского дна, ознакомиться с которым мечтали геологи, историки и археологи.

С Арктидой связаны предания о сокровищах древних ариев. В них якобы хранились нанесенные на золотые листы сакральные знания. Античный путешественник Пифей на острове Туле, где-то в районе острова Шпицберген, считал, что именно там находилась золотая библиотека арийцев.

Защитником гипотезы Пифея стал ученый Иллинойского археологического института Гарри Смит: *«Это не что иное, как банк высоких технологий одной из первых цивилизаций планеты…».*

В пользу этой гипотезы говорит и то, что еще в 1935 году норвежские рыбаки в Баренцевом море выловили три золотых «папируса» с неизвестными письменами. Они пропали в годы оккупации Норвегии – видимо, их похитили немцы для использования в своих секретных работах в институтах Ананербэ…

(*Справка.* Об арийцах известно, что они пришли на территорию сегодняшней Индии с севера – «где солнце восходило только один раз в году».)

Были ли вопросы? Конечно, были, особенно о… немцах. Наслышанные об исследованиях в области оружия возмездия в третьем рейхе, мои коллеги спросили о секретной организации Ананербе, работу которой курировал Гиммлер… Той самой организации, которая была создана немцами для изучения оккультных наук.

А вот к поискам Арктиды почему-то мои коллеги интереса не проявили. Влад вообще хмыкнул и молвил: «И это все?». Видимо, он имел в виду, что ему не хватало информации типа сказания Платона. «Да хотя бы и так!», – отрезал он, когда ему посоветовали подумать над темой.

Первой увидела свой остров Рида. По еле заметным признакам она сказала, что через полчаса остров откроется на самом краю горизонта. До вечера еще было далеко, и мы надеялись успеть заскочить домой, в бухту, до темноты. Подняли все паруса и, кренясь и цепляя верхушки волн, понеслись к заветному берегу. К этому времени мы уже шли, огибая остров справа, правда, потеряли сильный ветер, но к закату все же были у причала бунгало Бриса.

Как и в первый раз, прекрасная Елена с детьми встречала Бриса и нас на десятой ступеньке от причала. Как и в прошлый

раз, лучи заката красили в розовые тона ее тунику и белые костюмы детей. Как и в прошлый раз, они шли друг к другу навстречу: он поднимался, а они спускались.

И потом все четверо прильнули друг к другу. Горсточка людей на земле великой Греции повторила ритуал встречи, как и сто, тысячу и более лет назад!

Обгоняя нас, вверх по лестнице бросились Рида и Гор – там, выше их ждали дети. Как и они – все в белом…

Если Брис, чуть торопясь, избежал неустойчивости, столь свойственной морякам после длительной качки, то мы от этого не отвертелись. И стояли мы во всю ширину ног и картинно для равновесия вскинутыми руками.

Из корабельных правил. Дело в том, что на борту корабля вроде нашего есть железное правило: «правило альпиниста». Его в свое время нарушила Ольга и оказалась за бортом. Правило гласит: опора на три точки, то есть нельзя стоять (ползти по стене горы), имея опорой менее трех точек! Так и на нашем «Аквариусе» – только три точки, для устойчивости. Потому и руки раскорякой – привыкли за ванты и леера держаться. Но это неудобство на земле быстро проходит: чуть-чуть походить, и ноги уже на месте.

Я взглянул в сторону второго этажа бунгало в том месте, где вдоль всего дома шла открытая терраса. Там почему-то суетились люди. Во время встречи Бриса и Гора с Ридой с их семьями люди с террасы спустились вниз и выстроились перед ступенями при входе в бунгало. Уже поднявшись к дому, я разглядел знакомые лица и стал мучительно вспоминать имена старейшин-аксакалов острова, встречавшихся здесь с нами в предыдущий визит на Закинф.

Первыми к старейшинам подошли Брис с Еленой и детьми, за ними – Гор с Ридой и так же с детьми, и, наконец, подтянулся остальной наш экипаж – Стоян, Влад, Ольга и я. Не успели мы по обычаям многих народов оказаться в дружеских объятиях встречавших, как над головами старшин появились флаги. У каждого из десяти старшин – бело-голубой греческий, алый советский, трехцветный российский, а из военных – бело-голубой Андреевский и… наш военно-морской с синей полосой, звездой, серпом и молотом.

А над бухтой неслось русское «ура»! Из-за спин старшин показалось полотнище: «День Победы!». На русском языке… Сказать, что мы были ошеломлены – это значит ничего не сказать. И естественно, никого не смутило, что наш праздник Дня Победы будет только завтра, 9 мая, а у них, на Западе, – 8.

Но кто думал в это время о таких формальностях – разве что

такой старый педант, как я, доморощенный историк! Мы понимали, что это дань благодарного греческого народа советскому народу в нашем лице за избавление мира от «коричневой чумы».

Все двинулись наверх на террасу, где были накрыты столы. И до полной темноты звучала там речь греческая и русская. И пили, и пели, и плясали…

Из песен, конечно, все знали русскую «Катюшу», причем на двух языках и в двух вариантах. Но по смыслу в греческом варианте прослеживался призыв: бей фашистов.

Народно-освободительные армии на Балканах – греческая, албанская, болгарская, семи народов будущей Югославии еще со времени партизанских отрядов взяли на вооружение нашу «Катюшу», чаще всего в качестве гимна партизан. А заносили ее в их ряды, как правило, советские солдаты, бежавшие из немецкого плена.

Я спросил Бриса, удобно ли будет спеть «Катюшу» со словами времени войны? Помнил я ее лет с восьми. Брис, не дав мне договорить, попросил тишины и сказал: – Да простит меня Максим, но ему есть, что сказать о войне… Это будет эхо войны, которую он встретил мальчуганом… Пой, Максим! Когда-то я пел в школьном хоре, и потому рискнул. Была ли песня? Где-то пытался петь, где-то – речитативом, а где-то просто словами.

Итак, «Катюша» с поправкой на военное время.

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой —
Это наша русская «Катюша»
Немчуре поет заупокой.

В страхе немец в яму прыгать станет,
С головой зароется в сугроб,
Но и там его мотив достанет,
И станцует немец прямо в гроб.

И припев:

Ты лети-лети, как говорится,
«На кулички к черту на обед…».
И в аду проклятым фрицам
От «Катюши» передай привет…

Стоян пояснил:

– В годы войны на фронтах гремела слава о мощном оружии – гвардейском ракетном миномете, ласково прозванным фронтовиками «Катюшей»… И в Болгарии и сейчас поют эту песню, про девушку Катюшу… Поют и малый, и старый…

Поднялся самый старый аксакал, дождался тишины и вышел из-за стола. Он раскинул руки в стороны, секунду подождал и, услышав мелодию сиртаки, пошел семенящим шагом с приседанием вдоль террасы. Еле заметным жестом рукой позвал Елену, за ней, вперемежку, аксакалы, мы, дети.

Темп нарастал, и аксакалы сдали первыми. Из круга вышли и мы с Брисом, затем Стоян. Не сдавались Гор с Ридой, Ольга с Владом…и дети. Хотя наши уступали грекам в движениях, но не в задоре. Сотворили круг из восьми фигур, плотно скрепив его руками на плечах, и, казалось, все слилось в бешенной скачке. И вдруг – звонкий голос Ольги:

– На счет «три» – всем сесть… В «кучу малу»…

И круг, не распадаясь, оказался на полу, звонким смехом завершив торжество молодости.

Последний аккорд праздника: салют из фальшбортовых огней и ракетницы в руках Бриса…

Последние заседания клуба

Как и в тот раз, была теплая встреча с застольем, но не только для семьи Бриса и нас, которых гостями назвать просто не поворачивается язык. Мы сообща праздновали День Победы.

Утро разбудило меня солнечными бликами, пробивающимися сквозь молодые листья. По старой привычке – не валяться в постели – я мгновенно вскочил и распахнул окно. Свежесть морского утра – влажный ветерок и с близкого моря, и с дальних гор, и порывы тепла из степной части острова.

С высоты второго этажа бунгало предо мной предстал изумительный вид на три стороны: на море, степь и далекую гористую часть острова. И ни облачка…

И ни одной думы в голове…Это ли не нирвана, столь редко посещавшая наши отягощенные мыслями души?! Меня окликнул Брис и попросил после умывания зайти к нему в кабинет.

– Зайди еще до завтрака, – сказал он и молча ушел к себе. Мне показалось, что он не в настроении. Было похоже, что он чем-то озабочен. Описывать кабинет Бриса, конечно, удовольствие, но даже опасно начинать это делать – каждая вещь из десятков стран имела свою историю. Но главным достоинством была простота: ничего без функциональной нагрузки, будь то шкура зебры или кусок лавы с Огненной Земли.

И все же я решился упрекнуть моего друга:

– Неужели ты, Брис, во всем этом разбираешься? И помнишь обо всех этих раритетах: когда? где? как добыл?…

– Помню, Максим, как и помню до мелочей наше Быково… Когда не спится… Это тебе знакомо: воспоминания идут толпой…

– …причем от ближайшего времени в глубь жизни, – подхватил я мысль Бриса. – И что сегодня беспокоит тебя, Брис-Борис? Я же вижу? Брис молчал. Он умел это делать еще с тех пор, как мы с ним вцепились друг в друга в Токио, в знаменитом ресторане «Манос».

– Слушай, Максим, тебя не насторожил тот факт, что я мгновенно ринулся к тебе к черту на кулички, в Калиакрию? По первому твоему свисту? И не испугало?

Брис ходил по пушистому ковру кабинета взад и вперед. Он нервничал, а я, присмотревшись к его лицу, только тут заметил на нем следы бессонной ночи.

– Ты плохо спал, Брис?

– Плохо, Максим, и пусть меня проглотит кашалот!

– Что терзало тебя? – спросил я. – Откройся, и вместе покумекаем…

– А ты не понял? Эх, Максим, ведь и мой прыжок на твой звонок, и сегодняшнее грядущее расставание имеют общий корень – я снова буду один… Один! Черт бы тебя подрал, мой недогадливый друг!

На Бриса было больно смотреть. Мы ведь с ним по сути своей старики, только, часто смотрясь в зеркало, не замечаем этого. А Брис прямо за эту ночь осунулся, постарел, что ли.

Не хотел я раньше времени раскрывать свою очередную задумку-эссе. Думал даже не говорить Брису о ней. Но я не имел права не поставить его в известность о взрывоопасном предложении, которое прозвучит из моих уст.

А пока я сказал:

– Давай сделаем перекур, чтобы переосмыслить плохое и дать выход на сцену хорошему… Доверься мне, и ты услышишь новость, которая тебя взбодрит! Или пусть нас твой кашалот слопает вместе, черт нас подери!

Было решено: после обеда – общий сбор в кают-компании, то бишь – в кабинете Бриса.

Брис, как мне показалось, ухватился за это предложение как за соломинку. Но только кивнул в знак согласия. А через полчаса, когда уже все встали и готовы были завтракать, Брис объявил, веселым и бодрым голосом:

– Наш ученый секретарь собирает нас на последнее, возможно, заседание клуба… Все – в кают-компанию после полуденной сиесты… В пять вечера…

…Начал я с того, что на экране со сменной бумагой фломастером вывел результаты нашего референдума – всего шесть групп цифр.

– Итак, при ответе на вопрос…

И я перечислил вопросы и рейтинги их в нашей среде любителей Атлантиды, а именно:

«Платон располагал сведениями об атл. Атл.?» – мы имеем соотношение «да» и «может быть» 4:2.

Для случая *«Платон описал частично атл. Атл.?»* – 6:0.

И наконец, *«Платон описал критскую цивилизацию, назвав ее Атлантидой и привнеся сведения об атл. Атл?»* – 6:0.

– Получается, что мы все пришли к общему выводу! – торжественно заявил Брис. – Счет 6:0 в пользу смеси…

Пришлось расшифровывать наш сленг и детям, и Елене:

– Это наше собственное блюдо – смесь. И вытекает оно из третьего вопроса – Платон описал свою Атлантиду в Средиземном море и включил в нее известные ему сведения об Атлантиде в Атлантическом океане, – заметил я.

А дети радостно воскликнули:

– Папа ушел искать Атлантиду одну, а вы нашли – две… В разных местах: в океане и у нас, в море…

Пока мы радостно шумели, Брис принес из соседней маленькой комнатки при его кабинете поднос бокалов с шампанским. Выпили все, даже дети.

Сын Бриса, обняв за плечи своего друга, сына Риды и Гора, сказал:

– Мы будем моряками… И наши открытия еще впереди…

И они запели столь знакомую нам с детства песню юного моряка Дика из фильма «Пятнадцатилетний капитан»: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер…». Все подхватили…

Итак, прошло последнее заседание географического клуба экипажа «Аквариуса», правда, не на его борту. Но почему-то в вопросе Атлантиды тревога не покидала меня. Да и по лицам, настроению и разговорам чувствовалось: что-то недосказано и не вполне доказано, хотя бы на косвенном уровне.

Нужна был последняя точка над «и», своеобразная оптимистическая встряска. Конечно, речь шла о встряске по большому счету. Как говорил один из моих наставников по спецслужбе, крупным помолом. На помощь пришел отработанный учительский прием, хотя и из опыта высшей школы.

Его я назвал «принцип яблока». Суть его – в шести характеристиках этого плода, то есть поиск шести условных граней в любом явлении, событии, факте… Требование было строгим: нельзя оценивать что-либо на уровне одной-двух характеристик, которые чаще всего лежат на поверхности. Речь шла тогда, в высшей школе разведки, об оценке обстановки на месте работы в стране или полученных материалов. Но особенно – об оценке характерных черт людей, с которыми придется работать.

Шесть характеристик – это оптимальное количество пунктов в оценке, а в жизни их больше. Так вот, «принцип яблока» – это шесть «граней» (цвет, форма, размер, вес, запах, вкус). А применительно к Атлантидам – атлантической и средиземноморской – предлагаются наших шесть граней:

• где (были)?
• какие (они)?
• когда (исчезли)?
• как (исчезли)?
• почему (исчезли)?
• наука (что говорит)?

За основу оценки были взяты уже хорошо известные нам косвенные признаки, косвенные доказательства, убедительные предположения и мнение науки – историческое, геологическое и

археологическое.

Таким образом на свет появилась таблица с мудреным, претендующим на научность названием «Сравнительный анализ характеристик Атлантиды атлантической (платоновской) и Атлантиды средиземноморской». Подзаголовок гласил: «Вероятность привнесения Платоном известных ему сведений об Атл. атл. в описание Атл. ср./зем.). И все это под девизом: *„Науке не противоречит!“».*

До конца пребывания экипажа «Аквариуса» на острове Бриса эта таблица, как итоговый документ в дискуссии о двух Атлантидах, был снят с «Доски истории знаний» и перенесен с шлюпа в кабинет Бриса.

И не раз кто-либо тянул за рукав коллегу и увлекал его к таблице. И тогда на террасе были слышны крутые разговоры на повышенных тонах. Даже появилась шутка, навеянная анекдотом насчет «что? где? когда?».

Мы превратили эту шутку в символ бесконечной борьбы мнений. И если кто-либо начинал рассказывать, рассуждать по-научному и занудно, то в беседу врывался любой из нас с серией вопросов, как из пулемета: где? когда? почему?… А остальные восклицали: «это… не… противоречит… на-у-ке-е-е!».

Ухитрились даже на эти вопросы сочинить частушку, хотя автора так и не нашли. Вот она:

Где-то в океане Атлантида есть?
Когда ее увидим, перестанем есть.
Почему, вы скажите, не хотите есть?
Как же это можно, если она есть?
И какие тайны в море еще есть?
Коли по науке Атлантида есть!

И эта баллада о шести вопросах отлично пелась на мотив песенки из мосфильмовской ленты «Бриллиантовая рука» об острове в океане.

На перепутье личных дорог…

В последующие дни лица всей нашей дружной команды стали приобретать задумчивое выражение. И было от чего! Будущее наше оставалось весьма неопределенным. С капитанами, Брисом и Стояном – все ясно. А мы – Ольга, Влад и я? Об этом в тот же день мы говорили с Брисом, сидя в его комфортабельном кабинете.

– Брис, меня беспокоит будущее ребят. Они ведь совсем одиноки в этом западном мире. Что ты думаешь по этому поводу?

– Уже думал и могу предложить следующее: сейчас апрель. Учебу можно организовать в сентябре, если они решатся остаться здесь, на Западе… А пока поживут у меня.

– И ничего не будут делать? – спросил я.

– Будут. Учить язык и готовиться к поступлению в колледж. Куда – это выбор за ними, но…

Я знал, что когда Брис говорил «но», то за этим стоит четко сформулированная мысль, а в нашем случае – предложение. Так оно и случилось.

– Может быть, направить их к Марку в Боку? Там есть курсы английского языка… Причем летом преподаватели свободны! – воскликнул Брис.

– Ты подслушал мои мысли… Помнишь, когда вчера мы пели нашу еще школьную песню, тогда я подумал, что этих детей нужно отправить однажды под крыло Марко в легендарную Боку, где русский дух и Русью пахнет… Думал я, кто знает, может так и будет?! Через несколько лет…

Брис серьезно воспринял идею:

– Я бы отдал туда своих сына и дочь… Будут Влад и Ольга капитанами или нет, но закалку получат на всю жизнь… Если только Марко возьмет ее – ведь она девочка…

– Ты прав, Брис, в главном: сейчас мир – это борьба, а значит нужно готовить наших детей и внуков к этому…

Мы помолчали и подвели итог: Влад и Ольга поедут в Боку. Более того, мы подумали о том, что именно там Влад сможет получить международные права капитана, а Ольга, если только ее возьмут в морскую школу, освоит морскую профессию, например, радиста.

Нам уже легче было разговаривать: пришли деньги из Калиакрии за проданную яхту. И немалые – на год для них двоих вполне хватит. А я все еще находился на иждивении Бриса.

Наш план лихо поломала Ольга.

– Вы меня без меня женили… Я хочу быть археологом…

Не выдержал тут я:

– Хоти, дорогая, но как это сделать? Без языка ты не сможешь учиться… А как же Влад? Посмотри на него…

Мы сидели на террасе вчетвером и решали судьбу каждого из нас троих. И предложение побыть три-четыре месяца в Боке – это выход из положения, хотя и частичный. Решили с этим вопросом не тянуть, но и не торопиться – на все давалась неделя в дни пребывания у Бриса.

В эти дни, а они тянулись долго, каждый был занят своими делами. Ольга проводила время с детьми Бриса и Риды, много разговаривала с Еленой. Мы их часто видели то у моря, то у горы, то в сосновом лесу. Влад связался с местными рыбаками и пропадал на ежедневном лове в море. А я – с Брисом. Как-то сидели мы на террасе у его кабинета и вспоминали свое детство: мое – в снегах и коротком лете на севере Полярного Урала, а его – на средней Украину, где под Житомиром осталась его родня, погибшая в оккупации. Родни было много, но его мать и отец успели вырваться из города за день до прихода немцев. Кто остался – погиб.

– Бомбежки – это не самое страшное, – говорил он. – Понимаешь, даже к ним можно привыкнуть! А вот ожидание… Когда тебя, семилетнего пацана, спрятали в кустах, и взрослые пошли узнать, где немцы – это страшно…

Брис, старый человек, через голову которого прокатились события полувековой истории нашего отечества и Европы, не мог успокоиться, когда многим плохо. И он помогал тем, кто попадался на его пути. В нем было что-то от Агасфера – вечного скитальца.

– Слушай, Брис, ты в детстве не встречал книгу «Город Солнца»?

– Встречал… Ее мне давал почитать мой учитель истории. Именно он рассказал мне о Томазо Кампанелло, которого за эту утопию продержали тридцать лет в подземелье…

– Ты прав – это Кампанелло… Но была еще одна книга с тем же названием. Ее мне давала почитать жена югослава, с семьей которого мы жили в одном доме на Севере… Эта книга рассказывала о французских офицерах, которые после 1812 года оказались сосланными в Сибирь. Они решили бежать домой и пошли не в сторону Запада, а на Восток. Дошли до океана, построили шхуну и ушли в море – вначале в Тихий, а затем в Индийский океан. Они дошли до острова Мадагаскар. Вот там-то и построили свой Город Солнца… А с книгой Кампанелло я познакомился потом, так как в книге о французах говорилось о ней как о путеводной звезде к их утопической цели: найти правду

на нашей планете…

Брис как-то странно смотрел на меня и после паузы спросил:

– Ты почему затронул вопрос о Городе Солнца? Что задумал, старый профи? И не юли…

– И не буду, только схожу к себе и кое-что принесу… Готовь пока вермут со льдом и лимоном…

Через пару минут я предстал перед Брисом и демонстративно хлопнул принесенной газетой по столу.

– Вот где разгадка нашего будущего… Возможно…

Брис протянул руку за газетой, но я не отдал ее, а сказал:

– В двух словах: здесь что-то о Русской империи в Полинезийском архипелаге…

Получив газету на греческом языке, Брис углубился в чтение заметки, которая была ярко выделена авторучкой. Время от времени он поглядывал на меня, но молчал. Видимо, копил силы, чтобы снизить мой накал бодрости.

– Как ты нашел это чудо печатного искусства? – спросил он.

– Ты помнишь наш последний вечер в таверне с Грегором? Я тогда уходил на несколько минут за газетами для всего нашего экипажа, за свежими газетами… И там, в магазинчике, увидел эту газету, вернее, мне в глаза бросился заголовок, который даже в греческом алфавите сообщил мне два слова: «Россия» и «империя»… Вот и взял… А дома разобрался…

– В чем? – спросил Брис. – Суть-то понял?

– Конечно, кто-то из наших богатеньких Буратино хочет жить на островах Кука и зовет туда русских… А в статье еще говорится о том, что можно было бы возродить Русскую империю на Ионических островах… В Греции…

Брис отложил газету в сторону и рассказал содержимое статьи. Правда, сказал, что речь идет не о Буратино, а о депутате русского парламента, выдвинувшем идею возвращения островов, ранее открытых русскими в Полинезии…

На следующий день он перевел статью для меня. Правда, добавил туда информацию, которую он собрал через друзей в Афинах. И заголовок он подобрал весьма оптимистичный. Из чего я заключил: Брис завелся – идея его увлекла. Вопрос был только в том, в какую сторону он ее развернет?

Вот эта статья-справка.

«Новая Российская империя на островах Кука». Депутат Госдумы России Архип Барков предпринимает шаги по возрождению империи в Тихом океане.

Кто такой Барков: удачливый предприниматель, политолог и правозащитник по зову сердца, писатель. Кандидат технических наук – патенты, изобретения; двое детей и внук. Главное – он

человек-«динамо», умеет увлечь и направить энергию поверивших ему людей в нужное русло.

Его идея: создать новое государство на Полинезийских островах, где ранее ступала нога русских исследователей. И тому есть предпосылки: остров русского моряка Лисянского оказался в 1857 году у короля Гавайев, а затем – в аренде у США. Маршалловы острова – Атоллы Така (русское имя «Суворов») или Эрикуб («Чичагов») – открыл русский путешественник Коцебу; и все необитаемы.

Замах у него большой: вернуть эти земли народу России и восстановить там империю. Он ведет поиски родственников по линии царской фамилии. Барков побывал на островах Кука и якобы получил договор на передачу необитаемых островов-атоллов новому государству. Естественно, за определенную сумму.

Барков принимает заявки и в его вновь созданный кабинет министров (сам он – премьер-министр) идет якобы лавина просьб принять в гражданство или подданство государства. Главные будущие жители – из стран СНГ, но есть и из Израиля, Италии… А развернул Брис идею депутата Баркова в русло его острова.

– Ты помнишь, Максим, на Корфу мы говорили о Республике Семи островов, созданной адмиралом Ушаковым?

– Тогда Занд, а сегодня Закинф входил в состав этой республики? – уточнил я.

– Вот именно… А сейчас греческое правительство для развития малонаселенных островов сдает их в аренду чуть ли не на сто лет, – сказал Брис. – Островов-то в Ионическом море тысячи, и многие пустуют…

– А условие, главное? – спросил я.

– Заселение и развитие, сельскохозяйственное и промышленное… Мы помолчали, думая каждый свою думу о будущем Закинфа. Конечно, семь островов объединить едва ли удастся, но что-то сделать для одного острова попытаться можно.

– Помнишь, мы посетили в Измире опреснительную установку с энергией от ветра и солнца? – сказал я. – Мне приходилось бывать в Бельгии. Так там целые квадратные километры с ветряками… А здесь еще и выгода от продажи сырья для извлечения редкоземельных минералов, – напомнил я Брису.

Конечно, с японцами можно иметь дело – они разумные люди, и в бизнесе надежны. Я это знал не понаслышке, десятилетиями работая с ними по линии Внешторга и в других сферах. Об этом я сказал Брису.

– Но ты ведь знаешь, остров ждет приезда японских коммерсантов для переговоров на тему опреснителей морской

воды, – напомнил Брис и спросил. – А ты почему так уверен в этом проекте с морской водой?

– Я тебе рассказывал, что под Токио посещал маленький выпарной заводик. Тогда это была пилотная установка… И фирму «Куреха косей» я хорошо знал по другим делам. А теперь, насколько я знаю, выпаривание идет полным ходом для нужд высоких технологий Японии… Будучи свидетелем взлета «восточного чуда» в 60-70-е годы, я в Японии уверен, как и весь мир…

Я вспомнил, как в детстве узнал о добыче радия на установках в нефтяном регионе возле городка Ухта, где мы жили в годы войны. Там в год добывали всего 2–3 грамма радия, ценного редкоземельного элемента, используемого, как тогда я узнал, для светящихся шкал приборов навигации.

Системе добычи была проста: в тайге стоял электронасос, который качал воду в деревянную кадушку высотой в два метра и диаметром чуть ли не в три. Вся кадушка была заполнена мхом-ягелем. Вода проходила через эту кадушку и попадала в меньшую, но широкую, а затем в еще одну – в полметра высотой. Мы знали, что мох насыщен радием, но купались в летнее время в теплой воде. Кругом все было в рыжем цвете от воды, которая была еще и насыщена железистыми соединениями. Мох выбирали и сжигали, получая эти граммы радия. В округе мы знали таких мест с десяток.

Все это я рассказал Брису и посоветовал провести хотя бы частичную геологоразведку острова на предмет чего-либо полезного.

– Но этого мало, на острове живет чуть более пятидесяти тысяч человек. С работой – не ахти как… Нужно что-то такое, что привлекло бы людей со всей Европы, – задумчиво сказал Брис. – Думай, Максим, думай…

И я думал, вспоминая свою работу с Японией, Германией, Англией, Бельгией…

Вдруг в мозгу что-то щелкнуло:

– Эврика! – вскричал я. – Брис, как-то была ежегодная выставка достижений в Монреале. И там я познакомился с любопытной личностью. Бывший участник войны в Европе, как он говорил, оптимист по натуре и удачливый изобретатель, продавал там крохотный жестяной станочек для резки овощей с наборов круглых дисков… За пять долларов…

– Ну ты даешь, Максим… Кто же у тебя будет покупать такое «изобретение»? В конце двадцатого века?

– Не гони лошадей, Брис… Изобретение работает у меня дома уже почти тридцать лет. Мне он был интересен и как связь по

моей основной работе. Много с ним говорили, но он жил далеко, километров за четыреста от Монреаля…

– Значит, малодоступен? – профессионально понял меня Брис.

– Точно… Но я его склонял к работе с нашим «Лицензинторгом», который продавал новинки – патенты и лицензии… Кстати, я продвинул туда лицензии на разливку алюминия в магнитном поле и одностадийную выплавку стали… Работал с «китами» в областях алюминия и сталелитейной…

– Ладно, не хвались… Ближе к делу, – упрекнул меня Брис в говорливости.

– Не хвалюсь, а горжусь… Хорошо, о деле… Когда я ему принес образец и условия лицензии на продажу в Канаду аппарата для дробления камней в мочевом пузыре без операционного вмешательства, он заинтересовался самим аппаратом, но не продажей. Он воскликнул: «Меня местные медцинские фирмы сожрут с потрохами – это же монстры, которые никого не пускают на свою территорию… Вы, Максим, наивный человек – я работаю с массовым товаром… Например, дай мне лицензию на… пробку с хитрым приспособлением…»

Брис слушал внимательно, понимая, что из таких бесед, казалось бы, ни о чем, возникают серьезные мысли.

– Он мне тогда сказал такую фразу-девиз: «Нужна вещь для миллионов!». Большая или маленькая, но для миллионов или тысяч. – И у тебя есть такая идея? – хитро спросил Брис.

– Есть, милый друг детства… Есть…

Брис терпеливо ждал. И я высказал соображение, сутью которого «болел» в Монреале в свободное от работы время…

В жизни раз бывает?.

В последние дни заседания клуба были не из веселых. Мы готовились к отъезду: Ольга и Влад – на северо-западный берег Адриатики в Боку, Стоян – на восток в Болгарию, Брис и наши капитаны Гор и Рида оставались на острове.

И все-таки нам было хорошо. На заседании клуба мы подводили итоги без малого трем месяцам плавания по следам Атлантиды. И было о чем говорить.

На большой карте Средиземного моря и прилегающего к нему Черного – наш маршрут. Пунктиром указан путь нашего побега из Судака, далее – сплошная линия, прерываемая только точками при нашем путешествии по суше.

О маршруте можно было бы говорить вехами портов и городов:

Судак – Калиакрия – Троя – Измир и Танталис – Занд – Корфу – Бока – Равенна – Марцаботто – Болонья – Альпы – Равенна – Санторин – Крит – Занд;

всего около 8000 километров (или каких-то 6000 миль); но это по карте, то есть напрямую, а галсы? Значит, на самом деле мы прошли явно более 10 000 километров!

А как измерить качественную сторону наших впечатлений и полученных знаний? За эти дни мы углубились на тысячелетия назад. И теперь понимаем, что мир много сложнее, чем нас учили в школе, и мы читали сами! И вот что-то вроде экзамена-опроса. Его придумал Стоян.

– Давайте назовем три важнейших личных открытия за время нашего путешествия… Только три! Кто первый?

Мы молчали. Нет, мы не боялись реакции своих коллег, мы думали.

– Может быть, по морскому правилу? – спросил Брис. – От младшего к старшему…

– Значит, первой буду я, – безнадежно махнула рукой Ольга.

– Э, нет, – воскликнул Влад. – Пусть уж я. У нас с тобой разнице в две недели, и я младше…

И он, и Ольга, и я знали – Влад старше Ольги. Поняли это и другие, но оценили его рыцарский поступок в адрес нашей неугомонной любимицы.

Влад встал и оглядел всех нас счастливым взглядом – рядом были друзья. И потому ему было говорить легко:

– Конечно, углубленное прочтение Платона. Спасибо ему! Затем – все о древних знаниях! И наконец, соприкосновение с прошлым, древним – Троя и Крит…

Стоян посадил Влада и сказал, что его оценка принята.

– Я скажу, – встала Ольга. – Конечно, Платон… Он стал таким близким и понятным нам… Убедительным…

Она помолчала и сказала, видимо, хорошо продуманное:

– И еще – горечь от отрицания людьми нашего прошлого в мифах, преданиях, «антинаучных» идеях… И третье, большие совпадения в двух описаниях – Атлантиды атлантической и средиземноморской…

Рида заметно волновалась, и зря. Ее поняли уже давно – она могла молчать, но впитывала в себя как губка все обсуждаемое нами.

– Мне очень-очень повезло, что я была с вами… Я согласна, что Платон – превыше всего… Разве могла бы я так заглянуть в его историю…

Ее голос дрожал от волнения.

– Затем – знания: ниоткуда, спасенные, их гибель… Это немыслимо, сколько потеряло знаний человечество за тысячелетия своих цивилизаций! И третье – роль археологии и геологии в открытиях, о которых здесь был рассказ…

Ольга – русская, с явным восточным темпераментом. Рида – греческая натура с тем огоньком, который загорался от прикосновения к чему-то новому. И Гор смотрел на нее с такой теплотой, которая бывает только у очень близких по духу людей.

Настала очередь Стояна. И наш телеведущий, пока только в Болгарии, нашел главное со свойственным ему ракурсом.

– Я искал следы Атлантиды на земле… Мне каждый камень говорил, что он мог быть камнем из Атлантиды… И я согласен, что Платон – чародей, гений и бытописатель, как говорят в народе, в одном флаконе… В этом и есть его гражданский, исторический и писательской подвиг! Он – человек всемирного масштаба…

Он обвел нас взглядом и с некоторой долей горечи молвил:

– Второе – тот факт, что нас – семеро… Как жаль, что я не могу пока рассказать о каждом из вас открыто на фоне нашего путешествия… И последнее, третье, – наши беседы ото дня ко дню были все серьезнее и углубленнее… Вышли на уровень понимания: умели, знали, отрицали… Я сказал все!

Нам с Брисом становилось все труднее сформулировать свое видение трех пунктов, чтобы не повториться. Но мы чуть не обидели Гора. И он сам попросил слова:

– Друзья, и ты, Ольга, и ты, Влад, Стоян и Брис, Максим – мое дело «крутить баранку», как говорят и у вас в России, и у нас в Греции… Но я прошел курс, который, я уверен, невозможно за более длительное время освоить даже в университете…

Протянув в нашу сторону руки, он воскликнул:

– И какие лекторы? Вы сами, на ходу становились исследователями и учителями… Так я вас воспринимаю и буду помнить всю жизнь… Вместе с Ридой, конечно… А три пункта – это просто: Платон, признаки-доказательства-предположения, и что умели люди…

Брис встал, опередив меня:

– Первое и главное, как мне представляется, мы состоялись как союз единомышленников. Известно, что многие экспедиции не были доведены до конца по причине разногласий и несовместимости у их членов, даже антагонизма. Эта болезнь свойственна замкнутым коллективам… У альпинистов, геологов, моряков на судах…

Он помолчал и с какой-то гордостью в интонации сказал:

– А мы выстояли на все сто процентов… А оценки? Конечно, Платон – он идет вне конкурса… Как уже здесь говорилось, еще – археология и геология в натуре… Пощупать ее можно было… Твое слово, Максим! И скажи о книге…

Двадцать лет я работал в «поле» и более двадцати лет преподаю в спецучебном заведении. Вошел я в высшую школу не случайно: мои предки по линии мамы и отца были преподавателями, а дед – даже директором школы в крохотном городке Лихвине (теперь он Чекалин), прозванном газетой «Комсомолкой» самым маленьким городом России. Мне дают слово, и я хотел воспользоваться им для… Впрочем, лучше сказать это слово.

– Друзья, только три точки зрения на те факты, которых сотнями прошли перед нам за эти несколько десятков дней… Но главное – не факты, а то, как мы с вами обращались с ними! Одни только 22 косвенных признака, 10 убедительных предположений и 5 косвенных доказательств – все это сформулировали мы с вами, начиная с нуля…

Волнение пришло ко мне, столь знакомое по общению со слушателями. Это когда за душу берет яркий эпизод из опыта моей службы, которой я отдаю почти пятьдесят лет.

– Платон – да, несомненно, он молодец… Но и мы не подкачали… А чего стоило отказаться от первой нашей идеи – только по Платону?! И войти сознательно в иной мир представлений о двух Атлантидах в одном флаконе… На страницах описания Платона! Спасибо вам, вы порадовали мое учительское сердце… А вывод, главный – мы состоялись в этом союзе как личности высокой пробы…

Слово взял Брис:

– Теперь за нами – книга!

Раздались возгласы: «Какая книга?»

– Командор для вас я или не командор? Или надумали исчезнуть без отчета о проделанной работе и о своих эмоциях, выплеснутых на бумагу? Не получится, друзья… А серьезно говоря, вы знаете мой адрес – шлите сюда все, что вспомните и бросите на бумагу… Стиль не играет роли… Стоян и Максим все исправят, главное – искренность и детали… Все эссе будут изданы в десяти экземплярах и каждый получит по штуке своего и общего труда…Согласны?

Это заседание начиналось без «посторонних» – детей и Елены. Но вот в коридоре послышались детские голоса и, катя перед собой два столика-тележки, в кабинет вошли все пятеро. Дети, конечно, бросились к карте и стали обсуждать маршрут.

А Брис вышел из-за стола, прошел к большому застекленному шкафу и достал оттуда пачку листов плотной бумаги. Он терпеливо дождался, пока каждый утолил жажду легкими напитками. Елена, Ольга и Рида быстренько сделали несколько коктейлей, и каждый получил их с куском льда в стакане.

– Друзья, Максим как-то привел в беседе о вас… Да, да – о вас! …очень емкую цитату русского и советского историка Дмитрия Харитоновича… Это было сказано в начале века… Вот она: «В реальности существуют люди… Нет истории городов, есть история горожан…».

Брис помахал бумажкой с цитатой и произнес:

– …продолжая это высказывание, можно сказать, что «нет людей без памяти, есть люди помнящие и ищущие следы памяти…». Это о вас, друзья!

И снова пауза. Брис последнее время все чаще всматривался в каждого из нас. Думаю, его тяготило грядущее расставание и ожидаемое будущее одиночество – духовное, конечно.

– И потому властью, мне данной как командору, и по согласованию с нашим ученым секретарем Максимом вы получаете обещанный еще в море диплом как члены нашего клуба… Максим, скажи ты…

Это было чудесно – мы сияли и искали взглядов друг друга. Мы торжествовали, что в этом сегодняшнем жестоком мире нашли лазейку для дружбы, избрав такое нейтральное явление как Атлантида. Вот об этом я и сказал, добавив:

– Вы отличились в «бумажных поисках» Атлантиды, вышли на критерии оценки известных фактов, преданий и домыслов. Вы, «шлиманы» на борту «Аквариуса», прошли путь в познании главного в человеке: кто ищет, тот всегда найдет! Спасибо вам, друзья!

То, что диплом именной, было ясно. И его обрамляли два

лозунга: «Атлантида: нет непознаваемого – есть непознанное!» и «Атлантида: это не противоречит науке!».

День прошел в высшей степени приподнято. Каждый занимался своим делом, которое, конечно, вело к расставанию. Мы с Брисом уединились в его кабинете.

– Как мне добраться до России, Брис? И когда?

– Лучше всего из порта Пиргос… Он на материке и рядом – километров сто… К твоим услугам будет быстроходный катер. И я, его капитан…

– И как это случится? В Пиргосе, Брис?

– Запрошу порт – там есть мои знакомые. Они узнают, когда очередной зерновоз после разгрузки пойдет в Россию…

– Только бы взяли на борт, а в России я договорюсь, чтобы меня пустили на родную землю… Свои помогут, – уверенно сказал я.

Мы уютно устроились на широченном диване напротив огромного камина. Тепло умиротворяло нас, и глаза радовали язычки рыжего пламени. Огонь завораживал, и думалось, глядя на него, легко и глубоко.

– О чем думаешь, Брис? – спросил я.

– О чем и ты, об огне… Разве не так?

Я кивнул. А он спросил о загадочном для него:

– Помнишь, ты упомянул о Монреале, где узнал что-то интересное?

– Так-то так, я хотел тебе рассказать о серьезном деле… на острове… С серьезной перспективой…

И я начал рассказ, как в Канаде, где я работал под прикрытием Торгпредства, еще в шестьдесят девятом году обратил внимание на небольшую судостроительную фирму по созданию ферроцементных судов – яхт и катеров.

– Брис, ты что-то знаешь об этом как судостроитель в … надцатом поколении?

– Что-то слышал, но не углублялся… И что, Максим?

– Тогда слушай и не говори, что ты не слышал…

И я сообщил ему, что увлекся изучением вопроса о ферроцементных корпусах для судов малого тоннажа. Был на верфи и у любителей, где познал технологию. Корпуса из ферроцемента начали изготовливать еще в середине прошлого века. А в этом веке, двадцатом, уже делали корабли тоннажом до 5000 тонн.

– Ты хочешь сказать, что любому человеку такое изготовление по плечу? Или это дешевле?

– Именно так, Брис! Насколько я помню, 900 долларов за яхту метров в десять длиной… Конечно, только корпус и без

оснастки…

Брис задумался, но ничего не сказал. А утром разбудил меня после шести и сообщил, что сухогруз-зерновоз пойдет через три дня в Новороссийск.

– Но разбудил я тебя не для этого сообщения. Вот смотри: это информация по ферроцементным корпусам и… о кругосветках на таких яхтах…

Он показал мне стопку листов со сведениями по интересующему нас вопросу. Все это ему сделали в срочном порядке друзья всего за одну ночь. Брис и в этом вопросе оказался динамичным и, как я понял, увлекся идей с ферроцементными яхтами.

– Смотри, – показал он мне распечатку. – Здесь говорится о дешевизне материала – сетки для курей, водопроводные трубы, простые стальные прутья…

– И еще, – заметил я. – Вот здесь: «простой метод изготовления с фантастической прочностью, долголетием в эксплуатации, стойкости к огню…».

Меня перебил Брис:

– …всего уже к 1922 году создали 150 000 тонн общего водоизмещения… И два важнейших фактора: меньший вес и антикоррозийность…

Мы смотрели справки о работе в этом направлении: чего только не делали из ферроцемента: суда, баржи, понтоны… Причем это все жило десятилетиями. А всего-то: каркас, несколько слоев сетки и раствор цемента!

Брис был бы не Брисом, если бы не получил еще сведения о прочности – конкретные и убедительные.

– Смотри, – ворвался ко мне в комнату Брис, – ударные испытания на прочность: железный сляб в 250 килограмм при падении с высоты в три метра не разрушил ферроцементную пластину в 25 миллиметров толщиной… Даже царапины не было, и тем более трещин…

Мы рассмотрели примеры создания конкретных судов. Речь шла о некой яхте «Ирена» в 165 тонн, корпус которой оказался на 5 % легче деревянного, а цена – на 40 % меньше. Более того, через годы плавания «Ирены» в Средиземном море она выглядела, говорилось в справке, как новенькая.

Брис показал статью о некой яхте «Вперед» в 17 метров длиной, которая обошла весь земной шар. Ее путешествие длилось с 1959 по 1968 годы и охватывало все океаны и моря. Она прошла более 300 000 километров, выдержала шторма, посадку на камни и ремонт своими силами.

Брис достал фотографии с судами из ферроцемента разных

лет постройки: 1898 год, Рим – сборка корпуса малой яхточки; 40-е годы, Канада – корпус транспорта «Кварц»; 1961, Гонолулу – шхуна «Вперед» под парусами… И множество фото с этапами постройки корпусов. И фото чертежей общего вида яхт – от 10 до 17 метров длины.

– Ну, это ли гарантия успеха для тех, кто решился связать себя с морскими путешествиями! – воскликнул я.

А Брис добавил:

– Ведь Средиземное море – это эпицентр или жемчужина, обрамленная историей, уходящей в глубь тысячелетий… Из этого центра все дороги ведут значительно дальше, чем в Рим…

– И к нам, в Черное море… Где истории – хоть ложкой ешь, как говаривали мы с тобой в детстве…

И на следующее утро он опять ворвался ко мне с новым известием, которое его потрясло:

– Вот телефакс, читай, Максим, это справка о том, что в районе Средиземного моря и даже морей Европы нет фирмы, изготавливающей ферроцементные корпуса… Только любительские разовые изделия… А истинного строительства нет, Максим… Может мы сядем на золотую жилу? Не материальную, а полезную людям…

Брис сиял и хлопал то себя, то меня по плечу, колену и куда попало. Он сел передо мной, скрестил руки на груди и требовательно заявил:

– Максим, не уезжай домой, помоги наладить дело… Главное – реклама! Ты, кажется, работал в этом плане в твоей Канаде? Показать не только строительство, но и возможности с позиций нашего моря выйти в океан за Геркулесовы столпы или в Древнюю Грецию, Египет, Африку и по всем морям Средиземноморья… Или к вам, в Крым и Кавказ, в Россию…

– Ты прав, Брис, яхта – это дом и бесплатное жилье. Яхта – это способ передвижения на большие расстояния без потерь на бензин. Яхта – это десятки дней с детьми и, наконец, это радость познания окружающего нас мира…

И тут же я приземлил сам себя:

– Но меня ждет семья и работа, Брис…

Я слушал и понимал всем сердцем его деловую натуру. Но…

Брис потребовал:

– Семья переедет сюда и переждет невзгоды грядущего финансового кризиса… Дети пойдут учиться в колледжи здесь, в Европе… Внуки – в школу на острове…

Да, мы были неисправимыми мечтателями. И часто витали в облаках, но и что-то делали. А потому вопрос о «ферроцементной затее» оставался открытым в день, когда я покинул остров Бориса.

Правда, пообещал написать книгу о нашем морском путешествии, которое только что закончилось. И она написана, но на пятнадцать лет позднее нашего семидесятидневного путешествия по следам Атлантиды, унесенной временем…

Послесловие

Наступил новый век и новое тысячелетие. И на глазах изумленного мира государство российское с тысячелетней историей Руси, России, Российской империи и Советской России теряло свою державность. За десять лет из небогатых люди моей страны превратились в государство нищих.

Но жизнь брала свое, и культурные связи с миром Россия не теряла. Да и не имела права терять, ибо слишком велик был вклад народов государства российского в мировую цивилизацию.

Весной 2001 года в прессе и на телевидении стали появляться сообщения о грядущих в Москве днях Греции. Говорилось об обширной познавательной и культурной программе. И когда я узнал, что в парке «Сокольники» будет проведена греческая выставка, то, естественно, захотел на ней побывать.

Ко времени ее открытия мои друзья по плаванию на «Аквариусе» Ольга и Влад позвонили мне и сообщили, что в эти дни будут в Москве. Мои бывшие подопечные по бегству из Крыма теперь ходили под парусом по Средиземному морю. После окончания капитанских и штурманских курсов в Которском заливе под руководством Марко, они встали под «крыло» Гора и Риды на двух круизных шлюпах. Правда, эти парусники были большими, чем наш «Аквариус».

– Тебя, Максим, ждет сюрприз, – интриговала меня по телефону Ольга.

И он состоялся. В парке «Сокольники» я увидел стенд, который привлек мое внимание словом-молнией: «Закинф». «Это же имя острова Бриса?!», – встряхнуло меня.

На стенде значилась триада «закинфов»: «Закинф тревелинг», «Закинф сейлинг» и «Закинф конкрит шипбилдинг» («туризм», «путешествия под парусом», «ферроцементные суда»). Конечно, я собрал всю рекламную литературу и стал ждать приезда Ольги и Влада, надеясь их увидеть с детьми-погодками. Ольга и Влад, все по-капитански в белом, но без детей, навестили мою семью в Гольяново. Их ребята были малы и остались на попечении Елены и Бриса на их острове, где постоянно теперь живут. Для моей жены, семьи дочери и сына, внучки и двух внуков этот визит стал праздником.

И не случайно мы много говорили о Брисе – моем школьном друге, враге-коллеге по линии спецслужб, короле сюрпризов, среди которых главным стал его лучший проект «По следам Атлантиды»… Сам Брис не мог ни приехать, ни звонить, ни переписываться… по известным лишь мне причинам.

Но Борис-Брис не был бы самим собой, если не преподнес мне сюрприз. Это перед его подарком я ежедневно замираю, и тихая радость заполняет мое сердце.

В рамке передо мной Средиземное море: рельефно выполненные полуострова и острова западного берега Черного моря, Мраморное, Эгейское, Ионическое и Адриатическое, а по нему – маршрут нашего «Аквариуса» и его экипажа – морской, автомобильный, авиационный. Острова, порты, города… Все – на море и на суше, где побывал экипаж нашего шлюпа в марте-мае 1996 года.

Двухсантиметровой букашкой «Аквариус» ползет из моря в море. Сделана эта модель весьма детально, и паруса ее кренятся то на левый, то на правый борт. Ольга и Влад привезли подарок и от Стояна – 24-серийный телефильм о нашем путешествии. Только сюжеты о местах нашего интереса и… ни слова (ни кадра) о нас самих. В общем – как договорились.

Сердце трепыхалось, когда мы мельком просматривали кадры из сериала. И уже после отъезда моих друзей чувства выплескивались из меня горстями!

…Среди богатых событиями моей жизни (а присягу я принял в военно-морских рядах в пятьдесят втором году!) – моряка, военного контрразведчика, разведчика, внешнеторговца, преподавателя, историка и писателя – этот «атлантический след» оставил неизгладимое впечатление.

И дай-то Бог, чтобы мои дети и внуки испытали хотя бы немного того восторга в раскрытии тайны, названной нами «Тайной двух Атлантид – атлантической и средиземноморской». Атлантиду мы «не потрогали руками», но ее след, явный и тайный, грел наши души: трех профи – Бриса, Максима и Стояна, «полупрофи» – Ольги и людей с сердцами моряков-парусников – Влада, Гора и Риды.

Им я дал флотское обещание и просил передать Брису и Стояну: «Пишу книгу…». Очень хотелось передать Брису мою книгу, но… безопасность – она и на Луне безопасность! Одно только название чего стоило: «Записки чернорабочего разведки».

А новая книга о нас ждет своего часа, который пробьет обязательно. И тогда мы встретимся снова. Всем экипажем и, возможно, на родине Бриса в его бунгало…

И есть большая вероятность, что кто-то после ознакомления с этой книгой задастся вопросом, как и мы в свое время: «Где ты, Атлантида, унесенная временем?!». Будет искать, найдет ее, «пощупает» и расскажет людям…